

Шавельский Георгий

Воспоминания последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота (Том 1)

о. ГЕОРГИЙ ШАВЕЛЬСКИЙ

Воспоминания

ПОСЛЕДНЕГО ПРОТОПРЕСВИТЕРА

РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА

Том I

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дополнительный материал: (ldn-knigi)

Протопресвитер Георгий Шавельский

(Шавельский Георгий Иванович) (1871 - 1951)

От издательства 5

Вместо предисловия 9

Глава I - До войны.

Мое назначение на должность Протопресвитера.

Первые встречи с высочайшими особами 13

Глава II - Сибирь, Туркестан, Кавказ, Ставрополь,

Кубань. Наблюдения и впечатления 33

Глава III - Распутинщина при дворе 43

Глава IV - Накануне войны 71

Глава V - Русская армия в предвоенное время 91

Глава VI - Ставка 107

Глава VII - Верховный Главнокомандующий 123

Глава VIII - Первые победы и первые поражения 139

Глава IX - На Юго-западном фронте.

Воссоединение галицийских униатов 157

Глава X - Первый приезд Государя в Ставку 183

Глава XI - Варшавские администраторы 199

Глава XII - В Ставке Верховного Главнокомандующего 223

Глава XIII - Наши главнокомандующие 243

Глава XIV - Виновные. Поездка к епископу Герогену 259

Глава XV - Смена министров 277

Глава XVI - Последние дни Барановичской Ставки

Увольнение Верховного 295

Глава XVII - Царская Ставка 321

Глава XVIII - Царский быт в Ставке.

Государь и его наследник 341

Глава XIX - Церковные дела. Тобольский скандал.

Митрополит Питирим и обер-прокурор А. Н. Волжин 367

Глава XX - Генералы: Алексеев, Куропаткин,

Военный Совет в Ставке.

Отставка генерал-адъютанта Иванова 393

Дополнительный материал: (ldn-knigi)

Мировая Война, персоналии

(дополнительно - ldn-knigi)

Источник <http://zarubezhje.narod.ru>

Протопресвитер Георгий Шавельский

(Шавельский Георгий Иванович)

(1871 - 1951)

Родился 6 (18) января в с. Дубокрай Витебской губ. в семье дьячка. Окончил Витебскую духовную семинарию. Псаломщик (1891). Священник (1895). Настоятель Суворовской церкви в Санкт-Петербурге. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1902). Во время Русско-японской войны был полковым священником, дивизионным благочинным и под конец главным священником Манчжурской армии. Законоучитель в Смольном институте (Санкт-Петербург) (1906-1910). Профессор богословия Историко-филологического института (Санкт-Петербург) (1910). Член духовного правления военного протопресвитера (1910). Протопресвитер военного и морского духовенства Российской империи (протопресвитер армии и флота) (1911). Член Синода (1915-1917). Окормлял военное духовенство в Добровольческой армии Деникина до 1919 г., когда эти функции были переданы епископу Вениамину (Федченкову). Член Временного высшего церковного управления (ВЦУ) на юго-востоке России (1919). Эмигрировал в Болгарию. Профессор богословского факультета Софийского университета (1920). Скончался 2 октября в Софии.

Творения:

* Свети Атанасий Великий. - София, 1924. 66 с. (на болгарском языке).

* Толстовское учение о непротивлении злу. - София, 1934 (на болгарском языке).

* О Боге и Его правде. - София, 1938. 64 с.

* Молитва Господня. - София, 1939. 83 с.

* Воспоминания: В 2 томах. - Нью-Йорк, 1954: Т. 1. 414 с; Т. 2. 412 с. (2-е издание - М.: Крутицкое подворье, 1996).

* Православное пастырство. - СПб.: РХГУ, 1996. 688 с.

{5}

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Жизнь, личность и судьба отца Георгия Шавельского представляет на редкость единое целое. Поскольку свои воспоминания о. Георгий начинает только с 1911 г., когда он получил назначение на пост Протопресвитера военного и морского духовенства, Издательство им. Чехова испытывает живейшую потребность дать читателям более полное представление о жизни этого незаурядного человека и выдающегося священнослужителя.

О. Георгий Шавельский родился 6 января 1871 г. в селе Дубокрай Витебской губернии, в семье дьячка, который тяжким крестьянским трудом добывал кусок хлеба для своей многочисленной семьи. Начальное образование будущий протопресвитер получил в Духовном училище, а затем первым окончил курс Духовной семинарии. Впереди открывалась перспектива высшего образования в Духовной Академии. Но о. Георгий предпочел посвятить себя служению простому народу, и в 1891 году был назначен псаломщиком очень бедного прихода Витебской губернии. Здесь одновременно он стал и учителем в сельской школе. Четыре года спустя, он принял сан священства и был назначен настоятелем в другое село родной его губернии. Два года спустя умерла его жена, оставив ему двухлетнюю девочку. Однако, отец Георгий не пал духом, всецело отдавшись пастырской работе. Вскоре, по рекомендации Витебского епископа, о. Георгий был командирован в Петербург для поступления в Духовную Академию. Он блестяще выдержал вступительный экзамен и сразу же выделился как лучший студент Академии.

{6} Еще в бытность свою студентом, о. Георгий был назначен проповедником на Александровский машиностроительный завод и благочинным в имении Великого князя Дмитрия Константиновича в Стрельне. Будучи студентом 3-го курса, он стал настоятелем Суворовской церкви.

Когда вспыхнула Русско-японская война, о. Георгий вызвался поехать на фронт и получил назначение в армию сначала полковым священником, затем дивизионным благочинным, под конец главным священником Маньчжурской армии. За свои выдающиеся организаторские способности и исключительную доблесть (с риском для жизни он посещал

передовые позиции, где однажды подвергся тяжелой контузии), о. Георгий был возведен в сан протоиерея и награжден орденами св. Георгия и св. Владимира с мечами.

В марта 1906 г. о. Георгий вернулся к своему пастырскому служению в Суворовской церкви в Петербурге. Наряду с пастырским служением, о. Георгий очень рано занялся преподавательской деятельностью. С 1906-го по 1910-й год он был законоучителем в Смольном институте, а с 1910 года профессором богословия Историко-филологического института. В том же 1910 году о. Георгий стал членом духовного правления военного протопресвитера. В следующем 1911 г., о. Георгий был назначен протопресвитером военного и морского духовенства Российской Империи.

Потрясающие Россию события первой революции 1904-5 гг. усилили интерес церковно-общественных кругов к религиозному воспитанию солдат и офицеров. О. Георгий был инициатором учреждения для офицеров специальных богословских чтений. Его лекции всегда имели огромный успех. По инициативе о. Георгия, такие чтения были организованы в Московском, Киевском, Харьковском и Казанском гарнизонах.

Еще до начала 1-й мировой войны, в первый период {7} своего протопресвитерства (1911-1914 гг.), о. Георгий успел совершенно реорганизовать и значительно поднять военное и особенно морское духовенство, привлекая в его состав целый ряд выдающихся священнослужителей. Нужно отметить и подчеркнуть его умение и способность подбирать себе талантливых помощников и твердо держать в своих руках тех из них, которые, отличаясь способностями, не всегда были на высоте по своему характеру. От подчиненного ему духовенства он требовал, чтобы каждый работал в полную меру своих сил и способностей, но непременно работал; нерадивых и строптивых он преследовал и изгонял. Своей кипучей энергией и умением подойти ко всякому доброму и полезному делу и довести его до конца, а также своей доступностью, отзывчивостью и готовностью прийти на помощь каждому, кто в этом нуждался, он заслужил любовь, уважение и доверие подчиненного ему в количестве около 5.000 человек (во время войны) духовенства, которое в 1917 году на своем Всероссийском съезде избрало его своим пожизненным протопресвитером.

К концу июля 1914 года о. Георгий подготовил на высочайшее имя проект полной реорганизации управления военного и морского духовенства. Осуществить его ему уже не было дано. Грянула война. О. Георгий получил назначение в Ставку Верховного Главнокомандующего.

Дальнейшую историю своей жизни и деятельности о. Георгий рассказывает сам в предлагаемых вниманию читателей воспоминаниях. После окончания гражданской войны о. Георгий переехал в Болгарию. Здесь он сперва стал рядовым священником. Выдающиеся способности и яркий проповеднический талант о. Георгия были вскоре оценены болгарскими церковными властями, так и местным университетом. О. Георгий был привлечен к педагогической работе сперва как преподаватель Софийского университета, затем как профессор Богословского {8} факультета Софийского университета; одновременно он состоял законоучителем и директором русской гимназии.

О. Георгию суждено было пережить и Вторую мировую войну. Он скончался, вернее, тихо угас 2-го октября 1951 года. Несмотря на то, что о смерти о. Георгия нельзя было известить всех его друзей, близких и знакомых, весть о кончине о. Георгия с молниеносной быстротой разнеслась не только по Софии, но и по провинции. Похороны о. Георгия привлекли огромное количество народа, пожелавшего проститься с прахом любимого пастыря и наставника.

Выдающиеся организаторские способности, педагогический талант, независимость суждений, верность своим убеждениям, сочетались в о. Георгии с удивительной скромностью в личной жизни и привычках. Эта скромность особенно бросалась в глаза при сравнении с широтой его помощи ближним и дальним. Эти качества о. Георгия Шавельского послужили источником легенды, которая еще при его жизни стала складываться вокруг его имени.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Так это было недавно. Всего немного более трех лет отделяет нас от того времени, когда Родина наша была великой, богатой, могучей. И несмотря на это, между тем прошлым и переживаемым настоящим лежит целая эпоха, нет... не эпоха, а целая бездна. Всё старое прошлое - и доброе и худое, может быть, на веки уступило место новому. Сейчас жестокому, безудержному, грозному, в будущем - неизвестному.

И от всего этого прошлого только и остались обрывки воспоминаний, которые от времени до времени то целыми картинами, то отдельными тенями проходят пред сознанием, представляясь иногда каким-то волшебным сном, или спокойным и приятным, или тревожным и мучительным, но всегда далеким-далеким от настоящей действительности. И чем дальше идет время, тем больше хочется сберечь их, тем больше является опасений, как бы не изгладились они из памяти, или не изменили своего облика. Это опасение заставило меня теперь же взяться за перо, не дожидаясь того времени, когда в моих руках будет оставленный в России мой дневник, могущий, впрочем, и погибнуть за время моего скитальчества.

Пусть в передаче фактического материала и особенно в датировке событий, я окажусь не столь точным, как это было бы при пользовании дневником, но зато, в случае гибели дневника, мои настоящие воспоминания в значительной степени заменят его, а для будущего историка нашей беспримерной эпохи сослужат хоть ничтожную службу.

Воспоминания мои относятся, главным образом, к {10} трем годам Великой войны, в частности, к пребыванию моему в Ставке Верховного Главнокомандующего. По сложности и массивности событий эти годы были беспримерными в истории России. Предыдущего времени я касаюсь вскользь, для связи с последними дореволюционными годами.

Глубокий интерес, с которым я относился к совершавшимся в Ставке и при царском Дворе событиям, предшествовавшим революции, помог мне прочно запечатлеть их в моей памяти. Надеюсь, поэтому, что в передаче фактов я буду достаточно точным. Сознание же великой ответственности пред историей за правильное освещение событий поможет мне быть и объективным.

Конечно, центральными действующими лицами в моих воспоминаниях выступят Государь и его несчастная семья, а затем окружавшие его, влиявшие и имевшие возможность влиять на него. Главным же сюжетом воспоминаний будет постепенно развертывавшаяся картина надвигавшейся революции, которую тщетно старались предупредить одни, которую упорно не хотели заметить другие и которой, - может быть, не ведая, что творят, - помогали третьи.

Между тем, всё усиливавшееся недоверие к слабовольному, всецело подчинившемуся своей доминирующей супруге царю, и возмущение против "распутинствовавшей" царицы не только в петроградских и московских высших кругах, но и в народе, и в армии, и даже в самой царской Ставке подрывали авторитет царской четы, подтачивали устои трона.

Зловещая фигура Распутина, овладевшего и разумом, и волей несчастной царской четы, много способствовала ускорению надвигавшейся страшной катастрофы.

Неизбежность этой катастрофы со второй половины 1916 года была очевидна для многих. Но царь и ближайшие лица его свиты, казалось, безучастно относились к быстро развивающемуся ходу грозных событий и совсем не подозревали наступающей опасности. Катастрофа разразилась для них неожиданно.

{11} Владычествовавшая в течение многих веков, казавшаяся всемогущею, русская царская власть сдала все свои позиции не только без бою, но и, можно сказать, без малейшего сопротивления. Блестящий русский царский трон рухнул, никем не поддержанный. На место царской пришла новая власть, наименовавшая себя Временным Правительством, составленная из людей, расстраивавших аппарат прежней власти, подготовлявших революцию, но ничего не предусмотревших и ничего не подготовивших для создания сильного аппарата новой власти.

В церквях стали возглашать: "Временному Правительству многая лета"! Как будто

временное хотели сделать вечным... Рассказывали, что один дьячок, вместо, "Господи! силою Твоею возвеселится царь" (Псал. XX, 2), начал читать за богослужением: "Господи! силою Твоею возвеселится Временное Правительство". Несмотря, однако, на церковные, - едва ли искренние, молитвы, Временное Правительство не могло рассчитывать не только на долговечность, но и на сравнительную продолжительность, ибо оно оказалось вялым, нерешительным, безвольным, трусливым, близоруким.

Вместо того, чтобы усиливать собственную мощь и водворять порядок во взбаламученной стране, оно, из опасения, как бы не вернулась прежняя царская власть, потворствовало обезумевшей толпе, разжигало страсти, сеяло рознь, усиливало беспорядок. А затем почти так же легко, как захватило, оно сдало все свои позиции другой власти, сильной единством мысли и воли своих представителей, смелой в решениях, отважной в действиях, беспощадной в борьбе с противниками. Выставленные ею лозунги, ниспровергающие почти все идейно-моральные устои дореволюционного мира, ужасают многих. К чему приведет эта власть нашу многострадальную Русь, - это покажет будущее. В настоящем же одно ясно: старое, одряхлевшее кончилось, наступает новое: новые условия жизни, новые порядки, новые взаимоотношения.

Старого не вернуть: не течет река обратно, не вернуть, что {12} неозвратно. От нового не уйти. Хочется же верить, что, когда утихнет революционная буря и начнется творческая государственная стройка, к которой будут привлечены не использованные, неисчерпаемые силы всего русского народа, а не верхов его только, как это было в старой России, тогда наша держава вернет свою, расшатанную за время войны и революции мощь, и предстанет пред всем миром в еще большем величии и славе. Дай Бог, чтоб стало так!

Протопресвитер Георгий Шавельский

Октябрь 1920 г., София,

Духовная Семинария.

{15}

I

До войны. Мое назначение на должность Протопресвитера.

Первые встречи с высочайшими особами

В начале 1911 г. я, состоя священником Суворовской церкви при Императорской военной академии (Генерального Штаба), занимал еще должность профессора богословия в Историко-филологическом институте и члена Духовного правления при Протопресвитере военного и морского духовенства, каковым был тогда о. Е. П. Аквилонov.

Тяжкая болезнь (саркома), необыкновенно прогрессирующая, быстрыми шагами, видимо для всех, вела к могиле этого могучего и духом и телом, совсем еще не старого человека (он умер 47 лет). Дни его были сочтены. "Кандидаты" на протопресвитерство, - а их было несколько, - уже подготавливали чрез сильных мира каждый для себя почву. Как один из молодых священников столицы, (мне в январе 1911 г. минуло 40 лет), в их глазах я не был конкурентом им; сам же я еще менее мог думать о своей кандидатуре.

21 или 22 марта 1911 г. больной протопресвитер уехал в свою родную Тамбовскую губернию, в г. Козлов, "чтобы лечиться", как он говорил - чтобы умирать, как думали другие.

25 марта я, - по принятому мною обычаю в праздничные вечера беседовать со своими ученицами, - вечером был в Смольном институте (Николаевская половина) и там беседовал со смолянками. В 9 ч. вечера я неожиданно был вызван из класса моим братом Василием, тогда студентом Академии, сообщившим мне, что дома меня ждет посланец от военного министра, прибывший ко мне по какому-то чрезвычайно спешному делу. Посланцем оказался протодиакон церкви Кавалергардского полка Николай Константинович Тервинский. Его {16} направил ко мне командир лейб-гвардии Гусарского полка, ген. В. Н. Воейков, по приказанию великого князя Николая Николаевича и военного министра, только что, по словам Тервинского, совещавшихся в Яхт-Клубе. Тервинский объявил мне, что мне предлагают, в виду неизлечимой болезни протопресвитера, стать его помощником и, в случае согласия, просят меня завтра в 9 ч. утра быть в Царском Селе у ген. Воейкова.

В этом предложении для меня всё было странно. Почему-то посылается ко мне протодиакон, которого я почти и не знал. Мне предлагают стать помощником протопресвитера без ведома и согласия последнего; предлагают лица, с которыми я не имел никаких дел, и которые едва ли могли хорошо знать меня: великого князя Николая Николаевича и военного министра я раз или два видел издали, а ген. Воейкова и совсем не видел. Мне, наконец, предлагают должность, обходя многих старейших и более заслуженных. Я готов был усомниться - правду ли говорит протодиакон.

Но настойчиво повторенное сообщение и совершенно нормальный вид посланца заставили меня серьезно отнестись к делу. 26 марта с 8-ми часовым утренним поездом я выехал в Царское Село. Там на вокзале меня уже ждал прекрасный экипаж ген. Воейкова, быстро доставивший меня на квартиру последнего.

Ген. Воейков после небольшого, очень дипломатично проведенного экзамена насчет моих взглядов на работу военного священника и вообще на духовно-военное дело, повторил мне с некоторыми добавлениями уже известное мне от протодиакона Тервинского. В виду тяжелой, безнадежной болезни протопресвитера Аквилонова, необходимо немедленно назначить ему помощника, который, в случае его смерти, заместил бы его. Великий князь Николай Николаевич и военный министр остановили свой выбор на мне. Если я согласен на назначение, то сейчас же будет дан ход делу, в принципе уже решенному, ибо и Государь на это назначение согласен. Я возразил, что в {17} отсутствие протопресвитера и без его ведома нельзя решать вопрос об его помощнике, что таким решением можно его обидеть и восстановить против меня. Ген. Воейков заверил меня, что протопресвитер Аквилонов уже намекал ему на меня, как на самого желательного помощника, и что они - военные - уладят этот вопрос, если бы протопресвитер вернулся к службе.

26 марта великий князь направил рескрипт к военному министру о назначении меня на должность помощника протопресвитера (При выборе нового протопресвитера голос Главнокомандующего Петербургского Округа (обыкновенно, великого князя) имел решающее значение. Процедура назначения была такова. Главнокомандующий, осведомив предварительно Государя и получив его одобрение, рескриптом на имя военного министра просил последнего ходатайствовать перед Св. Синодом о назначении такого-то на должность протопресвитера. Военный министр сносился с Св. Синодом. Последний делал назначение, которое утверждалось Государем.).

30 марта соответствующее ходатайство военного министра поступило в Святейший Синод. Утром же этого дня была получена из

г. Козлова телеграмма о смерти о. Е. П. Аквилонова (Кончина была трогательно-христианской. Почувствовав приближение смерти, протопр. Е. П. Аквилонов приказал подать ему зажженную свечу, а присутствовавшего тут священника попросил читать отходную (особый чин "на исход души"). Во время чтения отходной умирающий, держа свечу в руках, всё время повторял: "упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего протопресвитера Евгения". Не успел священник окончить молитвы, как о. Евгений с этими словами на устах отошел в вечность.). Ходатайство военного министра поэтому в Синоде не рассматривалось, тем более, что через два дня поступило его новое ходатайство о назначении меня на должность протопресвитера.

Не могу не отметить тут одного совпадения. В октябре 1910 г. я убедил симбирскую помещицу Варвару Александровну Веретенникову пожертвовать свое {18} огромное имение в Симбирской губернии (1340 дес.) со всеми постройками и инвентарем Скобелевскому комитету, для устройства в нем раненых и увечных воинов. Дело тянулось около полугода иногда с большими трениями и опасностями для благополучного завершения. 30-го же марта 1911 года оно завершилось заключением у одного из петербургских нотариусов купчей крепости на имя Скобелевского комитета. Представление министра, сделанное в этот же день, было как бы наградой мне за хлопоты и заботы о несчастных наших воинах. Но видимой связи между этими двумя фактами не было.

Второе ходатайство о назначении меня на должность протопресвитера военного

министра поступило в Синод в пятницу или в субботу Вербной недели, когда Синод заканчивал свои предпасхальные занятия. Послепасхальные заседания должны были начаться лишь во вторник Фоминой недели.

Претенденты на протопресвитерство воспользовались двухнедельным перерывом для устройства своих дел и для интриг против меня. Больше всех старался епископ Владимир (Путята), склонивший на свою сторону императрицу Марию Федоровну и великого князя Константина Константиновича; затем настоятель Преображенского (всей гвардии) собора, митрофорный протоиерей Сергей Голубев, за которого ратовал салон графини Игнатьевой; престарелый (80 л.) настоятель Адмиралтейского собора, митроф. прот. Алексей Ставровский подал морскому министру, адм. Н. К. Григоровичу, докладную записку, в которой доказывал, что именно он должен быть назначен протопресвитером, и эта записка была представлена в Синод; настоятель Сергиевского собора, председатель Духовного правления, прот. И. Морев, которому протезировал командир Конвоя его величества, князь Юрий Трубецкой, и др.

По достоверным сообщениям, на Государя делался большой натиск, чтобы назначить не меня, а другого. Не меньший натиск делался и на обер-прокурора {19} Св. Синода С. М. Лукьянова. Между прочим, Императрица Мария Федоровна очень настаивала на назначении еп. Владимира. Но Государь устоял.

20 или 21 апреля, точно не помню, - Св. Синод назначил меня на должность протопресвитера, а 22 апреля Государь утвердил доклад Синода.

Я и доселе не знаю, кто провел мою кандидатуру. Думаю, что более всего я обязан Е. П. Аквилонovu, весьма внимательно относившемуся ко мне и прекрасно аттестовавшему меня. Мне самому и в голову не приходило, что на мне могут остановиться. В высшие сферы я не был вхож и не стремился к ним. Как Император Вильгельм сказал о своей жене, что она интересовалась только тремя "К" - Kirche, Kinder, Kueche, ("церковь, дети, кухня", ldn-knigi) так и я могу сказать о себе: меня тоже интересовали только три "К"; кафедра церковная, кафедра школьная и кабинет, и ими я был совершенно удовлетворен.

По возрасту я был одним из самых молодых петербургских священников военного ведомства. О протопресвитерстве я и не думал, ибо считал себя и не достаточно заслуженным и не подготовленным: мне только что исполнилось 40 л., на штатном военном месте я состоял с конца января 1902 г., в данный момент в управлении ведомства я являлся последней спицей в колеснице нештатным членом Духовного правления при Протопресвитере военного и морского духовенства. Моими плюсами были: степень магистра богословия (в ведомстве было всего три магистра), кафедра богословия в высшем учебном заведении и, обратившая на себя внимание и общества, и властей, моя работа на Русско-японской войне в должности сначала полкового священника, а потом (с 1 декабря 1904 г. по март 1906 г.) главного священника первой Маньчжурской армии. Но все эти плюсы не давали мне основания помышлять о протопресвитерской должности, которую следовало бы предоставлять лицам, заранее всесторонне подготовленным. Назначение, поэтому, явилось для меня полною неожиданностью.

{20} На 5 мая мне был назначен прием у Государя и Государыни. Последнюю я до того времени ни разу не видел. Государю же раньше представлялся два раза.

В 1-ый раз - 8 марта 1903 года, при посещении им Военной Академии и Суворовской церкви; во второй раз - в марте 1906 года, по возвращении из Маньчжурии с театра военных действий. В последний раз всех нас представлявших (до 20 человек) выстроили в ряд и Государь, обходя ряд, беседовал с каждым из нас. Я впитался в каждое слово, в каждое движение Государя, искал в его словах особый смысл и значение; мне хотелось уйти от Государя очарованным, подавленным царским величием и мудростью. Но... Государь удивил меня скромностью, застенчивостью, совсем не царскою простотою. Он точно стеснялся каждого; подходил к нему осторожно; смущаясь, задавал вопросы; иногда как будто искал вопросов; самые вопросы были просты, однообразны, шаблонны: "где служили?", "в каких боях были?", "ранены ли?" и т. п. Впрочем, иногда он удивлял своею памятью. В числе

представлявшихся был лейтенант Иванов, кажется 14-ый. Государь вспомнил, что этот Иванов 14-ый служил на таком-то миноносце, такого-то числа ходил в бой и совершил такой-то подвиг,

Теперь Государь принял меня в кабинете, наедине. Первыми его словами были:

- Вот, как вы шагнули.

- Так угодно было повелеть вашему величеству, - ответил я.

Аудиенция продолжалась более 20 минут. Говорил больше я, развивая план своей работы, требовавшей больших перемен и в системе управления военным духовенством, и в системе духовного делания военного священника. Государь всё время поддакивал: "именно, так", "ну, конечно" и т. п. Когда я в заключение спросил: - "Моя работа потребует, может быть, решительных действий. Могу ли я рассчитывать на поддержку вашего {21} величества?" Государь ответил: "Непременно, вполне рассчитывайте".

От Государя меня провели к Императрице. Она приняла меня стоя, начав говорить о важной роли военного священника и огромном значении предстоящей мне работы. Императрица говорила с акцентом, но грамматически правильно и умно. Когда она кончила речь о предстоящей мне работе, я сказал:

- Я, ваше величество, не царедворец и не дипломат и, вступив на указанную мне его величеством дорогу, считаю первым своим долгом всегда говорить правду своему Государю, не только тогда, когда она ему приятна, но и когда неприятна. Что Государь любит Родину, - в это все мы должны верить, а что он, как человек, может ошибаться, это все мы должны помнить и каждый по силе обязан оберегать его от невольных ошибок.

- О, если бы все у нас так рассуждали, как вы теперь говорите, заметила Государыня, - а то большинство думает не о благе Родины и не о Государе, а о себе, о своей выгоде.

Лицо Императрицы при этих словах было скорбно, разочарованность в людях звучала в ее голосе.

9 мая я вступил в исполнение "парадной" стороны своей службы. В этот день в Гатчине был высочайший парад лейб-гвардии Кирасирскому ее величества полку. Никогда раньше я не был на подобном торжестве. Картина парада буквально потрясла, ошеломила меня. Стройные ряды кирасир в блестящих латах и шлемах; нарядная толпа полковых и придворных дам во главе с Императрицей-матерью; масса увешанных всевозможными знаками отличия высших военных чинов; блестящая царская свита, наконец, сам царь, кроткий и вместе величественный, в полковом блестящем мундире с голубой лентой. Склоняются знамена, гремит музыка, а за нею - громовое "ура"... Государь обходит фронт, за ним тянется пестрая, разноцветная лента свиты и {22} начальствующих... Во всем этом чувствовалось величие, мощь России, чувствовалось что-то необъяснимое, невыразимое словами.

После того я множество раз присутствовал на таких торжествах. Я обязан был, раз Государь принимает полковой парад, совершать при этом молебствие. И всё-таки я не приучил себя к хладнокровию. Всякий раз, когда входил Государь, когда опускались знамена, начинала греметь музыка, - какой-то торжественный трепет охватывал меня (Какой духовный подъем я испытывал во время величественных царских парадов, может показать следующий факт. Это было в 1913 г. Пасхальную утреню и литургию я совершал в этом году в Государевом Федоровском соборе (в Царском Селе). По окончании службы я со всем сослужившим мне духовенством разговлялся во дворце. После строгого семинедельного поста я имел неосторожность теперь съесть кусок жирной ветчины и выпить бокал холодного шампанского. Сейчас же после разговенья я почувствовал острую боль в животе, которая быстро усиливалась, и я еле добрался до дому. У меня началась сильнейшая дизентерия, сопровождавшаяся мучительными болями. Врачи уложили меня в кровать, запретив всякое движение. Между тем на следующий день предстоял высочайший парад в Царском Селе, на котором я обязан был присутствовать. Врачи и слышать не хотели о моей поездке. Домашние со слезами умоляли меня не ехать. Но я всё же поехал, несмотря на невероятную слабость. Вышедши с духовенством к аналою перед приездом Государя, я

вынужден был держаться за стоявший возле аналой столик, чтобы не упасть. Но вот приехал Государь: заиграла музыка, загремело "ура", склонились знамена, и я забыл про свою болезнь. Откуда-то явились силы, - я бодро отслужил молебен, обошел с Государем фронт, окропляя св. водой, и затем отсидел весь высочайший завтрак, не отказываясь ни от одного из предложенных яств. К удивлению и врачей и домашних, я вернулся домой совершенно бодрым и здоровым.).

Итак, обошедши фронт, Государь вошел в ложу, против которой стоял аналой с крестом и евангелием, и почтительно поздоровался с матерью. Начался молебен.

Богослужение в высочайшем присутствии соединялось с особыми церемониями, в которых я еще не мог {23} разобраться. Государь понял это. И вот, прикладываясь ко кресту, он вполголоса сказал мне: "Вы же матушке поднесите крест". Меня очень тронула предупредительность Государя, без которой я мог бы погрешить против этикета. Но удивило меня другое. После молебна Государь спросил командира полка ген. Бернова: "Кто это совершал молебен"? - "Новый протопресвитер", - ответил Бернов. - "Как же это я не узнал его, - он мне на днях представлялся", - удивился Государь.

Кажется, в конце мая в Аничковом дворце я представлялся вдовствующей Императрице. От начальницы Смольного института, светл. княжны Ел. Ал. Ливен, очень близкой к Императрице Марии Феодоровне, я очень много слышал как о большой доброте Императрицы-матери и горячей любви ее к Родине, так и о больших неладах ее с молодой Императрицей.

Приняла меня Императрица просто и приветливо. В уме она, конечно, уступала молодой Императрице. Замечательно, что хоть она прожила в России около 50 лет, но она не умела правильно говорить по-русски... Это, впрочем, не умаляло ее самой искренней и глубокой любви к нашей Родине.

На 19 июня (воскресенье) мне был назначен прием у Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в его имении Отрадное, в 6 в. от Стрельны. Как я уже сказал, я ни разу не видел его вблизи. О характере великого князя ходили самые невероятные слухи. Резкий, часто грубый и даже жестокий, взбалмошный и неуравновешенный - таким рисовался, по слухам, великий князь. Я ехал не без смущения: как-то он меня примет? На станции Лигово в купе, где я сидел, вошел ген.-майор И. Е. Эрдели, бывший в то время не то генерал-квартирмейстером Петербургского округа не то командиром лейб-гвардии Драгунского полка. На его вопрос: "куда вы едете"? - я совсем не дипломатично ответил: "К великому князю Николаю Николаевичу. Как-то он меня примет? О нем ведь рассказывают невозможное: что он {24} резкий, грубый и т. п." - "Всё неправда, - сказал Эрдели. - Будете очарованы, - это удивительно сердечный, внимательный, радушный человек".

На станции Стрельна меня ждал автомобиль великого князя. Около 10 ч. утра я подъехал к крыльцу дома великого князя, напоминающего среднюю помещичью усадьбу. Последний встретил меня у порога своего кабинета, приняв благословение, словами: "Очень рад с вами познакомиться. После вашего назначения я внимательно следил за всеми газетами. Ни одна не отозвалась о вас худо". Разговор между нами продолжался не долго, так как я должен был совершать литургию в церкви великого князя. Мне сослужил иеромонах Сергиевой пустыни, обычно совершающий тут богослужение. Церковка, в парке, выстроена в стиле XVI века, очень уютная, украшена множеством древних

(XV-XVII в.) икон.

После литургии я был приглашен к завтраку. Мне указали место между великим князем и великой княгиней. Простота поразила меня. Великий князь сам, из поданной на стол миски разливал в тарелку уху, сам несколько раз подкладывал мне икру и пр. Беседа велась душевно и непринужденно. Говорили о многом; конечно, и о деятельности военного духовенства. Между прочим, великий князь спросил меня, где должен находиться протопресвитер во время войны - в Петербурге или на фронте?

- По положению, в Петербурге, но думаю, что не оказалось бы препятствий быть протопресвитеру и на фронте, если бы во главе действующей армии стояли вы, - ответил я.

- Да, я тоже так думаю, - согласился великий князь.

- Это великолепно! - воскликнула великая княгиня. - Запомните это, и не оставляйте великого князя, если он окажется главнокомандующим на фронте.

Весь завтрак прошел очень оживленно, с сердечной простотой. Несмотря на совершенно новую для меня {25} обстановку, я чувствовал себя как дома и совсем забыл про смутившие меня слухи о вспыльчивом и неуравновешенном князе. После кофе, который пили в гостиной, я откланялся.

С того времени до самой войны я не переставал чувствовать сердечное отношение ко мне великого князя, которое он старался подчеркнуть при каждом удобном случае. Встречаться с ним мне приходилось очень часто на высочайших парадах. Тут он всякий раз подходил ко мне принять благословение, спрашивал о моем здоровье, задавал мне вопросы, свидетельствующие, что он живо интересуется моей работой. Несколько раз он приглашал меня к себе, чтобы посоветоваться со мною по разным делам.

Между прочим, однажды, после выхода пьесы великого князя Константина Константиновича "Царь Иудейский", он вызвал меня, чтобы узнать мое мнение об этой пьесе. Мне она не понравилась.

По прочтении у меня получилось впечатление: к святыне прикоснулись неосторожными руками. Особенно не понравился мне любовный элемент, сцена во дворе Пилата, где воины ухаживают за служанкой, внесенный в пьесу. Я чистосердечно высказал свое мнение великому князю.

- Очень рад, что вы думаете так же, как и я, - сказал Николай Николаевич.

Из тона его речи и из отдельных выражений, нельзя было не заключить, что вообще он очень сдержанно относился к своему двоюродному брату, великому князю Константину Константиновичу.

Через несколько дней после этого разговора пьеса "Царь Иудейский" была поставлена капитаном лейб-гвардии Измайловского полка Данильченко на сцене в офицерском собрании этого полка. Присутствовал Государь, великий князь Константин Константинович и много других высочайших особ. Был приглашен и великий князь Николай Николаевич с супругой. Но он не принял предложения.

{26} Закончу о своем первом визите к великому князю Николаю Николаевичу. Вместе со мной выехал из Отрадного пасынок великого князя, герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский. На вокзале он любезно спросил меня, не буду ли я против того, чтобы он сел со мною в одном купе. На любезность я мог ответить только любезностью. Мы поместились в отдельном купе первого класса.

Когда поезд тронулся, и разговор наш за шумом не мог быть слышен ни в коридоре, ни в соседнем купе, - герцог вдруг спросил меня:

- Батюшка, что вы думаете об императорской фамилии?

Вопрос был слишком прямолинеен, остр и неожидан, так что я смутился.

- Я только начинаю знакомиться с высочайшими особами; большинство из них я лишь мельком видел... Трудно мне ответить на ваш вопрос, - сказал я, с удивлением посмотрев на него.

- Я буду с вами откровенен, - продолжал герцог, - познакомьтесь с ними, - убедитесь, что я прав. Среди всей фамилии только и есть честные, любящие Россию и Государя и верой служащие им - это дядя (великий князь Николай Николаевич) и его брат Петр Николаевич. А прочие... Владимировичи шалопаи и кутилы; Михайловичи - стяжатели, Константиновичи - в большинстве, какие-то несуразные (Я сильно смягчаю фактические выражения герцога.). Все они обманывают Государя и прокучивают российское добро. Они не подозревают о той опасности, которая собирается над ними. Я, переодевшись, бываю на петербургских фабриках и заводах, забираюсь в толпу, беседую с рабочими, я знаю их настроение. Там ненависть всё распространяется. Вспомните меня: недалеко время, когда так махнут всю эту шушеру (то есть великих князей), что многие из них и ног из России не унесут...

{27} Я с удивлением и с ужасом слушал эти речи, лившиеся из уст всё же члена

императорской фамилии.

"Что это такое? - думал я. - Чистосердечная ли откровенность человека, которому я внушил доверие? Подвох ли какой? Или экзамен мне?"

Сознаюсь, что я был очень рад, когда поезд подкатил к Петербургу, и мы должны были прекратить этот революционный разговор.

В январе 1917 года этот же герцог явился к командовавшему запасным батальоном лейб-гвардии Преображенского полка, полковнику Павленко (в Петербурге) для конфиденциального разговора. Полковник Павленко пригласил, однако, своего помощника полковника Приклонского. Не стесняясь присутствием третьего лица, герцог задал полковнику Павленко вопрос:

- Как отнесутся чины его батальона к дворцовому перевороту?

- Что вы разумеете под дворцовым переворотом? - спросил его полковник Павленко.

- Ну... если на царский престол будет возведен вместо нынешнего Государя один из великих князей, - ответил герцог.

Полковник Павленко отказался продолжать разговор, а по уходе герцога он и Приклонский составили протокол, оставшийся, однако, без движения.

Заняв пост военно-морского протопресвитера, я достиг высшего звания, доступного для белого священника. По рангу чинов протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном мире, к генералу-лейтенанту - в военном. Он мог иметь личные доклады у Государя. Положение его было более независимым, чем всякого епархиального архиерея, а его влияние могло простираться на всю Россию. Честолюбец в таком назначении мог бы найти большое удовлетворение.

Меня же мое {28} положение с властвованием и почетом совсем не прельщало. Единственное, что в моем новом положении увлекало меня - это возможность широкой работы. Но за этой перспективой виднелось много всякой горечи: расширение работы требовало нажима на военно-морское духовенство, а нажим всегда вызывает нарекания, обиды, обвинения и пр. Тут же всему этому в особенности надлежало случиться, ибо духовенство не было приучено к интенсивной и широкой работе. А так как недовольных моим назначением и без того было много, - к ним принадлежали все обойденные и их сторонники, - то я не мог сомневаться, что меня на новом пути ожидает не мало трений. Всё же я, - можно сказать, с первого дня, - начал проводить решительно и отважно свой принцип: мы для дела, а не дело для нас. Пришлось несколько раз прибегнуть к самым крутым мерам, как, например, к расформированию целых причтов (Троицкого собора в Петербурге и Колпинского в Колпине) и всего управления Свечным заводом военного духовенства.

Обиженные и обойденные составили большой кадр моих противников, не стеснявшихся в средствах борьбы и по временам отравлявших мне существование. Первые три года управления своего ведомством я часто называл каторгой, которой я мог бы и не снести, если бы не встречал неизменной поддержки со стороны Государя, великого князя Николая Николаевича и военного министра. За эти три года Петербургское высшее общество, весь военный и морской мир, как и лучшая часть военно-морского духовенства, успели оценить мои стремления. Мне открывалось поле для более спокойной работы. Но в это время разразилась война.

Более подробное описание первых трех лет моей работы дало бы много интересных бытовых картин и фактов. Но я не хочу заниматься описаниями, где я оказывался центральной фигурой, и коснусь лишь одного эпизода, участником которого были высочайшие особы.

{29}

Митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) как-то обмолвился:

- Я в своей епархии, Петербурге, - не могу самостоятельно назначить не только священника, но и просфорни. Лишь только открывается место, как меня засыпают

просьбами, требованиями разные сиятельные лица, не исключая и высочайших особ. И устоять против таких требований часто не хватает сил.

Это отчасти испытал и я в первый же год управления ведомством военного духовенства.

В 1911 году заканчивался постройкой в Петербурге на Николаевской набережной храм в память моряков, погибших в Русско-японскую войну (ldn-knigi: Храм Спас-на-Водах. На нем установили 36 бронзовых досок, на которых значились имена 12 тысяч павших русских воинов. В 1932 году собор взорвали, памятные доски направили в переплавку.

Подробнее см. <http://spas-na-vodah.by.ru/index.htm> - ldn-knigi).

Мне предстояло назначить священника к этому храму. Не успел я выбрать кандидата, как прибывший ко мне сенатор П. Н. Огарев сообщил от имени королевы эллинов Ольги Константиновны, что королева, председательница комитета по постройке храма, и ее брат, великий князь Константин Константинович желают, чтобы священником к этому храму был назначен иеромонах Алексей, ранее служивший на крейсере "Рюрик", бывший затем в плену у японцев и вывезший из плена знамя, за что он был награжден Государем наперсным крестом на Георгиевской ленте.

(ldn-knigi: Необычная судьба якутского монаха

Непростой жизненный путь иеромонаха Якутского Спасского монастыря Алексея, свидетеля подвигов русских моряков во время русско-японской войны, вызывает интерес как историков, так и писателей, драматургов. Его неординарная личность является прототипом судового священника Конечникова в романе Валентина Пикуля "Крейсера" и главным героем в пьесе Владимира Фёдорова "Одиссея инока якутского".

Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), дают уникальнейшую возможность более полно и ёмко установить жизненный путь и судьбу иеромонаха Алексея. Из клировых ведомостей монастыря стало известно, что Алексей в миру носил имя Василия Тимофеевича Оконешникова. Он родился в 1873 году в III Мэтьюжском наслеге Колымского улуса. В 14-летнем возрасте юноша по решениям двух родовых управлений улуса был направлен на учёбу в Якутское миссионерское училище. В 1896 году его принимают в духовное звание и назначают штатным псаломщиком Виллойского Николаевского собора. В 1898 году после окончания Казанской учительской семинарии он поступает на миссионерские курсы при Казанской духовной академии. После завершения учёбы Алексей возвращается в Якутск и назначается миссионером Якутской второклассной церковно-приходской школы. В 1901 году "ввиду его благоплодных занятий" Алексея назначают руководителем школы. Помимо руководства школой он исполнял и другие обязанности: состоял казначеем монастыря, экономом Якутского архиерейского дома. Кроме того, Алексей состоял членом Якутской переводческой комиссии, проводил богослужения как на русском, так и на якутском языках. Как свидетельствуют архивные документы, в 1901 году он был награждён первой наградой для священника -набедренником.

Затем в 1903 году по собственному желанию иеромонах Алексей был принят флотским священником на крейсер "Рюрик" в составе Владивостокской эскадры. 27 января 1904 года началась русско-японская война, и "Рюрик" оказался в самом эпицентре военных действий. С этого времени жизнь якутского монаха стала насыщена удивительными и трагическими событиями.

Во время сражения эскадры с японцами при Фузане 1 августа 1904 года крейсер "Рюрик" геройски погибает. 120 человек его команды, в том числе и Алексей, были взяты в плен. Так началась одиссея якутского инока по городам Японии, Китая и России: за его плечами оказались Сасебо, Нагасаки, Шанхай, Одесса, Санкт-Петербург. По законам войны врачи и священники имели право на депортацию. Поэтому Алексей, единственный из пленных с крейсера "Рюрик", был отпущен на свободу. В Нагасаки он похоронил и отпел на могиле русских матросов. 7 октября 1904 года, как гласят архивные документы, хранящиеся в Национальном архиве РС(Я), Алексей прибыл в Санкт-Петербург, где по ходатайству Синода Русской православной церкви он был награждён золотым наперсным крестом на

Георгиевской ленте.

Дальнейшие сведения о судьбе иеромонаха Алексея отрывочны. Архивные документы позволяют установить, что по указу российского императора в 1906 году он был назначен священником войсковой церкви в городе Зайсан Семипалатинской области. Исследуя многие документы Национального архива республики, можно сделать вывод, что в Якутск Алексей не возвращался. Известно также, что в 1910 году он работал преподавателем Томской духовной семинарии. Умер Алексей в Томске.

Таковы основные вехи непростого, порой трагического жизненного пути этого необычного якутского монаха, о котором епископ Якутский и Вилуйский Никанор сказал в своё время: "К сонму духовных лиц -- героев настоящей, небывалой войны России, с полным правом может быть причислен и наш Алексей".

Нюргуяна Шадрина - www.nerungri.ru/users/addfiles/church/eparh20.htm
ldn-knigi)

Ни видом, ни удельным весом иеромонах Алексей не годился для этой церкви. С лицом калмыка, безусый, косоглазый - его нельзя было отличить от японца. До принятия монашества он был сельским учителем. Затрудняюсь сказать, закончил ли он курс учительской семинарии, но среднего образования он не имел.

Я заявил сенатору Огареву, что считаю иеромонаха Алексея совершенно неподходящим кандидатом для столичной церкви, ибо он не получил высшего образования и совсем не обладает качествами, нужными для столичного священника. Кроме того, я считаю неудобным в {30} церковь, посвященную памяти убитых моряков, назначать священника, которого не отличить от японца. Я просил мои соображения доложить королеве (эллинов, Ольги Константиновны) и великому князю и затем известить меня об их решении.

На следующий день сенатор Огарев сообщил мне, что и королева и великий князь настаивают на назначении иеромонаха Алексея.

- Что же делать, - ответил я, - приходится назначить... Но вспомните мои слова: через два-три месяца будете просить меня о замене иеромонаха Алексея другим.

Разговор этот происходил, насколько помню, 30 июня. В тот же день я назначил иеромонаха Алексея к церкви в память моряков. 1 июля я вышел на транспорте "Океан", любезно предоставленном мне морским министром, адмиралом И. К. Григоровичем, в плавание для ознакомления со службой морского священника.

Вернулся я в Петербург 11 июля. Оказалось, что сенатор Огарев уже несколько раз осведомлялся о времени моего возвращения. Извещенный о моем приезде, он немедленно явился ко мне.

- А вы, отец протопресвитер, ошиблись, - сказал он, здороваясь со мной. - Вы сказали, что через 2-3 месяца будем мы просить о замене отца Алексея другим, а вот пришлось просить об этом через 10 дней. И тут он рассказал мне недобрую историю. Иеромонах Алексей, только что вступив в должность и осматривая заканчивавшуюся постройку, встретился в конторе строительного комитета с работавшей там барышней, которая приглянулась ему. Не задумываясь над последствиями, он начал приставать к ней... Та подняла скандал, а инженер-строитель С. Н. Смирнов составил протокол, который затем был представлен королеве.

Конечно, после визита сенатора Огарева, я возвратил отца Алексея на прежнее место, а к храму-памятнику {31} назначил достойнейшего пастыря, кандидата богословия Владимира Рыбакова.

Интересно дальнейшее поведение иеромонаха Алексея.

Недовольный возвращением на прежнее место, он подал прошение о снятии сана, потребовав, чтобы его желание было немедленно исполнено. Синод снял с него сан.

А мне был прислан указ об этом для объявления бывшему иеромонаху Алексею. Но бывший иеромонах Алексей отказался расписаться в чтении указа и возбудил дело об аннулировании решения Синода.

Всесильный обер-прокурор В. К. Саблер "поправил" дело: Синод вновь решил: "Так

как иеромонах Алексей не расписался в чтении указа, то прежнее решение Синода считать недействительным". Остался открытым вопрос: что же снимает сан - воля Синода или подпись лишаемого сана?

{35}

II

Сибирь, Туркестан, Кавказ, Ставрополь, Кубань.

Наблюдения и впечатления.

У протопресвитера военного и морского ведомства было одно завидное преимущество, которым он не только мог, но и обязан был пользоваться: для обозрения подчиненных ему церквей и посещения воинских частей, он должен был объезжать всю Россию, ибо войска наши были разбросаны по всем углам необъятной русской земли. Такие поездки давали ему возможность наблюдать весь рост и достижения русской жизни. К этому представлялась тем большая возможность, что начальствующие лица всех ведомств охотно знакомили протопресвитера со всем новым и заслуживающим внимания, - стоило лишь ему проявить некоторый интерес.

За три года до войны я успел объехать: Кавказ, Туркестан, Сибирь, Западный Край и побывал во многих центральных городах: Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Костроме, Смоленске, Могилеве, Минске, Вильне, Ковно, Гродно, Варшаве и др. Сибирь я проезжал во второй раз, - в первый раз я наблюдал ее при поездке в Манчжурию в 1904-1906 гг. Особенный интерес представляло посещение окраин - Сибири, Тукестана и Кавказа. Там жизнь кипела ключом, чрезвычайный прогресс виднелся во всем. Там можно было воочию убедиться, как быстро шел вперед культурный рост России, обещавший стране величие, а народу благоденствие.

После Русско-японской войны началось усиленное переселение крестьян из разных губерний Европейской России в Сибирь. Скоро Сибирь стала неузнаваема. В 1904 году, когда я, едучи на войну, впервые увидел Сибирь, там даже прилегающие к железной дороге места не были заселены. Вдоль железнодорожного пути тянулась бесконечная тайга, и только изредка встречались поселки. Проезжая в августе 1913 г. Сибирь, я не узнавал ее: везде виднелись обширные поля и сенокосы; уборка хлебов и сена всюду производилась машинами, поля обрабатывались пароконными плугами, - {36} одноконных плугов не было видно. В этом отношении Сибирь опередила не только северную и западную, но и центральную Россию, где в то время еще не вывелась соха, а серпы и косы оставались в крестьянских хозяйствах единственными орудиями при жатве и косьбе.

Прежние маленькие Сибирские городишки теперь разрослись в большие города. Новониколаевск на Оби, в 1904 г. имевший, кажется, не более 15 тысяч жителей, в 1913 г. насчитывал 130 тысяч жителей. Девственная сибирская земля щедро вознаграждала всякого, кто отдавал ей свой труд. В Красноярске, Томске и Омске мне много рассказывали: об удивительных урожаях пшеницы - сам 40, о бесконечных богатейших пастбищах для скота, об обилии дичи в лесах, о кишевших рыбой Сибирских реках, о чудовищных минеральных богатствах Алтая, о беспредельных лесных пространствах, о целебнейших минерально-водных источниках Алтая.

Алтайская минеральная вода и Ямаровка - забайкальская - не уступали нашим Боржому и Нарзану, но почему-то не получили распространения дальше Сибири.

Океанское побережье нашего Дальнего Востока меня в особенности поразило своим рыбным богатством.

Приблизительно в десяти километрах от Владивостока находится так называемый Русский Остров, на котором в 1913 году квартировала 9 Сибирская стрелковая дивизия с 9 Сибирской артиллерийской бригадой. 20 августа этого года 33 Сибирский полк, в котором я служил во время Русско-японской войны, угощал меня ужином. Когда подали огромную рыбу, командир полка пояснил мне:

- Это рыба собственного улова. Купил я солдатам сети, - думал: пусть развлекутся. А они этими сетями в течение двух недель наловили что-то около 2.000 пудов рыбы. Мы ее

варили и жарили, и раздавали, и впрок насолили, - и всё же много пришлось выбросить.

А накануне этого дня я был в заливе Посьет, куда меня доставил военный корабль под командой капитана {37} I ранга Иванова. Последний, узнав от кого-то, что я любитель рыбной ловли, захватил с собою сети. И вот на моих глазах сеть была заброшена. Одна тоня дала 35 пудов самой разнообразной рыбы. Возвращаясь из Посьета, мы ели чудную уху из рыбы собственного улова.

Приамурский край удивил меня разнообразием климата, флоры и фауны. В Хабаровском арсенале (в нескольких верстах от города) я видел столб-памятник с надписью: "На этом месте в 1885 году - такого-то числа и месяца - был убит тигр". И этот край изобилует всякого рода богатствами.

Знавшие Сибирь предсказывали ей величайшую будущность. И Сибирь шла к ней быстрыми шагами.

Туркестан перед Великой войной представлял не менее интересную картину. Там можно было наблюдать и остатки древнейшей культуры - в многочисленных памятниках старины, в укладе жизни туземцев, в способах обработки ими земли, - и пышный расцвет новой, превращавшей голодную степь в текущую молоком и медом землю. В расцвете Туркестан не уступал Сибири, а ввиду необыкновенного плодородия своей земли должен был опередить ее.

В апреле-мае 1914 года я, перерезав Туркестан по линии Ташкент Скобелев - Самарканд - Ашхабад - Красноводск - Кушка - Мерв, всюду наблюдал удивительные результаты производившейся там в последнее время колоссальной культурной работы. Рядом с огромными еще пространствами голой, выжженной солнцем степи особенно рельефно выделялись оазисы с пышной, как роскошнейший сад, растительностью, - эти искусственно орошенные местности с каждым годом всё увеличивались. На полях насаждались, всё размножаясь, ценнейшие культуры: хлопка (В г. Скобелеве Ферганский губернатор рассказывал мне, что в 1913 г. одна Ферганская область продала хлопка на 40 милл. рублей, когда раньше тут хлопок совсем не производился.), риса; развивалось садоводство: {38} в 1914 году насчитывали до 120 сортов винограда; яблоки, груши, сливы и вишни чудного качества производились в невероятном количестве. Быстро развивалось виноделие, обещавшее выбросить на рынок огромное количество новых десертных вин весьма высокого качества. Разрасталось шелководство и пчеловодство и т. д.

Одним из замечательнейших достижений Туркестана было облесение песчаной степи, в особенности на участке железной дороги Ашхабад-Красноводск, обратившее на себя внимание специалистов-ученых чуть ли не всего мира.

Выстроенная ген. Анненковым Закаспийская железная дорога встретила со страшным врагом - сыпучими песками, беспрестанно заносившими железнодорожный путь. Очистка пути от этих песков стоила огромных средств, не говоря о том, что заносы постоянно расстраивали железнодорожное движение. Предотвратить бедствие можно было только облесением прилегающего к железнодорожному пути пространства. Но почва была такова, что на ней не принималось никакое растение. Одному инженеру (к сожалению, из памяти совершенно улетучилась фамилия этого замечательного человека, хотя образ его, как живой, стоит перед моими глазами) удалось найти одно примитивное растение, которое не погнушалось закаспийскими песками, но было столь слабо, что ни в какой степени не могло защитить железнодорожный путь. Инженер нашел другое, более сильное растение, которое под покровом первого смогло осесть на песке, и затем на закрепленной этими двумя растениями почве, он насадил особое туркестанское дерево - саксаул, которое совсем оградило железную дорогу от песков. Французские и английские инженеры, мечтавшие об облесении Сахары, специально приезжали в Закаспийскую область, чтобы ознакомиться со способом облесения Закаспийских песков.

Но закаспийский опыт, - объяснял мне инженер, - может быть не приложим к Сахаре, ибо пески бывают разной породы. В Астраханских {39} степях, например, различалось восемь пород песков, для каждой из которых требовались особые растения.

Говоря о Туркестане, нельзя не упомянуть об одном, весьма оригинальном, но, несомненно, благотворном культуртрегере (нем. "носитель культуры" ldn-knigi) - этого края, великом князе Николае Константиновиче. Сосланный императором Александром III за какую-то несоответствующую его званию проделку, в Туркестан, он поселился в Ташкенте и там проводил жизнь, дававшую обильный материал для всевозможных разговоров. Великий князь жил уединенно, замкнувшись в своем, огороженном стеной, дворце, а от времени до времени удивлял своими эксцентричностями. Прибыв однажды к настоятелю Ташкентского военного собора, прот. Константину Богородицкому, он в категорической форме потребовал, чтобы его немедленно обвенчали с 17-летней гимназисткой. Прот. Богородицкий отказался исполнить просьбу, ибо великий князь состоял в браке. Великий князь ушел от него возмущенный "оказанной ему несправедливостью". 23 апреля 1914 года ген.-губернатор А. В. Самсонов рассказывал мне, что незадолго перед тем великий князь Николай Константинович вызвал 500 человек, чтобы перемостить одну из главных ташкентских улиц, почему-то ему не понравившуюся. Чтобы предотвратить нашествие, ген. Самсонов должен был лично убедить великого князя, что этот ремонт надо отложить на некоторое время.

И, однако, этот великий князь оказался несомненным благотелем Туркестана, когда не пожалел больших средств, чтобы оросить так называемую Голодную степь, ранее бывшую бесплодной пустыней, а потом ставшую одним из благословенных уголков богатейшего Туркестана.

В апреле 1914 года, будучи в Ташкенте, я сделал визит великому князю, на который он ответил немедленной присылкой своей карточки. Проезжая затем через цветущую Голодную степь, я отправил ему телеграмму с выражением своего восторга перед совершенным им {40} великим делом. Вернувшись затем в Ташкент, я нашел целую папку присланных мне великим князем прекрасных акварелей, представляющих Голодную степь в ее прежнем виде и преображенную его заботами.

Поездки по Туркестану я представляю теперь, как какой-то волшебный сон, где мне рисовалось величественнейшее будущее этого края, неотделимое от величия всей России. И только Красноводск, - конечный пункт Закаспийской железной дороги, - город на берегу Каспийского моря, окруженный высокими, лишенными всякой растительности, горами, в летнее жаркое время напоминал тот ад, в котором будут жариться и париться души неисправимых грешников, способствующих устройению вместо рая ада на земле.

Кавказ я проехал в 1911 и 1916 гг., когда побывал в городах Баку, Тифлисе, Кутаисе, Батуме, Александрополе, Карсе. Кавказ воспет поэтами. Он не мог не поражать наблюдателя несравненной красотой природы, разнообразием народностей, оригинальнейшим кавказским гостеприимством, совершенно особым укладом всей кавказской жизни. Незнающий кавказских нравов и обычаев мог удивляться на каждом шагу.

Прибыв в первый раз в Тифлис 2 или 3 октября 1911 г., я счел обязательным посетить все воинские части, расквартированные в этом городе. Меня неотлучно сопровождал командир кавказского корпуса, генерал А. З. Мышлаевский, бывший талантливый профессор Академии Генерального Штаба и мой сослуживец. В 17 драгунском Нижегородском полку, считавшемся Кавказской гвардией, нас чествовали завтраком. Речи и тосты, - это большое место кавказцев, - они для них "слаще меда и сота", - начались с первой чаши. Выступил старший полковник полка князь Медиков. Он говорил о радости полка, увидевшего в своей среде протопресвитера, молодого, энергичного, зарекомендовавшего себя на Русско-японской войне и т. д. и т. д. Complimentам там не было конца. "Итак, выпьем за {41} здоровье ген. Мышлаевского", - закончил свой тост полк. Медиков. - "А я-то тут причем?" отозвался ген. Мышлаевский. И я тогда был удивлен заключением тоста. После же я узнал, что заключение было вызовом ген. Мышлаевскому, чтобы тот продолжил речь.

В своем расцвете Кавказ не отставал от Сибири и Туркестана. С каждым годом разраставшиеся там чайные плантации, апельсиновые, мандариновые и лимонные рощи, рисовые поля и новые, легко прививавшиеся культуры разных южных фруктов обещали все большие и большие блага краю, а через него и России.

После, во время Гражданской войны, мне пришлось познакомиться со Ставропольской губернией и Кубанской областью, землями, по библейскому выражению (Исх. III, 8), текущими медом и молоком. И та и другая поразили меня своим богатством: баснословное плодородие земли, множество скота, рыбы, дичи, всяких плодов земных, "вина и елеса" - создавали жителям их чрезвычайное благоденствие. Дом каждого хозяина был - чаша полная. Великолепнейшие храмы, с богатейшей утварью, драгоценными иконами и иконостасами, - были храмы, где иконостас стоил свыше 200.000 руб., свидетельствовали о богатстве и щедрости жителей. Духовенство утопало в изобилии благ земных. Священник с годовым бюджетом в 10 тысяч руб. на Кубани представлял явление не исключительное (А ординарный профессор Дух. Академии получал 3000 р. в год, бюджет же Новгородского священника часто не превышал 400-500 руб. в год.). Мне называли одного кубанского священника, который получал до 25.000 руб. в год. Такое обеспечение, однако, не способствовало ни подъему духовного уровня, ни повышению работоспособности Ставропольского и Кубанского духовенства. Благоденствие этого края обещало возрасти еще более. Помимо с каждым годом улучшавшегося земледелия, скотоводства, овцеводства, виноделия - там, в Кубанской области, начала развиваться нефтяная промышленность и {42} были найдены изобиловавшие огромным количеством марганца озера. В 1919 году американцы усиленно пытались заарендовать эти озера, заявляя, что за них они готовы будут кормить всю Кубань.

Стоило побывать на описанных мною выше трех окраинах и на Кубани, присмотреться к тамошним достижениям самых последних лет, чтобы убедиться, как быстро залечивались раны, нанесенные несчастной Русско-японской войной, и как быстро неслась Россия вперед, развивая и умножая свои природные богатства. Была не только надежда, но и уверенность, что вскоре наша Родина станет богатейшей и счастливейшей в мире страной.

Эта уверенность подкреплялась еще тем, что прогресс наблюдался почти во всех областях жизни и внутренней России - в торговле, промышленности, земледелии, в развитии школьного дела и, в частности, женского образования.

Кому Россия была обязана таким быстрым, всё прогрессирующим расцветом? На этот вопрос затрудняюсь ответить. Думаю, что блестящие министры последнего царствования - Столыпин, Витте, Кривошеин, Коковцов и другие своими настойчивыми и талантливыми мероприятиями способствовали всероссийскому прогрессу. Но было бы большой несправедливостью не отдать должное и личности Императора Николая II, всегда и всей душой откликавшегося на клонившиеся к народному благу разные реформы, если только эти реформы предлагались соответствующими министрами или иными начальниками. Всякий начальник мог быть совершенно уверен в поддержке Императора, если только он сумеет представить ему необходимость и полезность нового начинания. Государь неподдельно и безгранично любил Родину, не страшился новизны и очень ценил смелые порывы вперед своих сотрудников. Это были драгоценные его, как правителя, качества, которым, к великому несчастью, не суждено было проявиться до конца и во всей силе.

{45}

III

Распутинщина при дворе

Круг деятельности протопресвитера военного и морского духовенства ограничивался только армией и флотом, не простираясь на придворные сферы. Хотя и Государь и все великие князья носили военную форму, числились в полках, многие из великих князей стояли во главе воинских частей или воинских учреждений и все, таким образом, были прежде всего военными, но входили они в паству протопресвитера придворного духовенства, духовные их нужды обслуживались придворным духовенством. В частности, царская семья имела своего духовника, каким обыкновенно бывал сам придворный протопресвитер, а богослужения для нее совершались в церкви дворца, где она жила, духовенством собора Зимнего Дворца, при почти постоянном предстоятельстве придворного протопресвитера.

В последнее время этот, исторически окрепший, порядок потерпел некоторые

изменения.

Летом 1910 года скончался знаменитый придворный протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев, оставивший, как талантливый ректор Академии, как ученый, как блестящий проповедник, великую память о себе и в то же время, как протопресвитер и администратор, - плохое наследство.

Я боюсь решать вопрос, что помешало мудрому, просвещенному, пользовавшемуся беспримерным авторитетом и среди своих питомцев, и среди духовенства, и среди иерархов, Иоанну Леонтьевичу стать таким же блестящим организатором-протопресвитером (1883-1910 г.), каким он был ректором СПб Духовной Академии (1866-1883 г.). {46}

Может быть, И. Л. не придавал значения личному составу в своем ведомстве; может быть, и его великой душе не чужды были некоторые мелкие чувства, как опасение соперничества, боязнь, как бы другой талант не затмил его, или властолюбие, с которым не всегда покорно мирятся сильные подчиненные; и эти чувства, может быть, заслоняли от него тот ущерб для дела, который в особенности должен был выявиться после ухода Иоанна Леонтьевича, своим личным величием, авторитетом и обаянием, закрывавшего от посторонних глаз пустоту и незначительность личного состава его ведомства.

Каковы бы ни были причины факта, но факт был налицо: придворное духовенство, несмотря на прекрасное материальное обеспечение и все исключительные преимущества и выгоды своего положения, блистало отсутствием талантов, дарований, выдающихся в его составе лиц. В общем, может быть, никогда раньше состав его не был так слаб, как в это время: Иоанна Леонтьевича нечем было заменить. Между тем, еще при его жизни потребовались заместители; в последние годы он ослабел, ослеп. Поэтому еще при жизни своей он должен был передать другим обязанности царского духовника и законоучителя детей.

Вступив в должность протопресвитера, через несколько месяцев после смерти И. Л. Янышева, я застал придворное духовенство в таком положении.

Заведывающим придворным духовенством был протоиерей, вскоре назначенный протопресвитером, Петр Афанасьевич Благовещенский. Духовником их величеств состоял протоиерей Николай Григорьевич Кедринский, а законоучителем детей - прот. Александр Петрович Васильев. Таким образом, одного Янышева заменяли трое, но и трое заменить не смогли. Скажу о каждом особо.

Протопресвитер Благовещенский занял место Янышева уже будучи 80-летним старцем. Добрый и степенный - он никогда, однако, не выделялся из ряда {47} посредственных, теперь же он представлял развалину: еле передвигался с места на место и всё забывал: у Киевского митрополита Флавиана, например, всякий раз спрашивал, из какой он епархии. Однажды, вместо Петропавловского собора, где должен был служить в высочайшем присутствии панихиду, заехал в Зимний Дворец и там более часу бродил по комнатам, ища неизвестно кого, а в Петропавловском соборе в это время терялись в догадках: куда же делся протопресвитер. В 1913 г., в первый день Пасхи, пока доехал до Царского Села для принесения в 12 ч. дня поздравления Государю, забыл, что утром в соборе Зимнего Дворца совершал литургию и т. д. Конечно, ни о каком управлении им ведомством не могло быть и речи. Протопресвитером управляли все, а сам протопресвитер не мог управлять и самим собою. Дело дошло до того, что однажды протопресвитер Благовещенский поехал жаловаться Императрице Марии Феодоровне (у которой он был духовником) и Государю, что духовник - прот. Кедринский притесняет и обижает его. Те постарались его утешить.

Прот. Н. Г. Кедринский еще при Янышеве попал в духовники по какому-то непонятному недоразумению. Хоть за ним и числились академический диплом, и стаж долгой придворной службы, на которую он попал чрез "взятие", женившись на дочери пресвитера собора Зимнего Дворца, прот. Щепина, но и академическое образование и придворная служба очень слабо, почти незаметно отразились на первобытной, не поддававшейся обтеке натуре отца Кедринского. Он представлял тип простеца, не злого по душе, но который себе на уме, довольно хитрого и недалекого.

Ни ученых трудов, ни общественных заслуг за ним не значилось. Его малоразвитость, бестактность и угловатость давали пищу бесконечным разговорам и насмешкам. Более неудачного "царского" духовника трудно было подыскать. При дворе это скоро поняли, ибо трудно было не понять его. Придворные относились к нему с насмешкой. Царь и царица {48} терпели его. Но и их многотерпению пришел конец. Высочайшим приказом от 2 февраля 1914 года отец Кедринский был смещен. Самый факт смены царского духовника, хоть и подслащенный назначением смещенного на должность помощника заведующего придворным духовенством, был беспримечен в прошлом и показывал, как мало отвечал своему назначению отец Кедринский. При увольнении он выпросил себе право по-прежнему пользоваться придворной каретой и был очень счастлив, когда это право за ним оставили. При первой встрече со мною, после своего увольнения, он прежде всего похвастался: "карету мне оставили". Рассказывали, что и с каретой у него выходили недоразумения, ибо он слишком злоупотреблял своим "каретным" правом, вызывая парадную карету даже для поездок в баню.

Своим разъездам в карете, да еще в придворной, с лакеями в красных ливреях, отец Кедринский придавал особое значение. Помнится, однажды, он спросил меня:

- Ужели вы ездите на извозчике?

- На извозчике я езжу редко, чаще в трамвае, - ответил я.

Он сразу переменял разговор. С началом революции карету у него, конечно, отняли, и он, оставшись без кареты и забыв, как ездят в трамвае, в первый же месяц, садясь в трамвай, оступился, причем ему отрезало ногу.

Прот. А. П. Васильев, родом из крестьян Смоленской губ., был учеником Татевской школы (в Смоленской губ.) знаменитого С. А. Рачинского. Курс СПб Духовной Академии он окончил в 1893 году, но ученой степени кандидата богословия не получил. Кажется, какие-то семейные обстоятельства помешали ему написать кандидатское сочинение. Он очень долго служил в церкви Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в Петербурге, законоучительствовал в нескольких гимназиях и очень много проповедывал среди рабочих Нарвского района. До назначения ко двору, он пользовался в Петербурге известностью прекрасного народного {49} проповедника дельного законоучителя и любимого духовника. Прекрасные душевные качества, доброта, отзывчивость, простота, честность, усердие к делу Божьему, приветливость расположили к нему и его учеников, и его паству. Кроме того, отцу Васильеву нельзя было отказать не только в уме, но и в известной талантливости.

У отца Васильева была очень большая, благочестиво настроенная семья. Упоминаю о семье потому, что, как мне думается, многосемейность царского духовника очень влияла на его отношение к событиям, развертывавшимся при Дворе.

В другое время и при других обстоятельствах, отец Васильев, может быть, удачно справился бы с большой задачей царского духовника (А. П. Васильев сменил Кедринского в должности царского духовника. С 1910 г. о. Васильев состоял законоучителем царских детей.). Но, к его несчастью, это была особенная пора, когда царский духовник обязательно должен был выступить на борьбу с "темными силами" и, или победить их, или сойти со сцены. Это был крест отца Васильева, которого он не мог снести.

Рядом с этими тремя официальными, ответственными за духовную работу при Дворе, лицами стояло еще одно лицо, которое фактически было негласным духовником и наставником в царской семье, лицо, пользовавшееся в ней таким бесспорным авторитетом, каким не пользовался ни талантливый, образованнейший прот. Янышев, ни все три вместе заместители его, - это был Тобольский мужик Григорий Ефимович Распутин или Новых, или, как называли его в царской семье, "отец Григорий".

В 1915 году великий князь Николай Николаевич, тогда всемерно борющийся с распутинским влиянием на царскую семью, однажды, сказал мне:

- Представьте мой ужас: ведь Распутин прошел к царю чрез мой дом...

{50} История восхождения Распутина к "славе" была такова.

В начале нашего столетия огромной популярностью в высших благочестивых кругах г.

Петербурга пользовался инспектор СПб Духовной Академии архимандрит (1901-1909 г.), а потом

(1909-1910 г.) ее ректор - епископ Феофан (Быстров).

Большой аскет и мистик, он скоро стал известен при Дворе, где увлечение мистицизмом было очень сильно. Первою из высочайших особ близко познакомилась с отцом Феофаном великая княгиня Милица Николаевна, жена великого князя Петра Николаевича, живо интересовавшаяся всякими богословскими вопросами, затем вся семья великого князя Николая Николаевича и, наконец, чрез них царская семья.

Среди друзей еп. Феофана был священник Роман Медведь, почти однокурсник его по Академии, очень способный, хоть и очень своеобразный человек. Этот отец Медведь паломничал от времени до времени по монастырям, встретил в одном из них Распутина, узрел в нем Божьего человека и затем поспешил познакомить с ним еп. Феофана. Последний был очарован "духовностью" Григория, признал его за орган божественного откровения и, в свою очередь, познакомил его с великой княгиней Милицей Николаевной.

Распутин стал посещать дом великого князя Петра Николаевича, а затем и дом его брата великого князя Николая Николаевича. Обе эти семьи в ту пору увлекались духовными вопросами и спиритизмом. Особенная "духовность" Распутина пришлась им по сердцу.

Обе сестры, великие княгини (Анастасия и Милица Николаевны дочери Черногорского) короля.), были тогда в большой дружбе с молодой Императрицей, еще более их мистически настроенной. Они ввели в царскую семью нового "пророка" и "чудотворца" Григория Распутина.

Скоро "пророк" занял в царской семье такое {51} положение, что смог навсегда отстранить от нее разочаровавшихся в нем своих прежних покровителей: и великих княгинь и еп. Феофана.

Чтобы разгадать секрет влияния Распутина на царскую семью, надо прежде всего разгадать характер Императрицы, фактически во всем доминировавшей в семье и дававшей тон всему ее строю.

Немка по рождению, протестантка по прежней вере, доктор философии по образованию, она таила в своей душе природное влечение к истовому, в древнерусском духе, благочестию. Это настроение было как бы родовым настроением ее семьи. Ее сестра, Елисавета Феодоровна, отдала последние свои годы монашескому подвигу. Целодневно трудясь в своей обители (в Москве), ежедневно молясь в своей чудной церкви, она, кроме того, по воскресным дням предпринимала ночные путешествия пешком в Успенский собор к ранним богослужениям. Когда к ней приезжала погостить другая ее сестра Ирена (жена Генриха Прусского), то и та ежедневно посещала наше богослужение, а по праздникам сопровождала сестре в ее ночных путешествиях в Успенский собор.

"Ирена всегда говорила, - рассказывала мне великая княгиня Елисавета Феодоровна, - что ничто не дает ей такого высокого наслаждения, как православное и в особенности в Успенском соборе богослужение".

Любимым занятием великой княгини была иконопись. Прежде, чем приступить к написанию той или иной иконы, она, как древние наши праведные иконописцы, уединялась надолго (до двух недель) в своей моленной, находившейся рядом с алтарем церкви, и там строгим постом, молитвою и благочестивыми размышлениями подготавливала себя к работе. Написанные ею иконы отличались не только тщательностью отделки, но и особой духовностью, одухотворенностью.

В своей обители великая княгиня жила как истая подвижница, отрешившись от всякого царского {52} великолепия: питалась скудно, одевалась до крайности скромно, во всем показывая пример нищеты и воздержания.

Религиозное настроение Императрицы по своей интенсивности не уступало настроению ее сестры. Императрица и по будням любила посещать церкви, являясь туда незаметно, как простая богомолка. По воскресным же и праздничным дням Государыня неизменно присутствовала на всенощных и литургиях в Федоровском Государевом соборе.

Там она становилась или с семьей на правом клиросе, или отдельно в своей, устроенной с правой стороны алтаря, моленной, где перед креслом Императрицы (болезнь ног заставляла ее часто присаживаться) стоял аналой с развернутыми богослужебными книгами, по которым она тщательно следила за богослужением. Фактически Императрица была ктиторм этого храма, ибо весь храмовой распорядок, вся жизнь храма шли по ее указаниям, располагались по ее вкусам, - без ее ведома ничего не делалось.

Императрица прекрасно изучила церковный устав, русскую церковную историю; особенное же удовлетворение ее мистическое чувство получало в русской церковной археологии. Несомненно, под настойчивым влиянием Императрицы за последние 20 лет в России в церковном зодчестве и церковной иконописи развилось особенное тяготение к старине, дошедшее до рабского, иногда, на наш взгляд, неразумного подражания. Новые лучшие храмы, новые иконостасы начали сооружать все в древнерусском стиле XVI или XVII века. Примеры этому: Федоровский Государев собор в Царском Селе; храм в память 300-летия царствования Дома Романовых в Петрограде; храм-памятник морякам тоже в Петрограде; отчасти новый морской собор в Кронштадте.

В этом отношении особенного внимания заслуживает любимый царский Федоровский собор в Царском Селе.

Собор этот рабское, иногда грубое и беззастенчивое подражание старине. Лики святых, например, на {53} некоторых иконах поражают своею уродливостью, несомненно, потому, что они списаны с плохих оригиналов 16 и 17 века.

Для большего сходства со старинными некоторые иконы написаны на старых, прогнивших досках. Каким-то анахронизмом для нашего времени кажутся огромные железные, в старину бывшие необходимыми, вследствие несовершенства техники, болты, соединяющие своды Собора. Да и вся иконопись, всё убранство Собора, не давшие места ни одному из произведений современных великих мастеров церковного искусства - Васнецова, Нестерова и др. - представляются каким-то диссонансом для нашего времени. Точно пророческим символом был этот собор, - символом того, что Россия скоро, во время разразившейся над нею бури, стряхнет с себя всё "новое", современное, сметет всё, что было достигнуто за последние века гением лучших ее сынов, трудами поколений, всей ее историей, и вернется к 16 или 17 веку.

Еще резче, пожалуй, бросается в глаза эта дань увлечения стариной в величественном Кронштадтском соборе, освященном 10 июня 1913 года в присутствии почти всей императорской фамилии, почти полного состава членов Государственного Совета, Государственной Думы, всех министров и множества высших чинов. Там новое и старое перепутано. Осматривая этот собор, точно блуждаешь среди веков, то и дело натываясь на копии, по-видимому, самых плохих мастеров 16-17 в.

Но Император и, особенно, Императрица, а за ними и покорные во всем, не исключая и вкусов, угодливые рабы, в коих не было недостатка, восхищались, восторгались, превознося старину и умаляя современное.

Для Императрицы старина была дорога в мистическом отношении: она уносила ее в даль веков, к тому уставному благочестию, к которому, по природе, тяготела ее душа.

Императрице подвизаться бы где-либо в строго {54} сохранившем древний уклад жизни монастыре, а волею судеб она воссела на всероссийском царском троне...

Но мистицизм такого рода легко уходит дальше. Он не может обходиться без знамений и чудес, без пророков, блаженных, юродивых. И так как и чудеса со знамениями и истинно святых, блаженных и юродивых Господь посылает сравнительно редко, то, ищущие того и другого, часто за знамения и чудеса принимают или обыкновенные явления, или фокусы и плутни, а за пророков и юродивых - разных проходимцев и обманщиков, а иногда - просто больных или самообольщенных, обманывающих и себя, и других людей. И чем выше по положению человек, чем дальше он вследствие этого от жизни, чем больше, с другой стороны, внешние обстоятельства содействуют развитию в нем мистицизма, тем легче ему в своем мистическом экстазе поддаться обману и шантажу.

Обстоятельства и окружающая атмосфера всё больше и больше способствовали развитию в Императрице болезненного мистического настроения. Несчастья государственного масштаба и несчастья семейные, следуя одно за другим, беспрерывно били по ее больным нервам: Ходынская катастрофа; одна за другой войны (Китайская и Японская); революция 1905-1906 гг.; долгожданное рождение наследника; его болезнь, то и дело обострявшаяся, ежеминутно грозившая катастрофой, и многое другое. Императрица всё время жила под впечатлением страшной, угрожающей неизвестности, ища духовной поддержки, цепляясь за всё из мира таинственного, что могло бы ее успокоить.

Распутин был не первым "духовным" увлечением в царской семье. Раньше его на этом же поприще подвизался француз Филипп (Гр. Витте сообщает, что Филипп, не могший получить во Франции звание лекаря, у нас, за "духовные" заслуги при Дворе, получил от Военно-медицинской Академии звание доктора медицины, а от Правительства чин действ. статского советника, после чего щеголял в военной форме (Витте. "Воспоминания", т. I, стр. 246-247).). Одновременно с Распутиным, {55} пока тот еще не вошел в полную силу и не отстранил всех соперников, в царской же семье подвизался "блаженный" Митя косноязычный, издававший какие-то невнятные звуки, которые поклонники его "таланта" (Среди них был, тогда студент Духовной Академии, ныне Еп. Вениамин (Федченков), "прославившийся" во Врангелевской Армии.) объясняли, как духовные вещания свыше. Во время Саровских торжеств, в Дивеевской обители, царь и обе царицы посетили "блаженную", а по выражению Императрицы Марии Феодоровны - "злую, грязную и сумасшедшую бабу", - (так выразилась Императрица Мария Феодоровна в беседе со мной в Крыму 12 ноября 1918 года), - Пашу, которая при царе и царицах начала выкрикивать отдельные непонятные слова. Окружавшие Пашу монахини объяснили эти слова, как пророчества.

Таким образом, Распутин не был первым, как не был бы и последним, если бы не разразилась революция. В этом заключалась главная трудность борьбы с Распутиным.

Приходилось бороться не столько с Распутиным, сколько с самой Императрицей, с ее духовным укладом, с ее направлением, с ее больным сердцем, - ни победить, ни изменить которые нельзя было.

Императрица, как я уже заметил, доминировала в семье. Весь уклад, весь строй жизни последней сложился по ее взглядам, по ее вкусу и дальше шел по определяемому ею направлению. Семья царская жила замкнуто, почти не общаясь даже с семьями императорской фамилии, избегая столь обычных раньше при Дворе развлечений и удовольствий: придворных балов, выездов и торжественных приемов, кроме самых неизбежных, в последнее время совсем не бывало. Жизнь царицы заполнялась главным образом семейными интересами и {56} мистическими переживаниями.

Церковность занимала в царской семье видное место. В канун каждого церковного дня, а тем более праздника - вся царская семья отстаивала в любимом ею Феодоровском соборе всенощную, а в самый воскресный или праздничный день литургию. Иногда богослужения совершались в Александровском дворце (Царское Село), в маленькой комнатке-церкви причем хор составляли: царица с дочерьми и Вырубова. Кроме того, Императрица любила посещать с дочерьми и в будние дни церкви: Знамения, городской собор в Царском Селе и др. Зашедши в храм, она, как простая богомолка, выстаивала на коленях, ставила перед иконами свечи и т. п.

По вечерам царская семья любила собираться вместе: Государь часто читал вслух, иногда Императрица с дочерьми пела. Как она, так и девочки не оставались без занятий: шили, вязали, вышивали, рисовали. Царский комфорт как бы отсутствовал в семье. Царица во всем старалась провести экономию, устранить роскошь. Последнее особенно сказывалось в костюмах. И царица и дочери одевались чрезвычайно скромно, носили платья из самой простой ткани, старались донашивать их. Бывший военный министр генерал А. Ф. Редигер (умер в 1920 г.) сообщает в своих записках (они не были изданы, - не знаю, уцелели ли) интересные факты. В один из его докладов Государю ему пришлось ожидать, так как

Государь задержался на прогулке. Сидя в Александровском дворце в Царском Селе у окна, выходящего в парк, и поджидая Государя, ген. Редигер, наконец, увидел возвращающегося пешком Государя с пятью девочками.

В четырех ген. Редигер сразу узнал царских дочерей, но никак не мог догадаться, откуда же взялась пятая - меньшая. Когда вошел Государь и со свойственной ему любезностью извинился, что, увлекшись прогулкой с детьми, задержал министра, ген. Редигер не удержался, чтобы не спросить: что это за маленькая девочка, которую Государь вел за руку.

{57} - Ах, это Алексей Николаевич (наследник), - смеясь сказал Государь. - Он донашивает платья своих сестер. Вот вы и приняли его за девочку.

Второй случай, рассказываемый ген. Редигером, не менее характерен.

В 1906 или 1907 году высочайшим приказом офицерству было ведено сменить белые кителя на кителя защитного цвета. Всякая перемена в обмундировании больно ударяла по тощему офицерскому карману и болезненно переживалась даже в гвардии. Приказ был выполнен. Офицеры переоблачились в защитный цвет. И вдруг после этого Государь появляется в белом кителе.

Началось среди офицеров беспокойство, пошли разговоры: опять будут введены белые кителя.

А между тем старые белые кителя уже были сбыты старьевщикам. Беспокойство и разговоры достигли до такой степени, что военный министр решил доложить Государю о волнениях в офицерской среде по поводу, якобы, предполагаемого возвращения к прежней форме. Государь удивился :

- Откуда взяли это?

- Ваше Величество изволили являться в белом кителе, - заявил ген. Редигер.

- Ну, это недоразумение. У меня большой запас белых кителей, вот я и продолжаю пользоваться ими, - ответил сконфуженный Государь. После этого Государь уже более не показывался в белом кителе.

Императрица замкнулась в семью, мать в ней заслонила царицу. Как царица, она показывалась поневоле, в случаях крайней необходимости. Жизнь ее заполнялась главным образом семейными развлечениями и религиозными переживаниями.

Но это совсем не значит, чтобы она совершенно замкнулась в семейных интересах и не оказывала влияния на государственные дела. Последнему весьма способствовал характер Государя, как и властность самой царицы и ее великодержавные взгляды.

{58} Царь добрый, сердечный, но слабовольный, был всецело подавлен авторитетом, упрямством и железной волей своей жены, которую он, вне всякого сомнения, горячо любил и которой был неизменно верен.

По складу своей натуры он не был ни мистиком, ни практиком; воспитание и жизнь сделали его фаталистом, а семейная обстановка - рабом своей жены. У него выработалась какая-то слепая покорность случаю, несчастью, в которых он неизменно видел волю Провидения. Он любил повторять слова Спасителя: "Претерпевший же до конца спасется" (Мф. XXIV, 13). Подчиняясь покорно всяким несчастьям, в каких не было недостатка в его царствование, он подчинился и влиянию своей жены, избранной для него его отцом, привык к ней и даже в очень значительной степени усвоил ее религиозное настроение. Если разные "блаженные", юродивые и другие "прозорливцы" для Императрицы были необходимы, то для него они не были лишни. Императрица не могла жить без них, он к ним скоро привыкал. Скоро он привык и к Распутину.

Вступив в должность протопресвитера, я застал распутинский вопрос в таком положении.

Распутин в это время уже совершенно овладел вниманием царя и царицы. В царской семье он стал своим человеком. Попытки некоторых придворных парализовать влияние невежественного временщика кончались полной неудачей. Рассказывали, что смерть дворцового коменданта генерал-адъютанта В. А. Дедулина последовала от страшного

волнения после его решительного разговора с царем о Распутине. Рассорившийся с Распутиным епископ Феофан был удален в провинцию и оставался в царской немилости. Чтобы парализовать влияние Гришки, как обыкновенно в обществе называли Распутина, епископы Феофан и Гермоген провели в царскую семью другого "мастера", "Митю" косноязычного, но Митя скоро провалился, написав на бланке епископа Гермогена какое-то бестактное письмо Государю, {59} обидевшее последнего. Митю больше во дворец не пустили; Гришка праздновал победу. Решили тогда иначе расправиться с последним. Гришка был приглашен к епископу Гермогену, не прерывавшему еще с ним сношений.

Там на него набросились знаменитый Иллиодор, Митя и еще кто-то и, повалив, пытались оскотить его. Операция не удалась, так как Гришка вырвался. Гермоген после этого проклял Гришку, а Государю написал обличительное письмо. Кажется, главным образом за это письмо еп. Гермогена отправили в Жировицкий монастырь, где он и оставался до августа 1915 года, до занятия его немцами. (Некоторые причиной увольнения Гермогена считали его протест против проекта великой княгини Елисаветы Федоровны о диакониссах, но это не верно: Гермоген пострадал из-за Гришки.)

Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, разгадавшие Распутина, теперь были далеки от Императрицы. Кажется, ссора произошла именно из-за Распутина. Таким образом, старые друзья и покровители Распутина, ставшие его врагами, были устранены. Зато прибавилось у него много друзей и "почитателей".

На приемах у Распутина кого только не бывало? Члены Государственного Совета, министры, генералы, архиереи, даже митрополиты, князья и княгини, графы и графини... Известен был большой сонм архиереев, преданных Распутину, покровительствуемых им. Он возглавлялся митрополитом Московским Макарием; среди них были архиепископы: Питирим (потом митрополит Петроградский), Алексей Дородницын (Владимирский), Серафим Чичагов (Тверской), еп. Палладий (потом Саратовский) и др. Самый близкий к Императрице Александре Федоровне человек, фрейлина А. А. Вырубова, была вернопреданной рабой Распутина.

Слово последнего было везде всемогуще. Определенно утверждали, что под влиянием Распутина Томский архиепископ Макарий, семинарист по образованию, был назначен Московским {60} Митрополитом; Псковский еп. Алексей Молчанов (опальный) - Экзархом Грузии (Экзаршеская кафедра в Грузии следовала после трех митрополичьих, являясь, таким образом, четвертой по важности архиерейской кафедрой в России.); опальный (После бестолково проведенных им торжеств открытия мощей свят. Иоасафа Белгородского.) же архиепископ Питирим быстро поднялся из Владикавказа на Самарскую кафедру, а затем в экзархи Грузии и Петроградские митрополиты. Подобному же влиянию Распутина приписывали и разные высокие назначения по гражданскому ведомству.

Как же держало себя по отношению к Распутину придворное духовенство?

Протопресвитер Благовещенский... Думаю, что о нем и говорить в данном случае не стоит. По старческому маразму он иногда, наверно, забывал, кто такой Распутин и есть ли он. А если бы и помнил и хотел что-либо сделать, всё равно он не мог ничего сделать, по немощи сил своих.

Прот. Н. Г. Кедринский... К чести его надо сказать, что тут он держал себя с достоинством. В борьбу с Распутиным он не вступал, благоразумно учитывая свои силы, но зато он совершенно игнорировал Распутина. И это тем более заслуживает внимания, что, в то же время, он постоянно заискивал не только перед фрейлинами и флигель-адъютантами, но даже и пред царскими лакеями, няней (М. И. Вишняковой), дворцовой прислугой и проч.

Прот. А. П. Васильев, раньше бывший законоучителем царских детей, а в 1914 году занявший и должность царского духовника, относился к Распутину иначе.

Распутин бывал в его доме, принимался с почетом. Дети отца Васильева будто бы относились к Распутину, как к духовному лицу, при встречах целовали его руку.

Отношения между самим о. Васильевым и Распутиным были весьма дружеские.

{61} Я видел Распутина всего два раза, и то издали: один раз на перроне

Царскосельского вокзала, другой раз в 1913 году на Романовских торжествах в Костроме. Там, во время торжественного богослужения литургии, когда царь, царица, все особы императорской фамилии и высшие чины стояли за правым клиросом и дальше в храме, на левом клиросе стоял Распутин. Очевидно, так было поведено: иначе его попросили бы уйти оттуда.

По освящении в 1912 г. Феодоровского собора он сделался Царским собором. Царская семья стала постоянно посещать этот собор. Начал часто посещать его и Распутин, причем становился в алтаре. В 1913 г. (2 июня) мне повелено быть почетным настоятелем этого собора, после чего меня часто приглашали служить в нем {62} в высочайшем присутствии. (Как объяснял мне ктитор и строитель Феодоровского собора, полковник Д. Н. Ломан, и постройка этого собора, и назначение меня его почетным настоятелем были вызваны отношением царя и царицы к своему духовнику, прот. Кедринскому. Царицу, вообще, не удовлетворяла придворная церковная служба: чинная, размеренная и стройная, но уж очень, правда, сухая, казенная. А тут еще несимпатичный совершитель ее. Правда, и самая крохотная церковка в Александровском Царскосельском дворце, где совершалось богослужение для царской семьи (прекрасным собором в Екатерининском дворце, почему-то, не пользовались) очень мало располагала к подъему религиозного чувства. В 1909 г. царь и царица начали посещать церковь Сводного полка, устроенную в самой казарме, в одной из комнат, и уютно полк. Ломаном обставленную, где священник этого полка прот. Н. Андреев служил не по-казенному. А затем был построен и в 1912 г. освящен Феодоровский собор. Фактически ставший главным придворным собором, он, однако, был передан в военное, а не в придворное ведомство: подчинен военному протопресвитеру, а притч его составлен из духовенства Конвоя его величества и Сводного полка. Придворное духовенство прямого отношения к нему не имело и могло являться лишь в качестве гостей. Духовенство собора Зимнего Дворца, во главе с придворным протопресвитером, имевшее главной задачей обслуживать духовные нужды царской семьи и ее двора, после этого оказалось в нелепейшем положении: у них остался пустой Зимний Дворец, паства же отошла к Феодоровскому собору, где хозяйничали другие. Пресвитер Зимнего Дворца, протоиерей Колачев, понял это и забил, было, тревогу. Но сделать ничего нельзя было. Чем кончилось бы такое положение вещей, если бы не грянула революция, - трудно сказать.)

Но при моих богослужениях Распутин ни разу не присутствовал в соборе. Была ли это случайность или нежелание Распутина встречаться со мною, - не решаюсь сказать. Во всяком случае, - мне передавали, - в другое время он аккуратно присутствовал при богослужениях в этом соборе.

Отдавшись своему прямому делу, соприкасаясь с придворной жизнью лишь при особых торжествах, на которых по своему положению я должен был присутствовать, я не имел ни повода, ни основания решительно вмешаться в распутинское дело, ибо ни армии, ни меня лично он не касался. Но всё же было несколько случаев, когда мне, *volens-nolens*, пришлось принять участие в этом роковом деле.

Расскажу о них.

В среду на первой неделе Великого поста (1912 г.) приехала ко мне за советом воспитательница царских дочерей, фрейлина Софья Ивановна Тютчева. Она не знала, как поступить: Распутин начал бесцеремонно врываться в комнаты девочек - царских дочерей даже и в то время, когда они бывали раздетые, в постели, и вульгарно обращаться с ними. Тютчева уже заявляла Государю, но Государь не обратил внимания. Теперь она спрашивала меня, должна ли она решительно протестовать перед Государем против этого.

Я ответил, что должна, не считаясь с последствиями ее протеста. Положим, сейчас ее могут не понять и уволить, но зато после поймут и оценят. Если же она теперь не исполнит своего долга, то в случае какого-либо несчастья она подвергнется огромной ответственности. Тютчева протестовала, и ее за это уволили. Потом я видел ее в 1917 году в Москве. Она не раскаивалась в своем поступке.

10 июня 1913 года в присутствии Государя и многих {63} высочайших особ, всех

министров, членов Государственного Совета и Государственной Думы, множества морских чинов - я освящал величественный Морской собор в Кронштадте. В конце литургии я произнес слово.

20 октября этого же года в Ливадии, после доклада Государю о поездке в Лейпциг для освящения храма, я был приглашен к высочайшему завтраку. Рядом со мной сидела фрейлина А. А. Вырубова. Только мы уселись за стол, как она говорит мне:

- Батюшка, я никогда не забуду вашего слова при освящении Кронштадтского собора. Как вы тогда удивительно сказали: "в этом величественном храме и царь земной должен чувствовать свое ничтожество перед Царем Небесным". Эти слова произвели огромное впечатление не только на меня, но и на Государя.

После этого случая она при каждой встрече со мною оказывала мне особое внимание.

Через несколько месяцев после нашей встречи в Ливадии она попросила меня уделить ей несколько минут для беседы, предоставив мне избрать место: или у меня, или в квартире ее отца (в музее

Александра III). Я избрал второе.

В назначенный час мы сидели в столовой за чайным столом. Когда участвовавшая в чаепитии мать А. А. Вырубовой оставила нас одних, последняя обратилась ко мне: - Я, батюшка, хочу поделиться с вами своими переживаниями. Кажется, я никому не делаю зла, но какие злые люди! Чего только они ни выдумывают про меня, как только они ни клеветают! Вот теперь распускают слухи, что я живу с Григорием Ефимовичем...

- Охота вам, - перебил я ее, - обращать внимание на такие глупости. Ну, кто может поверить, чтобы вы жили с этим грязным мужиком?

Она сразу прервала разговор. Ясно, что моя реплика ей не понравилась. Хотела ли {64} она расписать "старца" самыми яркими красками и меня привлечь на его сторону, но из моих слов заключила, что сделать этого нельзя, или она надеялась, что я сам выступлю на защиту "старца". Но расстались мы не так радушно, как встретились.

Всякий раз, когда мне приходилось бывать в Москве, я заезжал к великой княгине Елисавете Федоровне. Она была со мною совершенно откровенна и всегда тяжело скорбела из-за распутинской истории, по ее мнению, не предвещающей ничего доброго.

В начале 1914 года прот. Ф. А. Боголюбов (настоятель Петропавловского придворного собора), со слов духовника великой княгини Елисаветы Федоровны, прот. Митрофана Сребрянского, сообщал мне, что великая княгиня собирается прислать ко мне о. Сребрянского с просьбой, чтобы я решительно выступил перед царем против Распутина, влияние которого на царскую семью и на государственные дела становится всё более губительным. О. Сребрянский, однако, ко мне не приезжал, а вскоре началась война.

Во второй половине мая 1914 года ко мне однажды заехали кн. В. М. Волконский, товарищ председателя Государственной Думы, и свиты его величества генерал-майор, кн. В. Н. Орлов, начальник походной его величества Канцелярии. Первый был знаком со мной более заочно, со слов фрейлины двора Елизаветы Сергеевны Олив, моей духовной дочери; со вторым я очень часто встречался при дворе на разных парадных торжествах. Я знал, что кн. Орлов - самое близкое к Государю лицо. Приехавшие заявили, что они хотят вести со мной совершенно секретную беседу. Я увел их в свой кабинет, совершенно удаленный от жилых комнат. Никто подслушать нас не мог. Там они изложили мне цель своего приезда.

Суть ее была в следующем. Влияние Распутина на царя и царицу всё растет, пропорционально чему растут в обществе и народе разговоры об этом и {65} недовольство, граничащее с возмущением. Содействующих Распутину много, противодействующих ему мало. Активно или пассивно содействуют ему те, которые должны были бы бороться с ним. К таким лицам принадлежит духовник их величеств прот. А. П. Васильев. Прекрасно настроенный, добрый и честный во всем, тут он упрямо стоит на ложном пути, дружа с Распутиным, оказывая ему знаки уважения, всем этим поддерживая его.

- Я чрезвычайно чту и люблю о. Васильева, - говорил кн. Орлов, - как прекрасного пастыря и чудного человека, и потому особенно страдаю, видя тут его искреннее

заблуждение в отношении Распутина. Несколько раз я пытался разубедить, вразумить его, - все мои усилия до настоящего времени оставались бесплодными. Мы приехали просить вас, не повлияете ли вы на о. Васильева, не убедите ли его изменить свое отношение к Распутину.

Я пообещал сделать всё возможное. Условились так: я позвоню по телефону к о. Васильеву и буду просить его спешно переговорить со мною по весьма серьезному делу. Переговоривши с ним, я чрез кн. Волконского извещу кн. Орлова об исполнении обещания, а затем в назначенный час побываю у последнего один без кн. Волконского. Вообще, чтобы не возбудить ни у кого, не исключая прислуги, каких-либо подозрений, мы условились соблюдать крайнюю осторожность, как при посещениях друг друга, так и в разговорах по телефону.

В тот же час я говорил по телефону с о. Васильевым. Последний пожелал сам приехать ко мне в 8 ч. вечера.

Не скажу, чтобы предстоящий разговор несколько не беспокоил меня. О. Васильев был мне очень симпатичен; от других я очень много хорошего слышал о нем; но близки с ним мы не были и в общем всё же я очень мало знал его. Как он отнесется к моей попытке вразумить его? А что, если он нашу беседу передаст Григорию, {66} а тот царице? Добра от этого немного выйдет. Я решил действовать осторожно.

В 8-м часу вечера прибыл ко мне о. Васильев. Я принял его в парадной гостиной, удаленной от жилых комнат. Когда нам подали чай, я приказал прислуге больше не приходить к нам, а домашние мои раньше ушли из дому. Нас никто не слышал. Беседа наша длилась около трех часов. Скоро разговор перешел на интересующую меня тему о Распутине. О. Васильев не отрицал ни близости Распутина к царской семье, ни его огромного влияния на царя и царицу, но объяснял это тем, что Распутин, действительно, - человек отмеченный Богом, особо одаренный, владеющий силой, какой не дано обыкновенным смертным, что поэтому и близость его к царской семье и его влияние на нее совершенно естественны и понятны. О. Васильев не называл Распутина святым, но из всей его речи выходило, что он считает его чем-то вроде святого.

- Но ведь он же известный всем пьяница и развратник. Слыхали же, наверное, и вы, что он - завсегдатай кабаков, обольститель женщин, что он мылся в бане с двенадцатью великосветскими дамами, которые его мыли. Верно это? - спросил я.

- Верно, - ответил о. Васильев. - Я сам спрашивал Григория Ефимовича: правда ли это? Он ответил: правда. А когда я спросил его: зачем он делал это, то он объяснил: "для смирения... понимаешь ли, они все графини и княгини и меня грязного мужика мыли... чтобы их унижить".

- Но это же гадость. Да и кроме того: постоянное пьянство, безудержный разврат - вот дела вашего праведника. Как же вы примирите их с его "праведностью"? - спросил я.

- Я не отрицаю ни пьянства, ни разврата Распутина, - ответил о. Васильев, - но... у каждого человека {67} бывает свой недостаток, чтобы не превозносился. У Распутина вот эти недостатки. Однако, они не мешают проявляться в нем силе Божией.

Эта своеобразная теория оправдания Распутина, как оказалось, глубоко пустила корни. В сентябре 1915 года, вдова герцога Мекленбург-Стрелицкого графиня Карлова рассказывала мне следующее.

За несколько дней пред тем Императрица Александра Федоровна передала ей, порекомендовав прочитать, как весьма интересную, книгу: "Юродивые Святые Русской Церкви" (Заголовок книги привожу по памяти. Мне говорили, что книга эта составлена архимандр. Алексием (Кузнецовым), распутинцем, в оправдание Распутина. Может быть, в награду за эту услугу архимандрит Алексей, по протекции Распутина, в 1916 г. был сделан викарием Московской епархии, после чего он как-то хвастался одному из своих знакомых: "Мне что до Распутина: как он живет и что делает. А я вот, благодаря ему, сейчас Московский архиерей и, при всех благах, получаю 18.000 р. в год". Архимандрит Алексей, как мне сообщил проф. Н. Н. Глубоковский, представлял эту книгу в СПб Духовную Академию для получения степени магистра богословия, но там ее, конечно, отвергли.).

В книге рукою Императрицы цветным карандашом были подчеркнуты места, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. Дальнейшие комментарии излишни.

С о. Васильевым мы проговорили до 11 ч. вечера и всё же ни к чему определенному не пришли. Решили продолжать разговор на следующий день. Опять о. Васильев обещал приехать ко мне, к тому же вечернему часу.

Из проведенной беседы я вынес убеждение, что А. П. Васильев со мной искренен и что он сам колебался, защищая Гришку. Я решил смелее действовать в следующий раз.

В результате свыше трехчасового разговора (мы {68} расстались в 11 ч. 30 м. ночи) мы согласились на следующих положениях:

- 1) история Распутина весьма чревата последствиями и для династии и для России;
- 2) мы оба обязаны бороться с Распутиным, парализуя его влияние всеми, зависящими от нас, средствами. На этом мы расстались.

После этого вечера я до осени 1915 года ни разу не видел о. Васильева и совсем не знаю, как он выполнял обязательства, вытекающие из нашего последнего разговора.

Из беседы с кн. Орловым я окончательно убедился, что распутинское дело зашло очень далеко.

Вскоре после этого я сделал две совершенно безуспешные попытки помочь благополучному разрешению его.

Скажу о них.

В то время, как мне было доподлинно известно, исключительным влиянием на Государя пользовался военный министр генерал-адъютант В. А. Сухомлинов, очень сердечно относившийся ко мне. Я решил повлиять на Сухомлинова, чтобы он в свою очередь произвел соответствующее давление на Государя. После одного из докладов в конце мая (1914 г.) я завел речь о Распутине и о страшных последствиях, к которым может привести распутинщина. Сухомлинов слушал вяло, неохотно, раз-два поддакнул. Когда я попросил его повлиять на Государя, чтобы последний устранил Распутина, Сухомлинов буркнул что-то неопределенное и быстро перевел разговор на другую тему. Теперь я отлично понимаю Сухомлинова: он тогда лучше меня ориентировался в обстановке и считал для дела бесплодным, а для себя лично опасным предпринимать какие-либо шаги против Распутина.

В другой раз, 12 или 13 июля 1914 года, по этому же проклятому вопросу беседовал я с великой княгиней Ольгой Александровной, родной сестрой Государя.

Великая княгиня Ольга Александровна среди всех особ императорской фамилии отличалась {69} необыкновенной простотой, доступностью, демократичностью. В своем имении Воронежской губ. она совсем опрачивалась: ходила по деревенским избам, нянчила крестьянских детей и пр. В Петербурге она часто ходила пешком, ездила на простых извозчиках, причем очень любила беседовать с последними. Еще в 1905 г., в Манчжурии, ген. А. Н. Куропаткин, знавший ее простоту и демократический вкус, шутливо отзывался, что она "с краснинкой". В конце 1913 г. я был приглашен ею в члены возглавлявшегося ею комитета по постройке храма-памятника в Мукдене. У нас сразу установились простые, сердечные отношения. Вот я и решил серьезно поговорить с нею по распутинскому делу.

- Это мы все знаем, - сказала она, выслушав меня. - Это наше семейное горе, которому мы не в силах помочь.

- Надо с Государем решительно говорить, ваше высочество, - сказал я.

- Мама говорила, ничего не помогает, - ответила она.

- Теперь вы должны говорить. Я же знаю, что его величество чрезвычайно любит вас и верит вам. Авось, он послушается вас, - настаивал я.

- Да я готова, батюшка, говорить, но знаю, что ничего не выйдет. Не умею я говорить. Он скажет одно-два слова и сразу разобьет все мои доводы, а я тогда совсем теряюсь, - с каким-то страданием ответила она.

Следующее мое свидание с вел. княгиней Ольгой Александровной было 12 ноября 1918 года в Крыму, где она жила со вторым своим мужем, ротмистром гусарского полка

Куликовским.

Тут она еще более опростилась. Незнавшему ее трудно было бы поверить, что это великая княгиня. Они занимали маленький, очень бедно обставленный домик. Великая княгиня сама нянчила своего малыша, стряпала и даже мыла белье. Я застал ее в саду, где она возила {70} в коляске своего ребенка. Тотчас же она пригласила меня в дом и там угощала чаем и собственными изделиями: вареньем и печеньями. Простота обстановки, граничившая с убожеством, делала ее еще более милою и привлекательною.

Тогда она продолжала верить, что и брат, и его семья еще живы.

{73}

IV

Накануне войны

В сентябре 1913 года обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер сообщил мне о желании Государя поручить мне освящение храма-памятника, сооруженного в Лейпциге в память русских воинов, погибших в Битве народов 5 октября 1813 года. Освящение назначалось на день столетнего юбилея. Предполагалось, что на торжестве будут присутствовать Император Вильгельм и др. высочайшие особы. Мне очень приятно было это поручение, дававшее возможность познакомиться с Германией, границу которой до того времени не переступала моя нога. Я высказал обер-прокурору, что для достойной для России торжественности следовало бы вместе со мною командировать лучшего нашего протодиакона Константина Васильевича Розова (Московского Успенского собора) и синодальный хор. Саблеру понравилась эта мысль.

Вскоре я получил официальное сообщение, что, по повелению Государя, я с протодиаконом Розовым и Синодальным хором командируюсь в Лейпциг для освящения храма-памятника. Мы должны были выехать вместе с русской военной миссией, отправляемой для представительства России на торжествах. Во главе миссии стоял великий князь Кирилл Владимирович. В составе ее были: начальник Генерального Штаба генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский, Генерального Штаба отставной генерал-лейтенант Воронов, командиры полков: лейб-гвардии Павловского, генерал-майор Некрасов, лейб-гвардии Казачьего генерал-майор Пономарев и другие, всего, кажется, 14 человек. 1 октября мы выехали из Петербурга.

Наши духовные лица, путешествуя за границей, {74} обыкновенно носят штатскую одежду, но я убедил протодиакона Розова не менять костюма. Потом я и сам бывал не рад своему решению оставаться в рясе, при длинных волосах. Наш вид везде привлекал особенное внимание немцев, не видевших раньше русских священников в их настоящем одеянии. Где бы мы ни появились: на вокзале ли, на улице, в ресторане, - везде собиралась толпа, то с удивлением, то с усмешкой разглядывавшая нас. Особенное внимание немцев привлекал протодиакон Розов. Красавец-брюнет, с прекрасными, падающими на плечи кудрями, огромный ростом - 2 аршина 14 вершков, весом, как уверяли, чуть не 12 пудов, - он действительно представлял фигуру, на которую с удивлением могли заглядываться и русские. Немцы же у меня спрашивали:

- Это у вас самый большой человек?

- У нас много гораздо больших, - отвечал я.

- О! о! - удивлялись немцы.

Но для большего любопытства немцев с нами почти неразлучно появлялся генерал Некрасов - очень типичная фигура с чрезвычайно быстрыми глазами и огромной, широкой, придававшей ему необыкновенно свирепый вид, бородой, в которой, как в большом кусте, пряталось его маленькое лицо.

По улицам Лейпцига нам почти нельзя было ходить, ибо с появлением нашего "трио" движение публики останавливалось (это факт), и матери пальцами указывали своим детям на протодиакона Розова.

В Лейпциге наша миссия, в том числе и я с Розовым, пользовались особым покровительством лейпцигского богача, коммерсанта Доделя, взявшего на себя хлопоты по

всем нашим нуждам, а раньше принимавшего большое участие в постройке храма. Кажется, 3 октября, вся наша миссия во главе с великим князем обедала у него. Конечно, Додель не посрамил себя. Что заставило его проявить такое внимание и к нам, и к храму, - затрудняюсь сказать. Одни говорили: любовь к России; другие - {75} желание получить большой русский орден. Может быть, первое не мешало второму. А может быть, к этому присоединялись еще и коммерческие расчеты.

Торжество началось 4 октября. В этот день в кирхе, любезно предоставленной нам лютеранами, перед гробами с останками наших героев, в присутствии всех членов миссии и чинов русского посольства в Берлине, русских, живущих в Лейпциге и множества немцев, была отслужена панихида, а затем с крестным ходом останки торжественно были перенесены в усыпальницу нашего храма. По пути шествия были выстроены немецкие войска с оркестром музыки, исполнившим "Коль Славен". 5 октября предстояло освящение храма, литургия и молебен. По церемониалу, в конце литургии на молебен должен был прибыть, после открытия своего немецкого памятника, Император Вильгельм со всеми высочайшими особами, съехавшимися на торжество.

Накануне у меня с генералом Жилинским и другими членами миссии происходило совещание о деталях завтрашнего торжества. Ген. Жилинского очень беспокоило, как бы протоиерей Розов своим могучим басом не оглушил Вильгельма.

- Скажите Розову, - просил меня Жилинский, - чтобы он не кричал. У Вильгельма большие уши. Не дай Бог, лопнет барабанная перепонка, - беда будет.

Я передал это Розову. Тот обиделся.

- Зачем же тогда меня взяли. Что ж, шепотом мне служить, что ли? Какая же это служба? - ворчал он. А что мне может быть, если я действительно оглушу Вильгельма? Из Германии вышлют? Так наплевать, - я и так должен буду уехать. Нет, уж, о. протопресвитер, благословите послужить по-настоящему, по-русскому.

- Валяй, Константин Васильевич. Вильгельм не повесит, если и оглушишь его, - утешил я Розова.

Утром 5 октября перед службой я говорю нашему послу в Германии, Свербееву:

{76} - Ген. Жилинский боится, как бы Розов своим басом не повредил Вильгельму уши.

- Ничего не станет этой дубине, - выдержит, - ответил Свербеев. А стоявший тут же свиты его величества ген-майор Илья П. Татищев (Убитый вместе с Государем в Екатеринбурге в ночь с 3 на 4 июля (ст. ст.) 1918 г.), бывший при особе Вильгельма, добавил:

- Оглухнет, так и лучше.

Рано утром 18 октября началось Лейпцигское торжество.

Никогда не забыть мне этого 18 октября. Приехав в церковь задолго до начала службы, я с высокой паперти (Церковь - из двух этажей, причем площадь нижнего гораздо больше площади верхнего. В нижнем этаже усыпальница, в верхнем - храм. Храм, таким образом, стоит как бы на пьедестале, а остаток поверхности этого пьедестала, не занятый храмом, является папертью-площадкою для крестных ходов.) наблюдал бесконечно тянущуюся мимо церкви к немецкому памятнику, пеструю как разноцветный ковер, меняющуюся, как в кинематографе, ленту идущих войск, процессий и разных организаций. Прошли войска: пехота, кавалерия, артиллерия. Пошли студенты. Они шли по корпорациям, со знаменами и значками, каждая корпорация - в своих костюмах, красивых, иногда вычурных. Студенты шли стройными рядами, как хорошо выученные полки. Порядок не нарушался нигде и ни в чем. Народ чинно следовал по бокам дороги, как бы окаймляя красивую, пышную ленту войск и студенческих корпораций...

У меня замерло сердце: вот она, Германия! Стройная, сплоченная, дисциплинированная, патриотическая! Когда национальный праздник, - тут все, как солдаты; у всех одна идея, одна мысль, одна цель, и всюду стройность и порядок. А у нас всё говорят о борьбе с нею... Трудно нам, разрозненным, распропагандированным тягаться с нею... Эта мысль всё росла у меня по мере того, как я всматривался в дальнейший ход торжества.

{77} Литургию я совершал в сослужении заграничных протоиереев: Берлинского - А.

П. Мальцева и Дрезденского - Д. Н. Якшича. В самом конце литургии, когда певчие начали петь "Благочестивейшего", в церковь вошли король Саксонский (как хозяин, он всегда и везде на торжествах занимал первое место, Вильгельм же второе), Император Вильгельм, Австрийский эрц-герцог Франц-Фердинанд, Шведский принц и пр. Всего, как говорили, 33 высочайших особы при многолюдной свите. Начался молебен. Своим могучим сочным, бархатным басом, протоиерей Розов точно отчеканивал слова прошений; дивно пели синодальные певчие. Эффект увеличивался от великолепия храма и священных облачений, от красивых древнерусских одеяний синодальных певчих. Церковь замерла. Но вот началось многолетие. Первое - Государю Императору, Императрицам, Наследнику и царствующему дому. Второе - королю Саксонскому, императору Германскому, императору Австрийскому и королю Шведскому. Третье - воинству. Розов превзошел себя. Его могучий голос заполнил весь храм; его раскаты, качаясь и переливаясь, замирали в высоком куполе. И этим раскатам могуче вторили певчие.

Богослужение наше очаровало иностранцев. Вильгельм, - рассказывали потом, - в течение этого дня несколько раз начинал разговор о русской церкви, о Розове и хоре. "Он бредит Розовым", - говорили у нас (Возвращаясь из Лейпцига, Синодальный хор дал духовный концерт в Берлине. Вильгельм не только сам приехал на концерт, но и привез капельмейстера своей капеллы. Когда Вильгельм входил в концертный зал, он прежде всего спросил: "А будет ли петь протод. Розов?" Так передавали мне.).

Днем был завтрак в городской ратуше, а вечером обед во дворце Саксонского короля. Все высочайшие особы были на том и другом. Была там и вся наша миссия.

{78} После обеда во дворце короля все обедавшие вышли в большую залу. Тут я мог рассмотреть весь цвет германских верхов: короли, владетельные герцоги и принцы, генералитет, министры и пр.

Хорошо помню огромную фигуру Мольтке, суровую адмирала Тирпица, приземистую, полную Саксонского военного министра и др. Вильгельм начал обходить присутствующих. Я не спускал с него глаз. Как сейчас, помню его пристальный, испытывающий, как бы пронизывающий взгляд. Он как будто впивался в каждого, стараясь выпытать, выжать от него всё, что можно. Решительностью, смелостью, задором, даже, пожалуй, надменностью и дерзостью веяло от него. Видно было, что этот человек всё хочет знать, всем в свое время воспользоваться и всё крепко держать в своей руке. Невольно вспомнился наш Государь - робкий, стесняющийся, точно боящийся, как бы разговаривающий с ним не вышел из рамок придворного этикета, не сказал лишнего, не заставил его лишний раз задуматься, не вызвал его на тяжелые переживания.

Эрцгерцог Франц-Фердинанд неотступно следовал за Вильгельмом, отстраняя его от русских. Когда члены нашей миссии попросили в. кн. Кирилла Владимировича представить их Вильгельму, князь раздраженно сказал: "Видите: этот австрийский нахал никого не подпускает к нему". Действительно, Франц-Фердинанд слишком уж бесцеремонно не скрывал своей ненависти к нам, русским.

Когда мы возвращались из дворца, улицы были запружены народом; наши автомобили продвигались со скоростью черепахи, и мы до своей гостиницы ехали более получаса, когда можно было пешком дойти за 10-15 минут. Но везде был большой порядок: ни пьяных, ни бесчинствующих, а лишь густая, как стена, непроницаемая, празднующая толпа. Нас, русских, толпа шумно приветствовала.

Возвращаясь из Лейпцига, мы делились впечатлениями. Большинство сходилось в том, что Германия представляет могучую своей стройностью, порядком и {79} единодушием силу, страшную для нас. Ген. Некрасов был другого мнения.

- Вы, господа, не понимаете немца, - говорил он, - у него всё держится на правиле, порядке, системе, шаблоне. Но тут-то и есть слабая его сторона. Начни противник действовать, вопреки правилу, системе, - немец растерялся и пропало дело. Так мы и будем воевать и разобьем, господа, немца.

"Система" ген. Некрасова, к несчастью, очень часто применялась нашими генералами

(думаю, что независимо от его совета), но, к сожалению, чаще давала очень плохие результаты. Удачно ли применял сам ген. Некрасов свою систему, - не знаю. Но об успехах его в этой войне не было слышно, а в начале революции он был убит солдатами.

В начале 1914 года у меня явилась мысль собрать в Петербурге представителей военного духовенства от всех военных округов и от флота, чтобы сообща обсудить ряд вопросов, касающихся жизни и деятельности военного священника и, в частности, вопрос о служении священника на войне. Последний вопрос имел огромное значение, а между тем, как это ни странно, не только для общества, но и для военного духовенства он был совершенно неясен и, как я лично убедился в Русско-японскую войну, каждым священником решался по-своему, иногда неразумно и дико. В 1913 году я, на основании своего опыта и наблюдений на Русско-японской войне, попытался разрешить этот вопрос в своей брошюре: "Служение священника на войне".

Тут на каких-то 40 страницах небольшого формата я просто и бесхитростно рассказал, что и как может делать священник на войне. Свою брошюру я писал исключительно для военного духовенства и был искренне удивлен, когда на нее обратила серьезное внимание светская печать, признавая, что я осветил деятельность военного священника с совершенно новой, до того времени неизвестной обществу, точки зрения (В. В. Розанов посвятил моей брошюре целый восторженный фельетон в "Новом времени").

Казалось бы, совершенно простой вопрос: что делать священнику на войне? - на самом деле далеко не для всех был прост. Это служение можно свести к минимуму, но можно (и должно) расширять до бесконечности. Так, многие полковые священники во время боя просиживали в обозах, госпитальные ограничивали свои обязанности напутствием умирающим и погребением умерших и т. д.).

Теперь мне хотелось, чтобы Съезд, составленный из выборных, лучших военных и морских священников, проверил мой взгляд и выработал определенный план для духовной работы священника на поле брани. Намечено было и много других вопросов, по которым должен был высказаться Съезд. Военный министр одобрил мою мысль, и вопрос о созыве Съезда, таким образом, был решен. Сначала я хотел собрать Съезд по окончании лагерного времени, т. е. в августе, но потом передумал и объявил днем открытия Съезда 1 июля. На июнь же месяц я впервые за три года службы в должности протопресвитера уехал в деревню.

Во время своего отпуска я навестил своего школьного товарища Павлина Мурашкина, священствовавшего в с. Иванове, Витебской губ., Невельского уезда. Это село находится в 7-8 в. от города Невеля и представляет чудный уголок. С одной стороны к нему примыкает большой (5 десятин) парк с деревьями самых разнообразных пород; с двух других сторон - село окружено живописными озерами. Чудной архитектуры церковь и остатки большой барской усадьбы дополняют исключительную красоту села. Когда-то это было имение одного из богатейших вельмож Екатерининского века, генерала Ив. Ив. Михельсона, умиротителя Пугачевского бунта. Когда-то генералу Михельсону принадлежал почти весь Невельский уезд. Местное предание сохранило множество самых разнообразных воспоминаний о генерале и его неудачном наследнике, в которых возможная историческая {81} правда причудливо сплеталась с явным неправдоподобием.

Рассказывали, например, будто ген. Михельсон несколько раз ловил Пугачева и опять отпускал его, отняв предварительно у него всё награбленное, и что так, именно, главным образом, составилось огромное Михельсоновское богатство. После смерти Михельсона (1801 г.) всё его богатство скоро пошло прахом. Единственный сын Михельсона оказался беспутным кутилой и самодуром. Летом он иногда приказывал засыпать солью весь путь от с. Иваново до г. Невеля, чтобы ему можно было прокатиться на санках. Самодурство кончилось тем, что он умер почти бедняком.

Ген. Михельсон был протестантом, но чувствовал большое тяготение к православной церкви. Он выстроил и украсил в с. Иваново чудный храм, достойный по своей художественности быть помещенным в любой из столиц, и завещал похоронить себя в этом

храме. Незадолго до кончины ген. Михельсон принял православие. После Михельсона невежественные, лишенные всякого художественного вкуса, усердные не по разуму, настоятели и ктитория храма успели значительно обезобразить его, навесив икон кустарной работы, аляповатых, совсем не гармонизировавших со стилем (рококо) и всем первоначальным убранством храма.

Но всё же и после всего этого храм представлял редкий для захолустной деревни памятник церковного искусства.

В притворе стоял прекрасно исполненный мраморный бюст ген. Михельсона, а в подвальном помещении через окно (дверей в этом помещении не было) виднелись два закрытых гроба: в одном из них покоились останки ген. Михельсона, умершего в 1801 г. в Силистрии (во время войны с турками, в которой он был Главнокомандующим) от холеры, в другом - его сына.

О. Павлин предложил мне осмотреть гробы, если я соглашусь пробраться в подвальное помещение через окошко. Я с охотой принял предложение. Без особых удобств, но и без большого труда мы проникли к гробам.

{82} Крышки гробов не были приколочены. О. Павлин поднял крышку первого гроба, и я увидел генерала Михельсона совершенно сохранившимся. Сходство с бюстом его поразительное, только цвет лица был темнее, чем на бюсте. Зеленоватого сукна генеральский мундир и ботфорты были совершенно целы. Потом О. Павлин поднял вторую крышку. Сын сохранился хуже отца: провалились глаза и нос, но всё же и тут можно было отличить черты лица. Мундир и сапоги и тут были целы.

Вернувшись из отпуска, я посетил как-то войска Первого армейского корпуса, стоявшие в Красносельском лагере. Командир корпуса представил мне старших начальников корпуса. Среди них оказался Ген. Штаба ген. Михельсон, тогда занимавший должность командира бригады 37 пех. дивизии.

- Вы не состоите в родстве со знаменитым генералом И. И. Михельсоном? - спросил я его.

- Я его внучатый племянник, - ответил мне генерал.

- А я недели две тому назад видел вашего дедушку, - сказал я. Ген. Михельсон и все присутствующие с удивлением посмотрели на меня.

- Как же вы могли видеть его, когда он умер более ста лет тому назад? - с усмешкой возразил генерал.

- Да, недели две тому назад я его видел, - подтвердил я.

Все смотрели на меня с недоумением. Кто-нибудь, вероятно, подумал: "Не рехнулся ли он?". Тогда я рассказал о своем посещении села Иванова, в котором, как оказалось, этот потомок ген. Михельсона ни разу не был и ничего не знал о стоящих под церковью гробах его предков.

1-го июля открылся Съезд. Все округа, не исключая и окраинных, прислали своих представителей. Собралось всего 49 священников - 40 военных и 9 морских. Это {83} был первый Съезд военного и морского духовенства за, всё существование ведомства. А существовало оно более ста лет.

Съезд работал, разбившись на 9 секций: 1-ая - о составлении памятки военному священнику, 2-ая - о богослужении, 3-я - об учительстве военного пастыря, 4-ая - о библиотеках, 5-я - о миссии в войсках, 6-ая - о правовом положении военного священника, 7-я - о благотворительной деятельности ведомства, 8-ая - об организации церковно-свечного дела в ведомстве, 9-я о положении морского духовенства. Президиум Съезда избран в таком составе: председатель - протопресвитер; его заместитель - настоятель Ташкентского военного собора прот. К. Ф. Богородицкий; товарищ председателя - настоятель Николаевского Адмиралтейского собора прот. Доримед Твердый; секретарь - настоятель Севастопольского Адмиралтейского собора

прот. Ром. Медведь; помощники секретаря - протоиерей лейб-гвардии

3-го стр. полка Всеволод Окунев и настоятель Киевского военного собора С. Троицкий.

11 июля, после десятидневной непрерывной работы, Съезд закончил свои занятия. А 15-го июля, за четыре дня до объявления войны, все члены Съезда в Петергофском дворце представлялись Государю. При открытии Съезда и мысли ни у кого не было о возможности близкой войны. 15-го уже все твердили о надвигающейся грозе. "Быть войне: вишь, попов сколько собралось", расслышал я замечание одного грубого остряка, когда мы садились в вагоны на Петербургском вокзале.

Работа, общение членов Съезда, состоявшего преимущественно из благочинных, главное же - обстоятельное, всестороннее обсуждение Съездом вопроса, что, где и как должен делать священник на войне, имели большое значение для всего последующего служения военного и морского духовенства в Великой войне.

Могу смело сказать, что, с тех пор, как существует военное {84} духовенство, оно впервые только теперь отправилось на войну с совершенно определенным планом работы и с точным понятием обязанностей священника в разных положениях и случаях при военной обстановке: в бою и вне боя, в госпитале, в санитарном поезде и пр. Несомненно, этим объясняется то обстоятельство, что, по общему признанию, в эту войну духовенство работало, как никогда раньше.

Не успели еще разъехаться члены Съезда, как 18 июля была объявлена мобилизация. А 19-го поздно вечером я получил из военного министерства телеграмму, что Германия объявила войну России, 20-го же, кажется, утром, другую, что объявила войну России и Австрия.

20 июля, в 4 часа дня, в Зимнем Дворце, в Белом Зале совершался молебен. Государь и все члены императорской фамилии, министры, генералитет, члены Государственного Совета и Думы, множество офицеров заполняли огромный зал. Внимание всех было устремлено на Государя и вел. кн. Николая Николаевича: все ждали, что последний будет Верховным Главнокомандующим. Перед молебном был прочитан манифест об объявлении войны. После молебна Государь сказал краткую речь. Особенно торжественно прозвучали твердо, громко и мужественно произнесенные Государем слова: "Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей". Дрожь пробежала по толпе. Присутствующие, как один человек, опустились на колени. Потом раздалось громовое "ура". Многие плакали.

Перед Зимним Дворцом в это время собралась многотысячная толпа народу, главным образом - рабочих. Когда Государь с Наследником показался на балконе, восторгу толпы не было границ. Война сразу стала популярной, ибо Германия и Австрия подняли меч на Россию, заступившуюся за сербов. Русскому народу всегда были по сердцу освободительные войны.

{85} Когда еще только говорили о возможности войны, в военных кругах были уверены, что вел. кн. Николай Николаевич является единственным кандидатом в Верховные Главнокомандующие. Вышло, однако, немного иначе.

Сначала сам Государь захотел стать во главе армии и уже избрал себе помощников, назначив начальником своего Штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Янушкевича - начальника Генерального Штаба, а генерал-квартирмейстером генерал-лейтенанта Ю. Н. Данилова

- генерал-квартирмейстера Генерального Штаба. Великий князь Николай Николаевич принял в командование 6-ю армию, на обязанности которой лежала защита Петрограда. Он перенес свой штаб в свое имение под Стрельной. Мне было поведено состоять при Главной Квартире Верховного Главнокомандующего. Но потом Совет Министров, - кажется, при содействии Императрицы Александры Феодоровны, - убедил Государя отказаться от своего решения, и тогда только вел. кн. Николай Николаевич был назначен Верховным Главнокомандующим.

Вел. кн. хотел привлечь генералов Палицына и Алексеева на наиболее ответственные посты Ставки, но Государь после того, как вел. кн. изъявил свое согласие, просил принять штаб уже в сформированном составе. Вел. князь подчинился желанию Государя (Возр. ном. 1315.

Ч. 1-1929.).

Шли разговоры и догадки, кто будет главнокомандующими и командующими армиями. Помнится, на одном из заседаний Главного Управления Красного Креста, членом которого я состоял, А. И. Гучков спросил меня, не знаю ли я, кто назначен на высшие командные должности в Действующей Армии.

- А вы кого из генералов хотели бы видеть в числе командующих? спросил я.

{86} Он в первую голову назвал ген. Ключева (Командир XIII корпуса, попавший в плен под Сольдау.). Потом стали называть определенные имена: генерал-адъютант Н. И. Иванов - главнокомандующий Южным фронтом; генерал Я. Г. Жилинский - главнокомандующий Северо-западным фронтом; генерал-адъютант П. К. Рененкамф,

ген. П. К. Плеве, А. В. Самсонов, Н. В. Рузский, А. А. Брусилов командующие армиями. Генерал-лейтенант М. В. Алексеев - начальник штаба Южного фронта.

23 или 24 июля я встретил на улице своего старого знакомого, бывшего начальника Академии Генерального Штаба, а тогда члена Государственного Совета, генерала от кавалерии Н. Н. Сухотина (умер в июле 1918 г.) и назвал ему имена главнокомандующих и командующих.

- Вы думаете, что они закончат войну? Много еще переменится и кончат новые... - с какой-то скорбью сказал он мне.

Начались приготовления к отъезду. Я должен был набрать себе сослуживцев: священника для штабной церкви, диакона, псаломщика, певчих, секретаря и заготовить походную церковь. Оказалось, что последняя была уже заготовлена в Царском Селе полк. Ломаном. Мне осталось лишь воспользоваться ею.

Патриотическое настроение в народе росло, как и ненависть к немцам. В Петербурге, на Морской, толпа разгромила здание немецкого посольства. Германский посол уехал из России. Жена его, бывшая в хороших отношениях со многими русскими, оставила свои драгоценности в Эрмитаже. Ее знакомые рассказывали мне, что перед отъездом у нее в разговоре с одной из фрейлин Двора вырвались слова: "Бедный Государь! Он не подозревает, какой конец ожидает его". Она была уверена, что Германия разгромит Россию, что затем начнется в {87} России революция, во время которой погибнет Государь. Но она надеялась, что во время революции Зимний Дворец, как необитаемый, и Эрмитаж, как сокровищница, не пострадают.

Воинственный пыл и какой-то радостный подъем, охватившие в ту пору весь наш народ, могли бы послужить типичным примером массового легкомыслия в отношении самых серьезных вопросов.

В то время не хотели думать о могуществе врага, о собственной неподготовленности, о разнообразных и бесчисленных жертвах, которых потребует от народа война, о потоках крови и миллионах смертей, наконец, о разного рода случайностях, которые всегда возможны и которые иногда играют решающую роль в войне.

Тогда все - и молодые и старые, и легкомысленные и мудрые - неистово рвались в это страшное, неизвестное будущее, как будто только в потоке страданий и крови могли обрести счастье свое. Такое настроение не ослабевало в течение нескольких месяцев войны, пока не обнаружились на фронте потребовавшие множества жертв недочеты наши. Месяца через два-три после начала войны, когда фронт, особенно Северо-западный, уже перенес много испытаний, когда обнаружилась и мощь противника, и наша неподготовленность, когда будущее войны перестало представляться безоблачным, - вдруг в это время по фронту пронесся слух, будто Императрица склоняется к миру с немцами. И этот слух смутил всех гораздо более, чем предшествовавшие ему страшные неудачи на фронте. Под влиянием общего настроения я должен был написать Вырубовой письмо, где просил ее всеми силами влиять на Императрицу, чтобы отклонить ее от мысли о преждевременном мире.

Получив назначение, великий князь Николай Николаевич принял уже сделанное Государем назначение ближайших его помощников: начальника штаба и генерал-квартирмейстера. В тот же день он дал ген. Янушкевичу ряд распоряжений и среди

них, - чтобы я был при {88} Ставке. Ген. Янушкевич объяснил великому князю, что распоряжение об этом уже сделано Государем.

На 25 и 26 июля я был вызван в загородный дворец великого князя Петра Николаевича, чтобы совершить богослужение по случаю 25-летия со дня его бракосочетания с великой княгиней Милицей Николаевной. Великий князь Николай Николаевич в этот день находился на заседании, происходившем в Петербурге, под председательством Государя, поэтому не присутствовал на богослужении и опоздал к завтраку. Конечно, до его приезда не сели к столу. Великий князь приехал радостный, сияющий. Увидев меня, он быстро ко мне подошел, и, обняв, расцеловал.

- Я очень, очень, рад, что вместе будем служить, - сказал он, пожимая мне руку.

Подошедшая в это время великая княгиня Анастасия Николаевна прибавила:

- А помните наш разговор, когда вы в первый раз были у нас?

- Прекрасно помню, - ответил я.

За завтраком я узнал, что с великим князем Николаем Николаевичем выезжает на войну и великий князь Петр Николаевич. Завтрак прошел чрезвычайно оживленно. Видно было, что все переживают радость назначения великого князя на высокий пост, и никто не хотел думать об ужасах войны, об ожидающих его самого переживаниях. Сам великий князь безусловно был рад своему назначению. Ему льстила выпавшая на его долю честь возглавлять нашу армию в великой войне; радовало его и сказавшееся в этом назначении внимание к нему Государя, которым он всегда очень дорожил.

Кроме же и того, и другого, великий князь, несомненно, был сторонником войны с немцами, которую он считал неизбежной, и для России необходимой.

27-го, в день рождения великого князя {89} Николая Николаевича, я совершал богослужение, а потом завтракал в его пригородном имении.

И тут настроение у всех было оживленно-радостное.

На другой день я получил извещение, что отъезд на войну назначен на 31 июля, в 11 ч. вечера, и что я должен к этому времени приехать в Петергоф, откуда отходит поезд великого князя, штабной же поезд, где поместится и "мой штаб", уйдет раньше из Петербурга.

К назначенному времени я прибыл в Петергоф. Великого князя еще не было, но вся свита была в сборе. Комендант Ставки Главнокомандующего генерал-майор Саханский указал мне мое помещение в поезде - двухместное купе I класса. Моими соседями по купе оказались заведывающий двором великого князя генерал-лейтенант Матвей Егорович Крупенский и старший адъютант великого князя полк. кн. Пав. Бор. Щербатов.

Свита волновалась: приедет или не приедет Государь провожать великого князя? Большинство думало: должен приехать.

Вот приехали великие князья Николай и Петр Николаевичи с великими княгинями и детьми. Меня пригласили в парадные комнаты, где уже были великие князья и княгини, а из посторонних только генералы Янушкевич и Данилов. Видно было, что все с нетерпением ждут, когда же приедет Государь.

Но... Государь прислал своего дворцового коменданта, ген. Воейкова, приветствовать отъезжающего великого князя.

Разочарование было большое...

Помолились перед иконой. Кончилось трогательное прощание с великими княгинями и детьми. Отъезжающие направились в поезд. Я хотел уйти в числе первых, но великий князь Николай Николаевич удержал меня за руку и так, не выпуская моей руки, поднялся на площадку вагона. Раздался свисток кондуктора. Поезд начал отходить тихо и плавно. Великий князь правую руку держал у козырька, а левой крепко сжимал мою руку.

{90} Когда поезд отошел от станции, великий князь крепко обнял меня, после чего сказал: "Ну, теперь идите спать".

Мы двинулись в путь на великое, но полное неизвестности дело.

{93}

V

Русская армия в предвоенное время
(Эта глава написана 22-23 июля 1936 г.)

С какою же армиею вышла Россия на войну с Германией?

Протопресвитер военного и морского духовенства имел полную возможность составить самостоятельное мнение об армии, духовенством которой он управлял. Одной из его главных обязанностей было возможно частое посещение воинских и морских частей, не только для наблюдения на месте за деятельностью военного и морского духовенства, но и для общения с этими частями и для ознакомления с их состоянием и духовными нуждами.

Военные власти всячески облегчали протопресвитеру исполнение этой обязанности: на разъезды ему отпускался ежегодно кредит в размере 5 тысяч рублей, при поездках по железной дороге ему предоставлялось отдельное купе I кл., или целый вагон, в какую бы часть он ни прибыл, везде он был желанным гостем.

Посещениям частей я отдавал очень много времени, пользуясь для этого преимущественно летнею порой, когда обычно Государь жил в Крыму, и я был свободен от царских парадов. С июня 1911 года по май 1914 года я посетил большинство воинских частей всех военных округов и много военных кораблей Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов. Опыт Русско-японской войны, на которой я провел два года, и моя восьмилетняя служба при Академии Генерального Штаба дали мне возможность заметить и положительные и отрицательные качества боевого состава.

Если сравнивать состав нижних воинских чинов перед Русско-японской войной и таковой же перед Великой, преимущество окажется на стороне последнего. Солдат {94} 1914 года не утратил прежних исконных качеств русского воина: мужества, самоотвержения, верности долгу, необыкновенной выносливости. Но в солдатской массе теперь стало гораздо больше грамотных, следовательно, более толковых, сметливых, способных разумнее выполнить нужный приказ или поручение. У русского солдата еще не доставало инициативы, самостоятельности, (за это армия заплатила дорогой ценой, очень скоро потеряв массу кадровых офицеров), но это объяснялось и тем, что при тогдашней системе воинского воспитания недостаточно заботились о развитии таких качеств.

Русский офицер был существом особого рода. От него требовалось очень много: он должен был быть одетым по форме, вращаться в обществе, нести значительные расходы по офицерскому собранию при устройстве разных приемов, обедов, балов, всегда и во всем быть рыцарем, служить верой и правдой и каждую минуту быть готовым пожертвовать своею жизнью. А давалось ему очень мало.

Офицер был изгоем царской казны. Нельзя указать класса старой России, хуже обеспеченного, чем офицерство. Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. И если у него не было собственных средств, то он, в особенности, если был семейным, - влачил нищенское существование, не доедая, путаясь в долгах, отказывая себе в самом необходимом.

Несмотря на это, русский офицер последнего времени не утратил прежних героических качеств своего звания. Рыцарство оставалось его характерною особенностью. Оно проявлялось самым разным образом. Сам нуждающийся, он никогда не уклонялся от помощи другому. Нередки были трогательные случаи, когда офицеры воинской части в течение 1-2 лет содержали осиротевшую семью своего полкового священника, или когда последней копейкой делились с действительно нуждающимся человеком. Русский офицер считал своим долгом вступить за оскорбленную честь даже малоизвестного ему человека; при разводе {95} русский офицер всегда брал на себя вину, хотя бы кругом была виновата его жена, и т. д.

В храбрости тоже нельзя было отказать русскому офицеру: он шел всегда впереди, умирая спокойно. Более того: он считал своим долгом непрерывно проявлять храбрость, часто подвергая свою жизнь риску, без нужды и пользы, иногда погибая без толку. Его девизом было: умру за царя и Родину. Тут заключался серьезный дефект настроения и идеологии нашего офицерства, которого оно не замечало.

Припоминаю такой случай. В июле 1911 года я посетил воинские части в г. Либаве. Моряки чествовали меня обедом в своем морском собрании. Зал был полон приглашенных. По обычаю произносились речи. Особенно яркой была речь председателя морского суда, полк. Юрковского (кажется, в фамилии не ошибаюсь). Он говорил о высоком настроении гарнизона и закончил свою речь: "Передайте его величеству, что мы все готовы сложить головы свои за царя и Отечество". Я ответил речью, содержание которой сводилось к следующему:

"Ваша готовность пожертвовать собою весьма почтенна и достойна того звания, которое вы носите. Но всё же задача вашего бытия и вашей службы не умирать, а побеждать. Если вы все вернетесь невредимыми, но с победой, царь и Родина радостно увенчают вас лаврами; если же все вы доблестно умрете, но не достигнете победы, Родина погрузится в сугубый траур. Итак: не умирайте, а побеждайте!"

Как сейчас помню, эти простые слова буквально ошеломили всех. На лицах читалось недоумение, удивление: какую это ересь проповедует протопресвитер!?

Усвоенная огромной частью нашего офицерства, такая идеология была не только не верна по существу, но и в известном отношении опасна.

Ее ошибочность заключалась в том, что "геройству" тут приписывалось самодовлеющее значение. Государства же тратят колоссальные суммы на содержание {96} армий не для того, чтобы любоваться эффектами подвигов своих воинов, а для реальных целей - защиты и победы.

Было время, когда личный подвиг в военном деле значил всё, когда столкновение двух армий разрешалось единоборством двух человек, когда пафос и геройство определяли исход боя.

В настоящее время личный подвиг является лишь одним из многих элементов победы, к каким относятся: наука, искусство, техника, - вообще, степень подготовки воинов и самого серьезного и спокойного отношения их ко всем деталям боя. Воину теперь мало быть храбрым и самоотверженным, - надо быть ему еще научно подготовленным, опытным и во всем предусмотрительным, надо хорошо знать и тонко понимать военное дело. Между тем, часто приходилось наблюдать, что в войне, уверенном, что он достиг высшей воинской доблести - готовности во всякую минуту сложить свою голову, развивались своего рода беспечность и небрежное отношение к реальной обстановке боя, к военному опыту и науке. Его захватывал своего рода психоз геройства. Идеал геройского подвига вплоть до геройской смерти заслонял у него идеал победы. Это уже было опасно для дела.

С указанной идеологией в значительной степени гармонировала и подготовка наших войск в мирное время. Парадной стороне в этой подготовке уделялось очень много внимания. По ней обычно определяли и доблесть войск и достоинство начальников. Такой способ не всегда оправдывал себя. Нередко ловкачи и очковтиратели выплывали наверх, а талантливые, но скромные оставались в тени.

Генералы Пржевальский, Корнилов, Деникин и др. прославившиеся на войне, в мирное время не обращали на себя внимания. И, наоборот, не мало генералов, - *nomina sunt odiosa*, гремевших в мирное время, на войне оказалось ничтожествами.

Выдвижению талантов не мало препятствовала и существовавшая в нашей армии система назначения на командные должности, по которой треть должностей {97} командиров армейских полков предоставлялась офицерам Генерального Штаба, вторая треть - гвардейцам и третья - армейцам. Из армейцев, - а среди них разве не было талантов? - на командные должности попадали, таким образом, единицы, далеко не всегда достойнейшие, большинство же заканчивало свою карьеру в капитанском чине.

В Русско-японскую войну и в последнюю Великую наблюдалось такого рода явление. Среди рядового офицерства, до командира полка, процент офицеров, совершенно отвечающих своему назначению, был достаточно велик. Далее же он всё более и более понижался: процент отличных полковых командиров был уже значительно меньше, начальников дивизий и командиров корпусов - еще меньше и т. д.

Объяснение этого печального факта надо искать в постановке службы и отношении к военной науке русского офицера.

Русский офицер в школе получал отличную подготовку. Но потом, поступив на службу, он, - это было не абсолютно общим, но весьма обычным явлением, засыпал. За наукой военной он не следил или интересовался поверхностно. Проверочным испытаниям при повышении не подвергался. В массе офицерства царил взгляд, что суть военного дела в храбрости, удачестве, готовности доблестно умереть, а всё остальное - не столь важно.

Еще менее интереса проявляли к науке лица командного состава, от командира полка и выше. Там уже обычно, царило убеждение, что они всё знают, и им нечему учиться.

Тут нельзя не вспомнить об одной строевой должности, которая, кажется, только для того и существовала, чтобы отучать военных людей от военного дела, - это о командирах бригад.

В каждой дивизии имелось два бригадных командира. Никакого самостоятельного дела им не давалось.

{98} Они находились в распоряжении начальника дивизии. У деятельного начальника дивизии им делать было нечего. И они, обычно, занимались чем-либо случайным: председательствованием в разных комиссиях хозяйственных, по постройке казарм и церквей и иных, имеющих слишком ничтожное отношение к чисто военному делу, а еще чаще, - просто, проводили время в безделье. И в таком положении эти будущие начальники дивизий и корпусов и т. д. проводили по 6 -7, а то и более лет, успевая в некоторых случаях за это время совсем разучиться и забыть и то, что они раньше знали.

Поэтому-то в нашей армии были возможны такие факты, что в 1905-1906 гг. командующий Приамурским военным округом, ген. Н. Линевиц, увидев гаубицу, с удивлением спрашивал: что это за орудие? Командующий армией не мог, как следует, читать карты (Ген. Куропаткин обвинял в этом ген. Гриппенберга.), а главнокомандующий, тот же ген. Линевиц не понимал, что это такое - движение поездов по графикам.

(ldn-knigi - Линевиц Николай Петрович - генерал от инфантерии

(1838 - 1908). Начал военную службу рядовым. В 1900 г., стоя во главе 1-го сибирского корпуса, во время похода на Пекин командовал русским отрядом. Когда в 1904 г. началась война с Японией, Линевиц до прибытия на театр военных действий Куропаткина (15 марта 1904 г.) командовал маньчжурской армией; затем был командующим войсками Приамурского военного округа. При образовании новых армий в октябре 1904 г. назначен командующим 1-й маньчжурской армией. Когда бой при Мукдене сделал невозможным сохранение Куропаткина в должности главнокомандующего, Линевиц (3 марта 1905 г.) был назначен на его место. Ни одного крупного дела с этого момента до окончания войны не было. Линевиц сохранил те позиции, до которых были отеснены русские после поражения при Мукдене, но не решался переходить в наступление, настаивая на присылке таких подкреплений, с которыми он был бы в 1 1/2 раза сильнее японцев. Когда начались слухи о мире, Линевиц вместе с Куропаткиным посылал в Петербург телеграммы, в которых говорил, что победа обеспечена, мир был бы страшным несчастьем. После заключения мира Линевиц остался в Маньчжурии, заведывая эвакуацией войск, затрудненной забастовками и бунтами. Нежелание Линевица прибегать к особенно крутым мерам против стачечников привело к тому, что было назначено расследование по обвинению Линевица в бездействии власти, вскоре прекращенное. В феврале 1906 г. уволен от должности главнокомандующего. - ldn-knigi)

А среди командиров полков и бригад иногда встречались полные невежды в военном деле. Военная наука не пользовалась любовью наших военных. В этом со скорбью надо сознаться.

Наше офицерство до самого последнего времени многие обвиняли в пьянстве, дебошах и распутстве. Такие обвинения были до крайности преувеличены. В прежнее время, вплоть до Русско-японской войны, пьянство, со всеми сопровождающими его явлениями, действительно, процветало, в особенности в воинских частях, заброшенных в медвежьи

углы, например, в Дальневосточных, Туркестанских, Кавказских и других частях, стоявших в глухих, далеких от центров городишках, селах и местечках. Там свою оторванность от культурной жизни, скуку и безделье офицеры заглушали хмельным питием и разными, иногда самыми дикими проказами.

Но после Русско-японской войны лик армии в этом отношении {99} совершенно изменился: армия стала трезвенной и благонаправленной. Поклонники лихого удалства готовы были усматривать в этом нечто угрожающее доблести армии, считая, что офицер - "красная девица", - не может быть настоящим воином, в чем они, конечно, ошибались.

Не могу скрыть одного недостатка нашей армии, который не мог не отзываться печально на ее действиях и успехах. В Русско-японскую войну этот недостаток обозвали "кое-какством". Состоял он в том, что не только наш солдат, но и офицер, - включая и высших начальников, - не были приучены к абсолютной точности исполнения приказов и распоряжений, как и к абсолютной точности донесений. В Русско-японскую войну был такой случай: во время Мукденского боя Главнокомандующий армией послал состоявшего при нем капитана Генерального Штаба, в свое время первым окончившего академию, с экстренным приказанием командиру корпуса.

Отъехав несколько километров, офицер улегся спать и на другой день, не вручив приказания, вернулся к Главнокомандующему. Этот страшный проступок остался безнаказанным. В 1916 году, однажды, ген. М. В. Алексеев изливал передо мной свою скорбь:

- Ну, как тут воевать? Когда Гинденбург отдает приказание, он знает, что его приказание будет точно исполнено, не только командиром, но и каждым унтером. Я же никогда не уверен, что даже командующие армиями исполнят мои приказания. Что делается на фронте, - я никогда точно не знаю, ибо все успехи преувеличены, а неудачи либо уменьшены, либо совсем скрыты.

Исправить этот недостаток могло лишь настойчивое воспитание и долгое время.

Самым больным местом вышедшей в 1914 году на бранное поле русской армии была ее материальная сторона - недостаток вооружения и боевых припасов. Вся вина за это была взвалена на военного министра, В. А. Сухомлинова, печальным образом закончившего свою блестящую карьеру.

{100} Протопресвитер военного и морского духовенства по службе был подчинен военному министру, являясь в известном роде его помощником по духовной части. При разрешении многих вопросов своего ведомства протопресвитер не мог обойтись без согласия, одобрения или разрешения военного министра. В течение трех лет своей службы до начала войны мне, поэтому, приходилось довольно часто видаться, беседовать с ген. Сухомлиновым, пользоваться его советами и помощью.

Должен сознаться, что лучшего военного министра для себя и для своего ведомства я не мог желать. Всегда приветливый, любезный, внимательный - он за все три года не отклонил ни одной моей просьбы, не отказал ни в одном моем требовании. При его неизменной поддержке все мои представления проходили быстро и беспрепятственно. Мне было предоставлено право лично присутствовать в Военном Совете и защищать свои проекты, - этим правом мои предшественники не пользовались.

Военный министр проявлял чрезвычайную предупредительность даже в тех случаях, когда я обращался к нему с частными просьбами. Упомяну о двух случаях.

Осенью 1911 года я был приглашен освятить первую в армии читальню-клуб для нижних чинов, устроенную командиром 1-го драгунского Московского имени Имп. Петра 1-го полка (в г. Твери), князем Енгальчевым. Перед торжественным, после освящения, обедом князь Енгальчев попросил меня уделить несколько минут одному из офицеров полка, желающему обратиться ко мне с чрезвычайно важной для него, секретной просьбой. Я, конечно, согласился выслушать офицера. Офицер тотчас явился, и князь Енгальчев, отрекомендовав его, оставил нас двоих. Лишь только удалился князь Енгальчев, офицер бросился на колени и со слезами стал умолять меня спасти его. Дело его заключалось в

следующем.

Год тому назад он сочетался браком с своей {101} двоюродной сестрой. Сейчас они ожидают ребенка. Какой-то "доброжелатель" донес властям об этом незаконном браке. Сейчас дело в Св. Синоде. Неминуем развод, с насильственным разлучением супругов. "Я безумно люблю свою жену, я не переживу этого скандала... Спасите!", - умолял меня офицер.

Что мне было делать? Просить Синод?

Синод не мог нарушить свои же законы. И я мог нарваться на резкий отказ. Я вспомнил про отзывчивого ген. Сухомлинова, еще переживавшего весьма тягостный, нашумевший на всю Россию, не совсем чистый развод его тогдашней жены Е. А. Бутович. Вернувшись в Петербург, я тотчас поехал к нему. Ген. Сухомлинов с большим вниманием выслушал мой рассказ о переживаниях несчастного офицера и выразил полную готовность помочь ему.

- Но что же я могу сделать с вашим Синодом? - с отчаянием спросил он. - Есть только один способ спасти этих бедных супругов: просить Государя, чтобы он, в порядке милости, повелел прекратить дело.

- Попросите его об этом, - сказал я. Ген. Сухомлинов с радостью согласился сделать это на следующий день. И действительно, на следующий день он с нескрываемой радостью по телефону известил меня:

- Только что вернулся с высочайшего доклада. Государь повелел прекратить дело. Порадуйте супругов!

Другой случай был иного рода.

В 1913 году я однажды утром был вызван к телефону моим близким знакомым, директором канцелярии обер-прокурора Св. Синода, тайным советником Виктором Ивановичем Яцкевичем.

- Я говорю с Вами по поручению обер-прокурора Св. Синода (Саблера), обратился ко мне Яцкевич. Владимир Карлович хотел бы повысить вас. Согласились бы вы занять более почетное место. Понимаете, о чем я говорю?

{102} Понять было не трудно. Придворный престарелый протопресвитер Благовещенский дошел до немняемого состояния, и попечительный Владимир Карлович решил продвинуть меня на его место, чтобы освободить пост военного протопресвитера для своего любимца еп. Владимира (Путяты). Придворное протопресвитерство, хоть оно и явилось бы для меня повышением, ни в каком отношении не соблазняло меня: придворная служба меня не привлекала, работы там не было, а я рвался к кипучей деятельности.

Я попросил Яцкевича поблагодарить его патрона за заботу обо мне, но от предложения категорически отказался.

"А что, если Саблер, не обращая внимания на мой отказ, осуществит свой план?" - явилась у меня мысль. Я в тот же день поехал к ген. Сухомлинову и высказал ему свой взгляд на предложение Саблера, при чем просил откровенно сказать мне: не с его ли и с Государя ведома сделано мне предложение, и не желают ли меня, как неподходящего, сплавить с должности протопресвитера?

- Абсолютно нет. Государь и я весьма ценим вашу работу, дорожим вами и ни о какой смене вас не может быть и речи. А интригану Саблеру, путающемуся не в свое дело, я дам нужный ответ. Будьте совершенно спокойны! - ответил ген. Сухомлинов. Этим дело и кончилось.

Еще до войны в обществе стали циркулировать настойчивые слухи о нечистых сделках ген. Сухомлинова с поставщиками для армии и даже о будто бы получаемых им огромных суммах от иностранных шпионов. Об этих обвинениях речь будет дальше.

Мне известно, что в 1911-13 гг. ген. Сухомлинов испытывал большие финансовые затруднения. Когда-то он жаловался мне: - Не можете представить, как мне трудно жить.

Я получаю 18 тысяч рублей в год.

Прислуга же и мелкие расходы поглощают у меня до 10.000 р. в год. Что я могу сделать с {103} остальными 8 тысячами руб., когда их должно хватить и на стол, и на одежду, и на приемы и на поездки жены для лечения за границу. Вот и сейчас она живет в Каире. Я

теряюсь, что дальше делать?

Жена его, действительно, тратила массу денег на поездки. Вероятно, Сухомлинов и Государю жаловался на свою нужду. И Государь повелел отпускать из его личных средств Сухомлинову по

60 т.р. в год в дополнение к казенному жалованью. Это уже совершенно обеспечило ген. Сухомлинова.

Несомненная же вина ген. Сухомлинова, как военного министра, была в другом. Из него не вышел деловой министр, какой, в особенности, требовался в то время. Он был способен, даже талантлив, в обращении с людьми очарователен, но ему не доставало трудолюбия и усидчивости, и делу весьма вредили крайний оптимизм и беспечность, с которыми он относился к тревожному настоящему и к чреватому последствиями будущему, в нем убийственно было легкомысленное отношение к самым серьезным вещам.

Он, конечно, был виновен в том, что, готовясь к великой войне, далеко не использовал всех возможностей, чтобы подготовить должным образом армию к этой войне, как и в том, что до самого последнего времени он не соответствовавшими истине уверениями успокаивал и Государя, и общество, и Государственную Думу.

Что армия вышла на войну недостаточно вооруженной, с малым количеством боевых снарядов, с неподобранным как следует командным составом, - в этом он в значительной степени виновен. За свое легкомыслие и непредусмотрительность он понес страшное наказание, закончив свою блестящую карьеру заключением в Петропавловскую крепость и последующим судом, который не смог оправдать его ни перед обществом, ни перед Родиной.

С морским ведомством у протопресвитера было гораздо меньше сношений потому, что морских священников было гораздо меньше, чем военных. Мои {104} предшественники, - можно было подумать, - совсем не интересовались флотом, ибо никогда не посещали военных кораблей. Я первый начал посещать их и налаживать работу судового священника.

Флот наш, как известно, в Русско-японскую войну потерпел полную катастрофу. Пришлось воссоздавать его. И ко времени Великой войны он был воссоздан. Совершилось, можно сказать, чудо.

Главная часть нашего флота - Балтийский - своим возрождением обязан был замечательному моряку, огромных талантов и величайшей скромности человеку, редкому труженику и администратору, адмиралу Николаю Оттовичу фон-Эссену. Он сумел вдохнуть в моряков веру в себя, развить в них доблесть и воспитать целый ряд блестящих работников - Непенина, Колчака и многих других. Руководимый им, а после его преждевременной смерти (летом 1915 г.) его преемниками, флот блестяще выдержал борьбу с весьма превосходившим его силами германским флотом.

Н. О. Эссен придавал огромное значение работе судового священника и в моих реформах оказывал мне самую энергичную поддержку. Общение с этим кристально чистым человеком было для меня великим наслаждением.

Изредка мне приходилось иметь деловые сношения и с морским министром, адмиралом И. К. Григоровичем. Кажется, между ним и адмиралом Эссенем отношения не отличались большою сердечностью. Это меня искренно огорчало, так как адм. И. К. Григорович был весьма ценный человек для флота, много способствовавший его возрождению. Он умер в эмиграции. Память его я поминаю с глубокою благодарностью за его неизменно теплую и всегда решительную и быструю поддержку всех моих начинаний.

Детальнее говорить о флоте мне трудно: я сравнительно мало наблюдал внутреннюю жизнь флота, меньше был знаком с его личным составом и с его распорядками и укладом всей его жизни.

{105} При моих сравнительно не частых соприкосновениях с флотом у меня получалось впечатление, что в отношениях между офицерами и матросами есть какая-то трещина. Мне тогда казалось, что установить добросердечные отношения между офицерским составом и нижними чинами во флоте гораздо труднее, чем в армии. Это зависело и от состава нижних чинов и от условий жизни во флоте. Армейские нижние чины

были проще, доверчивее, менее требовательны, чем такие же чины флота. И разлагающей пропаганде они подвергались несравненно меньше, чем матросы, бродившие по разным странам и портам. Совместная жизнь матросов с офицерами бок о бок на кораблях, при совершенно различных условиях в отношении и помещения, и пищи, и разных удовольствий, и даже труда - больше разделяла, чем объединяла тех и других.

До революции флот наш блестяще выполнял свою задачу. Но матросская масса представляла котел с горючим веществом, куда стоило попасть мятежной искре, чтобы последовал страшный взрыв. И этот взрыв в самом начале революции последовал и унес он множество жертв.

{109}

VI Ставка

Местом для Ставки Верховного Главнокомандующего было избрано местечко Барановичи Минской губ., как пункт центральный, спокойный и весьма удобный для сообщения и с фронтом, и с тылом. Через Барановичи проходили три дороги: Москва-Брест, Вильно-Сарны и Барановичи-Белосток. О месте пребывания Ставки полагалось говорить по секрету, а писать и совсем запрещалось: оно должно было оставаться неизвестным и для неприятеля, и для своих же. А между тем, в местечке Барановичах было 35 тысяч населения, преимущественно еврейского. Кто придумал указанные предосторожности, - не знаю. Но они были, по меньшей мере, до крайности наивны. Всё это приводило, как увидим дальше, к большим курьезам.

Прямой путь из Петербурга на Барановичи шел через Двинск и Вильну. Но в виду загромождения этого пути воинскими поездами, поезд Верховного Главнокомандующего пошел круглым путем: по Николаевской железной дороге, через Бологое, Осташково, Торопец, Великие-Луки, Невель, Плоцк и Лиду. Последний город я впервые видел: красивое местоположение и бедный городишко, - только и бросалось в глаза возвышавшееся над маленькими, серенькими домишками, окружавшими его, одно большое, высокое белое здание.

- Как вы думаете: что это за здание? - спросил я ген. Крупенского, с которым мы стояли у окна,

- Не знаю, - ответит тот.

- А я думаю: либо монополюшка, либо тюрьма, - сказал я.

Крупенский рассмеялся:

- Полноте шутить!

Но когда мы ближе подъехали, сомнения рассеялись: действительно, это была тюрьма.

Барановичи - большой железнодорожный узел с двумя станциями. Тут же, между станциями, по обеим сторонам железной дороги, больше по левой, тянется большое еврейское местечко. На южной окраине {110} местечка, у самой станции - "железнодорожный городок". Здесь в мирное время была стоянка трех железнодорожных батальонов. Посреди этого городка, на углу небольшой площади, стояла железнодорожная церковь.

Сохранить в тайне от неприятеля местопребывание Ставки в таком бойком месте, конечно, было нельзя. Но свои, действительно, иногда никак не могли узнать эту "тайну". В Ставке много смеялись по поводу одного случая, когда какой-то генерал, желавший побывать в Ставке, никак не мог узнать в петербургских штабах, где же именно Ставка, и, пустившись разыскивать, исколесил весь юго-запад России, побывав и в Вильне, и в Киеве, пока, наконец, кто-то не направил его в Барановичи. Этот случай не был единственным.

Чины штаба Верховного Главнокомандующего размещались в двух поездах. В первом поезде помещались: сам Верховный Главнокомандующий с состоящими при нем генералами и офицерами, начальник штаба, генерал-квартирмейстер, я и военные агенты иностранных держав. Во втором - все прочие.

Верховный Главнокомандующий, начальник штаба и генерал-квартирмейстер имели особые вагоны; прочие пользовались отдельными купе, исключая ген. Ронжина и

Кондзеровского, которые вдвоем занимали вагон во втором поезде, и полк. Балинского казначея двора великого князя с инженером Сардаровым, начальником поезда великого князя, которые также вдвоем жили в отдельном вагоне первого поезда. Канцелярии разместились в железнодорожных домиках; генерал-квартирмейстерская часть - в домике против вагона Главнокомандующего. Поезд великого князя стоял на западной окраине железнодорожного городка, почти в лесу. Пили чай, завтракали, обедали в вагонах-столовых.

Перехожу к личному составу чинов штаба. При Верховном Главнокомандующем состояли: его родной брат великий князь Петр Николаевич и светл. князь генерал-адъютант Дмитрий Борисович Голицын.

{111} Оба - кристально чистые люди: высоко благородные, честные, доброжелательные и добродушные - праведники в миру. Они были интимными и верными друзьями Верховного Главнокомандующего, не могшими вредить никому. К сожалению, как отставшие от военного дела, они не могли быть советниками в военных вопросах. Великий князь Петр Николаевич когда-то занимался военно-инженерным делом, но в последние годы весь свой досуг он отдавал живописи и церковному зодчеству: по его проектам выстроено несколько церквей, в том числе - Мукденская. Князь Голицын перед войной заведывал царской охотой.

Затем, в качестве генерала для поручений, при Главнокомандующем состоял генерал-майор Борис Михайлович Петрово-Соловово, чрезвычайно богатый помещик Рязанской и Тамбовской губ., бывший командиром лейб-гвардии Гусарского полка, потом командиром гвардейской кавалерийской бригады, а в последнее время предводитель дворянства Рязанской губ., честный, добрый и прямой, бесконечно преданный великому князю человек. Когда великий князь был командиром лейб-гвардии Гусарского полка, Петрово-Соловово был полковым адъютантом в этом полку.

У Верховного Главнокомандующего было пять адъютантов: полковники князь Павел Борисович Щербатов (лейб-гусар), князь Мих. Мих. Кантакузен (кавалергард), Александр Павл. Коцебу (улан ее величества), гр. Георгий Георгиевич Менгден (кавалергард), ротмистр Христиан Иванович Дерфельден (Конная Гвардия) и поручик князь В. Э. Голицын (кавалергард). Все они были люди добрые.

Своим умом и деловитостью обращал на себя внимание князь Кантакузен. Обязанности адъютантов сводились к минимуму: каждый дежурил свои очередные сутки, ложась спать и вставая в обычное время, ибо великого князя по ночам никогда не беспокоили. Дежурство состояло в том, что адъютант должен был быть в часы, когда великий князь {112} бодрствовал, наготове, чтобы доложить если кому-либо понадобилось его видеть, или явиться к великому князю по его зову. После завтрака, когда великий князь обязательно отдыхал, мог отдохнуть и дежурный адъютант. Командировки адъютантов были сравнительно редки. Поэтому, об их службе можно сказать, что она состояла главным образом в ничегонеделании. Некоторые из них своеобразно заполняли свой досуг: гр. Менгден завел большую голубятню и ежедневно, почти под окном вагона великого князя, "муштровал" своих голубей, сгоняя их, когда они садились, камнями и палками с генерал-квартирмейстерского домика, чем доводил до бешенства не выносившего шума во время работы ген. Данилова. Тут же, рядом с голубятней, у гр. Менгдена был устроен зверинец, и он ежедневно с большим успехом дрессировал барсука и лисицу. Некоторые из чинов Штаба находили это занятие неподходящим и для лица, и для времени, и места, но великий князь снисходительно-добродушно относился к забаве своего адъютанта, может быть, рассуждая: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Кроме того, при великом князе состояли: заведующий двором, ген. Матвей Егорович Крупенский, очень толковый, ровный и добрый старик гофмаршал, ротмистр барон Ф. Ф. Вольф, удивительно прямой, честный, серьезный и добрый человек, совершенно обрусевший немец, бесконечно преданный России; казначей двора великого князя, полк. И. И. Балинский, большой остро слов, весельчак и ухажер, человек умный и честный; заведующий поездом инженер путей сообщения Сардаров - армянин. "Гвоздем" же Свиты великого князя

был доктор, в 1915 г. пожалованный в лейб-медики, Борис Захарович Малама, удивительной души человек, но большой чудак, оригинал, беззастенчивый резонер, не щадивший, когда того требовала правда, никого и ничего.

Вскоре в Свиту великого князя вошел его двоюродный брат Принц Петр Александрович Ольденбургский, муж великой княгини Ольги Александровны, человек {113} добрый, но непригодный решительно ни для какого серьезного дела.

Нельзя сказать, таким образом, что свита нашего Верховного Главнокомандующего была малочисленна. Для войны, для дела, конечно, вся эта компания, кроме двух-трех адъютантов, доктора и гофмаршала, пожалуй, и не требовалась. Между тем, эти, здесь лишние люди, были офицеры. В своих полках они несли бы настоящую службу; тут же они были просто "дачниками", в безделье проводившими время и, тем не менее, думавшими, что и они воюют, да еще как: окружая самого Верховного! К чести их всех надо, однако, заметить, что, при полном безделье большинства чинов свиты, - ни интриг, ни сплетен поезд великого князя не знал.

Свита составляла, так сказать, декоративную часть штаба Верховного Главнокомандующего. Перейдем к деловым частям Штаба.

Во главе штаба Верховного Главнокомандующего стоял Начальник Штаба генерал-адъютант Янушкевич, в начале 1915 года произведенный в генералы от инфантерии. Прежняя его служба такова. Долго служил в канцелярии военного министерства и дослужился до должности помощника начальника канцелярии. Одновременно, в течение нескольких лет, состоял профессором Академии Генерального Штаба по администрации. В 1913 году был назначен начальником Академии (С производством в ген.-лейтенанты.), после генерала Д. Г. Щербачева, начавшего, было, проводить реформы в Академии, не понравившиеся военному министру. "Левый" Щербачев был заменен "правым" Янушкевичем, получившим определенную директиву: аннулировать новые течения, поддерживавшиеся группою профессоров (полк. Н. Н. Головиным, генерал-лейтенантом Юнаковым, полк. А. А. Незнамовым и др.). Вступление Н. Н. Янушкевича в должность начальника Академии сопровождалось, поэтому, удалением из Академии {114} наиболее энергичных сторонников нового течения: проф. Головин был назначен командиром 20 драгунского Финляндского полка, генерал Юнаков - командир 1 бригады 37 пехотной дивизии.

В мае 1914 года Янушкевич был назначен на должность начальника Генерального Штаба. Назначение это вызвало тогда много разговоров, явившись для всех большой неожиданностью в военном мире, ибо все знали, что ген. Янушкевич, по прежней своей службе, где он всё время вращался в области хозяйственных и распорядительных, а отнюдь не стратегических или тактических вопросов, был совершенно не подготовлен к должности начальника Генерального Штаба. Еще большей неожиданностью, хоть уже совершенно естественной в порядке службы, было назначение его на должность начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. При догадках о возможных кандидатах на эту должность во всех военных кругах называлось одно имя: генерал Алексеев, перед войной командовавший 13 армейским корпусом, а раньше, в течение нескольких лет занимавший должность начальника штаба Киевского военного округа. Знания и боевой опыт, необыкновенная трудоспособность, военный талант, всеми признававшиеся, были на его стороне. Но он теперь был назначен начальником штаба Юго-западного фронта, а младший его, без опыта и подготовки Янушкевич стал начальником штаба Верховного Главнокомандующего.

Я имею достаточно оснований утверждать, что Н. Н. Янушкевич, как честный и умный человек, сознавал свое несоответствие посту, на который его ставили, пытался отказаться от назначения, но по настойчивому требованию свыше принял назначение со страхом и проходил новую службу с трепетом и немалыми страданиями.

Как совершенно неподготовленный к стратегической работе, составлявшей главную сторону, так сказать, душу обязанностей начальника штаба Верховного

Главногокомандующего, он отстранился от нее, передав ее {115} всецело в руки "мастера" этого дела, генерала Данилова, который, таким образом, фактически оказался полным распорядителем судеб великой русской армии.

Генерал Данилов (Или, как его называли в армии, "Данилов черный", в отличие от "Данилова рыжего", ген. Данилова, талантливого, но ленивого профессора Академии Генерального Штаба, бывшего до войны начальником канцелярии военного министерства, а во время войны - начальником снабжения Западного фронта.) до войны был генерал-квартирмейстером Генерального Штаба. Честный, усидчивый, чрезвычайно трудолюбивый, он, однако, - думается мне, - был лишен того "огонька", который знаменует печать особого Божьего избрания. Это был весьма серьезный работник, но могущий быть полезным и, может быть, даже трудно заменимым на вторых ролях, где требуется собирание подготовленного материала, разработка уже готовой, данной идеи. Но вести огромную армию он не мог, идти за ним всей армии было не безопасно.

Я любил ген. Данилова за многие хорошие качества его души, но он всегда представлялся мне тяжкодумом, без "орлиного" полета мысли, в известном отношении - узким, иногда наивным. В январе 1915 г., недалеко от Варшавы, Верховный Главнокомандующий производил смотр только что прибывшему на войну 4-му Сибирскому корпусу. Когда, по окончании парада, великий князь обратился с речью к столпившимся около него офицерам и унтер-офицерам, вдруг поднялся аэроплан и, кружась над нами, совершенно заглушил своим треском слова великого князя.

- А ну его! - сказал я, взглянув на аэроплан.

- Что вы, что вы! - испуганно вскрикнул стоявший рядом со мной ген. Данилов - Разве можно так об аэроплане?

Данилов испугался, что мои слова могут повлиять на судьбу аэроплана.

Большое упрямство, большая, чем нужно, {116} уверенность в себе, при недостаточной общительности с людьми и неумение выбрать и использовать талантливых помощников, дополняли уже отмеченные особенности духовного склада ген. Данилова.

Ближайшим помощником ген. Данилова, его правой рукой, единственным сотрудником, которому он безгранично верил, был полковник Генерального Штаба Ив. Ив. Щелоков, известный среди офицеров Генерального Штаба под именем "Ваньки-Каина". Граничащая с ненавистью нелюбовь всех чинов Штаба, в особенности, офицеров Генерального Штаба, к этому полковнику не знала пределов.

Наличный состав офицеров Генерального Штаба, служивших в генерал-квартирмейстерской части Ставки, вообще, по моему мнению, не слишком был богат большими талантами. Безусловно выделялись большими дарованиями полковники Свечин и Юзефович, скоро ставший командиром полка. Щелоков же был наиболее бесталанным и самым несимпатичным среди офицеров Генерального Штаба. Своей тупостью, с одной стороны, надменностью и грубостью в обращении, даже с равными, с другой, и, как уверяли его сослуживцы, своей нечистоплотностью Щелоков достиг того, что его сторонились, его ненавидели и презирали решительно все: и старшие, и младшие. За глаза его ругали; в глаза вышучивали и почти издевались над ним. Щелоков относился ко всему этому свысока. А ген. Данилову это не помешало не чаять души в своем любимце, с которым он и решал все вопросы генерал-квартирмейстерской части, оставляя прочим офицерам Генерального Штаба почти одни писарские обязанности. Отношения между ген. Янушкевичем и Даниловым всё время были натянутыми. Попросту сказать - они, особенно в последнее время, не терпели друг друга. Как сумею, объясню их отношения.

Янушкевич был умнее, способнее, талантливее Данилова; ум Янушкевича мягче, подвижнее даниловского ума. Янушкевич всё схватывал налету и быстро решал.

{117} Данилов иногда не сразу улавливал мысль, топтался на месте, ища решения, иногда мыслил и решал односторонне. Зато, решив, упрямо стоял на своем. Янушкевич видел упрямство Данилова, чувствовал недостаточную подвижность и нередко односторонность его мысли и, вне всякого сомнения, не прочь был освободиться от него. Но полная

неподготовленность к стратегической работе заставляла его не только терпеть ген. Данилова, но и покорно идти на поводу у него: благо ген. Данилов не лез в другую административно-распорядительную область и не мог затмить его перед великим князем. Ген. Данилов, в свою очередь, считая себя великим мастером военного дела, свысока смотрел на "профана" ген. Янушкевича, учитывая для себя все выгоды неподготовленности последнего, и в то же время считал, что ген. Янушкевич держится его трудами и знаниями, и что он должен был теперь сидеть на месте ген. Янушкевича.

Если бы ген. Янушкевич не обладал особою мягкостью, деликатностью, уступчивостью и умением владеть собой, то отношения между ним и ген. Даниловым в первые же месяцы их совместной службы в Ставке стали бы невозможными. А так они как-то уживались. Посторонние даже могли считать их друзьями.

Во главе других отделов стояли следующие лица.

Дежурный генерал, Генерального Штаба генерал-майор П. К. Кондзеровский, честный, добрый и работающий человек, сумевший сплотить всех своих подчиненных в тесную, дружную семью, с редким уважением и любовью относившуюся к своему начальнику. На первых порах мы были далеки друг от друга; был даже момент, что отношения между нами обострились. Случилось это так. По положению о полевом управлении войск штабной священник (таким в Ставке был священник, потом протоиерей Рыбаков, образованный, весьма достойный человек) подчиняется дежурному генералу, которому чрез это самое открывается некоторая возможность вмешиваться в богослужебные дела штабной церкви. Упустив {118} из виду, что я не штабной священник, а начальник ведомства, состоящий при Верховном Главнокомандующем и только Верховному Главнокомандующему подчиненный, ген. Кондзеровский однажды, выходя из церкви, обратился к ктитору:

- Передайте отцу протопресвитеру, что мне не нравится херувимская, которую сегодня пели.

Ктитор передал мне.

- А вы скажите генералу Кондзеровскому, что мне совершенно безразлично, нравится или не нравится ему эта херувимская, - приказал я ктитору.

Мои слова, несомненно, были переданы по адресу. Больше у нас никогда не было никаких недоразумений. И я с особым удовольствием вспоминаю свое знакомство с этим честным, благородным человеком, идеальным в наше время семьянином.

Начальник военных сообщений, Генерального Штаба генерал-майор С. А. Ронжин - добрый и способный, но ленивый и малодетельный, тип помещика-сибарита. В Ставке он очень старательно увеличивал свою коллекцию этикеток от сигар. Тут в его коллекции образовался новый отдел "великокняжеских", так как великий князь Николай Николаевич, узнав об этом занятии генерала Ронжина, бережно сохранял и затем передавал Ронжину все этикетки от выкуриваемых им сигар.

Чины управления военных сообщений не особенно высоко ставили своего начальника. Дело же там велось двумя очень способными и энергичными помощниками Ронжина: полк. Генерального Штаба Н. В. Раттелем и инженером путей сообщения Э. П. Шуберским.

Начальник морской части контр-адмирал Ненюков; начальник дипломатической части князь Н. А. Кудашев; начальник гражданской части князь Н. Л. Оболенский.

Последний пользовался особым вниманием и доверием генерала Янушкевича, считавшего его за чрезвычайно опытного и талантливого работника. Меньшими симпатиями начальства пользовалась Морская часть с ее {119} вялым и замкнутым начальником. Помню, однажды, за завтраком Верховный Главнокомандующий, указывая в сторону Ненюкова, сидевшего за соседним столом, говорит Янушкевичу:

- Сегодня адмирал Ненюков, конечно, доклада не делал, потому что в агентских телеграммах, которые ежедневно рассылались всем старшим чинам Штаба, ничего о морях не говорится.

- Так точно, - ответил, улыбаясь, Янушкевич.

При Ставке, как я уже упомянул, безотлучно находились представители всех союзных

держав. Таковыми были: француз, генерал-майор маркиз Ля-Гиш, очень жизнерадостный, умный и тонкий; англичанин - генерал-майор Вильямс, скромный, серьезный, воспитанный и добрый; бельгиец - добродушный, но всегда неопрятный толстяк, генерал-майор барон Риккель.

В штабе к Риккелю относились с особым вниманием, так как было известно, что его голос имел решающее значение на Бельгийском военном совете при обсуждении вопроса: пропустить ли германские войска без боя или оказать им решительный отпор. На Риккеля у нас смотрели, как на героя. Теперь же этот герой отравлял существование жившим в одном с ним вагоне, своим элегантным коллегам Ля-Гишу и Вильямсу дешевыми, издававшими отвратительный запах сигарами, которые он истреблял в невероятном количестве.

Сербию представлял полковник Генерального Штаба, питомец нашей академии, Лонткевич - большой патриот, скромный и сердечный человек, а Черногорию - ген. Мартианович. В Ставке много острили по поводу одного ответа ген. Мартиановича. Когда его спросили, однажды, за чаем в столовой Главнокомандующего: "Кто лучший генерал в Черногории", - он, не задумываясь, с серьезным видом, ответил: "Я". В конце 1914 г. он уехал, не оставив заместителя. С присоединением Италии к нашей коалиции в Ставке появились и итальянские представители. Их сменилось несколько.

{120} День в поезде Верховного Главнокомандующего проходил таким образом.

Великий князь вставал около 9 часов утра и, умывшись, молился Богу, после чего к нему являлся доктор Малама навестить о здоровье, а после доктора дежурный адъютант нес полученные за ночь письма и телеграммы. Затем великий князь у себя в вагоне пил чай. Смотря по экстренности, начальник Штаба до или после чая являлся к нему. В 9 часов в вагоне-столовой подавали чай для чинов свиты.

В 10 часов утра великий князь отправлялся в управление генерал-Квартирмейстера, где в присутствии Начальника Штаба заслушивал доклад генерал-квартирмейстера и, сообщая обоими, решал все вопросы, требовавшие принятия тех или иных мер. В 12 часов дня - завтрак.

Кроме свиты великого князя, ежедневно завтракали и обедали у великого князя: начальник Штаба со своим адъютантом (калмыцким князем Тундутовым), генерал-квартирмейстер, я и иностранные агенты. Прочие чины штаба генералы и офицеры - приглашались по очереди. Кроме своих "ставочных" гостей, за столом великого князя всегда можно было видеть посторонних, приезжавших в Ставку с фронта или из тыла: кого только не пришлось повидать тут за время службы с великим князем в Ставке!

В столовой сидели за маленькими столиками, по четыре человека за столом. Верховный всегда сидел за первым справа столом при входе в столовую из его вагона, а против него всегда - начальник Штаба и я. При приездах высоких особ, как принц Ольденбургский, великие князья - в генеральских чинах, министры, Варшавский генерал-губернатор, главнокомандующие, великий князь сажал их рядом с собою. Впрочем, из министров этой чести удостоивались только любимые. "Нелюбимых", как Сухомлинова, Саблера, сажали за другим столом.

{121} За первым столиком слева сидели великий князь Петр Николаевич с иностранными агентами: французским, английским и бельгийским. Остальные располагались по старшинству.

Стол не отличался излишеством: завтрак из двух блюд, обед из трех (без закусок), но всегда был сытный и вкусный. Особенность стола - очень большая пряность. Водка и вино всегда подавались.

Великий князь выпивал одну рюмку водки и один-два бокала вина.

В 4 часа подавался чай. Великий князь очень часто выходил к чаю в столовую и в совершенно непринужденной беседе с присутствующими проводил некоторое время.

Перед чаем великий князь немного отдыхал, а затем катался на автомобиле или, что бывало реже, ездил верхом на лошади. Пешком гулять великий князь не любил, как и не переносил быстрой езды на автомобиле. Часов в шесть, почти ежедневно, можно было

видеть великого князя сидящим за письменным столом у окна. В это время он писал пространные письма своей, жившей в Киеве, жене, сообщая ей решительно всё, касающееся его жизни в Ставке. Если не погибли эти письма, то они явятся драгоценным материалом для историка.

В 7.30 был обед, а в 9.30 вечерний чай, за которым великий князь любил побеседовать.

Начальник Штаба и генерал-квартирмейстер никогда не приходили к вечернему чаю.

Режим в Ставке сразу установился строгий. Начну с церковной стороны.

Как уже сказано, в центре железнодорожного городка стояла бригадная церковь. Верховный, да и многие из нас были удивлены совпадением: церковь эта оказалась посвященной имени Св. Николая (Кочана) Христа ради Юродивого, Новгородского Чудотворца, небесного покровителя великого князя (память - 27 июля). На Руси множество Николаевских храмов, но все они посвящены имени Св. Николая, Архиепископа Мирликийского Чудотворца (память - 9 мая и 6 дек.), церковь {122} в честь Св. Николая Юродивого я встретил впервые. На мистически настроенного великого князя это обстоятельство, - что церковь в Ставке оказалась посвященной его патрону, - произвело большое впечатление.

С первого же дня нашего пребывания в Барановичах установились ежедневные, утром и вечером, церковные службы. Сразу же сорганизовался прекрасный хор. Пело на первых порах, правда, всего десять человек, но зато это были отборные певцы придворной капеллы и Петроградских хоров: митрополичьего и Казанского собора. Церковь сразу завоевала симпатии чинов штаба. Великие князья неопустительно бывали на воскресных и праздничных литургиях, а иногда и на всенощных. Верховный, как и брат его, великий князь Петр Николаевич, страдал слабостью ног. Поэтому для них на левом клиросе были устроены два кресла с высокими небольшими сиденьями, чтобы на них, незаметно для публики, можно было присаживаться. За каждой службой обязательно производился денежный сбор, при котором блюдо прежде всего подносилось к великому князю Николаю Николаевичу, и он всякий раз клал на него двадцатипятирублевую бумажку.

Район расположения поезда Верховного был недоступен для женщин. До июня 1915 года, кажется, был единственный случай, что женщина вошла в поезд. Это было 15 сентября 1914 года, когда я, вернувшись с завтрака, застал в своем купе мою дочь и кузину, бывших сестрами милосердия на фронте. Воспользовавшись уходом всех чинов на завтрак, они кем-то из недостаточно знакомых с порядками были проведены в наш поезд, а затем в мое купе. Как ни рад я был встрече с ними, но должен был тотчас выпроводить их.

Ни пьянства, ни бесчинств не было в Ставке.

Скоро штаб наш слился в дружную семью и зажил общою жизнью. В 1916 году, когда Штаб очень разросся, был переведен в Могилев и как-то расплылся в городе, мы часто вспоминали о барановичевской поре.

{125}

VII

Верховный Главнокомандующий

Центральной фигурой в Ставке и на всем фронте был, конечно, Верховный Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич.

За последнее царствование в России не было человека, имя которого было бы окружено таким ореолом, и который во всей стране, особенно в низших народных слоях, пользовался бы большей известностью и популярностью, чем этот великий князь. Его популярность была легендарна.

В жизни людей часто действуют незаметные для глаза, какие-то неудержимые фатальные причины, которые двигают судьбой человека независимо от него самого, от его дел, желаний и намерений. Именно что-то неудержимо фатальное было в росте славы великого князя Николая Николаевича. За первый же год войны, гораздо более неудачной, чем счастливой, он вырос в огромного героя, перед которым, несмотря на все катастрофические неудачи на фронте, преклонялись, которого превозносила, можно сказать,

вся Россия. Не даром ведь летом 1915 года, в самый разгар неудач на фронте, его слава испугала и царя, и царицу.

Несомненно, и в будущем имя великого князя Николая Николаевича будет привлекать к себе внимание всякого, кому придется заниматься историей Великой войны или вообще эпохи, предшествовавшей нашей последней революции.

Я очень близко, в течение года, наблюдал великого князя, вместе с ним делил и радости от наших побед, и горе от наших поражений и теперь хочу поделиться своими впечатлениями от общения с этим выдвинутым историей человеком.

{126} Должен оговориться: я менее всего буду вести речь о нем, как о стратеге, о полководце, ибо, во-первых, не считаю себя достаточно компетентным в области военной стратегии и тактики, а во-вторых, вообще вся стратегическая работа Ставки, как и участие в ней самого Верховного, для посторонних лиц тщательно закрывались завесой тайны и были видны лишь для так или иначе непосредственно участвовавших в ней, т. е. для чинов и преимущественно для офицеров Генерального Штаба генерал-квартирмейстерской части Ставки, связанных обетом молчания. И я очень сожалею, что в этом отношении я почти ничем не могу помочь будущему историку Великой войны, которого при изучении личности великого князя, как Верховного Главнокомандующего, ожидает большая скудость исторического материала, ибо архив Ставки, наверно, уже погиб, как погибло и большинство ближайших сотрудников великого князя по войне; как погибли, несомненно, разные мемуары и записки близких к великому князю лиц.

Я лишь могу напомнить моему читателю о народном голосе, - хоть он часто и ошибается жестоко, - о голосе армии, который еще в японскую войну, когда у нас начались неудачи, настойчиво называл имя великого князя, как желанного Главнокомандующего. Армии тогда представлялась идеальной такая комбинация: великий князь - Главнокомандующий, Куропаткин - начальник штаба.

С тех пор в армии жила мысль, что в случае войны великий князь Николай Николаевич должен быть Главнокомандующим. Имя великого князя Николая Николаевича, как желанного Верховного, не сходило с уст и после того, как в августе 1915 г. во главе Действующей Армии стал сам Император. Вняв этому голосу, Государь перед своим отречением вернул великого князя на пост Верховного.

Итак, я не буду задаваться целью нарисовать образ великого князя-полководца, я хочу живописать его, как человека.

{127} Должен сознаться, что хотя до начала войны я более трех лет прослужил в должности протопресвитера и за это время множество раз не только встречался, но и беседовал с Государем и великими князьями, всё же, в своих представлениях о высочайших особах, я до известной степени оставался провинциалом. Мне казалось еще, что жизнь их совсем не походит на жизнь обыкновенных людей, что они не интересуются и не могут интересоваться будничными, повседневными вопросами, что у них иной склад ума, иные запросы, иные требования, иная душа.

В некотором отношении они были для меня загадкой. Великий князь Николай Николаевич в этом смысле не мог составлять исключения. Напротив, его наружный величественный вид, его казавшаяся всем неприступность, его особенное среди великих князей служебное положение, как Главнокомандующего войсками Петербургского округа и лица, с мнением которого особенно считался Государь; с другой стороны, самые разнообразные, ходившие о нем слухи, всё это делало его особенно загадочным и интересным для наблюдения. И меня интересовали каждое слово его, каждый взгляд и еще более каждое движение его души - его настроение, его воззрения, убеждения, его отношение к людям и явлениям.

Великий князь Николай Николаевич в данное время среди особ императорской фамилии занимал особое положение. По летам он был старейшим из великих князей. Еще до войны он в течение многих лет состоял Главнокомандующим Петербургского военного округа в то время, как другие великие князья занимали низшие служебные места и многие из

них по службе были подчинены ему.

Хотя в последние годы отношения между домом великого князя Николая Николаевича и домом Государя оставляли желать много лучшего, всё же великий князь продолжал иметь огромное влияние на Государя, а, следовательно, и на дела государственные. Кроме всего {127}

этого, общее представление о великом князе, как о горячем, строгом, беспощадном начальнике, по-видимому, прочно установилось и в великокняжеских семьях, - и великие князья очень побаивались его. Однажды в Барановичах за завтраком в царском поезде, во время пребывания Государя в Ставке, Государь говорит Николаю Николаевичу:

- Знаешь, Николаша, я очень боялся тебя, когда ты был командиром лейб-гвардии Гусарского полка, а Я служил в этом полку.

- Надеюсь, теперь эта боязнь прошла, - ответил с улыбкой, немного сконфуженный великий князь.

В войсках авторитет великого князя был необыкновенно высок. Из офицеров - одни превозносили его за понимание военного дела, за глазомер и быстроту ума, другие - дрожали от одного его вида. В солдатской массе он был олицетворением мужества, верности долгу и правосудия. С самого начала войны стали ходить разнообразные легенды о великом князе: "Великий князь обходит под градом пуль окопы", - когда на самом деле он ни разу не был дальше ставок Главнокомандующих; "Великий князь бьет виновных генералов, срывает с них погоны, предаёт суду" и т. д. Молва при этом называла имена "пострадавших" генералов, у которых были сорваны погоны (например, генерала Артамонова - командира первого корпуса, печального героя Сольдау), биты физиономии и т. п. "Очевидцы" рассказывали, что они своими глазами видели великого князя в окопах под пулями. Один офицер с клятвой уверял меня, что он "своими глазами" видел великого князя в окопах, и я не смог уверить его, что этого не было. Григорию Распутину, пожелавшему приехать в Ставку, великий князь будто бы телеграфировал: "Приезжай - повешу" и т. д. Такие легенды росли, плодились независимо от фактов, от данных и от поводов, просто, на почве укоренившегося представления о "строгом-строгом", воинственном князе.

{129} Что же было на самом деле?

Рассказы близких к великому князю лиц, его бывших сослуживцев и подчиненных, согласно свидетельствуют, что в годы молодости и до женитьбы великий князь Николай Николаевич отличался большой невыдержанностью, безудержностью, по временам - грубостью и даже жестокостью. По этому поводу в армии и особенно в гвардии, с которой была связана вся его служба, ходило множество рассказов, наводивших страх на не знавших близко великого князя. После же женитьбы великий князь резко изменился в другую сторону. Было ли это результатом доброго и сильного влияния на него его жены, как думали некоторые, или годы взяли свое, но факт тот, что от прежнего стремительного или, как многие говорили, бешеного характера великого князя остались лишь быстрота и смелость в принятии самых решительных мер, раз они признавались им нужными для дела. Так например, в конце 1914 года он приказал немедленно выслать в Сибирь члена Пинской городской управы Г. и отстранить от должности Пинского городского голову, доктора Георгиевского, не исполнивших его приказание устроить приличное военное кладбище взамен открытого ими далеко за городом, рядом со свалочным местом; он уволил нескольких генералов, проигравших сражение.

Он, не моргнув глазом, приказал бы повесить Распутина и засадить Императрицу в монастырь, если бы дано было ему на это право. Что он признавал для государственного дела полезным, а для совести не противным, то он проводил решительно, круто и даже временами беспощадно. Но всё это делалось великим князем спокойно, без тех выкриков, приступов страшного гнева, почти бешенства, о которых много ходило рассказов. Спокойствие не покидало великого князя и в такие минуты, когда очень трудно было сохранить его.

Помнится мне, за год совместной жизни с великим {130} князем, лишь один случай,

когда великий князь вышел из себя. Это произошло так:

Как я уже говорил, обязанности адъютантов великого князя сводились к минимуму, но и этот минимум иногда не исполнялся. Так вышло и в данном случае. В один из ясных и жарких июльских дней в 1915 году дежурным адъютантом был Дерфельден. После завтрака, когда великий князь ушел отдохнуть, ушел и Дерфельден с подушкой под мышкой куда-то в лес, не сказав никому ни слова о том, где его можно будет найти, если бы он потребовался. Около 4-х часов дня великому князю подали автомобиль для прогулки, в которой обыкновенно сопровождал его дежурный адъютант.

Великий князь вышел к автомобилю, но адъютанта не было. Бросились его разыскивать, прошло с полчаса, но нигде не могли его найти. Великий князь сначала терпеливо стоял около автомобиля, потом начал нервничать. Наконец, показался виновный, заспанный, с подушкой под мышкой. Великий князь вспыхнул: "Служить не умеете! Я научу вас, как надо служить! Садитесь!". Дерфельден сел в автомобиль рядом с великим князем, передав другому свою злополучную подушку. Не успел еще автомобиль тронуться, как великий князь уже предлагал провинившемуся папиросу: "Закурите"!..

Когда однажды, во время завтрака, начальник штаба начал резко нападать на ген. Артамонова, считавшегося одним из виновников нашего поражения под Сольдау, великий князь, спокойно выслушав обвинения, так же спокойно заметил: "Я знаю недостатки Артамонова, но у него есть и достоинства". И скоро Артамонов получил другое назначение.

Обхождение великого князя с чинами штаба было всегда простое, радужное, заботливое. Это знают все, служившие в Ставке, пользовавшиеся по очереди хлебосольством великого князя и не только на службе, но и за завтраками и обедами имевшие возможность {131} наблюдать великого князя. Я лично много раз испытал на себе его трогательную заботливость. Укажу два случая.

Как-то великий князь узнал, что у меня разбилось пенснэ. Он тотчас прислал мне свое пенснэ, оказавшееся по номеру одинаковым с моим. Когда сломалось мое механическое перо, великий князь прислал мне свое, которым я и сейчас пишу.

Гостеприимство великого князя было настоящим русским, широким, искренним, радужным. Его вагон - столовая всегда был полон обедавшими, завтракавшими. Приглашались по очереди все чины штаба, а также приезжавшие с фронта и из тыла по тем или иным делам к великому князю. Великий князь иногда приказывал лакею еще раз поднести блюдо гостю, если замечал, что тот стеснялся или церемонился попросить прибавки.

Очень скоро все мы, раньше не знавшие его, присмотрелись к нему, привыкли и уже далеки были от какого бы то ни было страха или смущения перед ним.

Надо отметить еще одну черту великого князя в его отношениях к людям. Великий князь был тверд в своих симпатиях и дружбе. Если кто, служа под его начальством или при нем, заслужил его доверие, обратил на себя его внимание, то великий князь уже оставался его защитником и покровителем навсегда. В этом отношении он был совершенно противоположен Государю. Из самых близких к Государю, самых доверенных лиц никто не мог быть уверен, что сегодня проявлявший к нему исключительное благожелание, безгранично доверяющий ему, любящий его Государь завтра не отстранится от него, не удалит его от себя. Было бы невозможно перечислить всех тех лиц, которые из безграничной царской милости быстро попадали в опалу. Укажу здесь лишь двух.

В первой половине 1915 года самыми близкими к Государю лицами были свиты его величества генерал-майор князь В. Н. Орлов и флигель-адъютант полк. А. А. Дрентельн. И оба они совсем немилостиво были {132} удалены: первый - в августе, а второй - в конце 1915 года. И Государь подвергал людей такой опале спокойно, без терзаний, успокаивался быстро и крепко забывал своих недавних любимцев. Эту черту Государя знали все: более или менее близко стоявшие к Государю так и понимали, что сегодняшняя царская милость завтра может смениться немилостью. У великого князя, пожалуй, можно было подметить другую слабость. От "своих" он никогда не отворачивался и упорно защищал тогда, когда они

оказывались недостойными защиты. Так, например, было, как упомянуто выше, с генералом Артамоновым и со многими другими.

Великий князь был искренне религиозен. Ежедневно и утром, вставши с постели, и вечером, перед отходом ко сну, он совершал продолжительную молитву на коленях с земными поклонами. Без молитвы он никогда не садился за стол и не вставал от стола. Во все воскресные и праздничные дни, часто и накануне их, он обязательно присутствовал на богослужении. И все это у него не было ни показным, ни сухо формальным. Он веровал крепко; религия с молитвою была потребностью его души, уклада его жизни; он постоянно чувствовал себя в руках Божиих. Однако, надо сказать, что временами он был слепо-религиозен. Религия есть союз Бога с человеком, договор, - выражаясь грубо, - с обеих сторон: помощь - со стороны Бога; служение Богу и в Боге ближним, самоотречение и самоотвержение - со стороны человека. Но многие русские аристократы и не-аристократы понимали религию односторонне: шесть раз "подай, Господи" и один раз, - и то не всегда, - "Тебе, Господи". Как в обыкновенной суетной жизни, они и в религиозной ценили права, а не обязанности; и не стремились вносить в жизнь максимум того, что может человек внести, но всего ожидали от Бога. Забывши истину, что жизнь и благополучие человека строятся им самим при Божьем содействии, легко дойти до фатализма, когда все несчастья, происходящие {133} от ошибок, грехов и преступлений человеческих, объясняют и оправдывают волей Божьей: так, мол, Богу угодно.

Великий князь менее, чем многие другие, но всё же не чужд был этой своеобразности, ставшей в наши дни своего рода религиозной болезнью. Воюя с врагом, он всё время ждал сверхъестественного вмешательства свыше, особой Божьей помощи нашей армии. "Он (Бог) всё может" - были любимые его слова, а происходившие от многих причин, в которых мы сами были, прежде всего, повинны, военные неудачи и несчастья объяснял прежде всего тем, что "Так Богу угодно!".

Короче сказать: для великого князя центр религии заключался в сверхъестественной, чудодейственной силе, которую молитвою можно низвести на землю. Нравственная сторона религии, требующая от человека жертв, подвига, самовоспитания, - эта сторона как будто ступсывалась в его сознании, во всяком случае - подавлялась первою.

В особенности заслуживает внимания отношение великого князя к Родине и к Государю. "Если бы для счастья России нужно было торжественно на площади выпороть меня, я умолял бы сделать это". Эти слова я два или три раза слышал от великого князя. И эти слова не были пустой или дутой фразой, они выражали самое искреннее чувство любви великого князя к своей Родине. Великий князь, действительно, безгранично любил Родину и всей душой ненавидел ее врагов. Характерен следующий случай.

Когда в 1917 году немцы заняли Крым, Император Вильгельм послал своего флигель-адъютанта спросить великого князя, не может ли Вильгельм для него быть в чем-либо полезным. Великий князь флигель-адъютанта не принял, а через генерала бар. Сталя, состоявшего при нем, сообщил, что ему ничего не надо.

А между тем, он в это время во многом нуждался.

Я всегда любовался обращением великого князя с {134} Государем. Другие великие князья и даже меньшие князья (как, например, Константиновичи) держали себя при разговорах с Государем по-родственному, просто и вольно, иногда даже фамильярно, обращались к Государю на "ты". Великий князь Николай Николаевич никогда не забывал, что перед ним стоит его Государь: он разговаривал с последним, стоя навтыжку, держа руки по швам. Хотя Государь всегда называл его: "ты", "Николаша", я ни разу не слышал, чтобы великий князь Николай Николаевич назвал Государя "ты". Его обращение было всегда: "Ваше Величество"; его ответ: "Так точно, Ваше Величество". А ведь он был дядя Государя, годами старший, почти на 15 лет, по службе - бывший его командир, которого в то время очень боялся нынешний Государь.

Внешняя форма отношений великого князя к Государю была выражением всего настроения его души. Великий князь вырос в атмосфере преклонения перед Государем. По

самой идее, Государь был для него святыней, которую он чтит и берег. Когда в январе 1915 года Государь собственноручно вручил мне орден Александра Невского, великий князь как-то проникновенно сказал, поздравляя меня: "Не забывают: Государь сам из своих рук дал вам орден. Помните, что это значит!"

Когда в августе 1915 года великого князя постигла опала, у меня вырвались слова:

- Зачем карает вас Государь? Ведь вы верноподданный из верноподданных...

- Он для меня Государь; меня воспитали чтить и любить Государя. Кроме того, я как человека люблю его, - ответил великий князь.

Когда я видел великого князя в октябре 1916 года в Тифлисе, мне показалось, что под влиянием опалы, которой он подвергся, а еще более под влиянием всё более сгущавшейся атмосферы в стране, в чем он не мог не считать виновным Государя, слепо подчинявшегося своей жене и Распутину, у великого князя ослабело {135} чувство преклонения перед Государем. Я думаю, что в это время он переживал большую душевную борьбу. Затем я видел великого князя в ноябре 1918 года. Тогда он избегал разговоров о Государе.

В отношении великого князя ко всему: к развлечениям и удовольствиям, в его взгляде на женщину проглядывало особое благородство, своего рода рыцарство. Зашла однажды за завтраком речь об игре в карты.

- Я понимаю, - сказал великий князь, - поиграть в карты, когда это доставляет мне настоящее удовольствие, наслаждение. Но убивать время в игре, еще более - играть для выигрыша, - это гадость, преступление.

Так же он расценивал и все другие развлечения: они ценны и законны, если дают человеку душевный отдых, нужное наслаждение. Они отвратительны и преступны, если вызываются распушенностью и соединяются с пошлостью.

Из всех отраслей народной жизни наибольшей любовью великого князя пользовалась сельскохозяйственная. В этой области он обладал большими и разносторонними познаниями. Как известно, в его пригородном имении была, думаю, лучшая в России, - не по размерам, а по постановке в ней дела, молочная ферма, состоявшая из лучших пород коров и ангорских коз. Ферма и устраивалась, и велась под личным и постоянным руководством великого князя, изучившего в совершенстве молочное дело.

За завтраком и обедом у нас очень часто велись беседы по огородничеству, садоводству, рыболовству, поваренному искусству и пр. И великий князь буквально поражал нас своими познаниями по этим отраслям сельского хозяйства. Я заслушивался обстоятельными сообщениями великого князя, как надо разводить те или иные овощи, ухаживать за садом, ловить рыбу, готовить уху, солить капусту и огурцы и т. д. (Эта черта у великого князя была наследственной. Его отец великий {136} князь Николай Николаевич Старший также увлекался всякими хозяйственными занятиями).

Из этих рассказов я почерпнул много нового. Самым же любимым развлечением великого князя была охота, в особенности - на птиц и диких зверей. Читатели, может быть, знают, что псарня великого князя в имении Першине (Тульской губ.) была чуть ли не лучше в Европе. На содержание ее тратились огромные средства.

Ум великого князя был тонкий и быстрый. Великий князь сразу схватывал нить рассказа и сущность дела и тут же высказывал свое мнение, решение, иногда очень оригинальное и всегда интересное и жизненное. Я лично несколько раз на себе испытал это, когда, затрудняясь в решении того или иного вопроса, обращался за советом к великому князю и от него тут же получал ясный и мудрый совет.

Но к черновой, усидчивой, продолжительной работе великий князь не был способен. В этом он остался верен фамильной Романовской черте: жизнь и воспитание великих князей делали всех их не усидчивыми в работе. Эта особенность, однако, могла совсем не вредить Верховному Главнокомандующему, если бы Штаб его, вернее, лица, возглавлявшие его Штаб, стояли на высоте своего положения. К сожалению, о нашем Штабе этого нельзя было сказать.

Должен отметить еще одну черту в характере великого князя. Он чрезвычайно быстро

привязывался к людям, очень ценил всякие проявления забот последних о нем; привязавшись к кому-либо, как я уже говорил, оставался верным ему до конца и в особенности боялся менять ближайших своих помощников, закрывая глаза на иногда очень серьезные их недостатки. Во время войны это имело свои и очень большие последствия. Я искренно любил великого князя, ценил многие его высокие качества и был безгранично благодарен за его неизменное внимание и ту постоянную поддержку, которую он оказывал мне в моей работе. Однако, я не {137} могу не заметить некоторых дефектов его духовного склада. При множестве высоких порывов ему всё же как будто не доставало сердечной широты и героической жертвенности.

Великий князь должен был хорошо знать деревню с ее нуждами и горем. Он ежегодно отдыхал в своем Першине. И, однако, я ни разу не слышал от него речи о простом народе, о необходимых правительственных мероприятиях для улучшения народного благосостояния, для облегчения возможности лучшим силам простого народа выходить на широкую дорогу. В Першине образцовая псарня поглощала до 60 тысяч рублей в год, а в это самое время из великокняжеской казны не тратилось ни копейки на Першинские просветительные и иные неотложные народные нужды. В этом отношении великий князь Николай Николаевич, можно сказать, не выделялся из рядов значительной части нашей аристократии, отгородившейся от народной массы высокою стеной всевозможных привилегий и слабо сознававшей свой долг пещись о нуждах многомиллионного простого народа. У великого князя как-то уживались: с одной стороны, восторженная любовь к Родине, чувство национальной гордости и жажда еще большего возвеличения великого Российского государства, а с другой, тепло-прохладное отношение к требовавшему самых серьезных попечений и коренных реформ положению низших классов и простого народа. В таком сочетании противоположностей сказывался известного рода эгоизм и своего рода близорукость, ибо для действительного и прочного возвеличения российского государства прежде всего требовалось повышение уровня жизни народной массы и всё большее и большее приобщение ее к культурной жизни страны.

Великого князя Николая Николаевича все считали решительным. Действительно, он смелее всех других говорил царю правду; смелее других он карал и миловал; смелее других принимал ответственность на себя.

{138} Всего этого отрицать нельзя, хотя нельзя и не признать, что ему, как старейшему и выше всех поставленному великому князю, легче всего было быть решительным. При внимательном же наблюдении за ним нельзя было не заметить, что его решительность пропадала там, где ему начинала угрожать серьезная опасность. Это сказывалось и в мелочах и в крупном: великий князь до крайности оберегал свой покой и здоровье; на автомобиле он не делал более 25 верст в час, опасаясь несчастия; он ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих, боясь шальной пули; он ни за что не принял бы участия ни в каком перевороте или противодействии, если бы предприятие угрожало его жизни и не имело абсолютных шансов на успех; при больших несчастиях он или впадал в панику или бросался плыть по течению, как это не раз случалось во время войны и в начале революции.

У великого князя было много патриотического восторга, но ему не доставало патриотической жертвенности. Поэтому он не оправдал и своих собственных надежд, что ему удастся привести к славе Родину, и надежд народа, желавшего видеть в нем действительного вождя.

{141}

VIII

Первые победы и первые поражения

8 сентября 1914 г. в г. Гродно я долго беседовал со своим земляком, комендантом Гродненской крепости, генералом от инфантерии М. Н. Кайгородовым.

Ужасные минуты переживали мы после объявления войны, - рассказывал он мне, - крепость наша тогда еще не была закончена. Недостроенные форты стояли без орудий (Потом орудия были привезены из Осовца и Ивангорода (крепостей).). В момент объявления

войны граница против крепости и самая крепость охранялись всего тремя полками 26 пехотной дивизии, одним полком 43-й дивизии и 26 артиллерийской бригадой, - это была вся наша сила. Два полка стояли на самой границе, два - позади ее. А против этой крошечной силы стояли три или четыре немецких корпуса. Что им стоило опрокинуть нас и идти триумфальным маршем на Гродно и дальше. Ужас охватил население Гродно. 20-го июля, в 4 часа дня, Гродненский архиепископ Михаил с духовенством служил на площади молебен перед вынесенной на площадь святыней города Гродно - Коложанской иконой Божьей матери. Собрался весь город. Стон стоял от рыданий толпы... В этот вечер Вильгельм повернул свои корпуса на Францию. Гродно было спасено.

Ко времени нашего приезда в Барановичи (2 авг.) боевая картина фронта совершенно переменилась. Пользуясь бездействием неприятеля, занявшегося французским фронтом, наше командование успело собрать на границе Восточной Пруссии большие силы. На восточной ее границе вытянулись войска Виленского округа, образовавшие армию, под командой {142} генерала П. К. Рененкампа, в составе корпусов III, IV и XX-го и 51/2 кавалер. дивизий, при 55 артиллерийских батареях. К 4 августа эти корпуса стояли на границе в полном составе. На южной границе Восточной Пруссии собиралась II-я армия генерала А. В. Самсонова, в составе корпусов I, II, переброшенного 9-го августа в I-ую армию, VI, XIII, XV и XXIII-го. Хотя к 4 августа эта армия еще не была в

сборе, однако, генерал Рененкампф в этот день со своей армией начал наступление.

Против армии Рененкампа немцами были выдвинуты I, XVII и XX армейские корпуса и I резервный с ландверной бригадой, - всего 8 с половиной пехотных дивизий против 6 с половиной русских. Конницей русские превосходили немцев, а артиллерией - несравненно немцы (95 батарей, в том числе 22 - тяжелой артиллерии против 55 русских).

Немецкие войска не смогли выдержать натиска наших корпусов, - началось отступление. Рененкампф быстро занял Сталюпенен, Гумбинен, Инстербург и уже угрожал Кенигсбергу. Немцы оказывали не особенно сильное сопротивление; наши войска не везде имели одинаковый успех; по местам продвижение давалось после жестоких потерь... Но воспитанный на приемах Китайской и Японской войн, генерал Рененкампф в своих донесениях неудачи замалчивал, успехи преувеличивал и раздувал. Значительный успех был раздут до размеров огромной победы.

Что происходило в Ставке после шумных извещений генерала Рененкампа, этого я не знаю, ибо с 7-12 августа я странствовал по фронту в районе Владимир-Волынь-Холм-Люблин, посещая боевые части и госпитали. Во Владимир-Волыньке я, между прочим, видел следы первого боя с австрийцами, трофеи в виде пленных и разных предметов обмундирования и пр., привлекавшие тогда к себе большое внимание.

В Холм я приехал в воскресенье 10 августа. В чудном Холмском соборе в этот день Холмский епископ {143} Анастасий совершал литургию, а после нее на площади перед собором торжественный молебен по случаю победы, одержанной войсками генерала Рененкампа. Площадь была заполнена многотысячной толпой. Среди молящихся находились: командующий V армией генерал П. А. Плеве и начальник его штаба генерал Е. К. Миллер, - оба лютеране. Епископ Анастасий перед молебном произнес одушевленную патристическую речь, а после молебна поднес генералу Плеве икону. (Кажется, копию Холмской иконы Божией Матери.) Плеве на коленях принял икону из рук епископа. После литургии оба генерала, я и Холмский губернатор обедали у епископа Анастасия. Из беседы с генералами и из той торжественности, с какою праздновалась победа, я понял, что победу считали очень большой.

Восточная Пруссия - житница Германии. Вступив в нее, наши войска нашли там изобилие благ земных. Все солдаты закурили сигары. Гуси, утки, индюки, свиньи начали истребляться в невероятном количестве. Бывший тогда командиром одного из батальонов 169 Новотрокского полка полк. Бруевич рассказывал мне в сентябре 1914 г., что наши солдаты в Восточной Пруссии буквально объедались свининой и домашней птицей. Дело

доходило до больших курьезов. Подходит однажды полковник к ротному котлу и спрашивает у кашевара: "Что сегодня на обед?" "Так что борщ, ваше высокоблагородие", отвечает кашевар. "А ну-ка, дай попробовать". Кашевар открывает котел, в котором оказывается какая-то темно-бурая жидкость. "Что ты клал в борщ?" спрашивает полковник. "Так что свинины, гуся и утку", - отвечает кашевар. "Почему же он у тебя черный?". "Так что, ваше благородие, я еще подложил два фунта какао и два фунта шоколаду"... "Да ты с ума сошел!..." "Никак нет. Уж очинно вкусно, ваше благородие"... Полковник однако, отказался от пробы.

Достигнутый генералом Рененкампом и бесконечно им раздутый успех, по мнению Ставки, должен был {144} развиваться, ибо стоявшие пока без дела корпуса 2-й армии должны были ударить во фланг уже опрокинутой немецкой армии. Ждали новой победы. В таком настроении я застал Ставку, прибыв в нее, кажется, 13 августа.

Я отнюдь не мистик, хотя и верю, что иногда связь между миром невидимым и нами проявляется в разных предчувствиях, снах и видениях, которые в той или другой степени могут приоткрывать завесу будущего. В моей жизни много было предчувствий и "вещих" снов. К числу последних я не могу не отнести сна в ночь с 14 на 15 августа 1915 года. Сначала я видел, что на меня надвигается огромный черный крест. Около креста ничего, кроме тумана не видно, а он как будто собирается упасть и придавить меня. Я проснулся, дрожа от страха. Заснув через несколько минут, я увидел другой сон: на ст. Барановичи встречали прибывающую откуда-то икону. Я и духовенство в облачениях; тут же великие князья Николай и Петр Николаевичи, свита и множество народа. Прибывает в поезде икона. Великий князь берет ее (она небольшая, это складень) и мы крестным ходом, в предшествии крестов и хоругвей, двигаемся с вокзала в штабную церковь. В противоположность первому сну, тут я испытывал чрезвычайно радостное чувство.

Утром 15 августа я рассказывал эти сны своим соседям по вагону: генералу Крупенскому, князю П. Б. Щербатову и князю В. Э. Голицыну.

Между тем ожидание 15 августа сменилось беспокойством, ибо от генерала Самсонова не поступило никаких сведений. Беспокойство усилилось, когда и 16 августа сведений от него не поступило.

17-го утром (в 10 ч.) я, идучи в свою канцелярию, помещавшуюся около вокзала, встретил прогуливавшегося (что было очень редко) по садику, вдоль поезда, великого князя. Он окликнул меня.

- Получены ужасные сведения - почти шопотом сказал он мне, когда я подошел к нему, - армия {145} Самсонова разбита, сам Самсонов, по-видимому, застрелился. От генерала Рененкампа - никаких известий, и с ним, может быть, то же - он далеко зарвался. Что дальше будет, - один Бог знает. Может быть очень худо: с поражением и Рененкампа у нас не станет сил, чтобы задержать немцев; тогда для них будет открыт путь не только на Вильну, но и на Петербург... Молитесь! А о сказанном мною не говорите никому.

Великий князь был очень взволнован. Да и трудно было не волноваться: хоть точные размеры катастрофы еще не определились, но не было сомнений, что она велика. Тяжесть ее увеличивалась от прежней "победы" и несбывшихся надежд. Конечно, я старался успокоить великого князя и убедить его мужественно отнестись к тяжкому испытанию. Но у меня самого от этой вести сердце готово было разорваться на части.

Кошмарны были следующие дни. В штабе носились неясные слухи, что что-то неладно на фронте, но толком никто, кроме чинов оперативного отделения, конечно, упорно молчавших, ничего не знал. Я не смел ни с кем поделиться страшным горем, буквально раздиравшим мою душу, и даже должен был казаться бодрым и веселым. Великого князя я не смел спрашивать о положении дела, а он за обедами и завтраками лишь урывками, незаметно для других, взглядами и жестами показывал мне, что дело худо и что остается одна надежда на Бога. Сам он переживал в эти дни большие страдания. Страшная неудача тем более волновала его, что он не знал, как отнесется к ней Государь. Но вот Государь ответил телеграммой. К сожалению, я не смогу передать буквальный текст ее, но прекрасно

помню общий ее смысл: "Будь спокоен; претерпевший до конца, тот спасен будет". Как только была получена телеграмма, великий князь тотчас позвал меня к себе.

- Читайте! - сказал он, протягивая телеграмму.

Я прочитал и прослезился. Телеграмма меня сильно тронула.

{146} - Добрый Государь! - сказал я.

- В нашем положении его добрые слова - огромная поддержка, - ответил великий князь.

Кажется, 30 августа в штабе уже официально знали и открыто говорили о катастрофе. Теперь общее настроение стало ужасным. Из отдельных слов, знаков и намеков Верховного я заключил, что положение еще не установилось и возможность новой катастрофы еще не исчезла, ибо армия Рененкампа еще не вышла из своего тяжелого положения. Сведения о ней были не ясны, неопределенны, а одно время и совсем их не было.

Начавшиеся на Юго-западном фронте бои еще не определились по результатам.

Утопающий хватается за соломинку, и набожный великий князь был очень утешен в эти дни сообщением, что около 20-го августа Государь повелел доставить в Ставку из Троицко-Сергиевской Лавры икону Явление Божией Матери преп. Сергию, написанную на доске от гробницы преп. Сергия и с 17 в. всегда сопровождавшую в походах наши войска. Этот образ сопровождал царя Алексея Михайловича, когда он воевал с Литвой; был при Петре Великом во время Полтавской битвы, при Александре I в кампании 1813-14 г.; сопровождал Имп. Александра II в 1855 г. при его поездке в Николаев, был при главной квартире армии в Русско-турецкую войну 1877-76 г. и при Ставке Главнокомандующего в Русско-японскую войну 1904-1906 г.

Мистически настроенный великий князь в этом повелении видел особенное знамение милости Божией, обещающее успех оружия и с нетерпением ждал прибытия иконы. Икону вывезли из Москвы 24 или 25 августа, но из-за той же тайны о месте нахождения Ставки она прибыла в Ставку лишь 30 или 31 августа. К сожалению, не помню, каким кружным путем она добиралась до Ставки.

Что же происходило в это время в Восточной Пруссии после занятия Инстербурга? Буду рассказывать {147} со слов полк. Бучинского, служившего тогда в штабе 29 пехотной дивизии, в 20-м корпусе.

Достигшая победы в первых числах августа армия генерала П. К. Рененкампа остановилась за Инстербургом. Отброшенный почти к Кенигсбергу командующий немецкой армией телеграммой просил у Вильгельма разрешения, в виду огромных русских сил, угрожающих ему, очистить всю Восточную Пруссию. В ответ на такую просьбу Вильгельм смещает его и назначает командующим потерпевшей поражение армии бывшего в отставке генерала Гинденбурга, а начальником его штаба - только что отличившегося в Бельгии полковника Людендорфа.

Гинденбург получает два снятых с французского фронта корпуса - 1 гвардейский резервный и XI армейский и, оставив против Рененкампа незначительный заслон, бросает все свои войска против генерала Самсонова, причем XVII корпус обрушивается на левый, а XX корпус на правый фланг армии генерала Самсонова. На левом фланге, не выдержав натиска, отступили назад наши корпуса: 1-й (генерала Артамонова) и XXIII-й (генерала Кондратовича) ; на правом фланге то же сделал VI корпус (генерала Благовещенского). Остались в бою только два корпуса: XIII-й (генерала Ключева) и XI (генерала Мартоса). Наводившие ужас на наши войска бронированные автомобили и искусство маневрирования позволили немцам окружить и частью истребить, частью пленить оба эти корпуса. Командующий армией генерал Самсонов при этом застрелился, блуждая в лесу, настигаемый противником. Штаб его спасся. Это произошло в ночь с 14-го на 15-ое августа.

Разгромив генерала Самсонова, Гинденбург обрушивается на Рененкампа с 17-18 дивизиями и 180 батареями против наших 17 дивизий и 116 батарей. Что же делает последний? Штаб 1-й армии перехватывает немецкую шифрованную телеграмму, что к правому флангу Рененкампа подвозятся из Франции два {148} немецких корпуса: 1-й гвардейский и XI армейский и что наступление поведется на правый фланг (от моря). На

основании этой телеграммы генерал Рененкампф делает распоряжения: перебрасывает туда, с левого фланга, как на самое опасное место, уставший, более других потрепанный XX-й корпус, перебрасывает только потому, что он не переносит командира этого корпуса старика генерала Смирнова, и делает другие перегруппировки, готовясь драться с неприятелем на правом крыле своей армии. Что не было понятно командующему армией, то ясно было поручику.

Поручик Лбов убеждал привезшего в штаб XX корпуса распоряжение из штаба, капитана Малеванова, что немецкая телеграмма, несомненно, провокационная, и нельзя на ней строить стратегические расчеты. Так и случилось. Когда левый фланг армии Рененкампфа был ослаблен переброской войск на правый фланг, Гинденбург, без всяких подкреплений с французского фронта, повернул свои войска от разбитой армии Самсонова на левый фланг нашей I-й армии, на краю которого стоял II корпус (генерала Шейдемана). II-й корпус натиска не выдержал и начала отступать. А за ним началось бестолковое, беспорядочное отступление всей армии, без боя бросавшей орудия и обозы. Корпуса правого фланга отходили под давлением немецкого резервного корпуса и I кавалерийской дивизии. Командующий армией сам создавал панику. 27-го августа он быстро уехал из Гумбинена в Вержболово, а оттуда в Ковно. В Вержболове была усилена охрана его поезда: на всех площадках вагонов были выставлены вооруженные солдаты. С 27-го авг. Рененкампф уже фактически не управлял армией, потеряв связь с нею или, что вернее, бросив ее на волю судьбы. Еще хуже были его, предшествовавшие этому факту, приказы. В одном он говорил: "пробиваться штыками, где можно", когда на самом деле нигде почти не надо было пробиваться. Можно себе представить настроение частей после этого приказа, когда каждый имел право и основание заключить, что армия {149} окружена. В другом приказе он предписывал: "войскам отходить к Ковно", после чего все потянулись на Вержболовское шоссе, как на более удобную дорогу. Последнее скоро оказалось запруженным обозами и парками.

А в это самое время генерал Рененкампф слал донесения в Ставку: "Армия отступает, выдерживая страшный натиск двенадцати немецких корпусов"... "Армия героически отбивается от во много раз превосходящих сил противника"... "Двадцатый наш корпус окружен" и пр.

Только 2-го сентября остановились наши войска и тут увидели своего "героя" командующего. Объезжая полки, генерал Рененкампф благодарил их за "геройскую" службу. Но он остался очень недоволен, узнав, в XX-м корпусе, что последний совсем не был окружен. При этом отрешил от должности начальника штаба XX корпуса генерала Шемякина за то, что последний не донес, что в приданном к корпусу тяжелом дивизионе уцелело 20 орудий (потеряно было 4 орудия). Заявление командира корпуса, что доносят о потерянных, а не об уцелевших орудиях, еще более обозлило Командующего (Небезынтересно, что начальником оперативного отделения штаба I армии был тогда полковник Генерального Штаба Каменев, потом знаменитый красный главковерх.).

Во время отступления 1-я армия бросила (в бою и без боя) свыше ста орудий. Генерал Рененкампф, донося о "геройском" отступлении, об этой потере умалчивал, а чтобы восполнить потерянное, он потребовал затем выслать ему: сто тел, сто лафетов, двести колес и пр. Вверху, по-видимому, поняли его и ответили, что лучше вышлют ему сто орудий в целом, чем в разобранном виде.

Не оправдавший в этом последнем деле своей репутации выдающегося боевого генерала, генерал Рененкампф предусмотрительно позаботился об охране своего {150} собственного благополучия.

Он очень предусмотрительно устроил при себе на должности генерала для поручений свиты его величества генерала, князя Белосельского-Белозерского, бывшего раньше командиром лейб-гвардии Уланского полка, а потом командиром бригады Гвардейской кавалерии, человека, сильного своими связями при дворе. По-видимому, он и сам был близок к царю и царице. А главное, на его родной сестре был женат чрезвычайно близкий в то время

к царю, как и к великому князю, князь В. Н. Орлов, начальник походной Его Величества канцелярии. Этот князь Белосельский-Белозерский в штабе I-й армии сразу стал самым близким лицом к Рененкампу и, как мы увидим, и после описанной неприятной истории помог ему сухим выйти из воды.

2-3-го сентября в Ставке перестали беспокоиться за армию Рененкампа. В один из этих дней, сидя за завтраком, Верховный осторожно, чтобы не обратили внимание другие, но довольно определенно объяснил мне, что Рененкамп сравнительно благополучно вышел из чрезвычайно тяжелого положения, и теперь положение его армии можно считать совершенно обеспеченным. А затем, взяв свое меню завтрака, на оборотной его стороне написал карандашом: "Это не чудо, а сверхчудо". и передал его мне, сказавши: "Сохраните у себя".

Постигшая наши войска, насколько кошмарная, настолько же и позорная катастрофа в Восточной Пруссии чрезвычайно характерна не только для данного случая, но в значительной степени и для всего последующего времени войны.

Для всякого ясно, что несчастье стряслось вследствие бездарности одних и забот лишь о собственном благе других генералов. Вспоминается мне один эпизод. В январе 1915 года в Гомеле Верховный производил смотр вновь сформированному, на место погибшего при Сольдау, XV-му корпусу (генерала Торклуса). Корпус всех поразил своим видом. Рослые, красивые, прекрасно обмундированные, с блестящей выправкой солдаты {151} производили впечатление отборных гвардейцев. Со смотра в одном автомобиле со мною ехали генерал Крупенский, доктор Малама и барон Вольф. Восторгались смотром.

- Ну и солдаты! Откуда набрали таких! лучше гвардейцев... Эх, дать бы к ним немецких генералов! - выпалил доктор.

- Борис, Борис, - захлебываясь от смеха, еле выговорил генерал Крупенский.

Ложь и обман, замалчивание потерь и неудач, постоянное преувеличение успехов, составлявшие язву армии в течение всей войны, ярко сказались на этой операции. Мы уже видели, как доносил генерал Рененкамп о действиях своей армии. А вот другой образчик. При первом наступлении I-ой армии, на участке, где действовала 29 пехотная дивизия, состязались 40 наших орудий с двенадцатью немецкими. Последние скоро замолчали, а вечером обнаружилось, что немецкие войска оставили поле сражения. Когда наши части уже без боя двинулись вперед, то нашли семь брошенных немцами орудий. При этом присутствовал полковник Генерального Штаба Бучинский. Как очевидно, ему пришлось составлять реляцию о действиях дивизии, и он честно и правдиво изобразил происшедшее. Начальник дивизии генерал Розеншильд-Паулин, - и это был один из лучших наших генералов, - прочитав описание, остался недоволен. "Бледно", - сказал он и вернул описание Бучинскому. Не понимая, какая красочность требовалась от правдивого изложения фактов, последний обратился за разъяснением к начальнику штаба.

- Разве не понимаете? - ответил тот. - Надо написать, что орудия взяты с бою, - тогда начальник дивизии, командир полка и командир роты получают георгиевские кресты.

Сам начальник штаба после этого составил реляцию, но, вероятно, и он всё же воздержался от излишней красочности, ибо ни начальник дивизии, ни командир полка не получили георгиевских крестов. Погоня {152} начальников за георгиевскими крестами была настоящим несчастьем армии. Сколько из-за этих крестов предпринято было никому не нужных атак, сколько уложено жизней, сколько лжи и обмана допущено! Это знают все, кто был на войне.

Однажды генерал М. В. Алексеев, в бытность свою начальником штаба Верховного Главнокомандующего, почти с отчаянием жаловался мне:

- Ну, как тут воевать? Когда Гинденбург отдает приказание, он знает, что его приказание будет точно исполнено не только каждым командиром корпуса, но и каждым унтером. Когда он получает донесение, он может быть уверен, что именно так и было и есть на деле. Я же никогда не уверен, что даже командующие армиями исполнят мои приказания. Что делается на фронте, я никогда точно не знаю. Ибо все успехи преувеличены, а неудачи

либо уменьшены, либо совсем скрыты.

Ложь, часто начиная с ротного донесения, всё нарастала и до Ставки уже долетала не настоящая, а фантастическая картина.

Характерно было и положение Ставки. Ставка напоминала очень чувствительного и чуткого, но живущего за границей, вдали от своих имений помещика. Он получает донесения от своих управляющих, часто далекие от истинного положения дел, очень волнуется по поводу всяких неудач и радуется по случаю успехов. Но платоническим сочувствием или несочувствием дело часто и ограничивается. Когда же не знающий истинного положения помещик начинает вмешиваться в дело, то иногда выходит так, что худым управляющим он не помогает, а хорошим мешает. Я не решаюсь сказать, что такое сравнение совсем точно, но утверждаю; что в известной степени оно отвечало действительности. Лучшие штабы, как Юго-западный, или вернее - лучшие военачальники, как генерал Алексеев, очень жаловались на Ставку и были в самых натянутых отношениях с фактическим {153} заправилой ее оперативной работы - генералом Даниловым; худшие, как мы видели и дальше увидим, не получали от Ставки должного направления и научения. Ставка была более барометром успешного или неуспешного положения на фронте, чем рычагом, направляющим действие боевой силы.

Началась расправа за проигранное дело. Главнокомандующий Северо-западным фронтом генерал Жилинский 4-го сентября был заменен командующим III-й армией генералом Рузским, только что за взятие Львова пожалованным званием генерал-адъютанта. Увольнению Жилинского предшествовала поездка Верховного в Белосток, где тогда помещался штаб Северо-западного фронта. Беседа великого князя с Жилинским, кажется, была очень бурной и не особенно продолжительной. Во время этой беседы к поезду великого князя подлетел на автомобиле командир I-го корпуса генерал Артамонов. Осунувшийся, почерневший, страшно взволнованный - он имел ужасный вид. Сказав мне несколько несвязных слов, из которых я только и уловил: "Надо кончать"..., он быстро повернулся и уехал по направлению к вокзалу. Я хорошо знал генерала Артамонова, как большого фокусника и актера, но тут у меня явилось {154} опасение, как бы он не сделал чего над собой. (В бытность командиром I арм. корпуса, он, зная религиозность вел. князя, Главнокомандующего войсками Петербургского округа, приказал, чтобы в каждой солдатской палатке (его корпуса) в Красносельском лагере была икона и перед нею зажженная лампадка. Когда я в 1914 г. посетил этот лагерь, ген. Артамонов провел меня по палаткам и настойчиво тыкал в углы, где горели лампадки. Рассказывали, что, остановившись в Вильно при проезде на фронт, он зашел в кафедральный собор и попросил разрешения обратиться к молящимся со словом. Конечно, ему, как корпусному командиру, разрешили. В своем слове он громил немцев и в конце заявил: "Не бойтесь: я еду воевать!" Когда в августе 1917 г. на Московском соборе пронесся взволновавший всех слух, что немцы могут взять Киев, генерал Артамонов с кафедры заявил: "Будьте спокойны! Киев не может быть взят, ибо я укрепил его". В начале ноября 1917 г., побывавши в соборной депутации у большевиков, ген. Артамонов на заседании соборного совета докладывал: "Да это же отличная власть, они так любезны, внимательны, так понимают народные нужды; с ними можно будет делать дело"...).

И я на автомобиле бросился вдогонку за ним. Я застал его в переполненном офицерском зале I класса. Он сидел за столом, опершись головой на обе руки. Долго я беседовал с ним, пока не успокоил его. При прощании он горячо благодарил меня, уверял, что я спас его, ибо он решил, было, уже покончить с собой. Как ни велик был тогда удар для его честолюбия, после проигранной битвы, однако, я и теперь думаю, что он ловко разыгрывал роль отчаявшегося и ни за что не покончил бы с собой.

Случай этот каким-то образом стал известен великому князю, и он потом благодарил меня за оказанную Артамонову нравственную поддержку. Всё же моя нравственная поддержка не спасла ловкого генерала от кары за поражение. Генерал Артамонов и другие два командира корпусов, оставивших поле сражения, XXIII - генерал Кондратович и VI -

генерал Благовещенский, были отстранены от должностей (И первого и второго я хорошо знал по Русско-японской войне. Ген. Кондратович командовал 9 Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, в которой я тогда - с марта по декабрь 1904 г. служил полковым священником и дивизионным благочинным. Доблестная дивизия дала ген. Кондратовичу георгиевский крест и в известном отношении имя. Но в дивизии ген. Кондратович имел дурную славу: в стратегический талант его не верили, все считали его трусом, "втирателем очков", лучшие командиры полков дивизии, как, например, доблестный и талантливый полковник Лисовский открыто выражал ему свое неуважение и он, очевидно, чувствуя свою вину, терпеливо сносил это. Ген. Благовещенский был тогда дежурным генералом при Главнокомандующем. Упорно говорили тогда, и я имею основание утверждать, что разговоры были справедливы, - что дежурною частью больше ведал и распоряжался друг ген. Благовещенского, полевой священник при Главнокомандующем, прот. Сергей Алексеевич Голубев. Добрый по сердцу, простой, но вялый, отставший от строевого дела, штатский по душе и уже старый, ген. Благовещенский только по ужаснейшему недоразумению мог быть приставлен к командованию корпусом в боевое время. Ему место было в Александровском комитете попечения о раненых, куда назначались потерявшие способность к службе генералы, - а не на войне. К сожалению и несчастью, он был далеко не единственным в этом роде.).

Благовещенский после {155} этого, кажется, совсем отошел от военного дела; Кондратович долго оставался в резерве. В отношении же Артамонова, корпус которого принадлежал к Петербургскому военному округу, сказала черта великого князя не забывать своих сослуживцев.

Когда был взят Перемышль, великий князь назначил Артамонова комендантом Перемышльской крепости. Артамонов и тут очень быстро "отличился". Как хорошо известно, крепость Перемышль своею сдачей была обязана беспутству и крайней распущенности защищавших ее австрийских офицеров. Трудно было представить себе более позорную сдачу. Артамонов же, вступив в должность коменданта павшей крепости, не нашел ничего лучшего для начала своего управления, как обратиться к австрийским офицерам с приказом, в котором он восхвалял мужество, доблесть и самоотвержение, проявленные всем гарнизоном и в особенности офицерами при защите крепости. Приказ этот, отпечатанный на русском и немецком языках, был расклеен на всех столбах и стенах Перемышля. На что рассчитывал Артамонов, издавая такой приказ, этого я не знаю. Но финал был не в его пользу. Только что расклеили злополучный приказ, как в Перемышль прибыл родной дядя Верховного, принц Александр Петрович Ольденбургский, - верховный начальник Санитарной части. Увидев расклеенный приказ, старик обезумел от возмущения. Немедленно полетела в Ставку телеграмма с требованием изгнать Артамонова из Перемышля. И Артамонов был уволен. Через {156} некоторое время он опять очутился на ответственном месте, благодаря той же привязанности великого князя к своим прежним сослуживцам.

Генерал Рененкампф ускользнул от кары. Всю вину за неудачи в операции он свалил на своего начальника штаба генерала Милеанта, который и был устранен от должности. Вне всякого сомнения, что тут большую службу Рененкампфу сослужил генерал Белосельский-Белозерский. Везде, где только можно: при Дворе, в Ставке, среди знакомых он настойчиво трубил об удивительных дарованиях генерала Рененкампфа, потерпевшего неудачу, вследствие бездарности других генералов. 9-го и 10-го сентября я сам испытал это, когда завтракал у генерала Рененкампфа, а затем совершил с ним объезд нескольких частей. Князь Белосельский-Белозерский пользовался каждой минутой, чтобы внушить мне, что Рененкампф - первоклассный полководец. Труды Белосельского-Белозерского не пропали даром, и значительно виновный в катастрофе генерал Рененкампф не только сохранил место Командующего армией, но в высших кругах, пожалуй, еще более упрочил свою славу, хоть и не надолго, до следующего поражения.

На Юго-западном фронте.

Воссоединение галицийских униатов

Св. икона из Троицко-Сергиевской Лавры прибыла в Ставку, помнится, 30-го августа. Встретили ее торжественно: наряд войск с оркестром музыки выстроился на перроне вокзала; тут же к приходу поезда собрались Верховный со штабом, духовенство, прибывшее крестным ходом из церкви, и множество народа. Я в полном облачении вошел в вагон и, приняв Св. икону из рук сопровождавшего ее иеромонаха Максимилиана, вынес ее из вагона и осенил ею народ. Великие князья и старшие чины штаба приложились к иконе, и все мы крестным ходом двинулись в церковь, где был отслужен молебен.

Я вспомнил свой сон 15-го августа. Картина теперешнего крестного хода тогда почти фотографически представилась мне.

Верховный ликовал от радости, уверенный, что прибытие Св. иконы принесет счастье фронту, что помощь Божией Матери непременно придет к нам.

Действительно, в этот же день случилось нечто неожиданное и удивительное. Только что мы вернулись из церкви, как из штаба Юго-западного фронта получилось сообщение о большой победе: взято 28 тысяч пленных, множество офицеров, много орудий. Часа через два была получена другая телеграмма о большой победе французов на Марне. Замечательно, что после прибытия в Ставку Св. иконы во все богородичные праздники (1-го октября, 22 октября, 21 ноября и т. д.) Ставка неизменно получала радостные сообщения с фронта.

В 5-м часу вечера Верховный с начальником и свитой выезжал на вокзал, чтобы посетить раненых в проходившем через Барановичи санитарном поезде. Я {160} ехал в автомобиле с великим князем и никогда, ни раньше, ни позже не видел его в таком восторженном настроении.

Великий князь обошел весь поезд, беседуя с ранеными. Многих награждал георгиевскими крестами.

Достигнутый Юго-западным фронтом успех был началом той огромной победы, которая дала нам обширнейшую территорию с г. Львовом почти до Перемышля и Кракова, до 400 тысяч пленных, множество орудий и несметное количество всякого добра, компенсировав таким образом наши неудачи в Восточной Пруссии.

Победа в значительной степени обязана была качествам австрийской армии, разношерстной и разнузданной, по стойкости и искусству сильно уступавшей германской: как наши войска с трудом и частыми неудачами боролись с германскими, так австрийские войска всегда бывали биты нашими. Но нельзя не воздать должного и нашим военачальникам. Там, кроме Главнокомандующего генерала Н. И. Иванова, были генералы Рузский, Брусилов, Лечицкий (командующие армиями), Корнилов, Деникин, Каледин (начальники дивизий) и др. Оказавшийся же нераспорядительным добрый старик барон Зальца (командующий 4 армией), был заменен после первого боя в половине августа генералом А. Е. Эвертом.

Мне казалось, что имя начальника штаба Юго-западного фронта генерала М. В. Алексеева в Ставке как будто оставалось в тени. Несмотря на огромные размеры победы, о нем почти не говорили, в то время как генерал Иванов сразу вырос в огромную величину.

Честь и слава за победу пали прежде всего на долю генерала Иванова, потом на генералов Рузского, Брусилова, на Ставку и лишь одним уголком своим коснулись М. В. Алексеева, украсив его орденом Св. Георгия 4 ст., одновременно с этим украсившим сотни грудей самых младших офицеров фронта. Между тем, и тогда для {161} многих это было ясно, а теперь, кажется для всех несомненно, что великой победой в Галиции Россия обязана таланту не умевшего ни кричать о себе, ни даже напоминать о своих заслугах, начальника штаба Юго-западного фронта генерала Алексеева.

5-го или 6-го сентября я выехал из Ставки на Северо-западный фронт. 8 сентября я обходил госпитали в Гродно, переполненные ранеными воинами, беседовал с последними, наделял их иконками и крестиками, принимавшимися с радостью и благодарностью. Некоторым давал деньги.

Посещение госпиталей всегда доставляло мне огромное нравственное удовлетворение. Тут я не только больным приносил утешение, но и (еще более) для себя лично черпал новые силы, встречаясь на каждом шагу с примерами удивительного терпения, самопожертвования, кротости и мужества, на которые так способны были эти простые, часто неграмотные, во многом невежественные люди.

В Гродненском местном лазарете, в то время развернувшемся в огромный военный госпиталь, было большое отделение для тифозных. Я попросил провести меня в палату самых тяжелых больных. Меня ввели в большую комнату, где лежало около 40 больных; одни бредили, другие еще не потеряли сознания. Я подходил к каждой постели, вступая в разговор с последними. В левом углу комнаты, - как сейчас помню, - на кроватях лежали два солдата: оба маленького роста, с жиденькими бородками; оба уже не молодые - лет по 40; один шатен, другой рыжеватый. Оба - костромские. Когда я подходил к ним, они оба устремили на меня глаза и протянули руки для благословения.

- Батюшка, - обратился ко мне один, - попросите, чтобы меня скорее отправили на фронт. А то земляки там воюют, а я тут без толку лежу.

- И меня тоже, - прошептал другой.

{162} - Вы одинокие? - спросил я.

Оказалось, что у одного четверо, у другого пять человек детей, и жены дома остались. По их лицам я не мог определить серьезности их положения и поэтому тихо спросил сопровождавшую меня сестру.

- У обоих температура около 40; положение очень серьезное, - ответила она.

Мне оставалось только успокоить их, что они будут отправлены на фронт тотчас, как только немного окрепнут, и попросить, чтобы терпеливее ждали этого момента и собирались с силами.

Вспоминаю другой случай. На перевязочном полковом пункте. Я - около умирающего от страшного ранения в грудь солдата. Последние минуты... Жизнь, видимо, быстро угасает. Склонившись над умирающим, я спрашиваю его, не поручит ли он мне написать что-либо его отцу и матери.

- Напишите, - отвечает умирающий, - что я счастлив... спокойно умираю за Родину... Господи, спаси ее!

Это были последние его слова. Он скончался на моих глазах, поддерживаемый моей рукой.

Еще пример. 17 октября 1915 г. я был на Западном фронте в 5-ой дивизии. В одном из полков (кажется, в 20 пехотном Галицком полку), после моей речи и переданного мною полку приветя Государя, выходит из окружавшей меня толпы солдат, унтер-офицер и, поклонившись мне в ноги, произносит дрожащим голосом:

- Передайте от нас этот поклон батюшке-царю и скажите ему, что все мы готовы умереть за него и за нашу дорогую Родину...

Солдатское громовое ура заглушило его дальнейшие слова.

Вернувшись однажды в 1916 году с фронта, где я {163} посетил много бывших на передовых позициях воинских частей, наблюдал, как трудности и опасности окопной жизни, так и высокий подъем духа в войсках, - я, по принятому порядку, явился к Государю с докладом о вынесенных мною впечатлениях и наблюдениях. Помню, - у меня вырвались слова:

- На фронте, ваше величество, всюду совершается чудо...

- Почему чудо? - с удивлением спросил Государь.

- Вот, почему, - ответил я. - Кто воспитывал доселе нашего русского простого человека? Были у нас три силы, обязанные воспитывать его: церковь, власть и школа. Но сельская школа сообщала тем, кто попадал в нее, минимум формальных знаний, в это же время часто нравственно развращая его, внося сумбуз в его воззрения и убеждения; власть нашему простому человеку представлялась, главным образом, в лице урядника и волостного писаря, причем первый драл, а второй брал; высокие власти были далеки и недоступны для

него; церковь же в воспитании народа преимущественно ограничивалась обрядом. И несмотря на всё это, русский крестьянин теперь на позициях переносит невероятные лишения, проявляет чудеса храбрости, идейно, самоотверженно и совершенно бескорыстно страдает, умирает, славя Бога.

- Да, совершенно верно, - согласился Государь.

Я часто задумывался, стараясь разгадать секрет способной к самым высоким подъемам души простого русского человека. Веками слагался характер ее. При этом, из указанных мною сил - школа только в недавнее время, 40-50 лет тому назад, более или менее ощутительно коснулась души простого человека. Власть. Простой человек гораздо чаще видел бичующую и карающую, чем милующую и защищающую руку ее. И в одной только церкви он слышал вечные глаголы правды, {164} мира и любви; в ней только он успокаивался и отдыхал от своей серой и неуютной, грязной и часто голодной жизни. Храм, величественный, как царский чертог украшенный, этот храм служил для него и домом молитвы и музеем искусств и лучшим местом для отдыха, тем более дорогим, что каждый входящий в храм мог сказать: это и мой храм, мой дом, куда во всякое время я могу придти и отвести душу свою.

К сожалению, руководство церкви в отношении русского народа не было разносторонне воспитывающим. Священнослужители, по большей части, ограничивали свою пастырскую работу церковно-богослужебным делом: совершением богослужений в храме и отправлением треб в домах. Проповедь, когда она раздавалась в церкви, почти всегда была отвлеченной и, так сказать, надземной: она много распространялась о том, как человеку попадать в Царство Божие, и мало касалось того, как ему достойно жить на земле.

Из христианских добродетелей вниманием проповедников пользовались почти исключительно две: любовь к ближнему и самоотвержение, - "любите врагов ваших" (Мф. 5, 44) и "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15, 13), - об этом или прямо, или косвенно говорилось почти в каждой проповеди. Вот эта-то милующая, в течение многих веков простертая над русским народом рука церкви, это постоянное напоминание ему о любви и самоотвержении и вложили в его душу то сокровище, которое он выявлял в великих, но скромных, для глаза незаметных подвигах до революции, и которое он еще выявит и после революции, какие бы потрясения последняя ни произвела в его душе...

Из Гродно я проехал в Ландворово, где помещался тогда штаб генерала Рененкампа, затем вместе с Рененкампом в 1-ую и 2-ую конные гвардейские дивизии и потом, уже без генерала, в сопровождении полк. Бурова, на позиции, по направлению к Олите, в полки 2-го армейского корпуса. Как во время моего пребывания {165} в Ландворово, так и в пути, пока мы ехали вместе, упомянутый уже генерал князь Белосельский-Белозерский то и дело расхваливал Рененкампа, а иногда прямо убеждал меня отстаивать последнего перед Верховным.

Кажется, 11-го и 12-го сентября я провел в Вильне, где, после посещения находившихся там военных госпиталей, был гостем архиепископа Тихона (Впоследствии - Патриарх Тихон.), с которым сначала в городе, а потом на его чудной даче Тринополь провел в приятной беседе около семи часов.

Уезжая из Вильны, я накупил себе разных газет, среди которых оказался номер (кажется, за 10 сентября) "скворцовой" (Издававшейся В. М. Скворцовым, чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода.) газеты "Колокол", проглядывая который, я наткнулся на статью какого-то архимандрита, озаглавленную: "Апостольская поездка еп. Дионисия по Галиции" (Кажется, не ошибаюсь, приводя по памяти название статьи. Еп. Дионисий, впоследствии - митрополит Варшавский.). В статье сообщалось, что с продвижением наших войск в Галицию, Волынские духовные власти, во главе с архиепископом Евлогием, начали "апостольское" дело обращения галицийских униатов в православие. Еп. Дионисий (Кременецкий, викарий Волынской епархии) уже подъял великий подвиг, путешествуя по градам и весям Галиции. Преосвященный не только совершает

богослужения в униатских приходах, но и "действует". Указывались факты: в селе Н преосвященный призывает священника-униата. "Ты - папист?" - спрашивает его преосвященный. "Папист", - отвечает священник. "Тогда вот тебе два дня на размышление: если не откажешься от папы, отрешу тебя от места". Священник не согласился отказаться, после чего епископ в воскресенье объявляет прихожанам: "Ваш священник - папист; он негоден для вас; я ставлю вам другого"... И... поставил иеромонаха Почаевской Лавры.

{166} Я воспроизвожу содержание статьи по памяти, но она так ошеломила меня тогда, что теперь я уверен, что если и погрешаю, то только в отношении дословной передачи, а не по существу ее.

Задолго до войны я изучал униатский вопрос в широкой научной и бытовой постановке. Защищенная мною 9 мая 1910 г. магистерская диссертация озаглавливалась: "Последнее воссоединение униатов Белорусской епархии (1833-1839 гг.)". Статья "Колокола" воскресила в моей памяти знакомую картину воссоединения 30-х годов прошлого столетия со всеми ошибками и промахами воссоединителей, приводившими к кровавым столкновениям, к вмешательству вооруженной силы. Только "тогда" было в мирное время и у себя дома, а "теперь" - на театре военных действий, на чужой территории. Последнее обстоятельство обязывало наших "деятелей" к особой осмотрительности и осторожности. Азбука военного дела требовала принятия всех мер к успокоению, а не к возбуждению и раздражению населения занятой нашими войсками неприятельской местности. Наши "воссоединители" обязаны были, кроме того, учитывать, что успех на войне легко чередуется с неудачей, что сегодня занятая нашими войсками территория завтра может перейти снова в неприятельские руки. И не могли они не предвидеть, что может ожидать воссоединенных, если они снова окажутся в руках австрийской власти, столь ревностно, по политическим соображениям, преследовавшей в Галиции православие и насаждавшей унию. Короче сказать, наши власти должны были понять, что всякие воссоединительные действия на фронте в занятой нашими войсками неприятельской стране по самому существу были несвоевременны и неуместны, независимо от того, искусно или грубо они производились бы.

Православной миссии среди Галицийских униатов в то время могло быть только одно дело: не обличая униатской веры, не пытаясь пока воссоединить униатов, всеми способами показывать им, - {167} особенно оставшимся без своих священников, бежавших в глубь Австрии, - красоту и теплоту православия: совершая для них службы, исполняя все требы, бескорыстно всем и для всех служа, а для этого пославши туда самых лучших - испытанных и образованных своих священников. При таком характере нашей работы униаты, может быть, поверили бы нам, привыкли бы к нам, а, может быть, и полюбили бы нас и незаметно слились бы с нами. При ином - одни нас возненавидят, другие, поверив нам, будут под угрозой мести со стороны австрийцев, которые, если территория с воссоединенными снова перейдет в их руки, не пожалеют для "изменников" пуль и виселиц. Но такая миссия для наших церковных деятелей казалась прежде всего скучной и необещающей лавров, а затем она представлялась и канонически недопустимой. Совершать богослужение, требы для еще не присоединенных к православию униатов, венчать их, крестить их детей, хоронить их и т. д. - от этой мысли содрогнутся и теперь такие "столпы" православия, а тогдашние вдохновители воссоединительного Галицийского дела, как митр. Антоний (Храповицкий) и другие. Что обстановка, совершенно исключительная, требовала, чтобы икономия церковная разрешала в данном случае действовать, считаясь не с буквой, а с духом, не с формою, а с высшей правдой и христианской любовью, - это тогда не было ни понято, ни принято во внимание. Вместо мудрости, воссоединители вложили в дело настойчивость, решительность и уставную законность, по всей вероятности, не учитывая всех тех последствий, к которым должно было привести дело их "святой ревности".

Прибыв в Ставку, я показал великому князю статью "Колокола" и при этом изложил свой взгляд на дело. Верховный тотчас пригласил к себе начальника Штаба, и я, в присутствии последнего, повторил свой доклад. Наша беседа кончилась тем, что великий

князь приказал заготовить от его имени телеграмму на имя Государя, - {168} просить высочайшего повеления о немедленном приостановлении всяких воссоединительных действий в Галиции.

Телеграмма за подписью Верховного была послана в тот же день, а через несколько дней был получен ответ Государя, что он повелел архиеп. Евлогию прекратить воссоединительную работу.

Но... "апостольские" труды неудачных сотрудников архиеп. Евлогия и после этого продолжались...

Как это могло быть, когда последовало совершенно определенное высочайшее повеление? Отвечаю на этот вопрос сообщением изучавшего в 1916 году по документам канцелярии обер-прокурора Св. Синода и по синодальным дело Галицийского воссоединения, профессора Киевской Духовной Академии, прот Ф. И. Титова. Он рассказывал мне, что он там видел высочайшую телеграмму, повелевавшую прекратить воссоединение в Галиции. Тут же на телеграмме была пометка, что Канцелярия спрашивала у обер-прокурора Св. Синода: какие принять меры в виду такого повеления Государя. И тут же стоял ответ обер-прокурора: "Приобщить к делу"... Коротко и ясно. Возможно, что обер-прокурор, получив высочайшее повеление приостановить воссоединительные действия, вошел к Государю с особым докладом, и Государь разрешил ему продолжать воссоединения. Может быть, пользовавшийся благоволением царицы обер-прокурор В. К. Саблер при ее помощи добился этого.

Чтобы не прерывать нити рассказа, я продолжаю речь об этом деле.

Время шло, шли и воссоединения. Ни в каком случае нельзя заподозреть ни чистоты намерений, ни ревности о благе церкви у стоявшего во главе воссоединительного дела архиеп. Евлогия. Но, в то же время, нельзя не признать, что он в этом предприятии проявил как будто совсем несвойственные ему нечуткость и близорукость.

Получив синодальное повеление заняться {169} воссоединительным делом в Галиции, архиеп. Евлогий оставил свою огромную епархию и поселился во Львове. В Галиции уже работал целый полк его сподвижников, огромный процент которых составляли иеромонахи Почаевской Лавры, полуграмотные, невоспитанные, невежественные. И они должны были заменить обращаемым в православие униатам их прежних священников, которые почти все имели университетский диплом и блестящую практическую выучку, в направлении и совершенствовании которой Галицийский униатский митр. Шептицкий был большой мастер.

Как бы для большего неуспеха в работе, этих новоявленных противоуниатских миссионеров сразу же поставили в самое несносное материальное положение. Как рассказывал мне настоятель штабной церкви при нашем генерал-губернаторе в Галиции, протоиерей Венедикт Туркевич, им не назначали никакого определенного жалования; вместо жалованья, архиеп. Евлогий, имевший в своем распоряжении аванс из Синода, выдавал им от времени до времени по 10-15 руб. на человека. Такие деньги составляли тогда слишком незначительную сумму. Поэтому помощники архиеп. Евлогия обыкновенно влачили самое жалкое существование и по временам, когда Владыка на очень долгое время, - а это было обыкновенным явлением, - оставлял их без новой подачи, вынуждены были питаться почти подаянием. Тому же прот. Туркевичу всё время приходилось из сострадания кормить того или другого монаха-"миссионера", издержавшего евлогийскую субсидию и жившего затем в течение долгого времени без гроша в кармане. Всё это было так примитивно-мелочно, непродуманно. И, конечно, всё это не могло служить к славе православной церкви...

По-видимому, Верховный больше не беспокоил Государя по делу о воссоединении. Я же после сентябрьского доклада не напоминал о деле, считая, что сами военные {170} власти должны были понять и по достоинству оценить его.

В конце октября или в начале ноября 1914 г. в Ставку приезжал архиеп. Евлогий. Он имел продолжительный разговор с начальником Штаба, беседовал с великим князем. О содержании этих бесед мне неизвестно: я не пытался узнать, а мне не сообщили о них. Судя же по тому, что обращение великого князя с архиепископом Евлогием во время завтрака

было очень сдержанным, я понял, что архиеп. Евлогий сочувствия в Ставке не встретил. В беседе со мною архиепископ не проронил ни одного слова о воссоединении. Я, с своей стороны, не счел удобным начинать разговор о деле, касающемся ближе всего архиепископа.

В конце ноября в Ставку приехал обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер. Я встретил его на вокзале. Поздоровавшись со мной троекратным воздушным лобзанием (Саблер так здоровался со всеми духовными лицами: он не подносил своих губ к щекам здоровавшегося ближе, чем на четверть аршина, но трижды чмокал губами. Это у него означало троекратное лобзание!), он сразу залепетал:

- Ах, о. протопресвитер, я всю дорогу читал вашу книгу о воссоединении... Как интересно, как интересно!

И жизненно, главное - жизненно. Я большую половину книги прочитал за дорогу...

Я решил перевести разговор на современное воссоединение. Но лишь только я начал говорить о множестве ошибок и разных эксцессах, которые были допущены при Белорусском воссоединении, и которых теперь, в военную пору, на театре военных действий можно и должно избегать и для безопасности воссоединяемых, и для блага Церкви, он меня сразу перебил:

- Ах, о. протопресвитер, у меня к вам большая просьба: поддержите меня перед великим князем {171} Николаем Николаевичем. Во Львове, знаете, на горе, на чудном месте, у собора св. Юра резиденция митрополита, ряд отличных домов... Нам бы, хоть бы два-три домика дали... реквизировали. Я буду просить об этом Верховного, а вы мне помогите.

Я ответил молчанием на эту просьбу.

На другой день, посетив Саблера в его вагоне, стоявшем вблизи от великокняжеского поезда, я снова заговорил о Галицийском воссоединении. Саблер быстро перевел речь на другой предмет. Ясно мне стало, что мой взгляд на дело Саблеру известен и совершенно расходится с его взглядом и желаниями. Ему нужны были громкие цифры воссоединенных и "домики" во Львове; я же по истории Белорусского воссоединения знал действительную цену громких цифр, не верил в прочность приобретения Львовских "домиков" и сильно опасался за возможность катастрофы этого воссоединительного предприятия. Не стану распространяться о том, что всё это дело по своей конструкции представлялось мне совершенно несвоевременным и несерьезным, роняющим престиж великой церкви, от лица которой оно производилось...

Больше я не пытался заговаривать, убедившись в бесполезности своих попыток.

В Ставке Саблера приняли довольно немилостиво. Он был приглашен и к завтраку, и к обеду, но посажен не рядом с великим князем, как сажали других почтенных министров, а за другим столом. И за завтраком, и за обедом Верховный не обратился к нему ни с одним словом. Всё это было очень симптоматично.

О чем беседовал Саблер наедине с великим князем и с начальником Штаба, не знаю. Но уехал он из Ставки недовольный: никаких домов ему не дали. А о приезде его и о нем самом потом в Ставке вспоминали с усмешкой.

Из писем от своих петроградских друзей я знал, {172} что архиеп. Евлогий в своих воссоединительных действиях вдохновляется другим, талантливым, но иногда плохо разбирающимся в обстоятельствах, архиеп. Антонием и всецело поддерживается и руководится своеобразным ревнителем православия В. К. Саблером. Но архиепископ Евлогий и не подозревал, до какой степени доходила попечительность о нем Саблера. Последний, между прочим, командировал в помощь Евлогию, в качестве секретаря по униатским делам, чиновника своей канцелярии П. Д. Овсянкина, человека очень сердечного, отзывчивого, доброго, еще более услужливого, но выработавшего довольно своеобразный взгляд на порядочность в человеческих отношениях.

В Петрограде, среди бумаг, у меня остался большой том копий (Оригиналы хранились в архиве канцелярии обер-прокурора Св. Синода.) писем-донесений г. Овсянкина обер-прокурору Св. Синода, В. К. Саблеру, о действиях архиеп. Евлогия в Галиции, любезно предоставленный мне тем же проф. Ф. И. Титовым.

В своих донесениях, аккуратно посылавшихся раз-два в неделю, Овсянкин самым тщательным образом, до мельчайших подробностей, описывал своему патрону всё, касающееся не только общественной деятельности, но и частной жизни архиеп. Евлогия: когда тот ложится спать и встает, что и когда ест и пьет, кто у него бывает, о чем он говорит, даже что думает, как действует по униатским делам и пр. и пр. Если бы только архиеп. Евлогий знал, каким оригинальным попечением окружил

его "добрый" Владимир Карлович, и каким милым сотрудником его был г. Овсянкин!

1-2 февраля 1915 года я провел во Львове, где виделся с генерал-губернатором Галиции, графом Г. А. Бобринским. От Овсянкина и других я узнал, что архиеп. Евлогий очень доволен результатами {173} воссоединения, давшими ему несколько десятков униатских приходов. Числа были в его пользу и, на его взгляд, говорили о большом успехе. Так точно во время Белорусского воссоединения в 1834 г. думал Полоцкий еп. Смарагд, когда хвастался обер-прокурору Св. Синода: "Мы присоединили 34 униатских прихода!" А умный и дальновидный Литовский архиеп. Иосиф Семашко по этому поводу замечал: "Мы присоединили 34 прихода! Гораздо лучше было бы не присоединять ни одного прихода!"

Овсянкин тоже, пожалуй, был доволен успехами воссоединения, но осуждал вялость и нераспорядительность архиеп. Евлогия.

Генерал-губернатор гр. Бобринский, которого я еще с японской войны знал за человека весьма воспитанного и сдержанного, в совсем непривычном для него тоне, почти с раздражением говорил о "вредной политике" архиеп. Евлогия, своими воссоединениями волновавшего население и в большей части его вызывавшего озлобление, особенно, в тех случаях, когда униатские церкви отбирались у униатов и отдавались православным, т. е. воссоединившимся. Гр. Бобринский считал работу архиепископа Евлогия вредной для русского дела, опасной для местного населения.

Священником штабной церкви генерал-губернатора Галиции в то время был, как я уже говорил, кандидат богословия, прот. В. И. Туркевич, раньше служивший членом Духовного правления нашей Северо-американской епархии. В общем, осуждая всё начинание архиепископа Евлогия, как несвоевременное, прот. Туркевич в особенности не одобрял привлечения к работе в Галиции невежественных иеромонахов, а также скупости архиеп. Евлогия, дрожавшего за каждую копейку и державшего своих помощников на каких-то нищенских, случайных подачках, на подножном, можно сказать, корму.

1-го вечером и 2-го февраля утром я совершал богослужение в большой униатской Львовской {174} церкви (кажется, Св. Николая). За богослужениями храм был переполнен молящимися, главным образом - униатами. Мужчины и женщины подходили ко мне под благословение, принимали на всю ночь помазание елеем, причем все целовали мне руку.

У меня тогда явилась мысль: значит, они не делают различия между мною и своими священниками; значит, они считают, что мы одно с ними по вере, что мы им - свои. Зачем же мы хотим подчеркивать торжественно и всенародно, что они для нас чужие, что мы совсем другое, чем они? Зачем мы толкаем их на непосильный, может быть, для многих из них вопрос: если мы не одно с ними, то что же такое мы? Зачем, требуя обрядовой формальности - отречения от папы и *filioque*, т. е. от догматов, которые для них и непонятны и безразличны, зачем мы подвергаем их возможности невероятных опасностей? Ужель для того только, чтобы выполнить букву в данном случае мертвого закона? Тяжело, больно было на душе.

Из Львова я направился на позиции осаждавшей Перемышль нашей армии. Там я виделся с командующим армией генералом Селивановым и с множеством военных священников. Как и гр. Бобринский, все они отрицательно относились к производившемуся воссоединению. Некоторые при этом рассказывали о насилиях над нежелавшими присоединяться униатами, делавшихся некоторыми нашими "миссионерами" при участии "ревнителей" - чинов полиции. Тут же они просили у меня указаний, как им поступать, когда оставшиеся без священников, убежавших или погибших, униаты просят их совершать богослужение, исполнять требы и пр.

На обратном пути, во Львове, я виделся с преосвященным Трифоном (викарий Моск. еп.), исполнявшим тогда обязанности штабного священника в VII армии.

Он также отрицательно относился к политике архиеп. Евлогия.

{175} Вернувшись в Ставку, я доложил Верховному о впечатлениях своей поездки, не умолчав и о воссоединениях. Великий князь беспомощно пожал плечами:

- Что я могу сделать? Вы же знаете: я просил Государя, Государь обещал. Я отлично понимаю, что от их воссоединений, кроме неприятностей и осложнений, ничего нет. Обождем еще.

По поводу же заявленной военными священниками просьбы я 17-го или 18-го февраля обратился в Св. Синод с таким рапортом:

"Военные священники просят у меня указаний, как им поступать, когда оставшиеся без своих священников Галицийские униаты обращаются к ним с просьбами о совершении треб и богослужения. Если отказывать униатам в их просьбах, то они пойдут к римско-католическим ксендзам, после чего навсегда будут потеряны для православия; если же требовать от них торжественного присоединения и торжественно присоединять их к православной церкви, то, в случае обратного занятия австрийцами галицийской территории, воссоединенные будут обвинены в государственной измене и подвергнутся казни. Так как основные пункты, отличающие унию от православия - догматы о filioque и о главенстве папы - для простого униатского народа - пустой звук, и так как простецы-униаты считают себя заодно с православными, то не следует ли самый факт обращения их к православному священнику считать за воссоединение и без шума и всяких предварительных торжественных формальностей не отказывать им, при отсутствии у них своего священника, ни в совершении богослужения, ни в исполнении треб. Прошу дать мне соответствующие указания".

Ответа на рапорт я не получил. В ноябре 1915 года, когда я был присутствующим в Св. Синоде, во время одного из вечерних заседаний Синода я увидел на столе большое дело о Галицийском {176} воссоединении. Взяв его, я разыскал свой рапорт. Мой рапорт был пришит к делу. На левой стороне его рукою Управляющего Канцелярией Св. Синода была сделана приписка: "Г. обер-прокурор приказал настоящего рапорта Св. Синоду не докладывать". Г. синодальный прокурор всё мог...

В начале апреля в Ставке стало известно, что Государь посетит Львов и Перемышль. Верховный был против этой поездки, - это я слышал из уст самого Верховного, - опасаясь, между прочим, покушения на жизнь Государя. Другие находили поездку преждевременной, так как еще нельзя было считать Галицию прочно закрепленной за нами. Кажется, сам Государь настоял на поездке.

4-го апреля Верховный поручил мне заблаговременно выехать во Львов, чтобы к царскому приезду наладить церковную сторону встречи.

- А то напутают. Бог весть, как. Передайте архиепископу Евлогию мою просьбу, - добавил великий князь, - чтобы встречная речь его была коротка и не касалась политических вопросов.

Накануне приезда Государя я прибыл во Львов и прежде всего направился к архиеп. Евлогию. Беседа наша была очень согласной, пока мы устанавливали разные подробности церемониала встречи, но архиепископ обиделся, когда я передал ему просьбу великого князя.

- Как же это можно, чтобы речь была короткой?.. Разве можно тут обойти политику? Разве не могу я, например, сказать: "Ты вступаешь сюда как державный хозяин этой земли?" - волновался архиепископ.

- Я думаю, - ответил я, - что нельзя так сказать, так как война еще не кончена и никому, кроме Бога, не известно, будет ли наш Государь хозяином этой земли. Пока она - только временно занятая нашими войсками.

- Ну как же это? - настаивал архиепископ.

{176} - Я вам передал просьбу великого князя, а дальше, владыка, ваше дело, - ответил я.

Государь прибыл во Львов в 5 ч. вечера. Духовенство и масса народа долго ждали его в

храме. При встрече Государя архиеп. Евлогий произнес длинную, политическую речь. Государь слушал спокойно. Великий князь всё время волновался, кусая губы, переминаясь с ноги на ногу, по временам как-то странно взглядывая на меня.

В 8-м часу вечера в великолепном дворце наместника Галиции был очень многолюдный обед: из духовенства были приглашены архиеп. Евлогий и я.

Архиепископ Евлогий прибыл во дворец в приподнятом настроении, волнуясь, должен ли он ехать в Перемышль для встречи Государя.

- Я спрошу у великого князя, - предложил я ему и направился к стоящему недалеко от нас Верховному. Великий князь нервничал.

- Встреча хороша, но речь-то? - обратился он ко мне прежде, чем я успел сказать ему слово.

- Я передал архиепископу Евлогию просьбу вашего высочества, - сказал я.

- Верю, но разве можно что-либо с ним сделать? - ответил мне великий князь.

- Архиепископ Евлогий недоумевает: нужно ли ему ехать в Перемышль для встречи Государя, - обратился я.

- Нечего ему там делать. Вы встретите, - был ответ великого князя.

По пути в Перемышль Государь задержался на смотре VIII армии. После смотра командующий армией генерал Брусилов был пожалован званием генерал-адъютанта. Рассказывали, что, принимая от Государя генерал-адъютантские погоны и аксельбанты, Брусилов на глазах у всех поцеловал руку Государя.

{178} В Перемышле, после встречи Государя, также был парадный обед в крепостном военном собрании. Общее внимание тут привлекала преждевременно заготовленная для памятника "победителю" статуя коменданта крепости Перемышль генерала Кусманека.

На другой день Государь с великим князем и большой свитой осматривал форты крепости Перемышль, а затем на автомобиле отбыл во Львов и в тот же день поездом - из Львова обратно в Россию.

Утром 12-го апреля оба поезда, царский и великокняжеский, остановились на ст. Броды. Было воскресенье. Я с доктором великого князя Маламой отправился к литургии в униатскую церковь. Церковь в общем имела совсем православный вид: трехярусный иконостас, нашего письма иконы. Служил православный русский священник; пели по-униатски; большинство песнопений пелись всей церковью. Меня особенно удивили песнопения:

"Ангел вопияше" и "Отче наш", исполненные всей церковью особым вычурным напевом чрезвычайно красиво и стройно. Многие из молящихся, особенно женщины, стояли с молитвенниками, по которым следили за богослужением. Церковь была полна народу. Порядок был образцовый. Вся обстановка службы создавала торжественное молитвенное настроение.

- И наши хотят еще учить их, когда нам надо от них учиться? обратился ко мне доктор, когда мы выходили из церкви.

На паперти храма мы остановились.

- Где же ваш униатский священник? - спросил я у одной средних лет женщины.

- Тикае до Вены, - отвечала она.

- Что ж, вы привыкли к новому священнику?

- А чего не привыкнуть?

- Да он же не похож на вашего прежнего: он с длинными волосами, бородой и в рясе.

{179} - Так что ж? Наш, як папа, а этот як Христос...

- Кого же они - Евлогий и др. - присоединяют? Зачем, от чего присоединяют? - волновался доктор, давно возмущавшийся воссоединительными операциями архиепископа Евлогия. Я молчал.

Когда мы подходили к поездам, там на площадке около них стояли: Государь, беседовавший с великим князем Петром Николаевичем, а невдалеке от него великий князь Николай Николаевич с свитским генералом Б. М. Петрово-Соловово, только что

вернувшимся из поездки по Галиции. Великий князь, увидев меня, подозвал к себе.

- Вы говорили с Петрово-Соловово? - спросил он меня.

- Нет, ваше высочество. После возвращения Б. М. из поездки я только сейчас его вижу, - ответил я.

- Удивительно! Петрово-Соловово объехал всю Галицию и везде интересовался ходом воссоединения. Теперь он рассказывает мне о воссоединении точь-в-точь то, что вы уже не раз мне докладывали. Вот что... Сейчас я скажу Государю, чтобы он поговорил с вами. Вы ему скажите всю правду.

Сказав это, великий князь быстро повернулся и подошел к Государю. Минуты через две великий князь позвал меня. Я подошел.

- Вот, ваше величество, о. Георгий пусть доложит вам, - сказал великий князь.

- Пойдемте, - обратился ко мне Государь. Мы вдвоем пошли по перрону вокзала.

- Скажите мне откровенно ваше мнение о воссоединении униатов в Галиции, - сказал мне Государь.

Я начал с того, что я раньше научно изучил униатский вопрос и, поэтому, мне, может быть, лучше, чем другим, видны ошибки и промахи в этом деле. Дальше я подробно разъяснил Государю, что и на родной {180} территории и в мирное время такие ошибки приводили к бунтам и вооруженным столкновениям и что тем более они опасны теперь - в военное время, и совсем нежелательны в виду международных отношений, так как союзники наши французы и итальянцы - католики. Затем я постарался раскрыть, в чем именно ошибочно производящееся воссоединение: тактически оно ведется неправильно; по настоящей военной поре оно совсем не своевременно; для воссоединяемых крайне опасно, ввиду возможности перехода территории опять в руки австрийцев; для церкви оно может оказаться бесславным. Сказал я Государю и о том, что, насколько мне известно, и верховное командование, и военачальники, и духовенство военное с еп. Трифоном во главе, и гражданская власть края - в лице генерал-губернатора единодушно считают происходящее воссоединение и несвоевременным, и опасным. Я говорил с жаром, с увлечением. Государь напряженно слушал меня. Мы несколько раз взад и вперед прошли по перрону.

- Что же, по-вашему надо сделать? - спросил меня Государь, когда я кончил свою речь.

- Архиепископ Евлогий достойнейший человек, но в данном случае он взял неверный курс, которого он не хочет изменить, так как, кажется, он крепко верит в правоту принятого им направления. Его поэтому надо вернуть в Волынскую епархию, которая, кстати, очень нуждается в личном присутствии своего архипастыря, а униатское дело поручить другому, - ответил я.

- Кому же? - спросил Государь.

- Я не смею указывать определенное лицо. Но, может быть, с этим делом справился бы трудящийся теперь в армии, тут в Галиции, еп. Трифон. Он ориентирован в местной обстановке и, по моему мнению, держится совершенно правильного взгляда на здешнее унианство, - ответил я.

- Отлично! Заряженный вашим докладом, я поеду {181} в Петроград и там сделаю, как сказали вы, - были последние слова Государя. На этом мы расстались.

От Государя я подошел к Верховному, который в это время разговаривал с генералом Г. А. Бобринским, генерал-губернатором Галиции. Я подробно рассказал о беседе с царем. "Отлично!" - сказал великий князь, а граф Бобринский чуть не со слезами обнял меня. "Вы разрешили самый тяжелый и запутанный вопрос в Галицийском управлении", - сказал он мне.

После завтрака в царском поезде Государь уехал в Петроград, а поезд великого князя направился к Ставке. Когда мы сели обедать, великий князь говорит мне:

- Ну, и произвели же вы сегодня впечатление на Государя. Он сказал мне: "Отец Георгий совершенно перевернул у меня взгляд на униатский вопрос в Галиции".

Что же дальше было?

6-го мая архиепископу Евлогию, в награду за воссоединительные труды, высочайше

был пожалован бриллиантовый крест на клобук - высшая награда для архиепископа, тем более для молодого: ему тогда не было и 50 лет. Униатское галицийское дело, конечно, было оставлено в прежнем положении.

А 9 мая началось наступление немцев, закончившееся очищением от наших войск почти всей Галиции.

Все воссоединители бежали. Один из них - священник Каркадиновский, законоучитель Витебского учительского института, во время войны служивший в Галиции с архиепископом Евлогием - рассказывал мне, что воссоединенные часто провожали их проклятиями.

Бежало и много воссоединенных. Говорили, что будто бы до 80 тысяч галичан после этого разбрелись по Волыни, Дону и другим местам. Рассказывали также, что до 40 тысяч из оставшихся на месте погибли на виселицах и от расстрелов.

{182} Огромный процент среди них составляли воссоединенные...

Галицийское воссоединение показало, что ревность не по разуму весьма опасна, ибо она побуждает и умных людей творить большие глупости.

{185}

X

Первый приезд Государя в Ставку

После увольнения генерала Жилинского от должности Главнокомандующего Северо-западным фронтом и отъезда его в Петроград, для "реабилитации", в Ставке говорили: "Жилинский уехал, чтобы усилить коалицию врагов Верховного". В этой коалиции считали: военного министра генерала Сухомлинова, дворцового коменданта генерала Воейкова и некоторых штатских министров. "Коалиция", будто бы, настойчиво добивалась скомпрометировать и, если удастся, свалить Верховного. На стороне "коалиции" всецело был Распутин; плану "коалиции" сочувствовала молодая Императрица.

Отношения между великим князем и генералом Сухомлиновым еще до войны были в корне испорчены. Очень скоро после начала войны обнаружившаяся наша неподготовленность к войне (особенно в области технических средств) заставила великого князя открыто обвинять военного министра, что, в свою очередь, не могло возбудить лучших чувств у последнего к первому. А наши неудачи в Пруссии дали основания военному министру обвинять Верховного.

С генералом Воейковым до назначения его дворцовым комендантом у великого князя были самые лучшие отношения. Своей карьерой генерал Воейков во многом был обязан великому князю. Последний, между прочим, провел его в командиры лейб-гвардии Гусарского полка. Честный и благородный старик, министр двора гр. Фредерикс, на дочери которого был женат генерал Воейков, коснувшись как-то в 1916 году отношений своего зятя к великому князю, резко осуждал его за черную неблагодарность. После назначения Воейкова дворцовым комендантом отношения между ним и великим князем {186} совершенно испортились. Учел ли ловкий царедворец, что теперь ему не выгодно дружить с великим князем, дом которого был одиозен для царской семьи, или были другие какие-либо причины, положившие конец прежней дружбе, но в данное время генерал Воейков был одним из самых опасных врагов великого князя. В Ставке говорили, что "коалиция" настойчиво, искусно и смело ведет поход против Верховного. Сторонники великого князя были, поэтому, очень огорчены тем, что за первые три месяца войны Государь не нашел нужным посетить Ставку. Специалисты по разгадыванию событий видели в этом опалу. У многих, поэтому, отлегло от сердца, когда разнеслась весть, что Государь едет в Ставку. "Приедет, с глазу на глаз переговорит с великим князем, и все недоумения рассеются, интриги падут", - так думал не я один.

Началась спешная подготовка к высочайшему приезду. В нескольких шагах от великокняжеского поезда, в прекрасном сосновом парке был устроен тупик для царского поезда. Кругом всё было выметено и вычищено; в парке разбиты дорожки, поставлены столики и скамейки. Потом, весною, по всему парку были посажены очень искусно сделанные из дерева, обманывавшие многих, боровики. Церковь разукрасили гирляндами из

елок. Ставка приняла торжественный вид.

К приходу царского поезда на вокзал выехал Верховный с начальником Штаба. Весь же Штаб ждал Государя в церкви. С вокзала Государь проехал прямо в церковь, где был встречен мною с духовенством.

Встреча в церкви омрачилась неприятным эпизодом. Во время моей приветственной речи вдруг потухло электричество. Продолжали гореть только свечи и лампы. Молебен проходил в полумраке. И только в конце службы, когда запели: "Тебе Бога хвалим", опять зажглось электричество. На всех присутствующих этот случай произвел самое тяжелое впечатление. Помню, полковник Трухачев сказал соседу: "Не к добру это!"

{187} Пребывание Государя внесло новый распорядок в нашу жизнь. Ежедневные доклады Государю о действиях на фронте. Ежедневные высочайшие завтраки и обеды, к которым приглашались чины Штаба, одни по очереди, другие постоянно. К последним, кроме великих князей, принадлежали: начальник Штаба, генерал-квартирмейстер, генерал князь Голицын и я. Обедали в 7.30 часов вечера, завтракали в 12.30 часов дня.

Новая обстановка меня очень интересовала. Правда, я к Государю еще до войны достаточно присмотрелся. Но всё же тогда мне приходилось наблюдать его в неизменно торжественном окружении, издали и более или менее мимоходом. Теперь же вся обстановка скорее напоминала семейную; Государь ко всем нам был ближе, как и мы были ближе к нему; и свойственные ему простота и доступность были как-то виднее и ощутительнее для нас. Благодаря этому, после двух-трех приглашений каждый из нас чувствовал себя в царской столовой, как у себя дома.

Я должен остановиться несколько на первом обеде.

Когда все приглашенные собрались к назначенному времени, Верховный был приглашен в соседний с вагоном-столовой вагон, где помещался Государь. Через несколько минут он вернулся в столовую, взволнованный, со слезами на глазах; на шее у него висел орден Св. Георгия 3 ст. Он прямо подошел к начальнику Штаба, со словами: "Идите к Государю, - он вас зовет". Все бросились поздравлять великого князя. Я расслышал его слова: "Это награда не мне, а армии". Скоро затем вернулся начальник Штаба с Георгием на груди (4 ст.). На его глазах блеснули слезы. Когда к нему подошел генерал Данилов, Янушкевич, в ответ на поздравление, ответил последнему: "Это вами, а не мной заслужено". Лицо генерала Данилова в это время имело выражение человека, - вот-вот готового заплакать, не то от досады, не то от обиды. Обижаться долго генералу {188} Данилову, однако, не пришлось, так как в тот же или на следующий день, - этого хорошо не помню, - и ему Государь повесил орден Георгия 4 ст. Думаю, что, получив Георгия, генерал Янушкевич просил великого князя этим же почетным знаком наградить и генерала Данилова.

После начальника Штаба я был приглашен к Государю. Государь встретил меня словами:

- Ездили уже на фронт?

- Несколько раз, - ответил я.

- Великий князь докладывал мне о вашей чрезвычайно плодотворной работе для армии. Благодарю вас. Примите от меня вот это... тут орден Владимира 2 ст., - сказал Государь, протягивая мне коробку с орденом.

- Ваше величество! Для меня дорого ваше внимание, ваше ласковое слово, а от этого освободите меня.

Мне не нужны ленты, - ответил я.

- Верю, что для вас, как и для меня, не нужны награды. Но дело не в ленте. Возьмите, чтобы другие знали и видели, что я вас ценю, - закончил Государь.

Как редко кто, он умел быть добрым, ласковым и приветливым.

Почти следом за мной вышел Государь; начался обед.

Награждение генералов Янушкевича и Данилова высокими боевыми наградами в Ставке было принято холодно, а на фронте почти враждебно. В Ставке определенно считали, что Галицийская победа обязана отнюдь не талантам ставочных генералов, как и не

возлагали на последних всей ответственности за поражение под Сольдау. На Северо-западном фронте в то время уже шел большой ропот против Ставки, якобы, не принявшей должных мер для предупреждения Сольдаусской катастрофы, а на Юго-западном фронте знали, что их победа обязана местным стратегическим силам. Поэтому престиж этих новых георгиевских кавалеров, еще не {189} нюхавших пороху, ни в Ставке, ни на фронте не поднялся после того, как на их груди заблестели возложенные царскою рукою Георгиевские кресты. Высокая награда не прибавила им почитателей, но увеличила число их врагов.

Совсем иное дело была награда великого князя.

Как теперь, так и после, когда на фронте начинали обвинять Ставку, великого князя всегда исключали из числа обвиняемых и во всем винили его помощников. В глазах и Ставки, и фронта великий князь, даже и после оставления им должности Верховного, оставался рыцарем без страха и упрека. В виду этого, награда великого князя была везде принята с радостью. В Ставке же она явилась сугубо радостной, ибо сразу рассеяла сомнения и опасения, будто Государь против великого князя.

Сам великий князь не скрывал своей радости. Как только он вернулся с обеда, свита явилась, чтобы поздравить его. Еще не раздевшись, он вышел на площадку вагона и распахнул шинель, чтобы был виден орден на шее. "Видите! Хорошо?" - обратился он к поздравителям.

В первые же дни пребывания Государя в Ставке я обратил внимание на то, что почти ежедневно, после обеда, в 10-м часу вечера к великому князю в вагон заходил начальник походной Канцелярии Государя, в то время самый близкий человек к последнему, свиты его величества генерал князь В. Н. Орлов и засиживался у великого князя иногда за полночь. О чем беседовали они?

Из бесед с великим князем, как и с Орловым, я вынес определенное убеждение, что в это время обоих более всего занимал и беспокоил вопрос о Распутине, а в связи с ним и об Императрице Александре Феодоровне. Я, к сожалению, не могу сказать, к чему именно сводились *ria desideria* (Благие пожелания, заветные мечты - *ldn-knigi*) того и другого в отношении улучшения нашей государственной машины. Но зато с {190} решительностью могу утверждать, что, как великий князь, так и князь Орлов в это время уже серьезно были озабочены государственными неустройствами, опасались возможности больших потрясений в случае непринятия быстрых мер к устранению их и первой из таких мер считали неотложность ликвидации распутинского вопроса.

Великий князь Николай Николаевич, когда-то сам увлекавшийся Распутиным, потом раскусил его, а теперь ненавидел его, как лжепророка и, вследствие необыкновенного его влияния на царскую семью, как чрезвычайно страшного для государства человека.

Как уже упоминалось выше, в разговоре со мной у него однажды вырвались слова: "Представьте мой ужас: Распутин ведь прошел через мой дом!" Великий князь потом старался поправить дело, принимая все меры, чтобы вернуть Распутина на подобающее ему место. Но все его усилия не достигали цели: по авторитету и влиянию в царской семье Распутин теперь был сильнее великого князя. Так как главным приемником и проводником в государственную жизнь шедших через Распутина якобы откровений свыше была молодая Императрица, то, естественно, поэтому, что великий князь теперь ненавидел и Императрицу.

- В ней всё зло. Посадить бы ее в монастырь, и всё пошло бы по иному, и Государь стал бы иным. А так приведет она всех к гибели.

Это не я один слышал от великого князя. В своих чувствах и к Императрице, и к Распутину князь Орлов был солидарен с великим князем. Будучи самым преданным из всей свиты слугой Государя, князь Орлов чрезвычайно скорбел из-за страшного несчастья, каким он считал влияние Распутина на царскую семью, и принимал все меры, чтобы ослабить такое влияние. Но все усилия князя Орлова привели лишь к тому, что царица, считавшая всех врагов Распутина своими личными врагами, возненавидела его, а царь, хоть наружно {191} не изменял прежнего доброго отношения, но уже, под влиянием жены, был готов в каждую минуту отвернуться от него.

Вот о Распутине-то и о распутинском настроении царской семьи чаще всего и шли беседы у великого князя с князем Орловым.

Самая правоверная верноподданность того и другого в то время, - считаю я, - исключала всякую возможность обсуждения ими каких-либо насильственных в отношении Государя мер. Я думаю, что в то время их намерения не шли далее желания раскрыть Государю глаза на окружающую его катастрофическую обстановку и повернуть его на правый путь, ослабить, а если возможно, то и совсем парализовать влияние Императрицы на него. Умные люди - и великий князь, и князь Орлов - задавались, однако, явно неосуществимой целью. Зная безволие и податливость Государя, истеричную настойчивость и непреклонность Императрицы, они должны были понимать, что безгранично привязанный к своей жене Император не оторвется от ее влияния и не выйдет из послушания ей, пока она будет около него, пока она будет оставаться царицей на троне.

Временами и великий князь, и князь Орлов в беседах со мною проговаривались, что они так именно понимают создавшуюся обстановку и что единственный способ поправить дело - это заточить царицу в монастырь. Но осуществить такую меру можно было бы только посредством применения известного рода насилия не только над царицей, но и над царем. А на такой акт в то время оба они были не способны: оба они были идеально верноподданны. Поэтому, их разговоры в то время и не шли далее разговоров. Но оба князя забывали, что в царских дворцах и ставках и стены имеют уши. Поэтому их благонамеренные беседы оказались не безопасными. Нет никакого сомнения, что в Ставке вообще, а во время пребывания Государя в особенности, за великим князем, как и за князем Орловым, присматривали; следили за {192} каждым их шагом, ловили каждое их слово. Аккуратные, ежедневные, продолжительные, тянувшиеся иногда за полночь, посещения князем Орловым великого князя, конечно, не могли остаться не замеченными и не проверенными агентами противников великого князя (Письмо Императрицы от 16 июня 1915 г. подтверждает это: за вел. князем и кн. В. Н. Орловым всё время следил ген. Воейков.).

Несмотря на очевидную для всякого не слепого и мало-мальски порядочного человека гнусность и опасность всей распутинской истории, в свите Государя далеко не все были противниками Распутина, а готовых вступить в борьбу с ним и совсем почти не было.

Всех лиц свиты по их отношению к злополучному "старцу" надо разделить на три категории. Одни, - верили ль они, или не верили в Распутина, как в "святого", - об этом трудно сказать, но наружно они стояли на его стороне. Другие ненавидели его и, в большей или меньшей степени, боролись с ним. Третьи просто сторонились и от дружбы, и от вражды с ним, учитывая ли слабость своих сил или дрожь за свое положение.

Первая категория была малочисленна. Возглавлялась она лицом из свиты Императрицы - фрейлиной Анной Александровной Вырубовой, или Аней, как ее звала Императрица. "Аннушкой", как ее называл Распутин, а за ним и свитские.

Генерал-адъютант адмирал Нилов и лейб-медик профессор С. П. Федоров неоднократно предупреждали меня, что к этой же категории принадлежат: флигель-адъютант кап. I-го ранга Н. П. Саблин и лейб-медик Е. П. Боткин. Сюда же причисляли и генерала Воейкова.

Если Саблин и Боткин, действительно, были "распутинцами", то, зная духовный облик того и другого, я готов думать, что Боткин поклонялся Распутину, искренно веря в его избранничество, а Саблин, - потому что Распутину кланялись царь и царица.

{193} Что касается Воейкова, то он, несомненно, знал настоящую цену Распутину, презирал его и при других условиях не без удовольствия придушил бы его, но тут, в виду характера Императрицы, он считал борьбу безнадежной в смысле успеха и совсем невыгодной лично для себя по последствиям. Гнушаясь Распутиным, как корявым и грязным мужиком, он особенной опасности от его влияния, к сожалению, не только для Государя, но и для царской семьи не предвидел и потому действовал так, чтобы, по поговорке, - "капитал приобрести и невинность соблюсти": с Распутиным он не якшался, но и не мешал ему ни в чем.

О Вырубовой в обществе шла определенная слава, что она живет со "старцем". Слухи были так распространены и настойчивы, что, как я уже упоминал, в 1914 году, кажется, в мае, устроив нарочито свидание со мной, она пыталась найти у меня защиту против таких слухов. Раньше относившаяся ко мне с большим вниманием, после того разговора она как будто круто переменялась в отношении ко мне.

Что заставляло ее благоговеть перед "старцем": разврат ли, как утверждали одни, глупость ли или безумие, как считали другие, или что-либо иное, - судить не берусь. Убежден, однако, что не разврат. Но, несомненно, что до конца дней "старца" она была самой яркой его поклонницей. Скорее всего, благоговение царя и царицы перед "старцем" оказывало наибольшее давление на ее небогатую психику.

Чем, в свою очередь, объяснить влияние Вырубовой на Императрицу, на многое смотревшую ее глазами и позволявшую ей распоряжаться по-царски, это для меня представляется еще большей загадкой. Императрице всё же, несмотря на все особенности ее духовного склада, нельзя было отказать в уме. А Вырубову все знавшие ее не без основания называли душой. И, однако, она была всё для Императрицы.

Ее слово было всемогуще. В последнее время она часто говорила: "Мы", {194} "мы не позволим", "мы не допустим", разумея под этим "мы" не только себя, но и царя, и царицу, ибо только от них зависело то, что "мы" собирались не позволять или не допускать. Одно остается добавить, что более бесталанной и неудачной "соправительницы", чем Вырубова, царь и царица не могли выбрать.

Ко второй категории принадлежали: князь Орлов, открыто и, пожалуй, слишком прямолинейно ведущий борьбу. Затем помощник князя Орлова по походной Канцелярии, флигель-адъютант, полк. А. А. Дрентельн, как и первый, очень близкий к Государю, бесконечно преданный последнему, добрый, честный и умный человек. Он не столь открыто, но всегда боролся с влиянием "старца", не упуская случая, чтобы посеять в душе Государя недоверие к нему. Сюда же надо отнести и адмирала К. Д. Нилова. Он ни пред кем, не исключая и Государя, не скрывал своей ненависти к Распутину. Когда в 1914 году в Севастополе, при поездке Государя в Ливадию, Распутин нахально явился на императорскую яхту прежде, чем туда прибыла царская семья, адмирал Нилов грубо прогнал его. Пользы, однако, от всего этого не было. Адмирал Нилов впал в немилость императрицы, а Государь смотрел сквозь пальцы на все "выходки" адмирала, здорово выпивавшего и всегда вышучивавшегося генералом Воейковым.

К этой же группе принадлежал благородный и честный, горячо любивший Россию и всецело преданный царю, 78-летний старик, министр двора, гр. Фредерикс. Его коробил самый факт близости грязного и развратного мужика к царской семье. Он несколько раз настойчиво говорил с царем о Распутине. Но и его заявления, и его протесты не могли иметь никакого успеха. Влияние Распутина и началось, и развивалось на религиозной почве, а гр. Фредерикс был протестантом. Естественно поэтому, что царь и царица рассуждали так: "Ну, что он смыслит в наших религиозных делах?"... Это - во-первых. А во-вторых, с мнениями и рассуждениями {195} престарелого министра двора теперь вообще мало считались, ибо он уже переживал пору старческого маразма, - всё забывал и всё путал. Будучи с Государем в Ревеле и воображая, что они на берегу Черного моря, он, - рассказывали, - самым серьезным образом спрашивал: "А далеко отсюда Евпатория?"

Живя в Могилеве в губернаторском дворце, он однажды запутался в крохотном коридорчике и никак не мог различить, какая же из четырех дверей ведет в его комнату. Увидев идущего проф. Федорова, он обратился к нему: "Профессор, не знаете ли, где тут моя каюта?" Как-то, в феврале 1916 года, он спрашивал у поднесшего ему на тарелке грушу лакея: "Это яблоко или груша?" К нему привыкли, его ценили, как ценят старую, дорогую по воспоминаниям вещь, расстаться с ним не хотели, но считаться с ним, особенно в серьезных вопросах, не желали, да и не могли.

Из прочих лиц свиты не могу не упомянуть об обер-гофмаршале двора графе Бенкендорфе, умном и честном человеке, сознававшем весь ужас распутинской истории и

страдавшем по поводу ее. К несчастью, Бенкендорф был католик по религии и немец по происхождению. И то, и другое заставляло его держаться в стороне и молчать, когда следовало говорить.

Затем, о лейб-медике, профессоре С. П. Федорове - человеке с большим, трезвым умом, далеко от мистических увлечений. Он здраво смотрел на распутинство и возмущался им. Мне казалось, что, как весьма авторитетный и любимый врач, он мог бы оказать влияние на Государя. Но, к сожалению, он так определял свое положение: "Я врач, мое дело лечить, а прочее - их дело".

К третьей категории принадлежали прочие лица свиты Государя. Среди них были совсем безличные и недалекие, как гофмаршал, - честный и безгранично преданный царю князь Долгоруков, пасынок гр. Бенкендорфа; были очень близкие к Государю, как командир Конвоя, генерал гр. Граббе и в особенности богач - {196} флигель-адъютант полк. Д. С. Шереметьев, сверстник Государя, бывший с последним на "ты"; были умные и глубокие, как кап. I ранга Ден. Но все они сторонились от этого вопроса, одни - "страха ради иудейска", другие, - рассуждая: моя хата с краю...

Как я уже говорил, еще в мае 1914 года на почве распутинской истории у меня с князем Орловым завязались откровенные и дружеские отношения. В этот приезд Государя он раза два заходил ко мне, и мы делились с ним наболевшими переживаниями. Один раз у него вырвалась фраза: "Я много дал бы, если бы имел какое-либо основание сказать, что Императрица живет с Распутиным, но по совести ничего подобного не могу сказать". Эта фраза получает особенное значение в виду того, что князю Орлову, как никому другому, было известно всё сокровенное в жизни царской семьи, и служит лучшим опровержением той грязной, к сожалению, весьма распространенной сплетни, будто бы влияние Распутина утверждалось на нечистой связи с молодой Императрицей.

В первый же приезд Государя я убедился, как в особой близости князя Орлова к великому князю, так и в полной антипатии их обоих к генералу Воейкову. Только каждый из них различно проявлял свои чувства. Великий князь как будто игнорировал, не замечал Воейкова, что особенно бросалось в глаза при большой любезности великого князя к прочим лицам свиты. А князь Орлов пользовался всяким случаем, чтобы побольше уязвить Воейкова. Воейков, в свою очередь, не оставался в долгу и на едкие, резкие, даже оскорбительные остроты князя Орлова отвечал не менее язвительными шуточками и насмешками.

Считая Воейкова двоедушным и недобропорядочным, князь Орлов, при случае, демонстративно подчеркивал свое презрение к нему. У честолюбивого генерала Воейкова была и иная причина иметь зуб против князя {197} Орлова: последний был его главным соперником по влиянию при дворе. Кроме того, вот-вот должно было освободиться кресло министра двора...

Наблюдавшему словесную борьбу этих двух лиц, можно было еще тогда угадать, что честный, прямой до резкости князь Орлов проиграет бой. Вопрос был лишь во времени...

Государь пробыл в Ставке несколько дней. А затем и Государь, и Верховный, каждый в своем поезде, направились на свидание с Главнокомандующим Юго-западным фронтом генералом Н. И. Ивановым. Встреча произошла на одной из западных узловых станций, кажется, на ст. Луков.

Генерала Иванова я знал еще по Русско-японской войне, когда он командовал входившим в состав I-й Маньчжурской армии 3-м Сибирским корпусом, а я был главным священником этой армии. Честный, скромный, аккуратный, трудолюбивый и очень заботливый о солдате, - он, однако, ни тогда, ни после не производил впечатление выдающегося таланта. Несмотря на это, сейчас имя его гремело: "им" была одержана блестящая Галицийская победа. Что добрым гением Юго-западного фронта был не сам Главнокомандующий, а начальник его Штаба, скромный, никогда не кричавший о себе генерал М. В. Алексеев, - это знали и понимали, во всяком случае, не все. Взоры массы устремлялись прежде всего на Главнокомандующего победоносной армии.

И в Штабе Верховного теперь шли разговоры не о том, как отметят талант генерала Алексева, а о том, какой наградой пожелает Государь победителя-Главкомандующего. Большинство склонялось к тому, что наградой будет орден Георгия 2 ст.

Вот, наконец, уже вечером мы прибыли. Генерал Иванов приглашен в вагон Государя. Все ждут его выхода оттуда. Наконец, показывается. На груди у него Георгиевская звезда, а на шее большой белый крест {198} ордена Св. Георгия 2 ст. Все рады за старика; бросились поздравлять, а он принимает поздравления совершенно спокойно, точно ничего с ним не случилось.

- Что награда? Дал бы Бог окончательно победить врага, - вот чего пожелайте, - отвечает он на мое поздравление.

Главный виновник победы, генерал М. В. Алексеев, был награжден орденом Св. Георгия 4 ст. Высокая награда была, конечно, слишком низка для оценки проявленного им таланта.

Почти тотчас оба поезда двинулись обратно. Царский - в Петроград, а великокняжеский - в Барановичи.

Жизнь в Ставке опять пошла своим порядком.

{201}

XI

Варшавские администраторы

В мирное время штатные священники имелись при всех пехотных и кавалерийских полках и лишь при некоторых артиллерийских бригадах, саперных и железнодорожных батальонах. Большинство же артиллерийских бригад и разных батальонов обслуживались соседними чужими - полковыми, а иногда епархиальными священниками. На войну, таким образом, они вышли без священников. Без священников же оказались в первое время на войне множество разных других организаций: парков, обозов, передовых санитарных пунктов и даже госпиталей. Обслуживать все такие части священники, обязанные находиться всё время при своих частях, не могли. Ходатайствовать об открытии ряда новых священнических вакансий не представлялось возможным в видах экономии, которую тогда все старались соблюдать. Создавалось затруднительное положение. И вот, в это время в половине августа 1914 года я получил извещение от Кишиневского архиеп. Платона, что Кишиневское духовенство посылает в армию двадцать девять священников на полном содержании епархии. А вслед за извещением явилась ко мне первая партия командированных. Эта жертва, раньше не имевшая прецедентов и после не нашедшая подражателей, заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

Надо с горечью констатировать факт, что епархиальные начальства, в общем, как теперь, так и раньше, если не небрежно, то без должного внимания относились к выбору священников, посылаемых в армию на казенное и очень хорошее содержание. Из всех епархиальных начальств, присылавших священников во время Русско-японской войны в I-ю Маньчжурскую армию только {202} одно Екатеринославское обнаружило понимание, что на войне нужны хорошие, а не кой-какие работники, и выслало в армию только таких священников, которые были способны к серьезной работе. Остальные епархиальные начальства, почти все без исключения, посылали на войну слабых, либо никуда не годных, от которых хотели избавиться. Кишиневское же епархиальное начальство не только по собственной инициативе и на свои средства командует теперь священников, но и делает при этом замечательный подбор: все присланные были с полным семинарским образованием, не старше сорока лет, скромные и серьезные, отзывчивые и безропотные в несении трудов и лишений. Все они явились на театр военных действий, снабженные полным комплектом богослужебных принадлежностей, и все они вполне оправдали доверие и выбор своей епархии.

В последних числах сентября 1914 года я уже телеграфировал архиепископу Платону: "Труды Бессарабского духовного отряда в боевой линии выше всякой похвалы". А в октябре того же года вновь сообщил ему, что Бессарабские пастыри-добровольцы "развивают

богатую деятельность с большим усердием". Некоторые из присланных потом героически окончили свои дни на войне. Так, о. Григорий Ксифти умер от тифа, заразившись при напутствии больных воинов; о. Александр Тарноруцкий 14 октября 1914 г. был смертельно ранен вражеской пулей в момент, когда во главе полка с крестом в руке бросился в контратаку против неожиданно напавшего неприятеля. О. Иоанн Донос был убит в гражданской войне в январе 1920 г., будучи священником Гренадерской дивизии. Он был поднят на большевистские штыки. Я всегда с особой отрадой вспоминаю священников этого Бессарабского духовного отряда скромных, воспитанных, дисциплинированных, толковых и в то же время самоотверженных, составивших прекрасное ядро в разросшемся до чрезвычайных размеров институте военного духовенства на Великой войне.

{203} Прекрасная сама по себе и беспримерная в нашей истории посылка духовного отряда на войну принадлежала архиепископу Платону, в своих заботах о действующей армии не ограничившемся этим делом. Его труды на благо действующей армии в Великую войну были так велики, так исключительны и беспримерны, что я должен сказать о них подробнее.

Как только был получен манифест о войне, архиепископ Платон немедленно разослал этот манифест по всем церквам своей епархии, с призывом к духовенству напрячь все свои силы к оказанию моральной и материальной помощи воинам и оставшимся их семьям. В Кишиневе же он немедленно сформировал Комитет под своим председательством, в который между прочим вошли энергичные пастыри: протоиерей Николай Лашков и священник Василий Гумма.

Первым делом этого Комитета была отправка упомянутых 29 добровольцев-священников для безвозмездного служения на театре военных действий. Эти священники были, по предложению архиепископа Платона, избраны самим же духовенством: каждый округ избрал из своей среды одного священника. Прежде, чем выехать на войну, они прошли под руководством врача Ф. Ф. Чорбы десятидневные курсы по оказанию первой помощи раненым. А затем, 25 августа 1914 года, после молебна и напутственных наставлений Владыки, они, во главе с архиепископом Платоном и губернатором Гильхемом, двинулись на вокзал. Весь священнический отряд был разделен на 4 части по числу мест назначения: Вильно, Брест, Пинск и Бердичев.

Для раненых и больных воинов, по стараниям архиепископа Платона, был открыт в г. Кишиневе, в здании духовной семинарии, епархиальный лазарет на 180 кроватей. Сам архиепископ постоянно следил за работой в лазарете.

По инициативе же архиепископа Платона в г. Кишиневе, в архиерейских зданиях, в ноябре 1914 г. было {204} открыто Трудовое братство портных монахов и городских портных для шитья теплой одежды для находящихся на позициях воинов. Больше ста портных, преимущественно евреев, приняли участие в этом Братстве.

В 1915 г., по мысли же архиепископа Платона, был устроен приют (на 50 чел.) для воинов-инвалидов, на содержание которого Духовный Комитет отпускал ежемесячно по 2000 рублей.

В течение всей войны архиепископом Платоном непрерывно посылались на театр военных действий вагоны со всяким нужным для воинов добром. На мое имя было прислано 15 или 16 вагонов. По имеющимся у меня сведениям, возглавлявшимся архиепископом Платоном Бессарабским духовным комитетом только в сентябре и октябре 1914 г. всего было отправлено 10 тысяч простынь, 500 одеял, 120 тысяч перемен белья. В последующее время непрерывно шла отправка. И чего только ни отправлялось! Ковры, наволочки, простыни, подушки, одеяла, белье, чулки, тулупы, перчатки, нитки, иголки, ложечки, окорока, чай, сахар, табак, лимоны, вино и пр. До половины ноября 1914 г. отправлено воинам 105 тысяч рублей, а в начале 1915 г. 150 тысяч рублей. Не забывалась и духовная пища: было выслано 10 тысяч Евангелий, 100 тысяч брошюр религиозно-нравственного и патриотического содержания.

В виду столь удивительной деятельности архиепископа Платона я имел полное право

ходатайствовать перед великим князем и Государем о награждении его орденом Св. Александра Невского (и он был награжден им 6 мая 1915 г.), а затем, в августе 1915 г., рекомендовать его великому князю, как наиболее достойного кандидата на экзаршую кафедру.

Раздавать присылаемые из Кишинева вещи и продукты мне было не трудно. Отправляясь на фронт, я, обыкновенно, брал с собою Кишиневский вагон или два и на фронте распределял содержимое по большей части между Сибирскими, Туркестанскими и Кавказскими {205} частями, которые реже других получали подарки из России (По большей части полки получали подарки от городов, в которых они квартировали или по которым они назывались.). Но вот в октябре 1914 г. я получил от архиепископа Платона 2000 рублей на помощь полякам-беженцам. Над этим я задумался. Самому раздавать деньги беженцам, это было почти невозможно, так как я жил вдали от беженского района. Отдать деньги в Варшавский беженский комитет, но это мог бы сделать и сам архиепископ Платон. Если же он переслал их мне, то, ясно, для того, чтобы я этой жертве католикам от православной церкви дал наиболее верное и целесообразное применение. Во время одного из завтраков я поделился своим затруднением с великим князем, надеясь найти у него добрый совет.

- Вы собираетесь, кажется, ехать в Варшаву, - ответил он мне, побывайте там у римско-католического архиепископа и передайте деньги в его распоряжение. Это будет великолепный жест с вашей стороны.

Я ухватился за эту мысль, поняв, что в виду прежних постоянных трений в Польше между поляками и русскими, католицизмом и православием, и настоящего тяжелого, страдальческого положения Польши, жертва православной церкви, переданная непосредственно в руки римско-католического архиепископа, может произвести не малое впечатление на Варшавские польские круги.

7 ноября вечером я с генералом Петрово-Соловово выехал в Варшаву.

В это время наше положение на Варшавском фронте было грозным. Когда поздно вечером мы сели в вагон, Петрово-Соловово, со слов великого князя, представил мне стратегическую картину наших армий, оборонявших Варшаву. Мы ехали в большом волнении, опасаясь возможности новых тяжких несчастий. В Варшаву мы приехали на другой день к вечеру и тотчас {206} отправились в штаб Главнокомандующего, расположенный в Лазенковском дворце.

Меня тотчас принял Главнокомандующий - генерал Н. В. Рузский. После краткой беседы мы направились с ним к начальнику штаба, моему бывшему сослуживцу по Военной Академии, генералу М. Д. Бонч-Бруевичу.

Он был именинником в этот день и очень обрадовался моему приходу.

- Вы принесли нам счастье, - встретил он меня, - вчера у нас было не более 10 проц. шансов на успех; сегодня уже 50 проц: завтрашний день должен решить судьбу боя.

Потом, как известно, счастье еще больше повернулось, было, в нашу сторону. После того, как образовался на Варшавском фронте "слоеный пирог" (Несколько рядов наших и немецких войск, попеременно один в тылу другого.), немцам угрожала настоящая катастрофа, которой они избежали только благодаря ряду ошибок, допущенных, как говорили, командующим I-й армии генералом Рененкампом.

Из штаба я отправился в квартиру настоятеля военного собора и оттуда по телефону осведомился, может ли, и когда, принять меня Варшавский римско-католический архиепископ Александр Каковский. Получил ответ: "Архиепископ просит пожаловать к нему завтра в 10 ч. утра".

В назначенный час я прибыл в архиепископский дом. Вероятно, православные духовные лица очень редко переступали порог этого дома. Мне, по крайней мере, казалось, что и прислуга, и то и дело мелькавшие ксендзы и монахи смотрели на меня, одни с любопытством, другие - с удивлением: не ошибся ли, мол, дверями этот человек.

Архиепископ не заставил себя ждать. Легко и быстро вошел он в комнату через те же двери, через {207} которые меня только что ввели. Вид архиепископа располагал в его

пользу. Высокого роста, статный, с красивым, приветливым лицом и умными глазами, он производил впечатление человека интеллигентного, воспитанного и очень доступного. Мы поздоровались, как здороваются светские люди. Видно было, что и он удивлен моим визитом.

- Чем могу служить? - обратился он ко мне.

Я объяснил ему цель своего посещения.

- Тут есть Беженский комитет. Может быть, вы найдете возможным и лучшим ему передать эти деньги. Я позволю себе посоветовать вам сделать это, - спокойно заметил он.

- А я вновь решаюсь просить ваше высокопреосвященство принять деньги. Как представитель Православной церкви, я считаю наиболее целесообразным вручить жертву нашей церкви именно вам, как представителю римско-католической церкви и как архипастырю, которому лучше, чем Беженскому комитету, известны нужды застигнутой несчастьем его паствы, ответил я.

Архиепископ еще раз попробовал отказаться, а потом принял деньги.

- Сейчас я выдам вам расписку в получении денег, - сказал он, поднимаясь с кресла.

Но я запротестовал:

- Если мы, священнослужители, перестанем на слово верить друг другу, то к кому же тогда можно иметь доверие?..

Последние слова мои, по-видимому, очень тронули архиепископа, и он тепло поблагодарил меня. Закончив свою миссию, я хотел уйти, но он удержал меня. Между нами началась уже дружеская, откровенная беседа. Архиепископ стал делиться со мною своими переживаниями последнего времени.

- Поверьте мне, - говорил он, - что я люблю Россию, желаю ей только добра и славы, и потому мне особенно тяжелы те огромные ошибки, которые русской властью допускаются на каждом шагу, нанося, может {208} быть, непоправимый вред русскому делу.

Будем говорить о Польше, о русской политике в Польше. Русская власть точно нарочно бьет по самолюбию поляков. Обратите внимание хоть на такой факт. Немцы нам ненавистны, - они давние наши враги. А в нашем крае все высшие должности предоставлены немцам: недавно умер генерал-губернатор Скалон, теперь и.д. генерал-губернатора - Эссен, губернатор Корф, обер-полицеймистер - Мейер, начальник жандармов - Утгоф, президент города Миллер и т. д.

Он назвал около 10 немецких фамилий.

- Обратите внимание на школьное у нас дело. Нам запрещают преподавание Закона Божия и истории на польском языке и пр. Я понял бы все эти ограничения и притеснения, если бы они были нужны или полезны для государства, для Православной церкви... Но они ведь для церкви не нужны, для государства вредны, для нас же, поляков, обидны, оскорбительны, унижительны.

Свои положения архиепископ иллюстрировал целым рядом документов: секретных циркуляров и распоряжений министерства народного просвещения и внутренних дел, - документов, часто противоречивших один другому, исключавших друг друга. В заключение он осторожно обмолвился, что он был бы очень рад, если бы все сказанное стало известно великому князю. Я пообещал доложить последнему о нашем разговоре. Мы расстались очень приветливо. Не знаю, какое я произвел впечатление на архиепископа, но я, уходя от него, искренно сожалел, что он не украшает нашей русской церкви.

На другой день вся Варшава говорила о моем визите к архиепископу и о переданном ему пожертвовании. Расчет великого князя оправдался.

От римско-католического архиепископа я проехал к православному русскому архиепископу Николаю. Последний, несомненно, по своим природным дарованиям не уступал архиепископу Каковскому, может быть, даже превосходил его. Но, к сожалению, жизнь сделала с ним {209} то, что сейчас это был человек, лишенный такта, выдержки, а по временам - всякого благоразумия. У него всё зависело от минуты и настроения. Умевший иногда бывать, как никто другой, интересным, приветливым, радушным и отзывчивым, он в

другое время, - и это, как будто, бывало чаще, - поражал своей горячностью, резкостью, грубостью, доходившими до жестокости, до безрассудства. Если бы высокий сан, который он носил, не делал его личности неприкосновенной, он каждый день рисковал бы подвергнуться жестокой расправе от беспрестанно оскорбляемых им. Я думаю, что именно ложно понятое архиепископом Николаем величие его сана и положения и недостаточность служебного воспитания сделали его и гордым, и надменным, и своенравным, и нетерпимым к чужому мнению.

Барин в жизни, не отказывавший себе ни в чем, он был деспотом в обращении с другими, особенно с низшими. А низшими он считал почти всех. Его одеяние отличалось роскошью; стол обилием и богатством. Его знаменитые именинные обеды, которые он давал членам Синода и другим избранникам 6-го декабря в Петербурге на Подворье, на Подъяческой улице, во время своего присутствия в Синоде, служили всякий раз занимательной темой для суждений не только в обществе, но, несмотря на строгость цензуры, и в печати. Кюба и Яр могли бы поучиться у архиепископа, как надо "на славу" угощать гостей.

В обществе архиепископ появлялся не иначе, как при звездах на рясе. А когда его награждали новой звездой, то он в тот же день спешил к фотографу, чтобы запечатлеть новое сияние на своей груди.

Вспыльчивость архиепископа не знала границ. Редкий день у него обходился без какого-либо "случая", сказать прямее, - без скандала. Больше всего доставалось подчиненному духовенству, бесправие которого в старое время всем известно: владыка тогда, особенно такой, как этот, влиятельный в Синоде, волен был, как {210} выражались, в жизни, и в смерти священника. Но не избегали грозного владыческого гнева и сановные лица. В 1911 году или в 1912, - точно не помню, - мне рассказывали в Варшаве, как о самом пикантном событии дня, что "на днях" владыка с криком "пошел вон", выгнал из своего дома командированного министром путей сообщения члена его совета, действительного статского советника Н. для производства дознания между священником и железнодорожным начальством. Не застав владыку в Варшаве, Н. отправился к нему на дачу, в Зеграж (за 30 в. от Варшавы). День у владыки почему-то оказался неприятный. Петербургский сановник, однако, попросил келейника доложить о нем. Владыка отказал в приеме. Сановник повторил просьбу во второй и третий раз, сославшись на невозможность для него ждать приемного дня. Этого было достаточно, чтобы в ответ на последнюю просьбу вылетел в приемную вышедший из себя владыка и с криком: "Это еще что? Сказано не принимаю! Вон пошел!" - выпроводил за двери не ожидавшего такого приема петербуржца.

23 мая 1915 г. в соборе, в алтаре, после причащения, оставшись недовольным порядком вечерней службы 22-го мая, совершенной викарием еп. Иосафом, архиепископ Николай кричит на последнего, в присутствии множества духовенства: "Если бы я знал, что ты такой дурак, я не сделал бы тебя архиереем" (Передаю этот факт со слов настоятеля Варшавского военного собора прот. А. Успенского, бывшего свидетелем этой безобразной сцены.).

21 февраля 1913 года в день празднования 300-летия царствования Дома Романовых, в алтаре Казанского собора, переполненном архиереями и духовенством, архиепископ Николай, беседуя с архиереями, вдруг обрывает архиепископа Гродненского Михаила (Умер в 1929 г. в сане митр. Киевского.):

{211} - Перестаньте, Владыка! Вы ведь, кроме глупостей, ничего не можете сказать.

А "знаменитому" впоследствии епископу Владимиру (Путяте), вставившему в этот разговор какое-то слово, резко замечает:

- Еще что? Младший, а тоже суется со своим мнением. Ваше дело молчать, когда старшие разговаривают.

Как только меня назначили на должность протопресвитера, архиепископ Николай прислал мне письмо, где, вместо поздравления, напоминал мне, что мои предшественники редко посещали войска Варшавского округа; если и я так же редко буду объезжать эти войска, то он будет жаловаться на меня Государю Императору. Такое предупреждение

явилось для меня насколько неожиданным, настолько же и странным, так как в то время с архиепископом Николаем я еще не был знаком, и, кроме того, Варшавскому архиепископу никто не предоставлял права контролировать действия военного протопресвитера. И я письмом ответил владыке, что разбросанные по всей России воинские части я буду посещать по мере возможности и по собственному усмотрению необходимости посещения тех или иных частей; докладывать же Государю о своих посещениях или непосещениях я могу сам, так как гораздо чаще, чем он, имею возможность беседовать с Государем.

Когда через несколько месяцев мы встретились с ним в Варшаве, он и виду не подал, что получил отпор с моей стороны. Но зато после моего отъезда из Варшавы он рвал и метал по поводу тех торжественных встреч, которые войска устраивали мне и каких не удостаивался он (Войска, действительно, встречали меня торжественно, в иных местах пышнее, чем своих командующих военными округами. В Варшавском же округе некоторые военные начальники старались как можно торжественней обставить встречу меня, чтобы тем, по-видимому, подчеркнуть свою нерасположенность к архиеп. Николаю. Так, например, было в Новогеоргиевской крепости летом 1913 г. Там, при моем приезде, от пристани (я прибыл на пароходе) до крепостного собора, на протяжении трех верст, были расставлены шпалерами войска с оркестрами музыки, которые во время моего следования от пристани в собор исполняли "Коль славен". Так как от крепости до дачи архиепископа было всего несколько, - чуть ли не пять, - верст, то архиепископу тотчас стало известно об оказанной мне встрече. И он не нашел ничего лучшего, как почти тотчас после моего приезда помчаться в Новогеоргиевск. Можно себе представить возмущение архиепископа, когда комендант крепости, ген. Бобырь, не любивший архиеп. Николая за его резкость и грубость, приказал, чтобы встречали архиепископа просто, в соборе, и архиепископ был встречен без всяких воинских церемоний. Архиепископ не удержался, чтобы тут же не высказать коменданту своего недовольства: "Вы протопресвитера встречали торжественно, а меня, архиепископа, как встречаете? Я буду жаловаться". Комендант ответил: "Протопресвитер - наш духовный глава, это во-первых, а во-вторых, он в первый раз посещает нас". Архиепископ уехал из крепости возмущенный.).

{212} Пребывание такого православного архипастыря в Варшаве рядом с осторожным и воспитанным джентльменом римско-католическим архиепископом, конечно, не могло служить на пользу Православной церкви в Польском крае.

После визита к архиепископу Каковскому я направился к архиепископу Николаю.

На этот раз владыка был "в духе" и положительно очаровал меня своей деликатностью, приветливостью, умной и интересной беседой. Я просидел у него более часу, не заметив, как пролетело время. Едучи от него, я думал: "Если бы он всегда был таким! Он мог бы быть тогда украшением церкви. Теперь же, при своей дикой неуравновешенности и безудержности, он - притча во языцех: его боятся, его избегают, видя и испытывая на себе отвратительные особенности его "ндрава", которые совсем придушили и закрывают от других высокие свойства его ума и сердца".

{213} Архиепископ Николай - пышный бутон в цветнике нашей иерархии, естественный продукт нашей архиерейской школы последнего времени, не только калечившей людей, подготавливаемых ею к величайшему в Церкви служению, но искалечившей и тот высочайший идеал, которому они должны служить. Трудно представить какое-либо другое на земле служение, которое подвергалось бы такому извращению и изуродованию, как архиерейское у нас. Стоит только беглым взглядом окинуть путь восхождения к архиерейству, - я беру явление, как оно чаще всего наблюдается, хотя и не отрицаю исключений, - чтобы признать, что враг рода человеческого много потрудился, дабы, извратив, обезвредить для себя самое высокое в церкви Божией служение.

Но об этом будет речь дальше.

Моя поездка из Варшавы на фронт не удалась. Главнокомандующий решительно заявил, что, в виду крайне запутанного положения на фронте, постоянно возможны прорывы фронта и налеты неприятельской кавалерии, вследствие чего моя поездка при постоянных

передвижениях войск, не обещая быть плодотворной, будет очень рискованной. Поэтому я посетил только несколько стоявших в резерве полков и несколько госпиталей, побывал в одном передовом перевязочном отряде, где видел ужасную картину человеческих страданий: буквально груды раненых, умирающих и умерших, которыми был завален весь двухэтажный дом, занятый отрядом. На разбросанной на полу соломе валялись вперемежку умиравшие и умершие. Воздух был насыщен кровью. Стоны и крики буквально раздирали сердце. Беспрерывно прибывали новые раненые. Прибывшим делали перевязки, перевязанных отправляли на двуколках дальше, в тыл; безнадежных оставляли умирать в этом аду. Я пробыл тут около часу и уехал точно одурманенный, нравственно разбитый. Вот где можно увидеть настоящий лик войны!

Зато в тот же день я получил истинное {214} наслаждение, обозревая санитарный отряд В. М. Пуришкевича, находившийся тогда в 9-10 верстах от линии боя.

Я был буквально поражен, когда, войдя с В. М. Пуришкевичем в огромную, раскинутую на дворе помещичьей усадьбы, палатку, увидел огромный стол, как будто пасхальный, уставленный всевозможными, не исключая изысканных закусок, яствами.

- Это, - пояснил мне В. М., - для заходящих сюда измученных в бою воинов, чтобы могли они отдохнуть и подкрепить свои силы. А это, - добавил он, - указывая на прикрепленные к столбам ящики с ярлычками, на которых были указаны разные воинские части, - наша почта. Вот сюда воины могут бросать свои письма, а здесь письма, полученные с Родины.

Весь помещичий дом был переполнен ранеными, а весь двор занят санитарными двуколками, переправлявшими больных в тыл. Везде кипела работа. Видно было, что необыкновенная энергия Пуришкевича заразила весь персонал его отряда.

Я был очень счастлив, что мог оказать услугу этому чудному учреждению. Случилось, что отряд в это время нигде не мог достать лимонов. А в запасе привезенных мною на фронт всевозможных продуктов (бессарабский дар) оказалось два ящика лимонов. Их я и передал Пуришкевичу.

Осенью 1916 года Пуришкевич демонстрировал свой отряд в Могилеве перед Государем. Тогда все были поражены его организаторским талантом.

С фронта я уехал, когда положение еще продолжало оставаться напряженным.

По возвращении в Ставку я, по обычаю, доложил великому князю о своей поездке, остановив особенное его внимание на моей беседе с архиепископом Каковским. Великий князь был очень доволен, что совет его, данный мне, удался, и с еще большим вниманием выслушал мой рассказ о жалобах архиепископа Каковского на действия наших властей. К этому времени взгляд {215} великого князя на отношения России к Польше уже совершенно определился: верность поляков, их самоотвержение и доблесть, с которыми они защищали русские пределы, сделали его решительным сторонником дарования широких прав польскому народу.

Я не помню, что именно было предпринято великим князем после этого разговора со мной, но знаю, что им сейчас же были сделаны решительные шаги, чтобы предупредить возможность повторения обидных и стеснительных для поляков мероприятий наших министров. А вскоре после этого, в январе или в феврале 1915 г., на должность Варшавского генерал-губернатора был назначен человек с русской фамилией, генерал князь Енгальчев, раньше бывший командиром лейб-гвардии его величества Гусарского полка, потом, в течение одного месяца, - дворцовым комендантом, а с мая 1914 г. - начальником Императорской военной академии. Начальником канцелярии к нему был назначен уже известный нам князь Н. Л. Оболенский, начальник гражданской части в Ставке (Прежде, чем принять назначение, кн. Оболенский обратился за советом ко мне. Он склонялся к тому, чтобы отказаться от назначения. "Вы не имеете права отказываться, - сказал я ему - вы видите, кого посылают туда в генерал-губернаторы. Без благоразумного помощника он может натворить ни весть что!"). Поляки после этого потеряли повод жаловаться, что ими правят немцы, а не русские, но русское дело от этого не выиграло.

Трудно представить себе более неудачный выбор, чем выбор князя Енгальчева в Варшавские генерал-губернаторы. Чьей креатурой он был, не решаюсь сказать. Но судя по тому, что он был лейб-гусаром и даже командовал лейб-гвардии Гусарским полком, и что при всех приездах его в ставку Великий князь оказывал ему исключительное внимание, я заключаю, что кандидатура его была выдвинута великим князем Николаем Николаевичем, тоже бывшим командиром лейб-гвардии {216} Гусарского полка. Кем бы, однако, ни был сделан этот выбор, он оказался на редкость неудачным и странным. Князь Енгальчев не отличался ни крепким умом, ни твердыми убеждениями. Вся же его прошлая военно-придворная служба могла выработать из него кой-какого царедворца, но не могла наделить его каким-либо административным опытом. Варшавскому же генерал-губернатору всегда, а в эту пору в особенности, необходим был не только огромный административный такт, но и не меньшая, основанная на широком опыте, мудрость.

Князь В. Н. Орлов рассказывал мне, что, получив назначение в Варшаву, князь Енгальчев поехал за советом к тестю князя Орлова, генералу князю Белосельскому-Белозерскому - отцу упоминавшегося выше генерала Белосельского-Белозерского.

- В отношении Польши сейчас два направления: одно-либеральное-великого князя Николая Николаевича, к которому, пожалуй, примыкает Государь, другое - Императрицы Александры Феодоровны. Как вы думаете: какого направления лучше мне держаться? - спрашивал князя Белосельского новый Варшавский генерал-губернатор.

- Если у вас нет своего направления, я советовал бы вам лучше не ехать в Польшу, - ответил ему князь Белосельский.

В Ставке князя Енгальчева приняли с отменным почетом. Ставочный барометр сразу показал это: князя Енгальчева и за завтраком, и за обедом всегда сажали рядом с Верховным, - это была честь, которой не сподоблялись многие министры. Так как теперь за обедами и завтраками 3/4 аршина отделяли меня от нового Варшавского генерал-губернатора, то я получил возможность присмотреться к этому, всё же не часто повторявшемуся типу крупного российского сановника.

За столом князь Енгальчев сидел с большой важностью и болтал без умолку, по большей части совсем не {217} соответствующий его важности вздор. Великий князь и начальник Штаба, казалось мне, терпеливо и почти молчаливо выслушивали трескучую княжескую болтовню. Хотя оценить достоинства князя Енгальчева легко было после первого же сколько-нибудь серьезного разговора с ним, но неизменный в своих симпатиях и привязанностях великий князь не изменил до конца своих отношений к бывшему сослуживцу по полку, как бы закрывая глаза на все его несурзности и недостатки. Начальник Штаба генерал Янушкевич, после первой же встречи с князем Енгальчевым встал в недружелюбное к нему отношение. Когда, после первого завтрака с князем Енгальчевым, я спросил Янушкевича, как понравился ему новый Варшавский генерал-губернатор, он с раздражением ответил мне:

- Поражаюсь, как могли назначить такого дурака генерал-губернатором! Вы знаете, в чем состоял наш первый деловой разговор с ним. Он, прежде всего, заявил мне, что для пользы службы необходимо немедленно произвести его в полные генералы. А то неудобно: Главнокомандующий западного фронта (тогда генерал Рузский) - полный генерал, а генерал-губернатор генерал-лейтенант. От этого будет страдать, мол, престиж генерал-губернатора.

И после генерал Янушкевич не иначе, как с возмущением, говорил об Енгальчеве.

Вскоре по вступлении в должность князь Енгальчев снова появился в Ставке, и я снова получил возможность любоваться новоявленным великим администратором. На этот раз за столом князь Енгальчев делился своими первыми служебными впечатлениями :

- Меня встретили очень торжественно в католическом соборе: сам архиепископ с духовенством в облачениях; в православном же соборе только настоятель собора, а архиепископа не было... и без облачения. Я не понимаю: почему это... Я хочу просить вас, -

вдруг {218} обратился он ко мне, внушить архиепископу, чтобы, когда я буду ездить по генерал-губернаторству, везде меня встречали священники в облачениях, с крестом.

- По закону, у нас так встречают только высочайших особ, генерал-губернаторам подобной встречи не положено, - ответил я.

- Но это нужно для престижа, особенно в данное время, - не унимался князь.

- Этот закон не знает исключений, - заметил я.

Великий князь молчал, точно стараясь не слушать, начальник Штаба улыбался...

- Как я занят, как я занят! - ораторствовал князь Енгальчев в другой раз. - С 4 часов утра до поздней ночи я всё за делом: доклады, приемы, посетители - всё время, всё. время. Каких только дел, каких только просьб не бывает! Знаете: голова кругом идет, что сказать, что сделать. Особенно посетители эти, - каждый ждет от тебя чего-то особенного. Но я теперь нашел удивительную формулу для ответов просителям, которая и их успокаивает и меня ни к чему не обязывает.

Я насторожился: какую америку открыл мудрый генерал-губернатор? Оказалось, - генерал-губернатор говорит теперь всем своим просителям: "Я постараюсь сделать для вас всё возможное"...

Однажды я спросил у прибывшего в Ставку князя Оболенского:

- Каков ваш генерал-губернатор? Творит, небось, большие дела?

- Ужас один! Более сумбурного человека трудно найти, - был ответ на мой вопрос.

При приближении к Варшаве немецких войск князь Енгальчев, как рассказывали, совершенно растерялся и бежал, оставив свое генерал-губернаторство на произвол судьбы. Его управление продолжалось несколько месяцев.

Может быть, благодаря работе его помощников, {219} среди которых было много дельных и опытных людей, и было сделано в генерал-губернаторстве кое-что путное. Но для всех в Ставке, кроме, может быть, великого князя, было ясно, что сам-то бесталанный, бессистемный и сумбурный генерал-губернатор мог служить только помехой, но не движущей пружиной в деле. И если был он в чем-либо настойчив, систематичен и ловок, то лишь в удовлетворении своего личного честолюбия и славолубия, но и этого он, как мы видели, добивался бесталанно, наивно и грубо.

Несмотря на всё это, деятельность его в Варшаве была высочайше отмечена пожалованием ему звания генерал-адъютанта...

В последний раз я видел князя Енгальчева в начале 1919 г. в Екатеринодарском Войсковом соборе во время всенощной и литургии. Хотя в соборе было достаточно свободного места, князь Енгальчев вошел в алтарь и потребовал себе стул. Большую часть службы он сидел на этом стуле. По временам же опускался на одно колено, голову клал на другое и так долго держал ее, сосредоточенно о чем-то думал. И тут он не захотел быть "якоже прочий человецы".

Об его поведении в Кисловодске, где он жил в 1918 г., тоже имелись самые неблагоприятные сведения.

Должен, однако, вернуться к архиепископу Николаю.

До июля 1915 г. он беспощадно относился к священникам своей епархии, покидавшим свои приходы при наступлении немцев и несколько раз строго предписывал, чтобы священники оставались на своих местах и по занятии их неприятелем. Ослушникам он грозил чуть ли не лишением сана. Я сочувствовал такому образу действий архиепископа Николая, считая, что, с одной стороны, священник не имеет права в пору опасности оставлять своего служебного поста, бросать на произвол судьбы свою паству, и что, с другой стороны, никакой серьезной опасности от немцев остающимся {220} священникам не угрожает. Но вот очередь дошла до самого архиепископа. В июле 1915 года определилась необходимость очистить Варшаву. Не помню точно, когда, кажется, 11 или 12 июля, - великий князь после высочайшего завтрака, Государь тогда был в Ставке, - говорит мне:

- Телеграфируйте архиепископу Николаю, чтобы он немедленно уезжал из Варшавы в виду возможности оставления ее нашими войсками.

- Ваше высочество, - возразил я, - архиепископ Николай беспощадно карал священников, оставлявших свои приходы. Его отъезд, поэтому, вызовет и в духовенстве, и в народе большое негодование и справедливые нарекания, что особенно нежелательно в иноверном крае. Кроме того, по моему мнению, остающемуся архиерею не может угрожать от немцев решительно никакой опасности.

- А вдруг немцы начнут издеваться над ним? - раздраженно сказал великий князь и тотчас отошел от меня. Я телеграммы после этого не посылал, но думаю, что она была послана из Штаба Ставки, так как архиепископ Николай потом в свое оправдание говорил, что ему повелели оставить Варшаву.

Архиепископ Николай уезжал из Варшавы между 11 и 15 июля. В царских комнатах вокзала собралось всё Варшавское духовенство провожать своего архипастыря. И уезжающий, и провожающие в ожидании отхода поезда рассеялись в конце большого вокзала, за столом, на диване и креслах. Когда шла беседа, в зал быстро вошел в шапке, состоявший при Штабе Главнокомандующего западного фронта, полковник Генерального Штаба Носков и, не замечая находящихся, направился к противоположным дверям.

- Невежа! - закричал архиепископ. - Еще военный, а не знает, что надо отдавать честь архиепископу... Снять шапку!

{221} Полковник быстро остановился и, взяв под козырек, ответил :

- Я не заметил Вашего Высокопреосвященства, - прошу извинения.

- Учить вас надо!.. невежд... Вон пошел!.. - не унимался архиепископ. К полковнику Носкову подошел польский граф Вельегорский и, подавая ему свою визитную карточку, сказал:

- Я не могу быть безучастным свидетелем возмутительного издеательства над вами.

С полковником Носковым произошел нервный припадок...

Через несколько дней от Главнокомандующего Западного фронта генерала Алексеева поступил рапорт на имя великого князя с описанием происшедшего на Варшавском вокзале. Великий князь направил переписку обер-прокурору Св. Синода для принятия соответствующих мер.

По приезде архиепископа Николая из Варшавы в Петроград у него разыгрался другой, еще больший скандал. В это время вышел из печати том его Варшавских проповедей. Любивший наделять других своими печатными произведениями, владыка тотчас повез свою новую книгу в Государственный Совет для раздачи своим коллегам по этому высокому учреждению (Арх. Николай в то время был членом Государственного Совета.). Все наделяемые отвечали благодарностями, а В. И. Гурко, вместо благодарности, выпалил:

- Вы, владыка, чем раздавать эти проповеди тут, лучше бы произносили их в брошенной вами Варшавской епархии.

Побагровевший архиепископ разразился отчаянными ругательствами по адресу Гурко, в ответ на которые последний с кулаками бросился на архиерея. Членам Государственного Совета удалось силой удержать Гурко, {222} другие в это время увели владыку. После этого скандала архиепископ Николай слег в постель, с которой больше не вставал. Через несколько недель, осенью 1915 года, он умер.

Несомненно, что последние два скандала и сопровождавшие их неприятности ускорили кончину грозного архиепископа. Если это предположение верно, то владыка даже и умер от скандала.

{225}

XII

В Ставке Верховного Главнокомандующего

Жизнь в Ставке продолжала идти тихо, скромно, почти по-монастырски. Главный интерес всех, конечно, сосредоточивался на фронте, но о положении наших дел чины Штаба узнавали, главным образом, из тех официальных кратких сообщений, которые потом печатались во всех газетах. "Тайна" была известна лишь "операторам", - чинам оперативного отделения Ставки, которые строго, иногда уже слишком тщательно, охраняли ее. Однажды,

идучи утром в свою канцелярию, встречаю я дежурного штаб-офицера, полковника Стаховича.

- Нет ли чего нового, полковник? - спрашиваю я его.

- Есть. Только, ради Бога, не выдайте меня...

- Что такое? - заинтересовался я.

- Знаете: Макухе, солдату-телефонисту, в окопах австрийцы язык отрезали. Они захватили его в плен и требовали чтобы он выдал наши секреты. А он ни за что... Вот они и отрезали ему язык.. Скандал! Только, ради Бога, никому не говорите! - самым серьезным тоном заключил полковник.

- Будьте спокойны! Тайны вашей, пока она ни станет всем известна, никому не выдам, - ответил я. Сознание, что они держат в своих руках великую тайну и в некотором роде распоряжаются ею, давало некоторым из них огромную пищу для самомнения и заносчивости. В этом отношении особенно выделялся полковник И. И. Щелоков, бывший правой рукой генерал-квартирмейстера Данилова. Он всегда держал себя олимпийцем и, когда другие офицеры Ставки заводили с ним речь о военных делах, от каждого его слова так и сквозило надменное: "Что, мол, вы понимаете, разве это вашего ума дело!" Но так как в диалектике (как, вероятно, и в стратегии) он не был силен, то остроумные собеседники очень ловко запутывали его в противоречиях и всегда {226} ставили его в очень смешное положение.

А иногда хитроумно выпытывали у него тайны. Мастерами по этой части были: доктор Малама, генерал Петрово-Соловово, полковник Балинский, капитан I-го ранга Бубнов. Помнится такой случай. В Ставке распространился слух о каком-то большом событии на фронте. Слух захватил интерес всей свиты Верховного, но проверить справедливость его никак нельзя было. Генерал-квартирмейстерская часть упорно молчала. Великого князя, как и начальника Штаба, нельзя было спрашивать. Отдельные лица из управления генерал-квартирмейстера на вопросы отвечали незнанием. Тогда совопросники Щелокова решили обойти его и во что бы то ни стало выведать от него секрет. Пригласили его к вечернему чаю; за чаем повели дружественную беседу, чтобы расположить к себе жертву, а потом один из них, - кажется, Петрово-Соловово-с видом простака обратился к собеседникам:

- Я, господа, могу сообщить вам огромную новость... Но - слово, что вы не разгласите ее и не выдадите меня...

- Интересно послушать! - вставил Щелоков.

- Видите ли, я из самого достоверного источника узнал то-то и то-то... И хитрец с прикрасами рассказывал историю, которую нужно было проверить. Я удивляюсь, Иван Иванович, - обратился он в конце рассказа к Щелокову, как плохо поставлена у вас разведка и вообще как слабо поставлена у вас генерал-квартирмейстерская часть!

Последнего было достаточно, чтобы поднять на дыбы самолюбие Щелокова, считавшего генерал-квартирмейстерскую часть чуть ли не своей вотчиной и, во всяком случае, своей ареной и, увлеченный самолюбием, он раскрыл все карты.

- Напрасно вы так думаете. Генерал-квартирмейстерской части лучше, чем вам, известна эта новость, достигшая вас в изуродованном виде, - с горячностью возразил он, и дальше, увлекшись критикой рассказа, {227} выдал все подробности так тщательно охранявшейся тайны...

Что касается меня, то я всегда сдерживал естественное любопытство насчет происходящего на фронте, хотя всегда имел возможность быть в курсе происходящего, так как ни великий князь, ни генерал Янушкевич, ни даже генерал Данилов не скрывали от меня военных секретов. Поступал я так по многим побуждениям: во-первых, я считал нравственно недозволенным выпытывать то, что по закону должно составлять тайну известного круга лиц; во-вторых, я опасался, чтобы в случае преждевременного разглашения тайны, подозрение не пало на меня; в-третьих, знание всех тайн для моего прямого дела было не нужно, а хранение их иногда очень тяжело... Тем не менее, я не могу сказать, чтобы во время

своего пребывания в Ставке я недостаточно был осведомлен, что и как делается на фронте. Великий князь ежедневно то мимикой, то намеками, которые я научился понимать с первого слова, за столом, во время завтраков и обедов, ориентировал меня во всем, что происходило на фронте. Кроме того, я так изучил великого князя, что по одному его взгляду безошибочно определял: хорошо или худо на фронте.

Если не брать в расчет ту лихорадочную работу, которая кипела на фронте, и тот калейдоскоп событий, каким дарил нас каждый новый день, то жизнь Ставки скоро стала походить на жизнь маленького провинциального городка, в котором каждый знает, что делают все, и все тотчас узнают, что бы ни случилось с каждым. Наш русский человек большой любитель всего курьезного, анекдотического. Военные в этом отношении могут идти вперед. Поэтому всякий анекдот быстро облетал Ставку и при отсутствии более интересных развлечений несколько оживлял всё же монотонную ее жизнь.

Помню, как искренно хохотали все, не исключая и самого царя, по поводу одного забавного эпизода с иеромонахом Максимилианом, прибывшим с иконой Пр. Сергия {228} Радонежского. Целиком этот эпизод рассказать в печати невозможно, но чтобы дать о нем представление, следует сперва упомянуть, что в столовой штаба была заведена благотворительная кружка, в которую опускались штрафные гривенники за рукопожатия в столовой и за каждое ругательное или неприличное слово за столом. Надо сказать, что "ругателей" эта кружка, пожалуй, больше подзадачивала, чем сдерживала. Но зато для благотворительного дела она каждый месяц давала довольно солидную сумму. О. Максимилиан ежедневно обедал в этой столовой и мог наблюдать, как "ругатели" платили гривенники.

Кроме совершения богослужения в штабной церкви, на о. Максимилиане лежала обязанность обслуживания нужд ставочного лазарета. Простой и неученый, но добрый, сердечный, услужливый и при том со всеми ласковый и словоохотливый, о. Максимилиан скоро стал там общим любимцем: и больных и врачебного персонала.

Однажды сестры и врачи пригласили его к вечернему чаю. Когда пришел о. Максимилиан, на столе уже стояли, кроме самовара, ветчина, масло, сыр, яйца. Усевшись за стол, о. Максимилиан сразу увлекся разговором. Старшая сестра Иванова, женщина лет 40, один и другой раз обратилась к нему с приглашением закусить, но о. Максимилиан продолжал разглагольствовать, точно не расслышав ее приглашения. Сестра положила на его тарелку еду. Батюшка и на это не обратил внимания. Обиженная невниманием, сестра в третий раз, уже с досадой, обращается к нему с просьбой приступить к еде. Тут о. Максимилиан, как бы очнувшись и превратно поняв ее последнюю фразу, прекратил разговор, укоризненно качая головой, взглянул на сестру и выпалил: "Ах, сестрица, сестрица! За такие слова вы бы у нас в столовой гривенник заплатили!"...

Большое разнообразие в жизнь Ставки вносили беспрерывно приезжавшие и уезжавшие новые лица с фронта и из тыла. Кого тут только ни перебивало!

{229} Главнокомандующие и командующие армиями, командиры корпусов, дивизий, полков, министры, генерал-губернаторы и губернаторы, архиереи и протоиереи, представители разных общественных организаций, земств и городов, корреспонденты и пр. и пр. Каждый день - новые лица. Одни являлись с победными лаврами, - этим был открыт беспрепятственный доступ и к великому князю и к его столу; другие спешили сюда, как к последней инстанции, которая может вернуть утраченную на поле брани репутацию. Эти, подобно согрешившим прародителям, иногда бесплодно и безнадежно топтались у дверей "ставочного рая", не смея переступить строго охранявшийся жандармом порог Ставки. Я несколько раз, возвращаясь из канцелярии, встречал у порога Ставки таких несчастливцев. Некоторые из них при этом умоляли меня, как некогда из ада богач Лазаря, "остудить язык их", помочь им предстать для объяснений перед начальником Штаба. Так было, в частности, с генералом Кондратовичем, бывшим командиром 23 корпуса, и полковником Матковским. Оба мои сослуживцы, - первый на японской войне, второй по Военной Академии. Но и мое заступничество не всегда помогало.

Единственным развлечением в Ставке был штабной кинематограф, действовавший дважды в неделю, по вторникам и пятницам.

Великий князь вообще не любил кинематограф, но на первый сеанс явился со всей своей свитой. На этот раз большинство картин были из жизни Ставки. На экране то и дело появлялся Верховный, - один, с братом, со свитой. Великий князь смотрел спокойно, иногда подшучивая над своими изображениями на экране. Но вот на экране выступает великий князь Петр Николаевич стоя, сидя, идучи... Петр Николаевич смотрит и возмущается :

- Это, чорт знает, что такое! Зачем это меня показывают... Тоже нашли героя!

{230} Великие князья после этого долго не посещали кинематографа. И уже рождественскими святками я как-то говорю Верховному:

- Вы всё дома сидите! Почему бы вам не пройти в кинематограф? Говорят, будут очень хорошие картины.

- Петр! О. Георгий приказывает нам с тобой идти сегодня в кинематограф. Пойдем! - обратился Верховный к брату. И оба великих князя в этот вечер сидели в кинематографе.

В конце ноября охранявший Ставку лейб-гвардии Казачий полк ушел на фронт. Его сменили царско-сельские гусары.

В лейб-гвардии Казачьем полку служил хорунжим сын уже известного нам лейб-медика Е. С. Боткина, прекрасный, толковый, честный и скромный юноша. Незадолго до ухода полка из Ставки у меня с ним как-то завязалась беседа, и мы проговорили очень долго и душевно. Через несколько дней по уходе полка на фронт я получаю от хорунжего Боткина огромное, на двух листах, датированное вторым декабря, письмо, в котором он раскрывает передо мной всю свою душу, описывает сокровенную жизнь, каясь во всех тех грехах, которых он доселе никогда никому не открывал. Через несколько дней в Ставке было получено известие, что хорунжий Боткин убит в бою 3 декабря. Значит, письмо было написано накануне смерти. Ясно, что оно было продиктовано страшным предчувствием.

В первых числах декабря я предпринял поездку по фронту, направившись в Восточную Пруссию. До штаба 10 армии (стоявшего тогда, кажется, в Грабове), я ехал с генералом Даниловым, а дальше - один. Я проехал через Лык, Видминен, Дунейкен, побывал в 8 Сибирской стрелковой дивизии у Мазурских озер, оттуда проехал в район расположения 20-го корпуса через Гольдап, потом в 26-ой корпус генерала Гернгросса и, наконец, в Сталюпенен, где находился штаб 3-го корпуса (генерала Епанчина), откуда направился в Ковно.

{231} В это время наши войска вторично занимали Пруссию. Тяжелую картину представляла теперь эта богатейшая, культурная область великой империи. При наступлении наших войск почти все жители бежали. Проезжая через города и селения, только изредка можно было увидеть какого-либо дряхлого старика или старуху, боязливо выглядывавших из окон или из дверей, как запуганные зверьки из своих нор. Некоторые города и села были почти дотла выжжены; богатые дома и поместья с прекрасной обстановкой, отличными библиотеками и всяким добром были брошены на произвол судьбы. На дворах под дождем валялась богатая мягкая мебель, дорогие картины и всякий скарб. Проезжая, я видел в одном месте группу солдат, сидевших на дворе перед домом на дорогах, обитых красным плюшем диванах и креслах. Солдаты сидели, развалившись, положив ногу на ногу. И все курили сигары. На огородах грудями валялись дорогие, самые разнообразные сельскохозяйственные машины и инструменты. Я нескольким нашим военным начальникам указывал, что преступно оставлять на гибель этот драгоценный материал, который можно использовать для наших, столь нуждающихся в нем хозяйств. Обещали переправить в Россию. Едва ли переправили. По улицам бродили беспризорные, брошенные хозяевами свиньи, куры, гуси, утки; шныряли тощие голодные породистые собаки. На полях встречались гурты пасшихся чудных пестрых, - белых с черными пятнами, - коров... И эти чудные коровы истреблялись в солдатских котлах. А как они нужны были для нашей деревни, нуждавшейся в хорошем, породистом скоте. Вот она, война, беспощадная, разрушающая, бессмысленно и бесплодно пожирающая сразу всё, что человек длинным, упорным и разумным трудом в течение

многих лет, даже столетий, собирал, созидал, приобретал !

Но перехожу к изложению дальнейших, наиболее выпуклых событий в жизни Ставки.

{232} Как уже говорил я, легендарная слава Верховного росла помимо его воли, иногда независимо и от его действования. Было бы безумием с нашей стороны ослаблять ее. Вера армии и народа в вождя - первый залог успеха, так рассуждали мы. Для поддержания и закрепления такой веры необходимо было личное, живое общение Верховного с войсками; нужно было, чтобы великий князь чаще появлялся среди войск, а последние чаще видели его, слышали его живое слово, чувствовали его близость к ним. Я лично был решительным сторонником того, чтобы Верховный изредка заглядывал и в окопы. Надо сказать, что не мало военных начальников не любили показываться в этих опасных местах. Солдаты очень чутки были к этому явлению и высоко ценили тех своих начальников, которые не боялись окопов. Появление великого князя в окопах произвело бы огромное впечатление на солдатскую массу, а трусливым генералам напомнило бы об их долге делить с солдатом все опасности и невзгоды. Так думали многие, так думал и я. Другие в данном случае не соглашались со мной, считая, что Верховный не имеет права без крайней нужды подвергать свою жизнь опасности. Но все мы сходились в одном, что великий князь должен выезжать из Ставки ближе к войскам и фронту. По этому поводу я раз беседовал с начальником Штаба. Последний соглашался со мною, говорил затем с самим Верховным, но тот упорно отклонял всякие поездки.

Между тем, представился случай, когда, по нашему мнению, великий князь обязан был выехать к войскам. Из Сибири, в январе 1915г., пришел долгожданный 4 Сибирский корпус (ген. Сидорова), в составе 9-ой и 10-й дивизий. Корпус собрался на одной из станций, верстах в 20 к востоку от Варшавы. Положение наше на фронте в это время было не из легких, и на свежий корпус возлагали большие надежды. Я напомнил начальнику Штаба, что хорошо бы самому великому князю посмотреть на корпус. Ген. Янушкевич ответил мне, что {233} он уже говорил с великим князем, но последний решительно отклонил поездку. Тогда я пошел к ген. Крупенскому посоветоваться, как бы убедить великого князя выехать к корпусу. Крупенский чистосердечно раскрыл мне карты: великий князь - оригинальный человек...

Он ежедневно пишет жене и ежедневно получает от нее письма. Поездка лишила бы его на несколько дней вестей из Киева от жены. Это для него слишком большое лишение, которое надо устранить, и он тогда поедет. А устранить не трудно: надо, чтобы курьеры продолжали ежедневно увозить в Киев его письма и ежедневно доставляли ему письма жены из Киева. Это надо объяснить великому князю, но надо сделать ловко и осторожно, чтобы он не заметил, что окружающие поняли его слабость. И вообще всю эту махинацию надо сохранить в большом секрете. Я осторожно, не выдавая ген. Крупенского и стараясь замаскировать слабость великого князя, еще раз переговорил с начальником Штаба. На следующий день великий князь говорит мне: "Радуйтесь! Скоро увидите свою родную дивизию". Во время Русско-японской войны я состоял священником 33 Сибирского полка и благочинным 9 Сибирской дивизии. Это означало, что мы едем в 4 Сибирский корпус. Обращение же ко мне "радуйтесь!" говорило, что начальник Штаба, убеждая великого князя, не скрыл, что я не давал ему покою, добиваясь поездки. Поездка вышла весьма удачной. Корпус представился в блестящем виде. Верховный своей осанкой, своей речью, обращенной после смотра к офицерам и унтер-офицерам, своей приветливостью произвел на всех великолепное впечатление.

Когда был найден ключ к тайнику, уже не составило труда убедить великого князя на поездку в Гомель на смотр вновь сформированному 15 арм. корпусу (генерала Торклуса). Об этом смотре уже упоминалось. Корпус буквально поразил всех своим блестящим видом. После церемониального марша великий князь приказал офицерам и унтер-офицерам подойти к нему, после чего {234} обратился к ним с речью. Великий князь не был оратором, но все же он всегда говорил толково, а главное с большим подъемом и с не меньшей нервностью. При его величественной наружности и необыкновенном ореоле, которым теперь в войсках

было окружено его имя, его речи производили огромное впечатление. И теперь, едва он кончил свою речь, как стоявший на правом фланге старик-барабанщик, без всякой команды, изо всей силы ударил в барабан. Раздалось громовое "ура", заглушившее барабан. Великий князь со слезами на глазах бросился к барабанщику, обнял и расцеловал его. Получилась удивительно трогательная картина...

- Вот попался великий князь! Барабанщик ведь еврей... Великий князь, наверное, не знает этого, - шепнул мне доктор Малама.

После парада и завтрака великий князь, в сопровождении свиты, осматривал дворец фельдмаршала Паскевича, принадлежавший его вдове, урожденной Воронцовой-Дашковой, родной сестре б. наместника Кавказского. Большой знаток и любитель фарфора и фаянса, великий князь с особым интересом отнесся к коллекции фаянсовой посуды, которою славился дворец, но признал, что она значительно уступает коллекции его дворца.

На обратном пути из Гомеля я за обедом говорю великому князю:

- Какой удивительный барабанщик-старик! Как он ловко угадал момент и точно закончил Вашу речь!

- Да, удивительно хорошо вышло! - сказал великий князь.

- А вы знаете, ваше высочество? Ведь, он еврей, - заметил я, вглядываясь, какое впечатление на великого князя произведут мои слова.

- Ну, так что ж из этого, ведь он давно служит в полку, - нервно ответил великий князь и сразу перевел разговор на другую тему. Но видно было, что он несколько не сожалел о своем поступке.

{235} В виду множества ходивших в армии разговоров о трусости, предательствах евреев на фронте, при общем пренебрежительном отношении нашего офицерства к евреям, этот поступок великого князя свидетельствовал не только об его благородстве к прекрасной привычке воздавать каждому по делам его, но и об его способности эволюционировать в своих взглядах и убеждениях, когда жизнь давала к этому серьезные основания.

В феврале Государь снова посетил Ставку. В этот раз великий князь был награжден украшенным бриллиантами оружием, а Янушкевич и Данилов были произведены в полные генералы. Для обоих награда была слишком большой, так как оба они совсем недавно были произведены в генерал-лейтенантский чин, Янушкевич в мае 1914 года, так что старшинство по новому чину он получил бы только с 1921 г. - через 7 лет после производства. Но в этом пожаловании характерно другое. Ген. Данилова, подчиненного начальнику Штаба, во второй раз награждают той же наградой, что и его начальника, - несомненно, по просьбе последнего. Честный ген. Янушкевич, не замечая, может быть, того, расписывался тут в своей несостоятельности. Другие, равные ген. Данилову по рангу должности, ставочные генералы: дежурный генерал Кондзеровский и начальник военных сообщений Ронжин были награждены гораздо менее щедро, орденами. Ронжин, не будучи моложе Данилова по службе, оставался еще генерал-майором.

Генерал-адъютанту Иванову был пожалован орден Владимира I ст. с мечами. Награда была исключительной, - через орден, ибо ген. Иванов еще не имел Александра Невского с бриллиантами. Государь послал ему этот орден со своим флигель-адъютантом, что, как увидим дальше, своеобразный старик счел за обиду.

Большим днем в Ставке было 5-е марта.

Около 11 ч. дня по Ставке распространилось известие: пал Перемышль! Хотя падение Перемышля не могло быть совершенною неожиданностью, ибо армия {236} генерала Селиванова давно окружала крепость, а другие наши армии были далеко впереди ее у Карпат, и Ставка со дня на день ждала радостной вести о взятии неприятельской твердыни, но всё же известие произвело невероятное впечатление. Весть передавалась из уст в уста. Генерал-квартирмейстерская часть суетилась, выясняя подробности сдачи, офицеры Генерального Штаба выглядели именинниками: при успехах на фронте они всегда напускали на себя важность: вот, мол, мы каковы! Великий князь, начальника Штаба и генерал-квартирмейстер тоже были в приподнятом настроении. Вообще Ставку нашу нельзя

было упрекнуть, что она слабо реагировала на выдающиеся события фронта, но тут она всецело отдалась чувству радости и восторга.

За высочайшим завтраком только и говорили, что о Перемышле. Всех, конечно, интересовало количество трофеев. В самом начале завтрака великому князю подали телеграмму Юго-западного фронта, которую он тотчас передал Государю. Штаб фронта доносил, что в крепости Перемышль взято в плен 130 тысяч австрийского войска.

- Этого быть не может! - воскликнул великий князь. - Откуда там 130 тысяч, когда в нашей осаждавшей армии было 70-80 тысяч. Это, несомненно, ошибка. Вероятно, - 30, а не 130 тысяч. Юрий Никифорович, идите и сейчас же по прямому проводу переговорите со штабом фронта, выясните точную цифру!

Через несколько минут генерал-квартирмейстер вернулся с докладом, что штаб фронта подтверждает цифру - 130 тысяч.

- Надо еще выяснить! Тут недоразумение! Откуда у них 130 тысяч? - не унимался великий князь. По-видимому, и все присутствующие разделяли неверие князя. И хотелось верить, и страшно было верить, именно страшно за прошлое. 130 тысяч! А наш штаб считал, что гарнизон Перемышля не превышает 50 тысяч, и, уверенный в точности этой цифры, двинул все свои {237} армии вперед, оставив для осады Перемышля малобоеспособную, составленную из второочередных, из ополченских, слабодушных и недостаточно вооруженных частей армию ген. Селиванова. И эта 70-80 тысячная армия тонкой ниткой была растянута на периферии семидесятиверстного круга, образовавшего осадную линию крепости Перемышль. Осажденной неприятельской армии, почти в два раза превосходившей нашу - осаждавшую, не стоило никакого труда прорвать эту линию. Что, если бы австрийцы вместо сдачи повели наступление, прорвали осадную линию, а затем вышли в тыл наших армий, стоявших у Карпат? Получилась бы иная картина. Беспрецедентное беспутство австрийских офицеров, доведших Перемышльский гарнизон до крайнего разложения, не только спасло нас от возможной катастрофы, но дало нам большую победу. Было что нам поэтому праздновать.

Жизнь человеческая вообще похожа на книгу, в которой самые интересные страницы испещрены иероглифами, разгадать кои иногда не в силах бывают самые умные люди. Еще более надо сказать это о войне. Когда к России и Франции присоединилась Англия, большинство не только штатских, но и военных людей кричали: теперь скорый конец Германии! А между тем и присоединение Италии и Америки не сразу решило дело. Так было и теперь. Галицийская победа дала нам около 400 тысяч пленных... А тут еще Перемышль. Я от многих серьезных военных в Ставке, - между прочими назову полк. В. Е. Скалона, потом в 1918 г. трагически погибшего в Брест-Литовске, - слышал:

- Конечно, вопрос войны решен. Австрия разгромлена окончательно... Одной Германии не справиться с коалицией. Победный мир близок...

Это говорилось в марте, а в мае и июне наша армия, отступая, очищала Галицию...

Торжество в Ставке по случаю падения Перемышля было велико. В тот же день, в 4 часа вечера, было {238} совершено молебствие. Царь со свитой, Верховный со всем Штабом присутствовали на молебне.

Командующий армией генерал Селиванов, по статуту, был награжден орденом Георгия 3 ст., великий князь украсился Георгием 2 ст. со звездой.

Перемышль пал вследствие бездарности коменданта и отсутствия воинского духа у гарнизона крепости. Наши офицеры с возмущением рассказывали об австрийских офицерах крепостного гарнизона, и после падения крепости щеголявших нарядными с иголки мундирами, бесстыдно кутивших и развратничавших.

Комендантом крепости, как уже упоминалось, был назначен генерал Артамонов, поведший своеобразную политику. Прежде всего он начал печатать свои приказы на двух языках - русском и немецком. Может быть, это было и не излишне: незнавшие русского языка крепостное офицерство и местное население могли знакомиться с требованиями нового коменданта на своем родном языке. Но дальше генерал Артамонов, как было сказано

ранее, уже совсем перемудрил: он обратился к бывшему австрийскому гарнизону крепости с особым приказом, восхвалявшим доблесть гарнизона, самоотвежение австрийских офицеров и пр. На что он тут рассчитывал, - трудно сказать. Но мы уже знаем, что комендантствование его пресеклось быстро и очень грустно для него. И положили ему конец именно эти приказы.

Взятие Перемышля было последним крупным успехом наших войск в период Верховного командования великого князя. Чем дальше затягивалась война, тем всё грознее вырисовывался факт нашей неподготовленности к войне, окупаемый теперь сотнями тысяч невинных жертв. Армия испытывала страшный недостаток и в вооружении, и в снарядах. Первый вопрос, которым встречали на фронте каждого прибывавшего из Ставки, был: как обстоит дело со снарядами и оружием? Прислали ли союзники? Устраивают ли у нас новые для {239} выделки снарядов заводы? Недостатка в обещаниях, которыми и Петербург, и Ставка утешали фронт, не было: уверяли, что из Англии и Франции идут огромные транспорты с боевыми материалами; говорили, что в России организуется целая сеть военных и частных заводов, которые скоро засыпят армию всем необходимым для боя и т. п. Всё это утешало воинов, окрыляло их надеждой, подымало их дух, но... проходили месяцы, а наша армия, как и раньше, безоружною и беспомощною стояла перед вооруженным с ног до головы, бесконечно превосходившим ее по обилию технических и всяких материально-боевых средств врагом. Я думаю, что Верховный, учитывая такую обстановку, предвидел возможность крупных неудач для нас и на Галицийском фронте, даже очищения с таким трудом и с такими жертвами занятой нами Галицийской территории. Я думаю, что поэтому, главным образом, он был решительным противником поездки Государя во Львов и Перемышль, как и политической речи архиепископа Евлогия. В Штабе тоже, когда угар от взятия Перемышля прошел, а зловещие признаки возможных неудач обрисовались яснее, - стали высказываться, что Государю не следует ехать туда, пока не будет твердо закреплена взятая территория; иначе поездка его, не принеся пользы для дела, даст повод врагу для насмешек и глумлений.

Как мы уже знаем, перевес взяло желание самого Государя.

Въезд Государя во Львов, как и его пребывание там, были обставлены большой торжественностью. Всюду - войска, множество народу... После торжественного обеда во дворце наместника Государь вышел на балкон; собравшийся в это время в огромном количестве народ,

- главным образом, пришедшие из сел и деревень крестьяне, - шумно приветствовали его; девушки, убранные по праздничному, в национальных костюмах, с венками на головах, встретили его песнями.

В Перемышле на улицах также приветствовали {240} Государя толпы народа. Нельзя сомневаться, что в этих приветствиях было много искреннего и неподдельного: всегда притеснявшееся, гонимое австрийцами русское население Галиции, в значительной своей части не одурманенное украинофильством, ждало освобождения и уже любило своего освободителя русского царя. Во всей окружавшей путешествие Государя обстановке было много не только торжественности, но и трогательной искренности, которая не могла не ударять по самым нежным струнам патриотически настроенного сердца. Но эта именно искренность простых людей, с верой встречавших Государя, будила и тяжелые предчувствия у тех, кому ведомо было действительное состояние нашего фронта.

Вспоминаю этот обед в дворце наместника и следовавшие за обедом манифестации около дворца. Масса приглашенных, кругом блеск, величие, торжественность, но в речах звучат нотки, на лицах читаешь выражения, свидетельствующие о неуверенности в завтрашнем дне. И сердце сжималось от страха при мысли, всё время долбившей мозг: что если эти доверившиеся силе русского оружия, теперь торжествующие и изливающие откровенно свои чувства, опять попадут в руки австрийцев? Что будет с ними? Что ждет их?

Великий князь неотступно сопровождал Государя. Он боялся покушения на царя. "Славу Богу!" - вырвалось у него, когда мы на обратном пути выехали из Львова.

8-го мая, - 9 мая память Св. Николая - после всенощной было подписано в Ставке

представителем Италии, с одной стороны, представителями России и союзных держав, с другой, соглашение, поставившее Италию против прежних ее союзников - Германии и Австрии. "Св. Николай Чудотворец помогает нам", сказал я по этому поводу. Действительно, мысль обращалась к Святителю Николаю, мощи которого почивают в Италии. Надо же было так случиться, что соглашение {241} подписывалось 8 мая во время всенощной, когда вся русская церковь особыми молитвами и песнопениями прославляла наиболее чтимого русским народом великого Божьего угодника.

Закончу эту главу одним эпизодом, который мне вспомнился при упоминании имени Святителя Николая.

В Ставку беспрерывно прибывали для представления Верховному разные лица, а изредка и депутаты. Хотя великий князь и ограничивал доступ к себе тех и других, - и весьма резонно, иначе, к нему понаехали бы представители не только всех российских народов, но и всех русских деревень, - однако, некоторым он не мог отказать. Не помню точно когда, как будто в начале сентября 1914 года, прибыл в Ставку архим. Григорий, миссионер Московской епархии, человек не только смелый, но и беззастенчивый во многих отношениях. Он привез великому князю икону и письмо от Московского, митрополита Макария. Прибыв в Ставку, он прежде всего явился ко мне, чтобы уже через меня получить аудиенцию у великого князя, причем объяснил мне цель своего приезда и показал присланную митрополитом икону Святителя Николая самой простой кустарной работы, в самой дешевой простой серебряной, вызолоченной ризе. Такую икону в любой иконной лавке тогда можно было купить за 15 рублей. Я не удержался:

- Ужель ваш митрополит не мог найти в Москве лучшей иконы для великого князя? - спросил я.

- Очень спешили с отъездом, - ответил архимандрит.

- А почему митрополит посылает икону Святителя Николая, а не какую-либо другую? - опять спросил я.

- Как, почему? Великий князь носит имя Святителя Николая. Св. Николай - его небесный покровитель, - ответил архимандрит.

- Совсем не Николая Чудотворца, а Николая Кочана, Новгородского Христа ради юродивого имя носит великий князь, - возразил я.

{242} - Ну, что ж? Тогда Николай Кочан носил, несомненно, имя Святителя Николая Чудотворца, - не смущаясь, ответил находчивый архимандрит.

- Если вы с митрополитом ударились в археологию, то уж следовало остановиться на "прадеде", на том, чье имя носил Св. Николай Чудотворец. Это было бы еще остроумней. Впрочем, это ваше дело, - не выдержал я.

О чем беседовал архимандрит с великим князем, не знаю. Но после его ухода великий князь призвал меня и, передавая мне письмо митрополита, сказал:

- Ответьте митрополиту, что я очень благодарю его за присланную икону, а что касается генерала Шмидта, то я знаю его достаточно, как достойного и честного офицера, который дорог для этого времени.

Оказывается, митрополит, поверив сообщениям своих сибирских знакомых, просил великого князя посодействовать увольнению, как негодного, степного генерал-губернатора, генерала Шмидта, который, - этого митрополит не знал, - пользовался особым благоволением и доверием великого князя. Конечно, эта основанная на сплетнях просьба не понравилась великому князю. К тому же она исходила от лица, близость которого к Распутину всем была известна.

Дня через два великий князь снова призывает меня и передает мне телеграмму за подписью: "Архимандрит Григорий". Сообщая, что в одном из Московских монастырей (кажется, в Новоспасском) открылась настоятельская вакансия, архимандрит Григорий просил в телеграмме великого князя ходатайствовать, "согласно обещанию", о предоставлении ему этой вакансии.

- Я ему ничего не обещал, у нас и разговору о местах не было. И не мое дело путаться в

монастырские дела. Удивляюсь всему. Так и ответьте этому архимандриту, - нервно сказал мне великий князь.

Конечно, я в точности исполнил приказание.

{245}

XIII

Наши главнокомандующие

(См. также дополнение в конце книги - ldn-knigi)

- Вы часто ездите по фронту, а ко мне не заглядываете. Не хотите знать меня, старика... Бог с вами! Но всё же обидно... Да и поговорить хотелось бы о многом, - отчитывал меня в начале мая 1915 г. в Ставке Главнокомандующий Юго-западного фронта, генерал Николай Иудович Иванов.

- Приеду, приеду, Николай Иудович! Буду у вас в самом ближайшем времени, непременно буду, - успокаивал я его.

Генерала Иванова я знал с Русско-японской войны. Как сейчас помню его в кругу солдат: суестьегося, заботливого, простого и доступного. Он до того был прост, что совсем сливался с серой солдатской массой, как-то стушевывался в ней, что чрезвычайно располагало в его пользу.

Из этой войны он вышел героем, с Георгием 3 ст. на шее. Насколько эта высокая награда отвечала проявленной им доблести, судить не берусь. Скажу, однако, что после войны генерал Иванов не избежал некоторых упреков и обвинений. Так ген. Куропаткин считал его одним из виновников нашей неудачи на Шахэ, ибо в то время, как I Сибирский корпус генерала Штакельберга истекал кровью в бою, соседний 3 Сибирский корпус генерала Иванова, стоявший в трех верстах от линии боя, пальцем не двинул, чтобы поддержать изнемогающего соседа.

После японской войны генерал Иванов прославился умиротворением Кронштадта (До 1920 г. я разделял распространенное в Петербурге убеждение, что ген. Иванов - сын какого-то артиллерийского вахмистра, будто служившего при дворе вел. кн. Михаила Николаевича. В 1920 г., после смерти ген. Иванова, я узнал от состоявшего при нем во время войны полк. Б. С. Стеллецкого, что ген. Иванов родился в Чите и был сыном какого-то ссыльнокаторжного, что фамилия его была совсем не Иванов. Эту тайну открыл Стеллецкому сам ген. Иванов незадолго до своей смерти. Умер в 1919 г. в Новочеркасске.).

{246} Вскоре после назначения меня на должность протопресвитера, генерал Иванов посетил меня в Петербурге.

Тогда он был командующим войсками Киевского военного округа.

- Смотрите же, поскорее приезжайте в Киев прямо ко мне! У меня дом большой, помещения сколько хотите, - у меня остановитесь, - были первые его слова ко мне. Я пообещал и, если не ошибаюсь, 17 сентября 1911 года приехал в Киев, направившись прямо к Командующему войсками округа.

Свободного помещения, действительно, оказалось сколько угодно. В огромном доме генерал Иванов занимал всего две комнаты в нижнем этаже, одна из которых служила для него кабинетом, другая спальней; множество комнат в нижнем этаже и весь верхний пустовали. Хозяин принял меня чрезвычайно приветливо; меня поместили в верхнем этаже. Через час Н. И. Иванов принес мне записку: "Вот, о. Георгий, вам записочка, - тут все, кому надо сделать визиты". Я посмотрел. В записке стояло 12 человек: митрополит, викарий, наместник Лавры, генерал-губернатор, губернатор, начальник штаба, командиры корпусов, начальники дивизий и пр.

- Этак мне одних визитов хватит на три дня, - сказал я.

- Что ж делать. Нельзя никого обойти... Вы в первый раз приехали в Киев, вы человек молодой... Не сделаете кому-либо визита, пойдут обиды... А это не годится, - начал наставлять меня добрый старик.

- Пусть будет по-вашему! Только я буду просить {247} вас: дайте мне автомобиль для поездки по визитам, - сказал я.

- Что вы, что вы! - почти вскрикнул генерал Иванов. - У нас духовные лица на автомобилях не ездят. Если вы поедете, это такой соблазн будет, такие разговоры пойдут. Сами не возрадуетесь. Нет, автомобиля я вам не дам. Возьмите мою пролетку, - отличная...

Как я ни убеждал Николая Иудовича, что кому-нибудь надо же первым поехать на автомобиле и что кувыркание на пролетке по киевским горам из одного конца города в другой отнимет у меня много нужного и дорогого времени, мои доводы оказались не убедительными для него, и я должен был подчиниться его совету.

Из Киева я тогда проехал в Одессу, а затем 23-го сентября прибыл в Севастополь. По просьбе заведующего авиационной школой, полк. С. И. Одинцова, я в 6 ч. утра 24-го сентября прибыл на аэродром (в 5-6 в. от Севастополя). Там уже были собраны летчики-офицеры и солдаты. Я сказал им несколько слов и благословил их. Начались полеты. А потом офицеры, окружив меня, начали просить, чтобы и я полетал. Как было отказать им? Откажись, они, пожалуй, объяснят отказ трусостью, боязнь подвергнуть себя опасности...

И я согласился. Меня усадили на аэроплан, и я с летчиком, штабс-капитаном лейб-гвардии Саперного батальона сделал над аэродромом на высоте 450 метров три круга. Когда я садился на аэроплан, у меня невольно явилась мысль: что-то сказал бы Николай Иудович? Уж на аэроплане-то никто из духовных лиц никогда не летал (Этот полет не дешево обошелся мне. Когда весть о нем донеслась до Петербурга, там мой поступок вызвал массу разговоров. Началась настоящая травля меня, в которой приняли участие некоторые газеты, как "Колокол", и очень сановные лица. В академии Генерального Штаба профессора разделились: большинство было за меня, меньшинство против. В 1915 г. во время одного из завтраков в царском поезде я рассказал Государю этот эпизод, не скрыв и того, как меня травил. "Я не слыхал об этом, но и не похвалил бы вас", - сказал Государь. - "Почему?" спросил я. - "Да есть такие вещи, которые просто не идут к лицу. Представьте, что например, я полетел бы на аэроплане". - "Это другое дело, ваше величество. Вам не подобает летать потому, что летающий подвергает свою жизнь опасности. А если бы я разбился, вы назначили бы другого протопресвитера, этим и был бы ликвидирован инцидент", - ответил я. На этом прекратился наш разговор.).

{248} Исполняя данное генералу Н. И. Иванову в Ставке обещание, я вечером 10-го мая 1915 года выехал из Барановичей и 11-го утром прибыл в г. Холм, где тогда помещался штаб Юго-западного фронта.

В 10-м часу дня я отправился к Главнокомандующему, в здание женской гимназии. В приемной среди нескольких лиц, ожидавших приема, я встретил старого своего знакомого, генерала Ф. П. Рерберга, начальника штаба 10-го корпуса. Он поразил меня своим видом: это был живой мертвец, высохший как мумия, с почерневшим лицом; вид у него был растерянный, на лице отчаяние; он дышал тяжело, задыхаясь. Оказывается, его корпус потерпел большую неудачу, и он явился для реабилитации.

Главнокомандующий тотчас принял меня. Мы усадились в его кабинете за письменным столом, друг против друга. Главнокомандующий говорил без умолку. Я более слушал. Мы говорили почти без перерыва до часа дня. Два или три раза всего на несколько минут нашу беседу прерывал генерал В. М. Драгомиров, начальник Штаба фронта, подававший Главнокомандующему телеграммы. Николая Иудовича вообще не легко было слушать. Он сразу говорил о многих предметах, перескакивая с одного на другой, начиная говорить о новом, когда еще не закончено начатое, и снова возвращался к прежнему. Кроме того, он всё время говорил загадками и {249} намеками, не договаривая, маскируясь: просил, якобы, не прося; обижался, якобы не обижаясь; укорял, не укоряя. И в этот раз он сразу говорил о многом. Говорил о Ставке, которая его не слушает, игнорирует его просьбы, третирует его резкими отказами. Говорил о военном министре, который во многом виновен, ибо не подготовил Россию к войне; говорил о духовенстве и его работе на войне; о главном священнике фронта прот. Грифцове; говорил о генерале М. В. Алексееве, - что это типичный офицер Генерального Штаба, желающий всё держать в своих руках и всё самолично делать,

не считаясь с мнением начальника. Особенно обвинял он Алексеева в том, что тот иногда держал в секрете от него очень важные сведения и распоряжался, не считаясь с ним. Попутно генерал Иванов превозносил генерала Драгомирова, как начальника штаба.

- Неужели генерал Драгомиров, как начальник штаба, выше генерала Алексеева? - спросил я.

- И сравнить нельзя! - воскликнул Николай Иудович. - Драгомиров умнее... Алексеев... Бог с ним! Может быть, на месте Главнокомандующего он будет лучше. Что ж? Я очень рад, что его назначили.

Мне рассказывали, что на прощальном обеде, данном чинами штаба фронта отъезжающему на Северо-западный фронт генералу Алексееву, генерал Иванов держал себя вызывающе, стараясь подчеркнуть свое неудовольствие по поводу его работы в должности начальника штаба.

Больше же всего Николай Иудович говорил об отношении к нему великого князя - Верховного.

- Меня великий князь не любит, меня он не ценит, - жаловался он. Чего ни попрошу, во всем отказывает; что ни посоветую, - сделает наперекор. А чтобы поговорить со мной, выслушать меня, - этого совсем не бывает. Несколько раз мы съезжались: Верховный со своим начальником штаба и мы, Главнокомандующие.

{250} Вы думаете великий князь говорит с нами, выслушивает наши доклады, наши соображения и предложения, с нами советуется. Ничуть! Этого не бывало. Вышлет к нам начальника штаба, а сам сидит в своем вагоне. Мы и говорим с генералом Янушкевичем. А как он потом передает великому князю, что передает, точно ли передает или, может быть, и свое добавляет, - этого мы не знаем. Получаем потом приказания: сделать то-то и то-то! Что ж? Может быть, я стар; может быть, я негоден, - тогда пусть бы сменили, лучшего назначили. Я не держусь за место... и т. д., и т. д.

Я терпеливо слушал старика, а когда он кончил, спросил:

- Николай Иудович! Зачем вы всё это говорите мне?

- Затем, чтобы вы всю правду знали, - ответил он.

- А какая польза от этого будет?..

Может быть, вы желаете, чтобы всё сказанное вами стало известно великому князю? - вновь спросил я.

- Что ж? Можете рассказать и великому князю. Я ничего против этого не имею. Расскажите прямо, ничего не скрывая, - сказал он.

- Хорошо! Может быть, великому князю Николаю Николаевичу мне и не удастся всего передать; тогда я передам его брату великому князю Петру Николаевичу, а от него узнает и Николай Николаевич, - ответил я.

Мы по-дружески простились.

Посетив расположенные в Холме госпитали, я вечером направился в Ставку и рано утром 12 мая прибыл в Барановичи.

В 10-м часу утра я был принят великим князем для доклада. Вид его поразил меня. Великий князь не только был расстроен, но и прямо подавлен.

- Ужасные сведения! - сразу обратился он ко {251} мне. - Немцы на Галицийском фронте повели отчаянное наступление. Наши войска не в силах сдержать натиск и начали быстро отступать. Неприятель уже угрожает Перемышлю. Можем и Львов отдать. Сразу будут сметены все результаты купленных столь дорогой ценой за год войны наших успехов. Ведь это ужас!

При таком настроении великого князя, конечно, я не решился докладывать ему о своей беседе с генералом Ивановым и ограничился передачей других впечатлений от своей поездки, решив для щекотливого разговора избрать более удобное время.

Около 6 ч. вечера я направился в свою канцелярию. Проходя мимо великокняжеского вагона, я увидел сидящего у окна за письменным столом великого князя. Он что-то писал. Увидев меня, он приветливо кивнул мне головой. "Пишет письмо великой княгине,

настроение лучше, - пожалуй, можно теперь и переговорить", - подумал я и, вошедши в вагон, попросил камердинера великого князя доложить обо мне. Тотчас вернувшийся камердинер объявил: "Великий князь просит". Я вошел в гостиную вагона, куда сейчас же пришел и великий князь. Мы уселись. Сначала я продолжал свой утренний, незаконченный деловой доклад, а затем попросил позволения передать мою беседу с генералом Ивановым, предупредив при этом великого князя, что она не касалась предметов, входящих в сферу моей компетенции и деятельности. Великий князь разрешил. Тогда я со всеми подробностями, ничего не утаивая, передал свой разговор с генералом Ивановым, вернее - его жалобы на великого князя. Великий князь слушал меня совершенно спокойно, хотя и мог усмотреть в жалобах генерала Иванова много обидного для себя. Когда я кончил, тогда он начал говорить.

- Ах, этот Николай Иудович! Ничем его не удовлетворишь, никогда ему не угодишь. Я ли мало ему внимания оказывал, я ли мало говорил с ним? Я и обнимал {252} и целовал его. Всё мало, всё недоволен, обижен. Да что говорить обо мне. Он и Государем недоволен. В последний свой приезд Государь жалует ему орден Владимира I ст. с мечами, помимо Александра Невского с бриллиантами, которого он не имел. Понимаете ли: жалует ему орден, какого никто не имеет во всей Империи, жалует, минуя огромную награду. Что же вы думаете: он остался доволен? Нисколько! Слышу, что всем и каждому жалуются: "Не мог Государь мне лично передать орден, а прислал с флигель-адъютантом". Это Государь-то должен был нарочно ехать к нему везти для него орден!.. Хорошо? И так всегда и во всем.

Возьмешь с его фронта какой-либо полк, чтобы помочь Северному фронту, которому всегда тяжелее бывало, ибо там противник - немцы, - страшная обида. А сам всё просит и просит: прислать новые части, прислать пополнения, прислать ружья, пушки, снаряды, обмундирование; просит, когда надо и когда не надо, и всегда в огромном количестве, какого у нас нет, с запросцем, хотя у самого склады ломятся от добра. А откажешь, да что откажешь, - урежешь его требование, - опять кровная обида. И так решительно во всем. И вечно одна песня:

"Может быть, я уже стар, слаб. Может быть, у вас есть более умные, более годные" и т. д.

- Выше высочество! - сказал я. - Я Николая Иудовича давно знаю, как знаю и его манеру поплакать, запросить лишнее, чтобы, если урежут, всё же больше осталось... И тут я совсем не сторонник его. Но, может быть, в чем-либо другом он и прав. Вот, например, его жалоба на порядок военных совещаний с Главнокомандующими. Вы не присутствуете на них. Начальник Штаба и совещается с Главнокомандующими и докладывает вам результаты совещания. Я уже не буду говорить о том, что Главнокомандующие могут обижаться, что вы не удостоиваете их вашего присутствия и личной беседы. Но тут надо обратить внимание и на другое. Я не могу допустить мысли, чтобы ваш начальник штаба {253} намеренно извратил или недоговорил вам что-либо принятое на совещании. Но всегда и во всей ли широте может он воспринять точно и объективно передать всё сказанное Главнокомандующим и всё нужное вывести от них? Может быть, Главнокомандующие когда-нибудь именно вам, а не начальнику Штаба хотели бы сказать что-либо. С другой стороны, может быть, именно, вы смогли бы в докладах Главнокомандующих уловить то, чего не уловил начальник Штаба, а затем сами поставили бы Главнокомандующим вопросы, ответы на которые шире осветили бы вам положение дела...

В заключение, я попросил прощения, что коснулся не своего дела.

- Нет, я очень благодарен вам, и впредь будьте со мной откровенны, сказал мне великий князь.

На другой день генерал Крупенский, которому я рассказал об этой беседе, сообщил мне, что приказано готовить поезд к поездке в штаб Юго-западного фронта, к генералу Иванову.

- Это ваш разговор повлиял, - сказал он. Кажется, 14-го вечером мы выехали из Ставки. Поезд прибыл в Холм 15-го. Генерал Иванов в походной форме стоял на перроне вокзала,

поглаживая свою длинную окладистую бороду. Когда поезд остановился, я первым вышел из вагона, чтобы предупредить старика.

- Я всё передал великому князю, - шепнул я, здороваясь с ним.

- Хорошо, хорошо! Благодарю, - ответил он. В это время подошел к нему начальник Штаба, генерал Янушкевич со словами:

- Великий князь просит вас к себе.

Оба они направились к вагону Верховного. Подойдя к вагону, Николай Иудович остановился: "Пожалуйста, войдите!" - обратился к нему Янушкевич. "Нет, вы идите вперед!" - возразил генерал Иванов. {254} "Великий князь просил вас одного", - сказал Янушкевич. "Нет, нет, и вы со мной идите; без вас я не пойду", - засуетился генерал Иванов. "И тут сказался Николай Иудович", - сказал мне, знавший о моем разговоре с великим князем, генерал Янушкевич; описывая на обратном пути из Холма этот эпизод.

О чем говорил великий князь с генералом Ивановым, я не знаю. Ни тот, ни другой не рассказывал мне. Когда поезд тронулся, великий князь пристально взглянул на меня и, улыбаясь, сказал: "Ублагодарил... не знаю: надолго ли?"

Кажется, в апреле 1915 г. Главнокомандующий Северо-западного фронта генерал Н. В. Рузский заболел и был заменен генералом Алексеевым.

Имя генерала Рузского я впервые услышал в 1904 году, после объявления Русско-японской войны. Мой сослуживец по Академии Генерального Штаба толковый, честный и благородный полк. В. И. Геништа с восторгом тогда отзывался о Рузском, как об одном из лучших наших генералов. В ноябре 1904 года, с разделением Манчжурской армии на три армии, генерал Рузский был назначен начальником штаба 2-ой армии (генерала Гриппенберга). Но скоро он заболел, покинул армию и уже не возвращался к ней. Свои дарования, таким образом, Рузскому не удалось проявить. На Великой войне я впервые встретил его в начале сентября 1914 года в Ровно, когда он командовал III-й армией и уже прогремел, как герой взятия г. Львова. В сентябре этого года он был пожалован званием генерал-адъютанта и вскоре, после отрешения генерала Жилинского от должности Главнокомандующего за поражение под Сольдау, был назначен Главнокомандующим Северо-западным фронтом. После этого я много раз видел его в Ставке и имел возможность изучить его, когда он за завтраками и обедами сидел рядом с великим князем. Выше среднего роста, болезненный, сухой, сутуловатый, {255} с сморщенным продолговатым лицом, с жидкими усами и коротко стриженными, прекрасно сохранившимися волосами, в очках, - он в общем производил очень приятное впечатление.

От него веяло спокойствием и уверенностью. Говорил он сравнительно немного, но всегда ясно и коротко, умно и оригинально; держал себя с большим достоинством, без тени подлаживания и раболепства. Очень часто спокойно и с достоинством возражал великому князю. Ноябрьский успех под Варшавой, особенно заметный, сделал его имя еще более популярным. Великий князь и генерал Янушкевич, как казалось мне, до последнего времени относились к нему с большим вниманием и считались с ним. Как будто и наша крупная неудача 10-й армии (генерала Сиверса), закончившаяся в январе 1915 года полным разгромом 20-го нашего корпуса (генерала Булгакова), не подорвала престижа генерала Рузского.

Обострившаяся болезнь заставила его теперь оставить главнокомандование.

Назначение генерала Алексева и в Ставке, и на фронте было встречено с восторгом. Я думаю, что ни одно имя не произносилось так часто в Ставке, как имя генерала Алексева. Когда фронту приходилось плохо, когда долетали до Ставки с фронта жалобы на бесталанность ближайших помощников великого князя, всегда приходилось слышать от разных чинов штаба: "Эх, "Алешу" бы сюда!" (Так некоторые в Ставке звали ген. Алексева.). В Ставке все, кроме разве генерала Данилова и полк. Щелокова, понимали, что такое был для Юго-западного фронта генерал Алексеев и кому был обязан этот фронт своими победами. И теперь, в виду чрезвычайно серьезного положения Северо-западного фронта, все радовались, что этот фронт вверяется серьезному, осторожному, спокойному и

самому способному военачальнику.

{256} Я думаю, что кандидатура генерала Алексеева была выдвинута заметившим его талант самим Верховным, если не при участии генерала Янушкевича, то без всякого сопротивления со стороны последнего. На основании достаточных наблюдений я имею полное право сказать, что великий князь весьма ценил и уважал Алексеева, а генерал Янушкевич всегда открыто высказывался об огромных достоинствах последнего и далек был от того, чтобы завидовать быстро растущей его славе.

Вскоре после назначения генерала Алексеева Главнокомандующим Северо-западного фронта, в г. Седлеце, где помещался штаб этого фронта, состоялось совещание великого князя с Главнокомандующими.

Я Алексеева знал с 1901 года по совместной службе в Академии Генерального Штаба, когда он еще был полковником, профессором этой Академии. Теперь, при встречах с Алексеевым-Главнокомандующим, меня занимал вопрос: сохранит ли он на высоком посту всегда до этого времени отличавшие его простоту, скромность, общедоступность. С первых же слов при встрече с ним я понял, что Михаил Васильевич остался тем же, каким я знал его 20 лет тому назад. На мое приветствие с высоким назначением он смиренно ответил:

- Спасибо! Тяжелое бремя взвалили на мои старые плечи... помолитесь, чтобы Господь помог понести его...

Совещание происходило в то время, когда страшная гроза уже висела над нашим фронтом. Северо-западный фронт не успел вполне оправиться после январского несчастья; на Юго-западном фронте начался отчаянный натиск неприятеля. Наши армии стояли безоружными; всего недоставало: и ружей, и пушек, и пуль, и снарядов. Было над чем задуматься. Великий князь ехал на совещание сумрачным, подавленным...

На обратном пути великий князь был неузнаваем.

Задумчивость и скорбь исчезли.

{257} - Вы повеселели. Слава Богу! - сказал я за обедом великому князю.

- Повеселеешь, батюшка мой, поговоривши с таким ангелом, как генерал Алексеев, - ответил великий князь. - Он и удивил, и очаровал меня сегодня, - продолжал великий князь, обращаясь к начальнику Штаба. - Вы заметили, какая сразу разница во всем: бывало, что ни спросишь, либо не знают, либо знают кое-что, а теперь на все вопросы - точный ответ; всё знает: сколько на фронте штыков, сколько снарядов, сколько в запасе орудий и ружей, продовольствия и одежды; всё рассчитано, предусмотрено... Будешь, батюшка, весел, поговоривши с таким человеком!

Потом мы узнали, что в этот день великий князь перешел с Алексеевым на "ты". Это была высшая великокняжеская награда талантливейшему военачальнику. За всю войну никто другой не удостоился такой награды.

Генерал Алексеев принял фронт в невероятно трудный момент. Никакой талант, даже гений военачальника, не смог бы сделать безоружную армию победоносной. История скажет, каким крестным путем шла, с какими сверхчеловеческими трудностями боролась летом 1915 г. наша армия. Объезжая фронт, я в июне этого года слышал от одного начальника дивизии. "Солдат у меня достаточно, но оружия мало, а снарядов совсем нет... Вооружу солдат дубьем, будем отбиваться". И было тогда обычным явлением, что наши войска дубьем и камнями отбивались от вооруженного с ног до головы неприятеля; ходили с этим "снаряжением" в атаки, иногда наступали и даже кой-какие победы одерживали. Чего стоили эти победы, - одному Богу известно.

Но... так всегда бывало. В мире Божьем человеческие грехи всегда влекли за собой большие потоки человеческой крови.

Несомненно, что талант Алексеева помог в это время Северо-западному фронту, несмотря на всю остроту, {258} на всю тяжесть положения, не потерпеть ни одного поражения, подобного тем, какие этот фронт нес раньше.

В 1915 году в Ставке часто приходилось слышать, что летнее (1915 г.) отступление генерала Алексеева займет одну из блестящих страниц русской военной истории.

{261}

XIV

Виновные. Поездка к епископу Гермогену

Когда под сильным натиском неприятеля в мае 1915 г. на Юго-западном фронте началось отступление наших армий, начальник штаба этого фронта генерал Драгомиров прислал генералу Янушкевичу письмо, в котором решительно заявлял, что дело наше бесповоротно проиграно, что решена участь не только Перемышля и Львова, но и Киева, и что для спасения армии необходимо быстро, не задерживаясь, отводить войска за Днепр (Смоленск-Чернигов), а, может быть, и за Волгу.

- Прочитайте-ка! - сказал мне генерал Янушкевич, передавая письмо генерала Драгомирова. - С ума сошел!

Когда на фронте успех, тогда всё сходит гладко: забываются и ошибки одних, и бездарные решения других, и преступления караются легче. При успехах ищут не столько виновных, сколько достойных. Совсем иное бывает при неудачах: тогда "всякое лыко в строку", тогда отыскивают "козлов отпущения", чтобы на них отыграться.

Так и теперь. И в Ставке, и на фронте усиленно заговорили о "виноватых". В Ставке, прежде всего, обвинили генерала В. М. Драгомирова. По его адресу раздалось сразу несколько обвинений. Во-первых: пока начальником штаба Юго-западного фронта был генерал Алексеев, - всё было хорошо; заменил его Драгомиров, - сразу дела пошли хуже. В этом обвинении, однако, не было еще ничего конкретного, ибо дела могли пойти хуже не от перемены начальника штаба, а от совершенно изменившейся боевой обстановки. Дальнейшие обвинения были конкретнее. Итак, во-вторых, ген. Драгомирову вменялось в вину его паническое настроение, {262} обнаруженное им в письме к ген. Янушкевичу. В-третьих, его обвинили в том, что он в столь серьезный момент начал сводить личные счета с Командующим III армией генералом Радко-Дмитриевым, не дал тому в нужное время подкреплений, вследствие чего армия Радко-Дмитриева понесла большие потери и вынуждена была начать отступление, оказавшее роковое влияние на положение соседних с нею армий.

Последние два обвинения в отношении военного человека носили грозный характер. Но в данном случае их острота сглаживалась установившимся в Ставке, под влиянием разных слухов и сообщений, убеждением, что генерал Драгомиров страдает острым нервным расстройством. Попросту говоря, его действия объясняли невменяемостью.

Главкомандующий фронтом, генерал Иванов, однако, оставался при прежнем мнении о генерале Драгомирове, как об идеальном начальнике штаба. Но, как ни защищал генерал Иванов своего любимого начальника штаба, всё же ген. Драгомиров был смещен, а на его место был назначен генерал Савич, командир Сибирского корпуса. Генералу Драгомирову дали корпус, - кажется, 8-ой. Назначение Савича не удовлетворило никого и, прежде всего, самого Главкомандующего, которому навязали совсем не желанного помощника.

Назначение генерала Драгомирова всех удивило. В первом случае, отдавая должное уважение блестящему наружному виду, твердости характера и непреклонной воле генерала Савича, считали его, однако, и недостаточно подготовленным, и не столь талантливым, как это требовалось в настоящий момент от начальника Штаба Юго-западного фронта. Во втором случае недоумевали: если генерал Драгомиров, как нервнобольной, признан негодным для должности начальника Штаба, как же признают его способным для командования корпусом? Что касается объектов этой проделанной Ставкой операции, то Савич был польщен новым назначением, а {263} ген. Драгомиров был кровно обижен: его предшественника генерала Алексеева ведь возвысили сразу в Главкомандующие фронта. Всё же нарыв был вскрыт сравнительно безболезненно.

Гораздо непримиримее Ставка оказалась в отношении военного министра, генерала В. А. Сухомлинова. Тут даже многим в своей карьере обязанный ему генерал Янушкевич восстал на него.

После назначения на должность протопресвитера, я очень часто встречался с генералом Сухомлиновым на разных празднествах и высочайших парадах и нередко бывал у него со служебными докладами. Как я уже говорил, более приятного начальника-сослуживца, как генерал Сухомлинов, мне не хотелось и желать. Умный, простой, сердечный и отзывчивый, Сухомлинов ни в чем не стеснял моей инициативы и охотно шел навстречу всякому моему доброму начинанию. Я не помню случая, когда бы я ушел с доклада не удовлетворенным в своих желаниях и просьбах. В пору назначения меня на должность протопресвитера он был одним из самых близких к Государю, наиболее влиявших на него министров. Скандальный развод Е. А. Бутович и женитьба на ней Сухомлинова сильно скомпрометировали последнего в обществе. Незадолго же до войны об нем начали ходить совсем дурные слухи.

23 апреля 1914 года, при посещении мною Ташкента, Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками округа, генерал А. В. Самсонов, сидя со мною в своем кабинете, рассказывал мне, что у него имеются несомненные данные, свидетельствующие о преступных сношениях генерала Сухомлинова с австрийской фирмой Альтшуллера, помещавшейся в г. Петрограде, на Морской ул., и вообще об его нечистоплотности в денежных делах. Должен сказать, что в то время генерал Самсонов остро переживал чувство обиды, нанесенной ему Сухомлиновым, устранившим его кандидатуру на пост Варшавского генерал-губернатора. Как рассказывал мне генерал Самсонов, его кандидатура {264} была почти принята Государем. Сухомлинов же выставил против нее то возражение, что будто бы Самсонов не знает французского языка. Государь был убежден таким доводом и на должность Варшавского генерал-губернатора назначил генерала Я. Г. Жилинского, креатуру Сухомлинова. Всё это произошло в апреле 1914 г. Самсонов с возмущением рассказывал мне об этой искусно проведенной интриге, тем более для него оскорбительной, что он владел французским языком.

Но всё же меня чрезвычайно удивила тогда его смелость, с которой он, мало зная меня и совсем не зная моих отношений к генералу Сухомлинову, столь категорично и жестоко поносил своего и моего начальника. Выслушав Самсонова, я доброжелательно заметил ему:

- Надеюсь, Александр Васильевич, - вы не многим доверяете это.

- Да, - ответил он, - но у меня достаточно данных, чтобы я мог смело говорить об этом.

Если меня удивила смелость, с которой ген. Самсонов обвинял ген. Сухомлинова, то самые обвинения для меня не были новы, ибо слухи о связях Сухомлинова с Альтшуллером и о нечистых денежных делах ходили и в Петербурге.

Прошло после того почти 7 лет. Генерала Самсонова уже давно нет в живых, Сухомлинов побывал в тюрьме, а потом оказался на свободе, но мне хочется думать, что страшные против Сухомлинова обвинения, которым верил благородный и честный генерал Самсонов, и которые на все лады варьировались русским обществом, не имели под собой твердой почвы. Трудно мне представить, чтобы генерал-адъютант Государя, сверх меры облагодетельствованный последним, тот Сухомлинов, которого я знал по служебным делам и по частным беседам, мог опуститься до роли взяточника, изменника, предателя.

Слухи о преступных делах Сухомлинова носились и в Ставке. Но тут, как мне казалось, сначала считались {265} не с ними, а с фактом нашей неподготовленности к войне, в которой всецело обвиняли Сухомлинова. При удачах на фронте эти обвинения стихали, при неудачах они оживали.

Нашумевшее в феврале и марте 1915 года мясоедовское дело подняло новую бурю против генерала Сухомлинова, к семье которого случайно был близок Мясоедов. Теперь всюду заговорили об измене.

Когда в мае 1915 г. началось Галицийское отступление, и весь наш фронт начал переживать ужасающую пору отчаянной беспомощности, вследствие отсутствия и вооружения, и снарядов, отношения между Ставкой и военным министром обострились до последней степени. Великий князь открыто и всегда резко осуждал деятельность военного министра; начальник Штаба слал резкие письма и телеграммы своему бывшему начальнику. При приездах генерала Сухомлинова в Ставку его принимали сухо, небрежно.

Сухомлинов, конечно, не оставался в долгу. Ставка в Барановичах работала против него; он в Петербурге работал против Ставки, т. е. против великого князя. Сотрудников ему было не занимать стать, ибо во врагах великого князя недостатка не было. К ним принадлежали забракованные на фронте генералы, во главе с бывшим Главнокомандующим Северо-западного фронта генералом Жилинским, потом генерал Воейков, потом Распутин, наконец, вся клика, окружавшая молодую Императрицу. В одних случаях эта коалиция старалась использовать неудачи на фронте, в других - всё возраставшую и в армии, и в народе популярность великого князя. Соответственно этому, великого князя обвиняли то в бездарности и неспособности к командованию, то в честолюбивых замыслах, грозных для царской семьи. В придворных кругах в это время многозначительно говорили о ходившем по рукам портрете великого князя с подписью: "Николай III".

Но, пожалуй, более всего доставалось начальнику {266} Штаба ген. Янушкевичу. Обвинения против него шли, главным образом, с фронта.

Что генерал Янушкевич принял должность начальника штаба не по своему хотению, об этом знали весьма и весьма многие. Для массы же, для всех было ясно одно, что на самом ответственном месте в армии стоит человек сравнительно молодой по службе и совершенно неподготовленный для соединенного с этим местом дела. Как занявший не "свое" место, генерал Янушкевич сразу впал в немилость всей армии. Одни завидовали ему; других возмущало незаслуженное им возвышение; третьи честно учитывали все последствия работы неопытного и неподготовленного начальника Штаба, страшились за будущее, за исход войны. Хозяйничанье в оперативной работе Ставки генерала Данилова, который не пользовался репутацией талантливого офицера Генерального Штаба, но слыл за человека надменного, самоуверенного и упрямого, не уменьшало, а скорее увеличивало общее озлобление против начальника Штаба, не сумевшего ни выбрать соответствующего генерал-квартирмейстера, ни поставить избранного на должное место.

Недовольство генералом Янушкевичем началось в армии сразу же и затем, по мере наших неудач, всё возрастало. В последних если и винули когда-либо великого князя, то только отдельные лица; масса же возмущалась "бездарным" Штабом. Сначала шел общий гул. Когда, бывало, на фронт ни приедешь, непременно услышишь два-три "милых" слова по адресу Штаба Ставки, выраженных то деликатно, а то и резко. Я не думаю, чтобы отголоски общего недовольства не долетали до слуха генерала Янушкевича, но до мая 1915 года я как будто не слышал от него жалоб на тяжесть его положения и на какие-либо нападки на него. С мая 1915 года, когда начала разворачиваться наша Галицийская катастрофа, генерал Янушкевич стал мишенью для ударов со всех сторон. На фронте его открыто ругали {267} и младшие и старшие. В Ставке его засыпали письмами с фронта, в которых он выставлялся главным виновником всех несчастий, переживаемых русской армией. И слухи, прилетавшие с фронта, и письма, приходявшие оттуда, попадали в цель. Честный генерал Янушкевич близко принимал их к сердцу и глубоко страдал, сознавая, что в тех и других была известная доля правды. Теперь буквально всякий раз, как только мы с ним оставались наедине, генерал Янушкевич начинал жаловаться мне, что он изнемогает под тяжестью всё растущей злобы против него, всё усиливающихся нападков и обвинений. Это особенно участилось в конце июля, когда великий князь, в виду приезда в Ставку великой княгини Анастасии Николаевны, завтракал у себя в вагоне, и мы с генералом Янушкевичем вдвоем сидели за столиком. Однажды он дал мне письмо, сказав:

- Прочтите! Это одно из многих "любезных" писем, которыми теперь с фронта угощают меня.

Письмо было написано складно, дельно, зло и ядовито. Не могло быть сомнения, что его писал не мальчик, не очередной ругатель и не профан, а серьезный, умный и опытный мастер военного дела. В письме генерал Янушкевич назывался невеждой в военном деле, предателем, изменником, виновником всех настоящих бед и несчастий, ведущих Россию к гибели. Автор письма грозил генералу Янушкевичу тяжкой ответственностью не только перед отдаленной историей, но и перед ближайшей действительностью, - перед законным

судом, которого потребует армия. По-видимому, письмо произвело огромное впечатление на Янушкевича. Он тяжело страдал. Признаюсь, что мне было глубоко жаль его. Но чем я мог помочь ему? Жалуясь мне на тяжесть своих переживаний, генерал Янушкевич, может быть, ждал от меня определенного совета, толчка или давления на него. А у меня нехватало ни смелости, ни нравственного права сказать ему то, что мне казалось правдой. Ну, как я мог сказать ему прямо:

{268} - Николай Николаевич, уходите скорее от дела, с которым вы не можете справиться и через это приносите, сами того не желая, много вреда!

А вдруг я сам ошибаюсь, думая так? Всё же тут я не специалист и могу говорить больше с чужого голоса, чем на основании личного серьезного знания и убеждения. Поэтому при беседах наших я больше отмалчивался. Точно угадывая мои мысли, генерал Янушкевич, в ответ на мое молчание, несколько раз повторял:

- Я же не держусь за место. Я несколько раз просил великого князя отпустить меня; что я поделаю когда он меня не отпускает?

Но однажды я всё-таки сказал ему:

- Вы бы, Николай Николаевич, еще раз попросили великого князя.

Побывав на фронте в конце июня, или в начале июля 1915 г., я наслушался жалоб на начальника Штаба. Забыв и осторожность, и дисциплину, ни с чем не считаясь, его открыто ругали самые солидные генералы. Штаб Ставки для фронта был одиозен. Вернувшись в Ставку, я решил по поводу слышанного мною переговорить с генералом Крупенским. К совету мы привлекли еще генерала Петрово-Соловово. Я рассказал им, чего наслушался на фронте, причем высказался за то, что необходимо обо всем довести до сведения великого князя. Сообщение мое не оказалось новостью ни для Крупенского, ни для Петрово-Соловово. Генерал Данилов вообще никогда не пользовался любовью ни в Штабе Ставки, ни в свите великого князя; в последнее же время и к генералу Янушкевичу отношение великокняжеской свиты стало явно недоброжелательным: она в данном случае мыслила и чувствовала под впечатлением слухов, шедших с фронта. Генерал Крупенский согласился доложить великому князю об отношении фронта к начальнику и генерал-квартирмейстеру его штаба. На другой день Крупенский сказал мне, что им всё доложено {269} великому князю во время вечерней прогулки на автомобиле. Великий князь спокойно выслушал сообщение и ответил Крупенскому, что всё это ему известно, но он не считает себя в праве увольнять лиц, избранных и назначенных непосредственно самим Государем.

В половине июня 1915 года, во время знаменитой "смены министров", перед заседанием под председательством самого Государя, ко мне в вагон вошел тогдашний министр земледелия статс-секретарь А. В. Кривошеин и просил меня по совести ориентировать его в положении дел в Ставке. При этом особенно интересовал его вопрос, насколько отвечают своему назначению генералы Янушкевич и Данилов. Значит, вопрос о смене их обоих волновал теперь и министерскую среду. С Кривошеиным меня связывали самые добрые отношения и, конечно, я не смог скрыть от него, как к тому и другому относятся в Штабе и на фронте.

В конце июля или в самом начале августа мы возвращались с поездки в штаб Северо-западного фронта. Когда поезд прибыл на ст. Барановичи и отсюда должен был через несколько минут направиться в свой тупик, генерал Янушкевич обратился ко мне: "Пойдем с вами пешком до тупика". Мы пошли. Дорогою он всё время изливал мне свою скорбь по поводу непрекращающихся нападков на него. Меня так и тянуло сказать: "Николай Николаевич, отойдите от зла, сотворите благо! Уходите скорее! Не под силу вам ваше дело"... Не смог... духу не хватило. Вернувшись в свой вагон, я передал доброму и честному человеку, доктору Б. З. Маламе, свой разговор с Янушкевичем.

- Что мне делать? Посоветуйте! - сказал я ему. - Совесть говорит, что я должен просить его, чтобы он поскорее ушел. Разум же подсказывает, что кроме слухов и чужих мнений, у меня, как не специалиста в военном деле, нет серьезных данных к решению вопроса:

оставаться у дела или уходить Янушкевичу. Вопрос этот {270} должен быть решен не мною, а другими совершенно компетентными людьми и ими он должен быть выражен.

- Вот, что! - сказал доктор. - Если Янушкевич еще раз заведет речь о себе, скажите ему; пусть он поедет к "Алеше", - так доктор называл генерала Алексева, - расскажет ему всё и потребует от него честного ответа на вопрос: должен он или не должен дальше оставаться начальником Штаба Верховного. Чтобы не возбудить такой поездкой подозрения у великого князя, я помогу генералу Янушкевичу, объяснив, например, великому князю, что Янушкевичу необходимо побывать в Седлеце, чтобы подлечить зубы. Там, действительно, есть прекрасный зубной врач.

Совет доктора мне понравился, но использовать его не пришлось, так как через несколько дней Ставка переехала в Могилев, а на другой день после переезда Ставки стало известно об увольнении и великого князя и Янушкевича с Даниловым.

Вскоре после своего вступления в должность Верховного, в конце августа или в начале сентября 1915 г., Государь однажды сказал генералу Петрово-Соловово:

- Вы, Петрово-Соловово, были близки к великому князю. Скажите, почему он не хотел расстаться ни с генералом Янушкевичем, ни с генералом Даниловым?

Петрово-Соловово ответил:

- Великий князь несколько раз говорил, что он не может сменить лиц, избранных лично вашим величеством.

- Что за глупости! - воскликнул Государь, - Летом (не в июне ли?) я сам предлагал великому князю заменить их другими. Он отказался.

Получился заколдованный круг: великий князь не хотел сменять Янушкевича и Данилова, ибо они избраны самим Государем; Государь не сменил их, ибо великий князь не желал смены. В чем же дело? Я объясняю это таким образом. Великий князь быстро привязывался к людям, {271} около него стоящим; привязался он и к генералу Янушкевичу, и Данилову и, убаюканный такой привязанностью, упорно закрывал глаза на все невыгоды и опасности, вытекавшие из пребывания их во главе Штаба Ставки.

Если в постигших нас неудачах фронт обвинял Ставку и военного министра, Ставка - военного министра и фронт, военный министр валил всё на великого князя, то все эти обвинители, бывшие одновременно и обвиняемыми, указывали еще одного виновного, в осуждении которого они проявляли завидное единодушие: таким "виноватым" были евреи.

С первых же дней войны на фронте начали усиленно говорить об евреях, что евреи-солдаты трусы и дезертиры, евреи-жители - шпионы и предатели. Рассказывалось множество примеров, как евреи-солдаты перебежали к неприятелю, или удирали с фронта; как мирные жители-евреи сигнализировали неприятелю, при наступлениях противника выдавали задержавшихся солдат, офицеров и пр. и пр. Чем дальше шло время и чем более ухудшались наши дела, тем более усиливались ненависть и озлобление против евреев. В Галиции ненависть к евреям подогревалась еще теми притеснениями, какие терпело в период австрийского владычества местное русское население от евреев-панов. Там с евреями особенно не церемонились. С виновными расправлялись сами войска, быстро, но несомненно, далеко не всегда справедливо.

Вместе с тем, с фронта слухи шли в тыл, расползались по городам и селам, нарастая, варьируясь и в общем создавая настроение, уже опасное для всего русского еврейства. В армии некоторые очень крупные военачальники начали поговаривать, что, в виду массовых предательств со стороны евреев, следовало бы всех евреев лишить права русского гражданства. А внутри страны, особенно в прифронтной полосе запахло погромами.

{272} Я не стану заниматься вопросом, насколько справедливо было распространенное тогда обвинение евреев. Вопрос этот слишком широк и сложен, чтобы можно было бегло разрешить его. Не могу, однако, не сказать, что в поводах к обвинению евреев в то время не было недостатка. Нельзя отрицать того, что и среди евреев попадались честные, храбрые, самоотверженные солдаты, но эти храбрецы скорее составляли исключение. Вообще же евреи по природе многими считаются трусливыми и для строя непригодными. В мирное

время их терпели на разных нестроевых должностях; в военное время такая привилегия стала очень завидной и непозволительной, и евреи наполнили строевые ряды армии. Конечно, тут они не могли стать иными, чем они были. При наступлениях они часто бывали позади, при отступлениях оказывались впереди. Паника в боевых частях не раз была обязана им. Трусость же для воина - позорнейшее качество. Отрицать не редкие случаи шпионства, перебежек к неприятелю и т. п., со стороны евреев тоже не приходится: не могли они быть такими верноподданными, как русские, а обман, шпионство и прочие подобные "добродетели" были, к сожалению, в натуре многих из них. Не могла не казаться подозрительной и поразительная осведомленность евреев о ходе дел на фронте. "Пантофельная почта" действовала иногда быстрее и точнее всяких штабных телефонов и прямых проводов, всяких штабов и контрразведок. В еврейском местечке Барановичах, рядом со Ставкой, события на фронте подчас становились известными раньше, чем узнавал о них сам Верховный со своим начальником Штаба. Вот целый ряд этих и других явлений и наблюдений и создавал ту тяжелую атмосферу, которая начинала угрожать еврейству.

В это время, - насколько помню, - в июне 1915 года, в Барановичи приехал главный московский раввин доктор Мазе. Его задачей было убедить меня {273} повлиять на Верховного, чтобы он своим огромным авторитетом спас евреев от надвигающейся на них опасности.

В условленный час мы сошлись в моей канцелярии. Беседа наша длилась около трех часов. Д-р Мазе пытался убедить меня, что все нападки на евреев преувеличены, что евреи, - как и все другие: есть среди них очень достойные, мужественные и храбрые, есть и трусы; есть верные Родине, бывают и негодяи, изменники. Но исключение не может характеризовать общего. Всё еврейство - верно России, желает ей только добра. Огульное обвинение еврейства является, потому, вопиющей несправедливостью, тем более предосудительной и даже преступной, что оно может повести к тяжелым кровавым последствиям. В доказательство своей защиты евреев, он ссылаясь на ряд исторических примеров, на отзывы генерала Куропаткина о героически исполнявших свой долг в Русско-японскую войну евреях и пр.

Д-р Мазе просил меня употребить всё свое влияние, чтобы предупредить пролитие невинной еврейской крови.

Как ни тяжело было мне, но я должен был рассказать ему всё известное мне о поведении евреев во время этой войны. Он, однако, продолжал доказывать, что все обвинения евреев построены либо на сплетнях, либо на застарелой вражде известных лиц к евреям. Помнится, он, между прочим, привел такой аргумент:

- Поймите, победа немцев евреям невыгодна, ибо при владычестве немцев, более чем русские, ловких в торговле, евреям труднее было бы жить, чем при владычестве русских.

Друг друга мы не убедили, но расстались мы всё же приветливо.

(см. дополнительный материал на тему, стр. ldn-knigi.narod.ru)

Тем же летом 1915 года я, по поручению великого князя, выполнял одну интересную миссию.

Тогда в Жировицком монастыре, в семи верстах от г. Слонима, в 57 верстах от Барановичей, проживал уже {274} известный нам б. Саратовский епископ Гермоген, сосланный туда по интригам Распутина.

Положение опальных епископов, заточенных в монастыри, всегда было тяжким. Епархиальные епископы сплошь и рядом не щадили самолюбия попавших в опалу своих собратий. Но тяжелее всего был гнет настоятелей монастырей, часто полуграмотных архимандритов, которые мелочно и грубо проявляли свою власть и права, не щадя архиерейского сана заключенных.

В данном случае положение епископа Гермогена осложнялось тем, что он был заточен в монастырь по высочайшему повелению. Местные епархиальные власти (Гродненской епархии) точно старались показать, что они строги к тому, кого не жалуется царь. Епископу Гермогену жилось в монастыре худо. И Гродненский архиепископ Михаил, и

невежественный архимандрит-настоятель монастыря, и даже весьма благостный и кроткий викарий, епископ Владимир, каждый по-своему прижимали несчастного узника.

Каким-то образом великий князь узнал о чинимых епископу Гермогену притеснениях. Он немедленно пригласил меня к себе.

- Вот что! - сказал он. - Епископу Гермогену тяжело живется в монастыре. Его там притесняет всякий, кто хочет. И все думают, что они делают дело, угодное Государю. Пожалуйста, навестите и обласкайте его! Это его очень утешит. Я вам дам автомобиль и вы быстро съездите. Можете вы исполнить эту мою просьбу?

- Конечно, - ответил я.

На другой день я выехал с одним из адъютантов великого князя. Сильный, только что полученный из Америки автомобиль быстро, по чудному Белостокскому шоссе, примчал нас в Слоним, а оттуда в монастырь.

Нас провели прямо в келью епископа Гермогена. Довольно просторная комната была в хаотическом {275} беспорядке: столы завалены книгами, бумагами, лекарствами (епископ разными травами лечил крестьян), кусками хлеба и всякой всячиной. Сам епископ встретил нас на пороге кельи. Когда я передал ему приветствие от великого князя, он так обратился ко мне: "Если бы ангел слетел с неба, он не принес бы мне большей радости, чем ваш приезд!" Но затем он засыпал меня жалобами: все его притесняют, а особенно настоятель монастыря. Он не разрешает ему часто служить, а когда и разрешит, не оказывает должных почестей его сану: для сослужения не дает больше одного иеромонаха, при выходе из храма, по окончании службы, не провожает его трезвоном и т. п. Жаловался епископ также на скудную пищу, на невнимательность к его просьбам и пр. "Если бы не соседние помещики, доставляющие мне всё необходимое, - я умер бы с голоду", - закончил он свои жалобы на архимандрита.

Епископ Владимир по-своему притеснял его. В г. Слониме в великолепных казармах 116 пехотного - Шуйского полка помещалось 7 госпиталей. Начальство этих госпиталей со священниками обратилось к епископу Гермогену с просьбой совершить Богослужение в их прекрасной церкви, но епископ Владимир не разрешил ему выехать из монастыря.

Утешив епископа, я посетил архимандрита, которому, не стесняясь, заявил, что о тягостном положении епископа Гермогена известно великому князю, и что применяемые в отношении епископа грубые меры несомненно осудит и сам Государь.

Прощаясь с епископом Гермогеном, я просил его в следующее воскресенье совершить для госпиталей литургию в подчиненной мне церкви Шуйского полка, пообещав уведомить об этом епископа Владимира.

Великий князь с большим интересом выслушал мой доклад о посещении епископа Гермогена.

{276} - А сколько времени вы ехали до монастыря? - спросил он, когда я кончил доклад.

- Не более 40 минут, - ответил я.

- С какой же скоростью вы ехали? - опять спросил он.

- Да неровно, - ответил я, - по чудному Белостокскому шоссе наш автомобиль развивал скорость до ста верст в час.

- Больше не получите автомобиля, - сказал, нахмурившись, великий князь. - Не автомобиля, а вашей головы мне жаль.

Я уже говорил, что великий князь не допускал более быстрой езды, чем 25 верст в час.

Когда немецкое нашествие после взятия Варшавы стало угрожать и Жировицкому монастырю, великий князь предложил епископу Гермогену переправиться в Москву, для чего ему были даны 2 вагона.

Это внимание к опальному епископу возмутило молодую Императрицу (См. "Письма" Имп. Ал-дры Фед. Т. I, стр. 194.).

{279}

XV

Смена министров

10 или 11 июня 1915 года, перед самым завтраком, возвращаясь из своей канцелярии и проходя мимо вагона великого князя, я услышал стук в окно. Оглянувшись, я увидел, что великий князь рукой делает мне знак, чтобы я зашел к нему. Не успел я переступить порога вагона, как великий князь, быстро подошедши ко мне, воскликнул :

- Поздравьте с большой победой!.. Сухомлинов уволен!

Вместо поздравления, у меня как-то невольно вырвалось:

- Ваше высочество! А Саблер?..

- Пойдите, пойдите, будет и Саблер, - сказал великий князь.

Почти одновременно с увольнением Сухомлинова последовало увольнение министра юстиции И. Г. Щегловитова и министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Не подлежит никакому сомнению, что все три министра падали под натиском на Государя со стороны великого князя и при большом содействии князя В. Н. Орлова.

Кроме того, что великий князь невысоко расценивал каждого из этих министров, как государственных деятелей, ему в данную пору казалось чрезвычайно опасным, что все они были в постоянной ссоре с Государственной Думой и, если пользовались где престижем, то только в крайних правых кругах. Милостивое отношение к ним молодой Императрицы являлось новым минусом в глазах великого князя. А упорно ходившие слухи, - может {280} быть, и неверные, - о близости к ним, особенно к двум последним, Распутин - переполнили чашу терпения (Письма Имп. Александры Федоровны показывают, что слухи эти в отношении И. Г. Щегловитова были ложны.).

Великий князь вообще был сторонником самого внимательного отношения к общественному мнению, которое лучше, чем кто-либо другой, может выражать народные запросы и уяснять действительные народные нужды. Великий князь отнюдь не принадлежал к той, - к сожалению, очень многочисленной у нас, категории людей, которые мыслили: так было, следовательно, так и должно быть. Он не боялся даже самых либеральных новшеств и реформ, если только был уверен, что они могут послужить к благу и к счастью родного народа. Глубокая и какая-то восторженная любовь к России делали его таким, а не иным.

В данную пору великий князь в особенности считал, что необходимо, с одной стороны, так или иначе успокоить общественное мнение, взволнованное нашими неудачами; с другой стороны, - обновить и оздоровить аппарат государственной власти, обязанной теперь действовать осторожнее и мудрее, чем когда бы то ни было.

Сухомлинова мне было жаль, как человека, от которого я кроме хорошего ничего не видел. Но я понимал, что дальнейшее его пребывание у власти стало невозможным: прошлое - наша неподготовленность к войне - было против него; настоящее - организация производства необходимых боевых материалов, не удавалось ему. Общественное мнение, под влиянием чего бы оно ни слагалось, всё более и более складывалось не в его пользу. Он должен был уйти: и для общественного блага, и для общей пользы.

Щегловитова и Маклакова я знал больше по слухам. По указанным выше причинам Ставка к ним не благоволила, и увольнение их восторженно приветствовалось. Для меня лично яснее всего была необходимость {281} изменения той церковной "политики", которую вел тогдашний всесильный своим влиянием на Императрицу Александру Федоровну обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер. Я думаю, что В. К. Саблер решительно из всех, и до него и после него бывших обер-прокуроров Синода, представляет для историка самый интересный тип.

Саблер не обладал ни умом Победоносцева, ни непреклонной волей князя Голицына, ни властью Протасова, прежних обер-прокуроров. Он пробыл обер-прокурором всего четыре года и, однако, он, как ни один из его предшественников и преемников, оказал решительное влияние на склад и характер всей церковной жизни предшествовавшего революции времени. В. К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев, за что последние, - по крылатому выражению влиятельнейшего среди них, Антония Храповицкого, - "борова поставили бы во епископы", если бы это потребовалось

для удовольствия Владимира Карловича. Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приемная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игуменьями, архимандритами и протоиереями. Они принимались в первую очередь. Игумены, архимандриты и протоиереи приветствовались троекратным лобзанием. Наблюдатель, правда, мог при этом заметить, что лобзание происходило на таком расстоянии, что даже кончики усов Владимира Карловича не касались лика отцов. Но... звуки поцелуев всё же раздавались. К игуменьям, игуменам и архимандритам Владимир Карлович обращался не иначе, как "мать честная", "отче святой" и т. п. Посещая монастыри, Владимир Карлович выстаивал шестичасовые монастырские службы, во время которых усердно ставил свечи, отбивал поклоны, вообще являл пример самого истового благочестия. Речь В. К., с кем бы он ни разговаривал, была пересыпана священными изречениями и словами, - даже от нее пахло {282} елеем и ладаном. Ревность к делу у В. К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день и всё время - с утра за полночь: очень часто он принимал посетителей после 12 ч. ночи. Он всё время был в суете и работе и всё время, казалось, дышал церковностью. Какого же еще можно было желать обер-прокурора? Императрица и царский духовник, протоиерей А. П. Васильев, так и считали, что лучшего обер-прокурора Св. Синода, чем В. К. Саблер, и не может быть.

Влияние В. К. Саблера на русскую церковную жизнь началось гораздо раньше, чем он стал обер-прокурором. Ведь он большую часть своей многолетней службы провел в Синоде, сначала в должности управляющего канцелярией Св. Синода, а затем товарища обер-прокурора, всемогущего К. П. Победоносцева. Последний совершенно доверился своему товарищу, и в направлении множества синодальных дел В. К. в течение многих лет был полновластным хозяином. Чем же ознаменовалось хозяйничанье Владимира Карловича?

Когда историк начнет изучать по синодальному архиву, если только он уцелел, жизнь русской церкви перед революцией, он будет поражен безмерным количеством наградных дел. Награды сыпались как из рога изобилия.

Архиереи, архимандриты, игумены, священники были засыпаны всевозможными наградами. Викарии награждались такими орденами, каких раньше с трудом удостаивались архиепископы. Сорокалетние архиереи возводились в архиепископы, награждались крестами на клобуки, - наградой, которой раньше сподоблялись лишь престарелые архиепископы. Митра для белого духовенства стала почти обычной наградой и т. д., и т. д.

Интересен самый процесс награждения. При В. К. чрезвычайно разрослась категория спешных дел, "в первую очередь". Историк поразится, когда увидит, что в эту пору самыми спешными делами были наградные: "о награждении такого-то архимандрита орденом {283} Св. Анны 2 ст.", "такой-то игуменьи наперсным крестом" и т. п. Чиновники Св. Синода рассказали бы множество случаев, какая часто спешка, суматоха поднималась, как останавливали все другие дела, чтобы немедленно двинуть дело о награждении какого-либо иеромонаха наперсным крестом, архимандрита орденом и т. д. Историк должен будет отметить тот факт, что в эпоху В. К. Саблера Св. Синод главным образом занимался наградными и бракоразводными делами.

Множество наградных дел и спешность, с которой они велись, должны были бы свидетельствовать о какой-то особенной, шедшей в церкви работе, о беспримерном обилии выдающихся архипастырей и пастырей, об особом расцвете церковной жизни и, в особенности, двух ее сторон: архиерейской и монашеской, ибо награды главным образом падали на долю отрекшихся от мира иноков.

Конечно, ничего подобного не было. Если можно говорить о каком-либо обязанном мощному содействию и покровительству В. К. расцвете, то только о болезненном расцвете так называемого "ученого" монашества, в руках которого и раньше была иерархическая власть русской церкви, а теперь оказалось и духовно-учебное дело. В "царствование" В. К. развилась какая-то эпидемия пострижения студентов духовных академий, пострижения без счета, выбору и разбору, своего рода скачек к архиерейскому омофору. Это безнравственное и уродливое явление в последнее время привело к измельчанию архиерейства, омирщению

монашества, развалу руководимых монахами духовных учебных заведений.

Если же касаться всей вообще церковной работы этого периода, то надо сказать, что отсталость, безжизненность и малопродуктивность были отличительными ее признаками, особенно заметными при сравнении с последней порой огромного роста и развития других сторон русской жизни.

{284} При некоторых своих несомненных хороших качествах ума и сердца, В. К. как будто не понимал, что если всякая работа вообще, то церковная в особенности должна быть строго продумана и всегда серьезна. Он принадлежал к числу людей, для которых интересна сервировка стола, а не яства, что на столе; которых новая лампадка в иконостасе или киот больше радует, чем новая, свежая и сильная богословская мысль; которых пропуск нескольких стихир или псалмов за всенощной в духовной семинарии беспокоит больше, чем безобразная постановка в этой семинарии богословской науки, чем грозящая гибелью распушенность этой школы.

Из В. К. Саблера, может быть, вышел бы хороший художник, поэт, еще лучший анекдотист-рассказчик, наверное - отличный старообрядческий начетчик, а судьба поставила его у кормила церкви в самую серьезную пору жизни русского народа, когда начавший чрезвычайно быстро развиваться народный организм требовал особенного ухода и попечения со стороны своей матери-церкви.

В. К., насколько я понял его, не обладал необходимыми для крупного государственного деятеля качествами: глубиной, серьезностью и прозорливостью. Он на всё смотрел как-то легко и просто: пусть будет книга самая пустая, но лишь бы в красивой обертке; пусть совсем загниет жизнь в монастыре, но лишь бы там красиво служили; пусть "святой" отец будет с пустыми головой и сердцем, но лишь бы вид его был "ипостасен": важен на вид, сановит - в церковном смысле, непременно при длинной бороде и таких же волосах; будь что будет с галицийскими униатами, но лишь бы присоединить их, а главное: "получить два-три домика около Св. Юра" и т. п. Это был какой-то не то шутник, не то - искатель приключений на высоком посту обер-прокурора Св. Синода.

Характерна еще одна особенность В. К. Саблера.

{285} Казалось, где найти большего благодетеля для архиереев и всего духовного чина, чем Саблер? Когда только и как только ни целовал он владык и "честных отцов"! И, несмотря на это, даже во времена деспотично-властного Протасова и отдельные владыки на своих кафедрах, и все чины Св. Синода за синодальным столом были более независимы и безопасны, чем в "царствование" Саблера. Никогда - ни раньше, ни позже - не было столько архиерейских перемещений и, кажется, даже увольнений на покой, как при нем.

Время пребывания Саблера у власти ознаменовалось: а) страшным упадком во всех отношениях, кроме количественного, так называемого "ученого" монашества, широко открывавшего двери для всяких искателей приключений; б) понижением умственного и нравственного уровня в архиерействе; в) расстройством и упадком духовно-учебных заведений, в особенности духовных семинарий и академий;

г) омирщением монастырей; д) огромным понижением образовательного, при огромном повышении общего образования в России, - уровня в среде сельского белого духовенства - развитием "фельдшеризма" в пастырстве вместо "докторства"; е) общей отсталостью церковной жизни и работы; ж) совершенным неиспользованием огромных монастырских и других церковных богатств, всё время остававшихся под спудом, пока ни разграбили их большевики.

Сторонники Саблера укажут на его добрые дела, наиболее видное из которых - учреждение издательства при Св. Синоде. Я совсем не хочу отрицать ни некоторых добрых качеств, ни добрых дел Саблера, но считаю, что положительное, сделанное им для церкви, было столь мелко и ничтожно в сравнении с тем, что можно и должно было сделать при наличии тех сил и средств, которыми тогда располагала церковь, что об этом положительном и говорить не стоит. Самое же {286} главное в том, что тон, взятый Саблером, самый характер его работы были разрушительны для церкви.

Учитывая всё это, я имел основание желать, чтобы скорее кончилось "благодетельное" правление его: пора ему и кончить, раз сделано им столько, что история уже не может забыть его. Вспоминался мне думский эпизод. В конце 1913 или в начале 1914 года присутствовал я на Думском заседании, когда там обсуждались церковные дела. Среди других ораторов выступил Пуришкевич с громовою, как всегда, речью. В разгаре речи он вдруг обратился к крайним левым.

- Вот, кому вы должны поставить памятник Владимиру Карловичу Саблеру!.. И при этом он указал рукой на сидевшего в министерских рядах В. К. Саблера.

- Он один сделал для вас больше, чем все вы.

Мне тогда было искренно жаль Саблера. Уж слишком жестоко было слово.

14 июня 1915 г. в воскресенье в Ставке под председательством Государя состоялось заседание Совета Министров. Сюда прибыли почти все министры с И. Л. Горемыкиным во главе. В числе прибывших были два новых министра: внутренних дел князь Н. Б. Щербатов и военный генерал А. А. Поливанов. Отсутствовал почему-то один только обер-прокурор Св. Синода Саблер. Вакансия министра юстиции после увольнения Щегловитова еще не была замещена. Совет Министров, под председательством Государя, должен был обсудить создавшееся после неудач на фронте положение.

Накануне заседания ко мне заходили министры: Кривошей и Поливанов. Первый более всего интересовался генералом Янушкевичем и Даниловым, их отношением к делу, отношением к ним армии и пр. Была у нас речь и о Саблере. Выслушав мое мнение, Кривошей сказал:

- Что касается моего мнения, то оно определено; уже то одно, что он Карлович, делает недопустимым {287} дальнейшее его пребывание в должности обер-прокурора Св. Синода.

С генералом Поливановым мы говорили о Сухомлинове.

- Я считаю Владимира Александровича (Сухомлинов.) очень хорошим человеком, - сказал между прочим Поливанов, - но он слабохарактерен и как-то легкомысленен. Вот он и стал жертвой слабохарактерности и оптимизма.

При прощании я благословил генерала Поливанова образом Архистр. Михаила.

- Всюду буду носить с собою этот образок, - сказал Поливанов, принимая благословение.

После обедни, за которою в храме был Государь, великий князь и некоторые из Министров, великий князь говорит мне:

- С вами хочет переговорить Горемыкин, - вы ориентируйте его.

Идучи к высочайшему завтраку, я встретил князя Орлова, который сообщил мне, что вчера вечером и сегодня утром он успел побывать у всех министров и переговорить с ними о Саблере; они все согласны, что нужен другой обер-прокурор.

Завтрак был собран в палатке около царского поезда и на этот раз был очень многолюдным: кроме Свиты Государя и старших чинов Штаба, к нему были приглашены все министры. Ждали прихода Государя. В это время подошел ко мне Горемыкин и, взяв меня под руку, приветливо сказал:

- Великий князь сказал мне, что вы можете ввести меня в курс дела. Я церковной жизни хорошо не знаю и потому не имею определенного взгляда на деятельность настоящего обер-прокурора. Скажите, пожалуйста, как вы смотрите на него.

Я ответил, что считаю В. К. Саблера очень добрым {288} и милым человеком, но, по совести, не могу согласиться с его тактикой и направлением всей его церковной деятельности. Я думаю, что в настоящее время нужна для Церкви совсем иная, более широкая и серьезная работа, чем та, которую ведет Саблер. Руководимая им церковь не крепнет, а слабеет.

Свои слова я иллюстрировал фактами, указав и на Галицийское воссоединение.

- По совести скажу: избавьте Церковь от такого обер-прокурора! закончил я свой ответ.

За завтраком я сидел между министрами: кн. Шаховским, министром торговли и промышленности, и Щербатовым. С последним мы часто разговаривали о текущих

событиях. Когда речь зашла о Распутине, а потом о Саблере, и я, должно быть, увлекся, кн. Щербатов шепнул мне: "Тише! Нас уши слушают". Невдалеке от нас сидел генерал Воейков. Я подумал, что князь Щербатов имеет его в виду. Оказывается, Щербатов имел в виду министра Шаховского. 13 июня 1915 г. Императрица писала Государю: "Наш друг (т. е. Распутин) обедал опять с Шаховским".

После завтрака, пока Государь около палатки разговаривал с приглашенными к столу, лакеи быстро убрали посуду с остатками завтрака, а столы покрыли сукном. Сейчас же началось заседание под председательством Государя. Кроме министров, в нем участвовали Верховный, начальник Штаба и, кажется, генерал квартирмейстер.

И великий князь, и некоторые из министров думали, что на этом же заседании разрешится вопрос о Саблере. Но он теперь не был затронут. Вечером же стало известно, что, после беседы Государя с великим князем и Горемыкиным, увольнение Саблера в принципе решено и намечен преемник - А. Д. Самарин, кандидатура которого была выдвинута великим князем и кн. Орловым. Вопрос теперь сводился к тому, согласится ли или не согласится Самарин принять должность обер-прокурора {289} Св. Синода.

Сообщив мне эту новость, кн. В. Н. Орлов добавил: "Должны мы были выехать от вас завтра или после завтра, но теперь задержимся недели две". "Почему?" - спросил я. "К madame (т. е. к Императрице Александре Феодоровне.) нельзя скоро на глаза показаться. Вы думаете, она простит отставку Саблера!"

Действительно, Государь пробыл в Ставке еще около двух недель, ничего не делая, и в Петроград вернулся лишь 27 или 28 июня. (хорошенько же Она Его наказала! ldn-knigi) В это пребывание в Ставке, кажется, 15 июня, Государь сообщил мне, что ее величество желает, чтобы в один из ближайших дней во всей России было устроено всенародное моление о победе, с крестными ходами. "Я думаю, - сказал Государь, - хорошо бы сделать это 29 июня, в день Св. ап. Петра и Павла". Я возразил: во-первых, Синод и епархиальные начальства не успеют сделать все нужные распоряжения и оповестить всех, а во-вторых - день Св. ап. Петра и Павла не подходит для этого. Гораздо лучше 8 июля, день Казанской Иконы Божией Матери. Русский человек во всех своих нуждах обращается прежде всего к Божией Матери. Государь согласился со мною, и 8 июля 1915 г. было назначено днем всенародного моления.

Теперь же стало известно о назначении министром юстиции члена Государственного Совета А. А. Хвостова, пользовавшегося репутацией умного, дельного, безукоризненно чистого человека.

Государь уехал из Ставки, чтобы в скором времени снова прибыть сюда. Тогда же должен был явиться в Ставку и Самарин.

Хотя, по-видимому, вопрос о Саблере был решен окончательно, однако, в Ставке не были спокойны. Государь едет в Петроград, а там Императрица, благоволение которой к Саблеру и нерасположенность к Самарину известны; там Распутин, покровитель Саблера...

{290} Положим, при Государе кн. Орлов, полк. Дрентельн, которые настороже... Но они бессильны перед влиянием Императрицы. Кроме того, еще неизвестно, согласится ли Самарин принять назначение. При влиянии Распутина на Царскую семью и на церковные дела для честного и благородного Самарина обер-прокурорская должность ничего, кроме трений, обещать не может. Такие сомнения очень беспокоили Ставку.

Между тем, в первых числах июля я получил от одного из своих товарищей по Академии, очень близкого к синодальным сферам, А. Н. Гайдука, письмо. Он извещал меня, что в Петрограде ходят настойчивые слухи об увольнении В. К. Саблера от должности обер-прокурора, что он уже начал, было, готовиться к сдаче дел и перестал интересоваться текущими делами, но на днях, вернувшись из Царского Села, он объявил в Синоде, что все слухи об его отставке вздор: Государь принял его чрезвычайно милостиво, был особенно любезен, об освобождении от должности и помину не было. Теперь Саблер опять весел и снова принялся за дело.

Государь прибыл в Ставку после 12 июля. Перемены решения о Саблере не последовало. Ждали приезда Самарина. Стало известно, что Самарин прибывает 18-го утром.

Накануне великий князь, пригласив меня в свой вагон, говорит мне:

- Завтра утром прибывает Самарин. Выезжайте на вокзал к его приезду. Постарайтесь переговорить с ним наедине. Властно, по-пастырски скажите ему, что он не имеет права отказываться от предложения. Если начнет упрямиться, пригрозите ему судом Божиим.

Мне, однако, не пришлось выезжать. За высочайшим обедом кн. Орлов сообщил мне, что Государь приказал флигель-адъютанту полковнику гр. Д. С. Шереметьеву встретить Самарина на вокзале и привезти его прямо в императорский поезд. Мне выезжать нельзя, {291} чтобы не обратили на это внимания, - за нами зорко следят. А гр. Шереметьеву, который на нашей стороне, он, Орлов, уже дал соответствующие указания, чтобы повлиять в нужном направлении на Самарина. После обеда я передал великому князю свой разговор с князем Орловым. Тот согласился с резонностью соображений последнего. 18-е июля было днем особых наших волнений. Великий князь очень боялся за исход дела, так как ходили слухи о решении Самарина категорически отказаться от предложения, и с нетерпением ждал развязки. Но вот проехал Самарин с Шереметьевым. Я встретил их, возвращаясь из своей канцелярии. Мы любезно раскланялись.

В начале I-го часа дня собрались приглашенные к царскому завтраку в той же царской палатке. Ждали царского выхода, который должен был принести нам разрешение наших ожиданий и опасений. Вот показалась из вагона грузная фигура кн. Орлова, направившегося к нашей палатке. Не более, как через минуту вышли Государь и Самарин. Князь Орлов подошел ко мне со словами: "Поздравляю: Самарин назначен! Давайте поцелуемся!" И мы на глазах Государя и всех присутствующих крепко расцеловались. Государь, глядя на нас, улыбнулся. Наверно он, как и большинство присутствующих, понял нас. После приветствия Государя я поздравил Самарина, пожелав ему успеха в новой должности.

После завтрака Самарин захотел побеседовать со мной. Мы уселись на лавочке, против вагона царского поезда, в котором помещался князь Орлов. Самарин поведал мне, что он ехал в Ставку с намерением отказаться от предложения в виду той массы трудностей, с которыми в данное время соединено прохождение обер-прокурорской должности.

- Я прямо заявил Государю, - говорил мне Самарин, - между вами, ваше величество, и обер-прокурором в настоящее время существует {292} средостение (Распутин), которое для меня делает невозможным исполнение по совести предлагаемой должности.

Государь ответил:

- А я всё же настойчиво прошу вас принять должность.

- Тогда я, - продолжал Самарин, - сказал Государю: я не считаю себя вправе не исполнить вашего желания - оно для меня закон, но прошу для себя одной милости: когда несение должности станет непосильным для меня, разрешите мне тогда просить вас об освобождении от нее.

- Это ваше право, - ответил Государь.

Дальше мы беседовали о церковных делах, о предстоящей Самарину церковной деятельности. Помню, Самарин сказал:

- Знаете, с чего я хотел бы начать исполнение обер-прокурорской должности? С упразднения обер-прокурорской власти.

- Вот уж не время, - возразил я, - теперь такой сумбур всюду, такие всюду трения, и вы хотите в эту пору бросить наших архиереев одних. Плохую услугу вы окажете церкви. Это надо будет сделать, но только не сейчас.

Расставшись с Самариным, я зашел к князю Орлову. Он сообщил мне, что граф Фредерикс только что очень решительно говорил с Государем о Распутине, и Государь будто бы решил удалить Распутину от Двора.

Великий князь, заметив, что я после завтрака остался с Самариным, решил подождать меня. Оказывается, он еще не знал о назначении Самарина. Государь ничего не сказал ему за завтраком, а Орлов не догадался шепнуть ему. Увидев меня, когда я возвращался от князя Орлова, великий князь постучал в окно. Я вошел в его вагон. Там сидел и великий князь Петр Николаевич.

- Ну что? - обратился ко мне Николай Николаевич.

{293} - Самарин назначен, - ответил я.

- Верно?

- Да. Я только что беседовал с ним и с князем Орловым. Последний, кроме того, сообщил мне, что граф Фредерике сегодня решительно говорил о Распутине, и Государь согласился, будто бы, удалить Распутина от Двора.

- Нет, это верно? - воскликнул великий князь.

- Так точно. Я передаю слышанное мною от самого князя Орлова, подтвердил я.

Великий князь быстро вскочил с места, подбежал к висевшей в углу вагона иконе Божией Матери и, перекрестившись, поцеловал ее. А потом так же быстро лег неожиданно на пол и высоко поднял ноги.

- Хочется перекувырнуться от радости! - сказал он смеясь.

Затем я передал слышанный от Самарина его разговор с Государем. Когда я кончил, великий князь обратился к брату:

- Ты, Петр, посиди тут с о. Георгием, а я сбегаю на пять минут к Государю. Взяв шашку, великий князь быстрыми шагами направился к Царскому поезду. Минут через 10-15 он вернулся в вагон.

- Я поблагодарил Государя, - обратился он к нам. - Я сказал ему: вы и не представляете, ваше величество, какое великое дело вы решили сделать.

Мы все любим вас и готовы всё сделать для вас, но будем совершенно бессильны спасти Вас, если вы сами не будете заботиться об этом.

Великий князь под великим делом разумел не столько увольнение Саблера, сколько обещанное Государем графу Фредериксу "разжалование" Распутина. Государь сделал вид, будто он не понял великого князя и ответил ему:

- Я сам рад, что уволил Саблера.

- С Государем можно работать: он поймет и {294} согласится с разумными доводами. Но Она... Она всему виной. И только один может быть выход: запрятать Ее в монастырь, - тогда всё пойдет по-хорошему, и распутинщины не станет. А Государь легко примирится и успокоится, - закончил великий князь.

На другой день утром Самарин долго сидел у меня в купе. Я, насколько мог, познакомил его с положением церковных дел и с ближайшими его сотрудниками по Синоду и его канцелярии. А вечером, после всенощной, отслужил ему молебен. В эту же ночь он уехал из Барановичей.

Через несколько дней Саблер получил очень трогательное собственноручное письмо Государя, извещавшее его об освобождении от должности.

Как смог Государь устоять против Императрицы, не желавшей смены Саблера, объяснить это я не сумею. В Ставке же еще долго говорили об отставке Саблера, вспоминая беспримерные, непонятные для непосвященных трудности, с которыми она проходила.

У великого князя прибавился еще один враг.

После смены под давлением, более того, - можно сказать, - по требованию Верховного, целого ряда министров, усилились разговоры о всё растущем влиянии великого князя. Враги по-своему комментировали эти слухи. Императрица всё более настораживалась... Ей казалось, что намеренно убивали самых верных ее слуг...

В правых кругах думали, что увольняются министры "правые" и назначаются "левые". С несомненностью утверждаю, что при выборе министров Верховный об одном заботился, чтобы избираемые отличались талантливостью, честностью и пользовались доверием общества. "Правизна" и "левизна" не играли у него никакой роли: и первую он не ставил в особую заслугу и второй не боялся. Если генерал Поливанов считался "левым", то Хвостов был определенно "правый". А великий князь одинаково приветствовал назначения того и другого.

{297}

XVI

Последние дни Барановичской Ставки.

Увольнение Верховного

Установившийся с первых дней нашего пребывания в Барановичах "монастырский" уклад жизни в Ставке, в конце концов, тяжелее всего пришелся самому великому князю. Другие чины Штаба ездили в отпуска и виделись со своими семьями; к ним приезжали семьи, а у некоторых семьи жили в железнодорожном городке или в местечке. Несемейные, да и семейные могли находить кой-какие удовольствия в местечке, где во время пребывания Штаба наладились разные рестораны, кофейни, кинематографы и иные учреждения. Почти один только великий князь высиживал целые дни и ночи в своем вагоне, как заключенный в отдельной камере, и знал только одно развлечение ежедневную поездку верхом или на автомобиле по окрестностям Барановичей. За целый год он всего один раз на несколько минут виделся с женой на вокзале, когда та проезжала через Барановичи в Киев.

Разлука с женой была для него чрезвычайно тяжела, ибо он был редкий семьянин, всецело преданный жене. Тяжелые переживания, которыми хотелось поделиться с глазу на глаз с самым близким человеком, теперь еще более увеличивали тяжесть разлуки. Конечно, великий князь никому на это не жаловался и, как бы ни была тяжела для него дальнейшая разлука, сам не изменил бы установившегося порядка, по которому черту великокняжеского поезда женщина не переступала. Я понимал, что свидание с великой княгиней доставило бы великому князю величайшую радость. Поэтому в июльский приезд Государя в Ставку я откровенно объяснил кн. Орлову создавшееся положение, причем высказал свое мнение, что хорошо было бы, если бы Государь так или иначе посоветовал великому {298} князю вызвать в Ставку ко дню своего Ангела (27 июля) великую княгиню.

На другой день кн. Орлов передал мне, что Государь ничего не имеет против свидания великого князя с женой, но считает, что лучше им встретиться где-либо вне Ставки, например, в Гомеле, куда великий князь может выехать под каким-либо предлогом. Однако, великому князю в этот же день Государь сказал другое: он спросил великого князя, почему к нему не приезжает великая княгиня, а затем посоветовал ему вызвать ее ко дню именин. Конечно, великий князь ухватился за царское предложение, и за несколько дней до 27 июля великая княгиня прибыла в Ставку.

Жизнь наша после этого изменилась в одном отношении: великий князь только обедал с нами, а завтракал у себя в вагоне с женой и братом.

Приближался день Ангела великого князя. Чтобы оттенить этот день, я выписал из Петрограда чудный хор своей домово́й церкви с искусным регентом А. П. Рождественским. Хор пополнился певчими Ставки. Всенощную 26 и обедню 27 июля пропели восхитительно. Вечером же 27-го в помещении кинематографа хор дал светский концерт, блестяще исполненный. Любитель пения, великий князь, был в восторге. Потом всем певчим были высланы от великого князя специально

изготовленные художественной работы золотые жетоны с его инициалами.

Кажется, на другой день, 28 июля, великая княгиня выехала в Петроград, куда в это же время направилась и ее сестра, супруга великого князя Петра Николаевича, великая княгиня Милица Николаевна с детьми. Великие княгини поместились там в квартире великого князя Петра Николаевича, на Фонтанке.

В Ставке великая княгиня не скрывала своих чувств к Императрице и откровенно высказывалась, что считает {299} ее виновницей всех наших неурядиц. Мысль о необходимости поместить Императрицу в монастырь не раз повторялась ею. Решительная и острая на язык сестра ее, великая княгиня Милица Николаевна, не могла быть ни более снисходительной к Императрице, ни более сдержанной. В Ставке, в свите великого князя рассказывали, что во время этого пребывания великих княгинь в Петрограде князь Орлов ежедневно бывал у них. Что они часто и несдержанно говорили с Орловым об Императрице, - не может быть сомнений. Но также несомненно, что теперь как за князем Орловым, так и за великими княгинями зорко следили. Ежедневное посещение великих княгинь Орловым и содержание бесед на Фонтанке быстро становилось известным Императрице, которая

начинала принимать болтовню за настоящее дело.

Начала собираться гроза. А Ставка, совсем не подозревая того, продолжала жить своей жизнью, болея печальми фронта, и совершенно не ожидая, что гроза может прийти с севера.

31 июля в Барановичах происходило небольшое торжество - закладка придела местного приходского храма. Жители Барановичей, благоговевшие перед Верховным, решили устроить при своем храме придел в честь Св. Николая, Христа ради юродивого, чтобы увековечить память о пребывании в Барановичах великого князя и его Ставки. Собрали деньги и начали спешить с закладкой. Приглашенный на торжество великий князь сам назначил день закладки - 31 июля. В назначенный час прибыл в церковь великий князь с братом, адъютантом и доктором Маламой. Я начал положенный чин. Когда настал момент класть основной камень, я взял приготовленную из цемента, вместо камня, четырехугольную плиту. Но лишь только я поднял ее, как она развалилась на мелкие куски. С закладкой спешили и поэтому не успели высушить плиту. В факте развала плиты нет ничего чудесного, но совпадение {300} последующих событий с развалом плиты и знаменательно, и удивительно. Великий князь вдруг изменился в лице. Сумрачным он вышел из церкви, сумрачным и приехал домой.

- Великий князь совсем расстроен, - он считает историю с камнем дурной приметой, - сказал мне доктор Малама, когда я вернулся домой. За завтраком я нарочно повел речь о происшествии с камнем, случившемся по неосмотрительности строителей, наскоро смастеривших плиту и не успевших высушить ее. Мои доводы, однако, мало успокоили князя.

В один из следующих дней, - кажется, 7 августа, - между 10 и 11 часами утра ко мне в купе быстро вошел великий князь Петр Николаевич.

- Брат вас зовет, - тревожно сказал он. Уже то, что не адъютант или камердинер, а сам великий князь пришел за мной, свидетельствовало о чём-то особенном. Я тотчас пошел за ним. Мы вошли в спальню великого князя Николая Николаевича.

Великий князь полулежал на кровати, спустивши ноги на пол, а голову уткнувши в подушки, и весь вздрагивал. Услышавши мои слова:

- Ваше высочество, что с вами?

Он поднял голову. По лицу его текли слезы.

- Батюшка, ужас! - воскликнул он. - Ковно отдано без бою... Комендант бросил крепость и куда-то уехал... крепостные войска бежали... армия отступает...

При таком положении что можно дальше сделать?!.. Ужас, ужас!..

И слезы еще сильнее полились у него. У меня самого закружилось в голове и задрожали ноги, но, собрав все силы и стараясь казаться спокойным, я почти крикнул на великого князя.

- Ваше высочество, вы не смеее так держать себя! Если вы, Верховный, упадете духом, что же будет {301} с прочими? Потеря Ковны еще не проигрыш всего. Надо крепиться, мужаться и верить... в Бога верить, а не падать духом.

Великий князь вскочил с постели, быстро отер слезы.

- Этого больше не будет, - уже мужественно сказал он и, обняв, поцеловал меня.

К завтраку он вышел совершенно бодрым, точно ничего не случилось.

- Вы стали веселее, - обратился к нему за столом начальник Штаба.

- Будешь, батюшка, веселее после того, как отчитал тебя о. Георгий, ответил великий князь. Начальник Штаба улыбнулся.

Падение Варшавы, а затем Ковны сильно отодвинуло на восток линию нашего фронта. Барановичи для Ставки больше не годились. Начали приискывать новое место для Ставки. Выбор колебался между тремя пунктами: Витебском, Оршею и Могилевым. Был голос и за то, чтобы генерал-квартирмейстерскую часть с Верховным и начальником Штаба поместить в имении, возле небольшой железнодорожной станции, а остальные части Штаба в соседнем городке. Остановились на Могилеве, как наиболее спокойном и центральном пункте.

9-го августа мы покинули Барановичи, в которых так много было пережито,

перечувствовано, выстрадано, и двинулись в Могилев. Утром 10-го мы были в Могилеве.

Великий князь с братом и начальником Штаба поместились в губернаторском дворце.

Управление дежурного генерала, я с своей канцелярией, часть свиты великого князя и начальник военных сообщений - в здании окружного суда, находившемся {302} в нескольких шагах от дворца; прочие чины и управления в разных гостиницах и зданиях в городе.

Не успели мы еще осмотреться кругом и разместиться по комнатам, как совершилось событие, которого никто в Ставке не ожидал.

В тот самый день, как мы прибыли в Ставку, 10 августа, в 10-м часу вечера, совершенно неожиданно прибыл к великому князю военный министр, генерал Поливанов. Пробыв около часу у великого князя и не повидавшись с начальником Штаба, он отправился к поезду, с которым тотчас отбыл к генералу Алексееву. После ухода генерала Поливанова Верховный с братом, великим князем Петром Николаевичем, и князем

Д. Б. Голицыным просидели почти до шести часов утра. В эту же ночь совершенно неожиданно пала самая любимая лошадь великого князя, прослужившая ему 23 года.

11-го в 9 ч. утра я пришел во Дворец к утреннему чаю.

Таинственное посещение военным министром великого князя уже стало достоянием свиты. Каждый старался объяснить по-своему. Все сходились в одном, что министр приезжал по какому-то чрезвычайному делу. Некоторых не меньше занимала гибель лошади великого князя. Сидевший против меня за чайным столом генерал Петрово-Соловово всё время молчал, упорно, с какой-то скорбью в лице, глядя на меня. Я, наконец, не выдержал его пронизывающего взгляда и обратился к нему: "Что вы так на меня глядите?" Он опустил глаза, а затем через несколько минут, сделав мне знак, чтобы я следовал за ним, встал из-за стола. Мы вышли на обращенный во двор балкон.

- Знаете ужасную новость? - спросил меня Петрово и, не дождавшись ответа, продолжил - великий князь уволен от должности Верховного. Янушкевич и {303} Данилов тоже будут уволены. Государь теперь Верховным. Генерал Алексеев будет у него начальником Штаба. Поливанов поехал к генералу Алексееву.

Неожиданность, потрясающая сенсационность сообщения совсем ошеломили меня; у меня буквально руки опустились. Можно было ожидать всего, только не этого. Мало сказать - тяжелым, гнетущим, - нет, зловещим представилось мне это событие.

При том мракобесии, которое, опутав жизнь царской семьи, начинало всё больше и сильнее расстраивать жизнь народного организма, великий князь казался нам единственной здоровой клеткой, опираясь на которую этот организм сможет побороть все злокачественные микробы и начать здоровую жизнь. В него верили и на него надеялись. Теперь же его выводят из строя, в самый разгар борьбы...

Заметив, какое впечатление произвело на меня сообщение, Петрово-Соловово сам взволновался, хотя он раньше пережил горечь события. Мы молча, со слезами на глазах, простояли несколько минут. Успокоившись, Петрово рассказал мне некоторые подробности визита генерала Поливанова. Меня очень интересовало, как сам великий князь отнесся к известию. Оказалось, что великий князь своим спокойствием удивил окружающих его. Вышедши от великого князя, генерал Поливанов сказал:

- Я поражен величием духа этого человека. Я благоговею перед ним!

Генерал Петрово-Соловово просил меня сохранять сообщенное в полной тайне. Пока, кроме великого князя Петра Николаевича, генерала Голицына и начальника Штаба, никто о происшедшем не знает и не должен знать.

Завтрак происходил в столовой дворца. Сидели за маленькими столиками. Как и в Барановичах, с великим князем за столиком сидели ген. Янушкевич и я.

{304} Великий князь вышел к завтраку бодрым или, правильнее, бодрящимся. Разговор за столом, однако, не клеился.

Великий князь больше молчал, - что всегда являлось признаком переживания им чего-то тяжелого, - от времени до времени прерывая свое молчание обращенными к

начальнику Штаба вопросами:

- Как вы думаете: ЛяГиш (Французский военный агент при Ставке.) не знает? А Вильямс (Английский военный агент.)... тоже не знает?.. Что-то ЛяГиш смотрит подозрительно...

Мне, конечно, было не по себе и, вероятно, я не сумел скрыть своего настроения, потому что великий князь несколько раз обращался и ко мне:

- Вы сегодня не такой, как всегда. Что с вами?.. Нет, не скрывайте: что-то у вас не ладно!

Я, конечно, утверждал, что у меня всё благополучно. Завтрак закончился скорее, чем всегда, а казалось, что он тянулся целую вечность. Уходя из столовой, великий князь сказал мне:

- Зайдите ко мне на несколько минут!

Я пошел вслед за ним. Когда мы вошли в его кабинет, он, взяв меня за руку, ласково сказал:

- Голубчик, что с вами?

- Я всё знаю, - ответил я.

- Что вы знаете? - спросил великий князь.

- Вы не Верховный...

Слезы при этих словах покатались у меня из глаз.

- Успокойтесь! Скажите, откуда вы узнали?-совершенно спокойно сказал великий князь.

- Ваше высочество! Не требуйте от меня ответа. Сообщившему мне я дал слово, что никому не выдам {305} секрета. А вам скажу одно: сообщил мне человек, бесконечно преданный вам.

- Нет, вы должны сказать мне. И вот почему: кроме меня, брата и кн. Голицына никто об этом не знал, - настаивал великий князь.

Тогда я указал на генерала Петрово-Соловово.

- Да, я уволен. Вот, читайте!

И великий князь протянул мне собственноручное письмо Государя, начинавшееся словами: "Дорогой Николаша".

Каждое слово письма тогда, как гвоздь, врезывалось в память. Но всё же после протекших с того момента пяти с половиной лет (В 1921 г., когда писались эти строки.) я не могу ручаться, что буквально воспроизведу его. Уверен, однако, что не искажу смысла. Государь так, приблизительно, писал:

"Дорогой Николаша! Вот уже год, что идет война, сопровождаемая множеством жертв, неудач и несчастий. За все ошибки я прощаю тебя: один Бог без греха. Но теперь я решил взять управление армией в свои руки. Начальником моего Штаба будет генерал Алексеев. Тебя назначаю на место престарелого графа Воронцова-Дашкова. Ты отправишься на Кавказ и можешь отдохнуть в Боржоме, а Георгий (Великий князь Георгий Михайлович, в то время бывший на Кавказе для помощи престарелому наместнику.) вернется в Ставку. Янушкевич и Данилов получают назначения после моего прибытия в Могилев. В помощь тебе даю князя Орлова, которого ты любишь и ценишь. Надеюсь, что он будет для тебя полезен. Верь, что моя любовь к тебе не ослабела и доверие не изменилось. Твой Ника".

- Видите, как мило! - начал великий князь, когда я кончил чтение письма. - Государь прощает меня за грехи, позволяет отдохнуть в Боржоме, другими {306} словами - запрещает заехать в мое любимое Першино (Любимое имение великого князя в Тульской губ.) и дает мне в помощь князя Орлова, которого я "люблю и ценю". Чего еще желать?

Я просидел с великим князем около часу. Он положительно удивил меня своей выдержкой. Конечно, внутри у него бурлило и кипело. Удар был слишком силен. Его увольняют одним взмахом пера, не только против его воли, но и без всякого предупреждения. Его ссылают на Кавказ, предлагая отдохнуть в Боржоме, как бы боясь, чтобы он не задержался в России. Из самых сильных и влиятельных он сразу попадает в

бессильные и опальные.

Одновременная высылка на Кавказ и князя Орлова только больше подчеркивала, что назначение великого князя наместником на Кавказе не простая смена Верховного, а кара и опала. И кто же наносит такой жестокий удар великому князю? Тот Государь, которого он безгранично любит, перед которым он благоговееет. У меня невольно вырвались слова:

- Ваше высочество! Зачем Государь так жестоко карает вас? Ведь вы у него верноподданный из верноподданных.

- Да! - выпрямившись во весь рост, сказал великий князь, - я действительно верноподданный из верноподданных. Меня так воспитали, чтобы я всегда помнил, что он - мой Государь. Кроме того, я, как человека, люблю его.

Несмотря на тяжкую обиду, великий князь говорил совсем спокойно. Не было заметно ни озлобления, ни даже тяжкого огорчения. Мы обсуждали дальнейшие возможности. По-видимому, у великого князя теплилась надежда, что это еще не последнее решение Государя, что Государь может передумать и изменить. Всё же он, при прощании, сказал мне:

{307} - Когда Государь вступит в должность, будьте осторожны, не лезьте на рожон, иначе сломите голову без всякой пользы. А вы еще нужны и для армии и для России. О моей близости к вам не говорите.

Не могу не упомянуть еще об одном совпадении.

В этот же день утром я получил от Комитета по постройке в Петрограде на Полтавской улице храма в память 300-летия царствования Дома Романовых (Храм был освящен в Высочайшем присутствии 15 января 1915 г.) Федоровскую икону Божией Матери и адрес. Комитет поручал мне, как своему члену, поднести великому князю и то, и другое. Федоровская икона - родовая святыня Дома Романовых. Теперь она, точно в утешение, давалась опальному великому князю.

Разгром Ставки продолжали тщательно скрывать. За завтраками и обедами я наблюдал, как великий князь по лицам присутствующих пытался определить: не знают ли? От меня скрывать теперь уже нечего было. И великий князь прямо спрашивал генерала Янушкевича:

"Думаете, в Ставке еще не знают?" Или: "Иностранные агенты, наверное, уже получили сообщение"; "Обратите внимание, как ЛяГиш смотрит на нас... Он тонкий... виду очень не показывает... но, наверное уже знает" и т. п.

Но сохранить секрет в Ставке, когда он перестал быть секретом в Петрограде, конечно, нельзя было. О смене Верховного уже знал и говорил весь Петроград, а у каждого почти из служивших в Ставке были там родные, знакомые. Наконец, газеты...

Через два или три дня приехал генерал Алексеев и тотчас вступил в должность начальника Штаба.

За нашим столиком теперь сидело четверо: Алексеев сидел рядом с великим князем, против ген. Янушкевича. Разговор теперь за нашим столиком не смолкал.

{308} Говорили главным образом о военных делах. Янушкевич почти всё время молчал. Генерал Алексеев по каждому вопросу высказывался определенно и авторитетно, часто не соглашался с великим князем. Мне невольно приходилось сравнивать двух начальников Штаба и, конечно, сравнение было не в пользу генерала Янушкевича: точно передо мной сидели - старый, опытный и авторитетный профессор и умный, но рядовой офицер Генерального Штаба. Великий Князь относился к генералу Алексееву с большим вниманием, обращался к нему на "ты". Генерал Алексеев как будто избегал таким же образом обращаться к великому князю, но один раз и он назвал великого князя на "ты".

(После отъезда великого князя на Кавказ, отношения между ним и генералом Алексеевым ухудшились. Причиной этого были частые отказы Ставки великому князю в исполнении его требований. Великий князь потребовал, чтобы для согласованности действий армии и флота, Черноморский флот был всецело подчинен ему. Ставка отказала ему в этом. Сделавшись Главнокомандующим Кавказского фронта, великий князь начал придавать этому фронту большее значение, чем могла придавать ему Ставка и чем сам он, в бытность свою Верховным, придавал ему. С другой стороны, некоторые военные начальники этого

фронта, рассчитывая на всеильную поддержку великого князя, стали теперь предъявлять такие требования, каких они раньше не решались предъявлять. Великий князь их поддерживал, а Ставка их отвергала. Так как вершителем всех военных дел в Ставке был генерал Алексеев, а отнюдь не Государь, - великий князь это отлично понимал, - то всякий отказ Ставки великим князем воспринимался, как обида, нанесенная ему генералом Алексеевым. Находясь у великого князя в Тифлисе в октябре 1916 г., я несколько раз слышал из уст великого князя жалобы на Ставку, т. е. на генерала Алексеева; то же было и в приезд его в Ставку в ноябре 1916 г. Получая отказы Ставки, великий князь был склонен рассматривать их как личные, несправедливые обиды со стороны людей, либо пользующихся его опальным положением, либо намеренно старающихся уязвить его, причинить ему неприятность. Я уверен, что генерал Алексеев был совершенно далек от того и другого. И после смещения великого князя с должности Верховного он продолжал относиться к нему и тепло и с уважением. Отказы же великому князю объяснялись объективно - деловыми соображениями генерала Алексеева, а отнюдь не какими-то подвохами и интригами, на которые генерал Алексеев был вовсе не способен.).

Между тем из Петрограда стали приходить вести, дававшие повод к некоторой надежде, что Государь может изменить свое решение о смене Верховного. От приезжавших из Петрограда в Ставку лиц, из получавшихся писем мы узнавали, что принимаются сильнейшие меры, чтобы убедить Государя отказаться от намерения стать во главе действующей армии. Императрица Мария Федоровна, великие князья и княгини, Совет Министров употребляют все усилия, чтобы оставить великого князя на месте Верховного. Под влиянием таких вестей затеплилась надежда. Ставка повеселела. Повеселел и {309} великий князь. Только генералы Янушкевич и Данилов по-прежнему были сумрачны. Может быть, я ошибаюсь, но мне тогда казалось, что слухи о возможном оставлении великого князя на занимаемом посту действовали на них неприятно. Они, как будто, боялись потерять в своем несчастье весьма почетного и выгодного компаньона, увольнение которого одновременно с ними делает их отставку для других совсем незаметной, для них самих не столь чувствительной, а на чей-либо взгляд, может быть, и почетной: всё же уволены разом с Верховным. Пусть потом люди разбираются, за что уволены: за свою или за его вину.

В Ставке в это время находился великий князь Дмитрий Павлович. Он был временно прикомандирован к Штабу. Прямой, честный и достаточно толковый, он считался любимцем Государя, имевшим большое влияние на последнего. Не знаю, каковы были раньше отношения Дмитрия Павловича к великому князю Николаю Николаевичу, но теперь они отличались большою задушевностью. Первый относился к последнему с большим {310} уважением и почтительной предупредительностью; второй проявлял в отношении первого отеческую заботливость и трогательную привязанность. Увольнение Верховного потрясло великого князя Дмитрия Павловича больше, чем самого уволенного. Дмитрий Павлович бросился, было, к Николаю Николаевичу с просьбой немедленно отпустить его в Петроград, чтобы он мог настаивать перед Государем об отмене его решения.

Великий князь Николай Николаевич не разрешил ему поездку, считая затевавшееся им поступком, противным воинской дисциплине: великий князь Дмитрий Павлович офицер, а офицер не имеет права мешаться в подобные дела. Дмитрий Павлович решил, однако, добиться своего. Через несколько дней великий князь Николай Николаевич получил телеграмму от Императрицы Марии Феодоровны. Не объясняя причины, Императрица просила отпустить Дмитрия Павловича в Петербург на некоторое время. Верховный не мог отказать в просьбе. Напутствуемый благопожеланиями всей Ставки, великий князь Дмитрий Павлович отбыл в столицу. Перед его отъездом в его помещении (в гостинице) состоялось небольшое совещание, в котором кроме него, участвовали я, генерал Крупенский и Петрово-Соловово.

Несчастье великого князя заслонило собою все другие события в Ставке. Уехал из Ставки генерал Данилов. На его отъезд как будто никто не обратил внимания. Генерал Янушкевич еще оставался в Ставке, сидя без дела. Но и тут решительно никто не обращал

внимания ни на его увольнение, ни на его щекотливое положение деятеля без дела. Повторяю, фигура великого князя и его несчастье теперь заслонили собой всё в Ставке. Но и к несчастью великого князя как будто немного привыкли. Сам он стал даже подтрунивать над своим положением.

- Уже повара своего отослал, - говорил он однажды мне за завтраком, с усмешкой.

{311} - Не рано ли? Не пришлось бы назад возвращать? - отвечаю я.

- Вы еще продолжаете надеяться. Нет, батюшка, простимся! - смеется великий князь.

А сам-то еще верит, авось наладится дело!

Могилевским архиереем в ту пору был архиепископ Константин (Булычев). Родом из вологодских купцов, он, по окончании Петербургского университета, служил в одном из Петербургских банков, потом, по призванию, поступил в СПб духовную академию и принял монашество. Не выделяясь особенными дарованиями, он, однако, чрезвычайно располагал к себе своей настроенностью, честностью, добротой. Я знал архиепископа Константина с 1897 года, когда он был архимандритом, ректором Витебской духовной семинарии, а я сельским священником. С тех пор самые искренние, дружеские отношения между нами не нарушались. В августе, когда мы переехали в Могилев, архиепископ жил на своей чудной даче, в 2-3 верстах от города.

Зная, что преосвященный будет весьма польщен приездом запросто к нему великого князя, и в то же время желая отвлечь Верховного на несколько часов от обуревавших его тяжких дум, я как-то предложил ему поехать на архиерейскую дачу, на чай к преосвященному. Великий князь очень охотно согласился. Назначили день и час. Я предупредил преосвященного.

В условленное время великие князья Николай и Петр Николаевич, я и один из адъютантов прибыли на дачу. У подъезда стоял нарядный, в новенькой ливрее швейцар. Архиерей встретил нас на крыльце своего дома и провел в зал. Чай был сервирован на веранде. Внизу, перед верандой, красовался нарядный цветник с большой статуей ангела посередине. За цветником во все стороны тянулся обширный фруктовый сад, окаймленный густыми аллеями лип, берез и других деревьев. Протекавшая за аллеей речка с большой запрудой для {312} мельницы и несколькими прудами по сторонам дополняла чрезвычайно живописную картину.

Скоро нас пригласили к чаю. Архиерей, усевшись около самовара, сам разливал чай. Беседовали непринужденно и довольно долго. Чудная природа, новизна обстановки, простота и радушие хозяина приятно, успокаивающе действовали на гостей. Просидели мы за чаем что-то около полутора часов.

На обратном пути великий князь Николай Николаевич восхищался как природой, так и хозяином, радушным, искренним, непосредственным, патриархальным. Патриархальность приема в особенности не ускользнула от внимания великого князя.

- Владыка-то?.. Швейцара из города, из архиерейского дома привез и в новую ливрею к встрече нарядил, - шутил он, когда мы все вчетвером в одном автомобиле ехали с дачи. - А обратили внимание, как владыка разливал чай? Чайник всё время шерстяным колпачком накрыт. Нальет из чайника в чашку чаю и сейчас же доликает чайник из самовара; потом нальет в следующую и опять доликает и т. д. А потом уже из самовара дополняет кипятком все чашки...

Как ни ждала Ставка добрых вестей из Петрограда, - не приходили они. Напротив, обозначились признаки несомненного ухудшения: газеты извещали, что Государь с Императрицей посетили Казанский и Петропавловский соборы. Всем было известно, что такие посещения делались перед какими-то событиями в царской семье.

Не помню, какого именно числа, - вероятно, 20 или 21 августа, великий князь перед завтраком сказал мне, чтобы я зашел к нему минут через пять после завтрака.

Когда я вошел к великому князю, у него уже сидел генерал Алексеев. Великий князь сразу же обратился к нам.

{313}- Я хочу ввести вас в курс происходящего. Ты, Михаил Васильевич, должен знать

это, как начальник Штаба; от о. Георгия у меня нет секретов. Решение Государя стать во главе действующей армии для меня не ново. Еще задолго до этой войны, в мирное время, он несколько раз высказывал, что его желание, в случае Великой войны, стать во главе своих войск. Его увлекала военная слава.

Императрица, очень честолубивая и ревнивая к славе своего мужа, всячески поддерживала и укрепляла его в этом намерении. Когда началась война, он так и сделал: объявив себя Верховным Главнокомандующим. Совет Министров упросил его изменить решение. Тогда он меня назначил Верховным. Как вы оба знаете, я пальцем не двинул для своей популярности. Она росла помимо моей воли и желания, росла и в войсках, и в народе. Это беспокоило, волновало и злило Императрицу, которая всё больше опасалась, что моя слава, если можно так назвать народную любовь ко мне, затмит славу ее мужа. К этому примешался распутинский вопрос. Зная мою ненависть к нему, Распутин приложил все усилия, чтобы восстановить против меня царскую семью.

Теперь он открыто хвастает: "Я утопил Верховного!" Увольнение мое произвело самое тяжелое впечатление и на членов императорской фамилии, и на Совет Министров, и на общество. На Государя подействовать старались многие. Говорила с ним его сестра, Ольга Александровна, - ничего не вышло. Говорили некоторые великие князья, - тоже толку не было. Императрица Мария Феодоровна, всегда очень сухо и холодно относившаяся ко мне (Великий князь как-то рассказывал, что в царствование Императора Александра III он был в загоне, почти в опале. Несмотря на то, что тогда он был в генеральском чине и занимал ответственные должности, его в течение десяти лет не зачисляли в свиту, и он ходил в простом генеральском мундире без вензелей и свитских аксельбантов. Это был почти беспримерный случай в великокняжеской среде.), теперь стала на мою сторону.

{314} Она тоже просила Государя оставить меня, но и ее вмешательство не принесло пользы. Наконец, Совет Министров, во главе с Председателем, принял мою сторону. Государь сказал им: "Вы не согласны с моим решением, тогда я вас сменю, а председателем Совета Министров сделаю Щегловитова". Теперь беседует с Государем великий князь, Дмитрий Павлович, но, конечно, и из этого ничего не выйдет. Государь бывает упрям и настойчив в своих решениях. И я уверен, что тут он не изменит принятого. Я знаю Государя, как пять своих пальцев. Конечно, к должности, которую он принимает на себя, он совершенно не подготовлен. Теперь я хочу предупредить вас, чтобы вы, с вашей стороны, не смели предпринимать никаких шагов в мою пользу. Пользы от ваших выступлений не может быть, - только сильно повредите себе. Иное дело, если Государь сам начнет речь, тогда ты, Михаил Васильевич, скажи то, что подсказывает тебе совесть. Также и вы, о. Георгий. На этом мы расстались.

22 или 23 августа вернулся из Петрограда великий князь Дмитрий Павлович. При встрече со мной он сообщил мне, что был принят Государем и очень долго беседовал с ним, умоляя его отказаться от принятого решения. Государь сказал ему: "Будь спокоен! Я поступлю так, как подскажет мне моя совесть". В неопределенном ответе Государя Дмитрий Павлович усматривал некоторую возможность поворота дела в пользу великого князя Николая Николаевича.

24 августа Государь прибыл в Могилев. На вокзале его встретили только великий князь Николай Николаевич и генерал Алексеев. Высочайший поезд был подан по специально для него выстроенной ветке к даче Бекаревича, где, предполагалось, он будет оставаться. С вокзала Государь проследовал в Кафедральный Иосифовский собор, где был встречен архиепископом Константином с викарием епископом Варлаамом и городским духовенством.

{315} В положенное время в царском вагоне был завтрак.

Я внимательно следил за Государем и великим князем. И поражался... Точно ничего между ними не произошло. В то время, как все присутствующие за завтраком как-то угнетенно, чувствуя неловкость, молчали, между Государем и великим князем всё время шел самый непринужденный разговор о разных предметах, не имевших никакого отношения к переживаемому моменту.

После завтрака, улучив минутку, я спросил великого князя, как он встретился с Государем.

- Самым обычным образом, - ответил он. - Я спросил его: "Прикажете мне немедленно уехать из Ставки?" - Государь ответил: "Нет, зачем же? Можешь пробыть тут два-три дня".

А затем великому князю было разрешено заехать на несколько дней в его любимое имение Першино. И в первом, и втором разрешении сказала характерная у Государя неискренность, объясняемая его слабоволием и прирожденной деликатностью. В написанном под влиянием Императрицы письме Государь требовал, чтобы великий князь, не задерживаясь в России, отправился на Кавказ и отдохнул, если это потребуется, в Боржоме. Психологически нельзя иначе представить себе перемену, как так, что Государю теперь хотелось, чтобы великий князь поскорее уехал из Ставки. Но прямо поставленный великим князем вопрос сразу меняет положение дела: сам Государь предлагает ему задержаться на два-три дня в Ставке и затем отдохнуть в Першине.

Когда я снова встретился с великим князем Дмитрием Павловичем, он без всякого стеснения начал возмущаться поступком Государя, обещавшего ему обдумать Дело и поступить по совести.

- Я пойду к нему и выскажу всё, что накипело на Душе. Пусть делает со мной всё, что хочет. Пусть лишит {316} меня мундира, сошлет в ссылку, но я это сделаю, - горячился Дмитрий Павлович.

Я старался успокоить его и удержать от такого шага.

Итак, увольнение великого князя Николая Николаевича от должности Верховного стало фактом.

За что же он был уволен?

Многие думали, что увольнение состоялось вследствие неудач на фронте, по чьей бы вине они ни происходили: по вине ли Верховного, по вине ли его помощников, или по каким-либо иным причинам.

"Патриоты" считали, что Государь сам должен был стать во главе армии в пору ее неудач и упадка ее духа и теперь прославляли мудрое решение Государя.

Сам великий князь главными причинами считал ревность царицы и царя к его славе и интриги Распутина.

Несомненно, что каждая из этих причин имела свое, большее или меньшее значение. Неудачи на фронте давали повод и основание врагам великого князя, число которых всё росло, новой и новой грязью забрасывать его. Всё растущая даже и во время неудач популярность великого князя и в войсках и в народе возбуждала беспокойство в царице и не могла быть приятной Государю. А враги великого князя, не стеснялись в средствах, чтобы использовать это. Государь давно мечтал о победных лаврах, а теперь еще верил, что армия воспрянет духом, когда он сам станет во главе ее. Но все эти причины лишь подготовили почву, дали некоторую благовидность для решения вопроса. Настоящий же повод был в другом.

Я обращаюсь к фактам.

1. Великий князь Николай Николаевич в Ставке, великие княгини - его жена Анастасия Николаевна и. ее сестра Милица Николаевна - в Киеве, как и князь Орлов, не стеснялись особенно присутствовавшими при {317} этом лицами, высказывались, что Императрица - виновница всех неурядиц и что единственное средство, чтобы избежать больших несчастий, - заточить ее в монастырь.

2. В начале августа великие княгини жили в Петрограде, ежедневно виделись с князем Орловым и, конечно, ежедневно "вспоминали" Императрицу.

3. Как за великим князем и великими княгинями, так и за князем Орловым, в это время зорко следили и о всех их действиях и разговорах доносили Императрице.

4. Великий князь не просто увольняется от должности, но с требованием не задерживаться в России, а отдыхать, если устал, в Боржоме. Это уже ссылка.

5. Одновременно с ним выпроваживается на Кавказ князь Орлов, доселе бывший

самым близким лицом к Государю.

6. Осенью 1915 г. царский духовник, прот. А. П. Васильев, рассказывал мне, что вскоре после расправы с князем Орловым царские дочери на уроке Закона Божия говорили ему: "Князь Орлов очень любит папу, но он хотел разлучить папу с мамой".

7. Бывший в то время воспитателем наследника француз Жильяр теперь в журнале "Illustration" пишет, что летом 1915 года шли интриги Ставки, чтобы заточить Императрицу в монастырь и что Государь сам стал во главе армии, чтобы положить конец этим интригам против царской семьи.

После всего этого, я думаю, что настоящим поводом к увольнению великого князя послужило и раньше заметное, а теперь достигшее крайних пределов возбуждение против него Императрицы, до которой доносились отзывы о ней великокняжеской семьи и князя Орлова, может быть, раздутые, преувеличенные и искаженные, представленные уже в виде организуемого заговора, который Императрица и решила теперь подавить радикальной мерой.

{318} Возникает вопрос: насколько права была Императрица, опасаясь, как бы великий князь не посадил ее в монастырь или не занял трон ее мужа?

Что возбуждение, граничащее с ненавистью, у великого князя против Императрицы было очень сильно, этого не надо доказывать и нельзя оспаривать. Великий князь не мог спокойно о ней говорить. Он считал ее виновницей разросшейся "распутинщины" и разных государственных нестроений. Ее влияние на Государя он признавал насколько сильным, настолько же и губительным.

Он предвидел страшные последствия этого влияния. Он не раз высказывал, - чем дальше, тем чаще и откровеннее, - что единственное средство спасти Государя от гибели, а страну от страшных потрясений, - это устранить Императрицу, заточив ее в монастырь. Но он ни разу не обмолвился ни единым словом, каким образом это можно было бы сделать. Зная же привязанность Государя к своей жене, а великого князя к Государю, я недоумеваю: как это можно было бы сделать? Убедить Государя, чтобы он заточил любимую жену в монастырь... Я думаю, что тут Государь не поддался бы никаким убеждениям. Угрозой, насилием заставить Государя сделать это...

К этому еще не был готов великий князь, слишком преданный Государю, слишком верноподданный. Возмущение Императрицей у великого князя было возмущением честного сына Родины, истого верноподданного, но таким возмущением, где от слов было далеко до дела. Так же тогда возмущалось и всё великосветское общество. Что же касается до помыслов занять престол, свергнув Государя, то великий князь в ту пору был совершенно далек от них. Для него Государь, при всех его недостатках, был святыней, своего рода земным Богом, служить которому до последней капли крови он считал своим гражданским долгом и своею священной обязанностью.

Тогда верноподданность его была вне всяких сомнений. Но вернусь к положению дел в Ставке.

{319} Государь вступил в должность. В числе самых первых восторженно поздравил его распутинец, Тобольский епископ Варнава, причем просил разрешения, в память этого "величайшего" события, прославить еще не прославленного Тобольского архиепископа Иоанна.

26 или 27 августа уезжал из Ставки великий князь. Государь не собирался выезжать к отходу поезда. Приближенные убедили его выехать.

Накануне отъезда великий князь прощался со Штабом. В зале окружного суда собрались все чины Штаба. Явился великий князь, как всегда стройный, величественный. Замерло всё. Кратко, но ярко поблагодарив всех за серьезную, трогавшую его работу, он так закончил свою речь:

- Я уверен, что теперь вы еще самоотверженнее будете служить, ибо теперь вы будете иметь счастье служить в Ставке, во главе которой сам Государь. Помните это!

И тут сказался "верноподданный из верноподданных". Слезы показались на его глазах.

Многие плакали. Один упал в обморок. Великий князь поклонился и ушел.

На вокзале к отъезду великого князя собрался весь Штаб. Приехал в походной форме великий князь и начал обходить всех, сердечно прощаясь с каждым. Потом приехал Государь. Он вошел в вагон великого князя. Пробыв там несколько минут, он вышел и остановился у самого вагона. Вслед за Государем вышел и великий князь. Раздался свисток. Стоя на площадке своего вагона, против Государя, великий князь выпрямился и взял "под козырек". Государь и все присутствующие ответили ему. Поезд уже был далеко, но всё еще виднелась, как бы изваянная, величественная фигура великого князя, бывшего Верховного. Он еще продолжал отдавать честь своему Государю.

Уехал Государь. Стали разъезжаться и все мы. День был сумрачный. А у нас на душе было совсем {320} мрачно. Точно оторвалось от сердца что-то родное, дорогое. Что ждет нас впереди, никто этого не знал, но все об этом думали. Какая-то разбитость, подавленность, почти безнадежность чувствовались в этот день в Ставке. Как будто похоронили кого-то, незаменимо дорогого, как будто потеряли последнюю опору при надвигающейся беде.

Вечером я пошел к высочайшему обеду. Самый близкий к Государю человек, новый начальник его Походной Канцелярии, флигель-адъютант, полковник А. А. Дрентельн подошел ко мне.

- Знаете, - сказал он, - великий князь очаровал меня за эти дни своим величием, своим благородством. А его отъезд... Мне хотелось, не взирая ни на что, броситься и поцеловать его руку...

{323}

XVII

Царская Ставка

Из всех соображений и побуждений, заставивших Государя принять должность Верховного, официально выдвигалось и подчеркивалось одно: поднять дух армии. Насколько же была достигнута эта цель? Как отнеслась армия к вступлению Государя в должность Верховного Главнокомандующего?

В 1919 году Генерального Штаба генерал Нечволодов, в 1915 г. командовавший дивизией на Галицийском фронте, в читанной им в г. Екатеринодаре, в помещении приюта Посполитаки, речи уверял своих слушателей, что принятие Государем должности Верховного Главнокомандующего вызвало во всей армии восторг и необыкновенно подняло ее дух. К сожалению, я так и не узнал, какими данными располагал генерал Нечволодов, категорически утверждая факт, касавшийся не одной его дивизии, корпуса и даже одной армии, в состав которой входила его дивизия, а всего фронта, когда лично он мог быть осведомлен лишь в том, как реагировали на совершившийся факт его собственная и две-три соседних дивизии.

Состоя при Ставке, где концентрировались известия со всего фронта, ежемесячно выезжая на фронт, беспрестанно встречаясь с массой находящихся на фронте военных начальников, офицеров и священников, я имел возможность в более широком масштабе проверить, как отнеслась армия к смене Верховного и насколько принятие самим Государем главного командования отразилось на ее духе и настроении.

Отвечая на поставленные мною выше вопросы, я буду говорить особо о командном, офицерском составе и особо о солдатской массе.

Нельзя оспаривать, что отношение и высшего командного состава и офицерства к Ставке летом 1915 года было определенно недоброжелательным. Ставку винили во многом, ее считали виновницей многих наших {324} неудач и несчастий. Но эти обвинения падали, главным образом, на генералов Янушкевича и Данилова, проносясь мимо великого князя. Престиж последнего и после всех несчастий на фронте оставался непоколебимым. Его военный талант по-прежнему не отвергался; сам он в глазах офицерства оставался рыцарем без страха и упрека - поборником правды, стражем народных интересов, мужественным борцом и против темных влияний и против всяких хищений и злоупотреблений.

Если для офицерства Николай II был волею Божией Император, то великий князь

Николай Николаевич был волею Божией Главнокомандующим. Голос армии, я уже упоминал раньше, указывал на него, как на Главнокомандующего, еще в японскую войну, - после объявления этой войны его имя тоже было у всех на устах. И теперь его имя везде произносили с уважением, почти с благоговением, часто с сожалением и состраданием, что все его усилия и таланты парализуются бездарностью его ближайших помощников, бездействием тыла, - главным образом, Петрограда, - нашей неподготовленностью к войне и разными неурядицами в области государственного управления.

Смена Верховного, которому верила, и которого любила армия, не могла бы приветствоваться даже и в том случае, если бы его место заступил испытанный в военном деле вождь. Государь же в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину: его военные дарования и знания доселе ни в чем и нигде не проявлялись, его общий духовный уклад менее всего был подходящ для Верховного военачальника.

Надежда, что Император Николай II вдруг станет Наполеоном, была равносильна ожиданию чуда. Все понимали, что Государь и после принятия на себя звания Верховного останется тем, чем он доселе был: Верховным Вождем армии, но не Верховным Главнокомандующим; священной эмблемой, но не мозгом и волей армии. А в таком случае ясно было, что место Верховного, после увольнения великого князя Николая Николаевича, {325} останется пустым и занимать его будут начальники Штаба и разные ответственные и неответственные советники Государя. Армия, таким образом, теряла любимого старого Верховного Главнокомандующего, не приобретая нового.

Помимо этого, многие лучшие и наиболее серьезные начальники в армии, по чисто государственным соображениям, не приветствовали решения Государя, считая, что теперь, в случае новых неудач на фронте, нападки и обвинения будут падать на самого Государя, что может иметь роковые последствия и для него, и для государства.

Конечно, встречались и такие "патриоты", которые, надрываясь, кричали, что решение Государя - акт величайшей мудрости. Но голос их звучал одиноко, не производя впечатления на массы.

Вот комплекс тех течений, мнений и настроений, которыми жило в данный момент офицерство фронта. Ясно, что от такого настроения до восторга, о котором повествовал генерал Нечволодов, было очень далеко.

Что касается Ставки, то там, после увольнения великого князя Николая Николаевича, раздавались, помнится, отдельные голоса, опасавшиеся бунтов в армии из-за увольнения великого князя. Никаких бунтов, конечно, не произошло. Горечь от смены Верховного в офицерской среде смягчалась радостью по случаю увольнения его помощников в Ставке. Я уверен, что никаких эксцессов на фронте не произошло бы, если бы даже остались на своих должностях генералы Янушкевич и Данилов: долг безусловного подчинения высочайшей воле тогда на фронте еще ничем не был поколеблен.

Что касается солдатской массы, то, беспредельно веря в великого князя Николая Николаевича, она чувствовала его потерю; разницы между прежним и настоящим положением Государя она ясно не представляла: для нее он и тогда, и теперь был царь, вольный во всем - и в приказах, и в запретах. Повод для печали у нее {326} был, причины особо радоваться - не было. Печаль подавлялась долгом подчинения высшей воле; искусственно возбудить радость было нельзя.

Итак, я решаюсь утверждать, что отставка великого князя была принята на фронте, по меньшей мере, с большим сожалением; вступление Государя в должность Верховного не вызвало в армии никакого духовного подъема. В распутинском лагере отставка великого князя вызвала ликование. Но этот лагерь не представлял ни армии, ни России.

На место генерала Данилова генералом Алексеевым был избран Генерального Штаба генерал Пустовойтенко, человек незначительный - так все считали его.

В Ставке и на фронте его звали "Пустоместенко". Тут сказалось неумение генерала Алексеева выбирать себе талантливых помощников и его привычка работать за всех своих подчиненных. Привыкши сам делать всё, генерал Алексеев, повидимому, и не искал

талантливейших.

Одновременно с Пустовойтенко появился в Ставке Генерального Штаба генерал Борисов, товарищ генерала Алексеева по 64 пехотному Казанскому полку и по Академии Генерального Штаба. Официально генерал Борисов получил назначение состоять при начальнике Штаба, негласно же он стал ближайшим помощником и советником генерала Алексеева.

Маленького роста, довольно толстый, с большой седой головой, генерал Борисов представлял собой редкий экземпляр генерала, физически не опрятного: часто не умытого, не причесанного, косматого, грязного, почти оборванного. Комната его по неделям не выметалась, по неделям же не менялось белье. Когда при дворе зашел вопрос о приглашении генерала Борисова к столу, там серьезно задумались: какие принять меры, чтобы представить Государю генерала в сколько-нибудь приличном виде.

С самым серьезным видом предлагали: накануне свести его в баню, остричь ему волосы и ногти, а в самый день представления велеть денщику привести {327} в порядок его сапоги и костюм. Все опасения, перемешавшись с шутками и остротами, дошли до Государя, который после этого серьезно заинтересовался допотопной фигурой генерала своей армии. Генерал Воейков, как более знакомый с Борисовым, взялся привести его перед "парадным" выходом в такой, по крайней мере, вид, который бы не очень смутил Государя. Благодаря трудам и искусству генерала Воейкова, Государю так и не пришлось увидеть Борисова в его обычном виде. Последний предстал пред царские очи и вымытым, и выбритым, и даже довольно чисто одетым, так что Государь потом заметил: "Я ожидал гораздо худшего".

В умственном отношении генерал Борисов не лишен был дарований. У него была большая начитанность, даже и в области философских наук. Некоторые считали его очень ученым, иные - философом, а иные - чуть ли не Наполеоном. Большинство же было того мнения, что и ученость, и стратегия, и философия Борисова гармонировали с его внешним видом, а его близость к генералу Алексееву считали вредной и опасной для дела.

После отъезда великого князя, в Ставке ждали, что последуют другие перемены. Более всего опасались за меня. Моя близость к великому князю и князю Орлову была всем известна, как было известно и мое отрицательное отношение к Распутину. Я тоже не считал свое положение прочным и, хотя наружно отношение ко мне Государя в сравнении с прежним не изменилось, я готов был ко всякого рода неожиданностям. Так же приблизительно чувствовали себя дежурный генерал Кондзеровский, начальник военных сообщений генерал Ронжин и свитский генерал Петрово-Соловово. С последним в это время у меня установились весьма дружеские отношения. Нас роднила прежняя близость к великому князю и одинаковая неопределенность нашего положения.

Однажды, зашедши к генералу Петрово-Соловово, я застал у него гр. А. Н. Граббе, командира царского конвоя, человека в то время бывшего очень близким к {328} Государю. Завязалась беседа, во время которой я спросил Граббе:

- Скажите, граф, по совести, - мы секрета не выдадим: многим ли из нас придется разделить участь великого князя?

Граббе молчал, многозначительно улыбаясь.

- Не хотите сказать?... Тогда скажите другое: мне не надо складывать свои чемоданы?

- Нет, вам не надо... Будьте спокойны, - ответил граф.

Между тем, в Ставке меня на каждом шагу спрашивали:

- Как дела? Как относится к вам Государь? Не поставлена вам в минус ваша близость к великому князю?

Другие были откровеннее.

- Остаетесь в Ставке? Не выпроводят вас вслед за великим князем? спрашивали они.

Одному из таких вопрошателей я как-то ответил:

- Конечно, остаюсь. Вчера купил себе самовар: надоело пользоваться одним чайником.

Действительно, за два-три дня до беседы с Граббе, я поручил начальнику своей канцелярии приобрести для последней самовар. Конечно, между этой покупкой и

происходившими событиями не было никакой связи.

На другой день вся Ставка говорила:

- Батюшка остается: уже купил себе самовар. Все наши опасения, однако, оказались напрасными. Никаких новых перемен в личном составе не происходило. В отношении меня, может быть, решающую роль сыграл генерал Алексеев, с которым я с давних пор был связан добрыми отношениями. Но это мое предположение. Возможно, что у Государя и не являлась мысль о смене меня или об увольнении меня из Ставки.

С переездом Государя очень изменились и лицо Ставки, и строй ее жизни. Из великокняжеской Ставка превратилась в царскую. Явилось много новых людей, {329} ибо Государь приехал с большой свитой. Лица, составлявшие свиту Государя в Ставке, делились на две категории: одни всегда находились при Государе, другие периодически появлялись в Ставке. К первой категории принадлежали: адмирал Нилов; свиты его величества генерал-майоры: В. И. Воейков, князь В. А. Долгоруков, гр. А. Н. Граббе, флигель-адъютанты, полковники: Дрентельн и Нарышкин, лейб-хирург С. П. Федоров. Министр двора, гр. Фредерикс жил то в Петрограде, то в Ставке. Флигель-адъютанты: полковники, гр. Шереметьев и Мордвинов, капитаны 1-го ранга Н. П. Саблин и Ден чередовались службой. Несколько раз дежурили в Ставке флигель-адъютанты: полковники Свечин и Силаев, а также князь Игорь Константинович. Осенью 1916 года некоторое время дежурил великий князь Дмитрий Павлович. Раза два на неопределенное время появлялся в Ставке обер-гофмаршал гр. Бенкендорф.

Из великих князей в Ставке находились: Сергей Михайлович, бывший начальник артиллерийского управления, Георгий Михайлович, состоявший в распоряжении Государя. Особый поезд на вокзале занимал Борис Владимирович, Наказной атаман всех казачьих войск. Часто появлялся в Ставке Александр Михайлович, заведывавший авиационным делом; реже Верховный начальник Санитарной части принц А. П. Ольденбургский. Не знаю, в качестве какого чина, но почти всегда находился в Ставке Кирилл Владимирович (Летом 1916 года генерал Алексеев как-то жаловался мне:

"Горе мне с этими великими князьями. Вот сидит у нас атаман казачьих войск великий князь Борис Владимирович, - потребовал себе особый поезд для разъездов. Государь приказал дать. У нас каждый вагон на счету, линии все перегружены, движение каждого нового поезда уже затрудняет движение... А он себе разъезжает по фронту. И пусть бы за делом. А то какой толк от его разъездов? Только беспокоит войска. Но что же вы думаете? Мамаша великого князя Мария Павловна, - теперь требует от Государя особого поезда и для Кирилла... Основание-то какое: младший брат имеет особый поезд, а старший не имеет... И Государь пообещал. Но тут я уже решительно воспротивился. С трудом удалось убедить Государя".),

а в ноябре 1916 г. {330} появился и Павел Александрович. Великий князь Михаил Александрович всё время находился на фронте.

В марте 1916 года Свита увеличилась еще одним членом, генералом Н. И. Ивановым, назначенным состоять при особе Государя.

С прибытием в Ставку наследника при нем всё время находились: воспитатель - тайный советник П. В. Петров, француз Жильяр, англичанин мистер Гиббс, матрос Деревенько и очень часто - доктор Деревенько.

Свита Государя была в постоянном общении с ним. Лица Свиты присутствовали на высочайших завтраках и обедах, утренних и вечерних чаях; сопровождали Государя в его ежедневных прогулках, участвовали в играх в кости и пр. Нельзя представить, чтобы при таком близком и постоянном общении с Государем они не оказывали на него влияния. Естественно возникает вопрос: что же представляли собой эти люди? Насколько сильно и плодотворно было их влияние? Я отлично сознаю, как труден данный вопрос, касающийся не только внешнего поведения, но и внутреннего содержания этих людей, но всё же, как сумею, отвечу на него.

И в Барановичах, и тут, в Могилеве, всё ближе знакомясь со свитой Государя, я не раз

задавался вопросом: ужель в своем 180-миллионном народе не мог Государь найти для окружения себя десятков таких лиц, которые были бы не только его сотрапезниками, компаньонами на прогулках, партнерами в играх, но и советниками и помощниками в государственных делах? Теперь же его свиту составляли лица по душе добрые, почти все без исключения благонамеренные, в большей или меньшей степени ему преданные, но у лучших из них недоставало мужества говорить правду и почти у всех государственного опыта, знаний, мудрости, {331} чтобы самим разбираться в происходящем и предостерегать Государя от неверных шагов.

Бесспорно, самым ловким, энергичным, распорядительным и настойчивым среди них был генерал Воейков, как самым умным и образованным был проф. С. П. Федоров. Но первый имел дурную привычку совсем легковесно расценивать очень крупные события и грозные тучи принимать за маленькое облачко, а второй избрал своим девизом: "Моя хата с краю". Где дело касалось парада, церемониала, или коммерческого оборота и вообще материального предприятия, там генерал Воейков оказывался перворазрядным дельцом. В государственных же делах он был недалек и легкомыслен. Предшествующая дворцовой служба не могла выработать из него серьезного государственного деятеля, ибо всю свою жизнь он занимался полковыми и личными хозяйственно-коммерческими делами. Кроме того, большое честолюбие и боязнь за карьеру лишали его в трудных и опасных случаях мужества, прямолинейности и готовности к самопожертвованию.

Первым в свите - и по положению, и по влиянию на Государя - должен был быть министр двора. Но граф Фредерикс, о котором мы уже имели случай говорить, в данное время представлял собою, так сказать, лицо без лица. При наличии министра двора, место министра двора фактически оставалось пустым. И видя это, даже некоторые лица свиты, глубоко уважавшие престарелого графа за его прежние заслуги и за высокое благородство его души, теперь жестоко обвиняли его в том, что он в столь ответственную и тяжелую пору не хочет оставить места, которое должен был бы теперь занимать исключительно сильный и энергичный человек.

Правдивый и прямой адмирал Нилов в последние три года был в немилости у Императрицы за свое открыто враждебное отношение к Распутину. Что касается Государя, то его отношение к адмиралу оставалось по-прежнему доброжелательным, но и только. Может быть, {332} тут влияла особая причина. Адмирал был человек с большими странностями. Он много читал, еще больше на своем веку видел, но в беседе с ним чувствовалась какая-то хаотичность его взглядов - религиозных, политических, бытовых, которые он к тому же излагал каким-то путанным, заплетающимся языком. Поэтому многие его не понимали и над ним смеялись и тогда, когда он высказывал самые серьезные и дельные мысли. Речь его становилась еще больше непонятной, когда он бывал под хмельком, а такое состояние было у него

более или менее постоянным. Это могло, конечно, лишь забавлять Государя.

Гофмаршал князь В. А. Долгоруков был бесконечно предан Государю. Его честность и порядочность во всех отношениях были вне всяких сомнений. Попал он в Свиту, так сказать, по наследству, так как приходился *de jure* пасынком, а *de facto* (как утверждали), сыном обер-гофмаршалу гр. Бенкендорфу. Профессор Федоров часто говорил, что "Валя Долгоруков - ни к черту негодный гофмаршал". Еще менее он годился для чего-либо иного в Царском Селе: чтобы развлекать Государя, - он был слишком скучен и не остроумен; чтобы быть советником, - он был слишком прост умом.

Командир Конвоя, гр. А. Н. Граббе, одним своим видом выдавал себя. Заплывшее жиром лицо, маленькие, хитрые и сладострастные глаза; почти никогда не сходявшая с лица улыбка; особая манера говорить - как будто шепотом. Все знали, что Граббе любит поест и выпить, не меньше поухаживать, и совсем не платонически. Слышал я, что любимым его чтением были скабрезные романы, и лично наблюдал, как он, при всяком удобном и неудобном случае, переводил речь на пикантные разговоры. У Государя, как я заметил, он был любимым партнером в игре в кости. Развлечь Государя он, конечно, мог. Но едва ли он

мог оказаться добрым советником в серьезных делах, ибо для этого у него не было ни нужного ума, ни опыта, ни интереса к {333} государственным делам. Кроме узкой личной жизни и удовлетворения запросов "плоти", его внимание еще приковано было к его смоленским имениям, управлению которыми он отдавал много забот.

Начальник Походной Канцелярии, флигель-адъютант полковник Нарышкин всегда молчал. Когда же его спрашивали, он отвечал двумя-тремя словами. Каковы были его дарования, - трудно было судить, но в честности и порядочности его никто не сомневался.

Из флигель-адъютантов самым близким, как я уже говорил, лицом к Государю был гр. Д. С. Шереметьев, сверстник Государя по детским играм, и однокашник по службе в лейб-гвардии Преображенском полку. Родовитость и колоссальное богатство, которым владел граф, в связи с такой близостью к царю, казалось бы, давали ему полную возможность чувствовать себя независимым и откровенно высказывать ему правду. К сожалению, этого не было. Гр. Шереметьев не шел дальше формального исполнения обязанностей дежурного флигель-адъютанта. На всё же прочее он как бы махнул рукой, причем при всяком удобном случае стремился выбраться из Ставки в Петроград или в свое имение в Финляндии, где у него была чудная рыбная ловля.

Флигель-адъютанту полковнику А. А. Дрентельну не долго пришлось жить в Ставке. Его единомыслие с великим князем Николаем Николаевичем и князем Орловым и вражда к Распутину слишком хорошо были известны Императрице. Кажется, через месяц или через два он был сплавлен из Свиты в командиры лейб-гвардии Преображенского полка. Как ни подслащена была пилюля, всем было понятно, что Дрентельн принесен в жертву за тот же грех, что и великий князь Николай Николаевич и князь Орлов.

В 1916 году очень часто появлялся в Ставке для замещения министра двора генерал К. К. Максимович, бывший наказной Атаман Войска Донского, а потом Варшавский генерал-губернатор. Несмотря на огромный {334} стаж пройденной в прошлом службы, этот генерал, при несомненной доброте и мягкости характера, представлял всё же на редкость бесцветный тип человека. Кроме внешнего лоска и нарядного вида, ничем он не отличался. Прямо обидно было наблюдать, как первое возражение противника сбивало его в разговоре с толку и он сдавал позиции без боя. Жутко было представить этого человека во главе области, края... А между тем он стоял во главе Царства Польского, и в какую еще пору... в 1905-1906 гг.! Но царь и царица, по-видимому, оделяли генерала Максимовича полным вниманием и благоволением.

Из дежуривших в Ставке при Государе флигель-адъютантов упомяну еще о капитанах I ранга Дене и Саблине, полковниках Мордвинове и Силаеве.

Капитан I ранга Ден выгодно выделялся своим умом, образованностью и открытостью характера. Он был помощником начальника Походной канцелярии, но в Ставке показывался редко, держал себя в стороне от всяких придворных интриг, хотя весьма несочувственно относился к распутинской клике. К сожалению, это был -физически больной человек, с трудом передвигавшийся.

Красавец капитан I ранга Н. П. Саблин был любимцем царицы и близким человеком к царю. В Ставке держал себя скромно и приветливо, ничем не вызывая подозрений в неблагонадежности. Но адмирал Нилев и профессор Федоров неоднократно предупреждали меня: "С Саблиным будьте осторожны-он распутинского толка".

Полковник лейб-гвардии Кирасирского полка Мордвинов выделялся своею скромностью и застенчивостью. Это был весьма чуткий, мягкий, отзывчивый человек. Его скромность и материальная необеспеченность не позволяли ему играть какую-либо заметную роль.

То же надо сказать о кавказском гренадере полковнике Силаеве. Это был толковый, простой и добрый человек, но не имевший никакого влияния при Дворе.

Такова была ближайшая свита Государя, с которой он проводил большую часть дня, которая, как бы ни {335} сторонился Государь от ее влияния, естественно, не могла не влиять на его взгляды, решения и распоряжения. Если исключить профессора Федорова, то

не блистала она ни талантами, ни дарованиями, ни даже сколько-нибудь выдающимися людьми.

Ужель нельзя было найти десять-пятнадцать талантливых людей, которые окружили бы Государя? Конечно, их можно было найти. Значит, Государь или не умел, или не желал окружать себя такими людьми.

Сам Государь представлял собою своеобразный тип. Его характер был соткан из противоположностей. Рядом с каждым положительным качеством у него как-то уживалось и совершенно обратное - отрицательное. Так, он был мягкий, добрый и незлобивый, но все знали, что он никогда не забывает нанесенной ему обиды. Он быстро привязывался к людям, но так же быстро и отворачивался от них. В одних случаях он проявлял трогательную доверчивость и откровенность, в других - удивлял своею скрытностью, подозрительностью и осторожностью. Он безгранично любил Родину, умер бы за нее, если бы увидел в этом необходимость, и в то же время как будто уж слишком дорожил он своим покоем, своими привычками, своим здоровьем и для охранения всего этого, может быть, не замечая того, жертвовал интересами государства.

Государь чрезвычайно легко поддавался влияниям и фактически он всегда находился то под тем, то под другим влиянием, которому иногда отдавался почти безотчетно, под первым впечатлением. Каждый министр после своего назначения переживал "медовый месяц" близости к Государю и неограниченного влияния на него, и тогда он бывал всемогущ. Но проходило некоторое время, обаяние этого министра терялось, влияние на Государя переходило в руки другого, нового счастливца, и опять же на непродолжительное время. В начале марта 1916 г. я был у Главнокомандующего Северным фронтом генерала Куропаткина.

{336} - Каково отношение Государя к генералу Алексееву? - спросил меня Куропаткин.

- По моему мнению, не оставляет желать ничего лучшего. Генерал Алексеев пользуется полным вниманием и доверием, - ответил я.

- Передайте же Михаилу Васильевичу, - сказал Куропаткин, - чтобы он использовал для дела это время. Пусть помнит, что это медовый месяц, когда Государь всё исполнит, что бы Алексеев ни попросил. Но потом медовый месяц пройдет: Государь к нему привыкнет и охладет. Тогда ему труднее будет добиваться нужного.

Не решаюсь сказать, в связи с чем - с признанием ли вреда для дела от вмешательства в него посторонних лиц, со стремлением ли оградить себя от лишних влияний, или с нежеланием брать на себя труд разбираться в разных мнениях и противоречиях, когда легче согласиться со "специалистом", каким для Государя являлся каждый министр в своем министерстве и начальник в своем ведомстве, но у Государя выработался особый прием: при разговоре с известным лицом выслушивать всё, не выходящее из круга полномочий и службы этого лица, и отстранять всё "лишнее", непосредственно не касающееся его ведомства. Вспоминаю один свой разговор за столом с проф. Федоровым.

- Государь особый человек, - говорил мне Федоров, - он всегда полагается на "специалиста" и ему только верит. Вы хорошо знаете Валю Долгорукова. Какой же он гофмаршал?! А у Государя он авторитет в своей области. Вот суп, что сейчас мы с вами едим, - дрянь! А похвалит его Долгоруков, и Государь будет его хвалить, как бы вы ни убеждали его в противном.

Необходимо отметить еще одну чрезвычайно характерную, объясняющую многое, черту в характере Государя, - это его оптимизм, соединенный с каким-то фаталистическим спокойствием и беззаботностью в отношении будущего, с почти безразличным и равнодушным переживанием худого настоящего, в котором за {337} время его царствования не бывало недостатка. Кому приходилось бывать с докладами у Государя, тот знает, как он охотно выслушивал речь докладчика, пока она касалась светлых, обещающих успехи сторон дела, и как сразу менялось настроение Государя, ослабевало его внимание, начинала проявляться нетерпеливость, а иногда просто обрывался доклад, как только докладчик касался отрицательных сторон, могущих повлечь печальные последствия. При этом

Государь, обычно, высказывал сомнение: "может быть, дело обстоит совсем не столь печально", и всегда заканчивал уверенностью, что всё устроится, наладится и кончится благополучно.

Таково же было отношение Государя и к событиям. Радостные события Государь охотно переживал вместе с окружавшими его, а печальные события как будто лишь на несколько минут огорчали его.

Летом 1915 года в начале многолюдного обеда у великого князя, устроившего торжество по случаю пребывания Государя в Ставке, Государю подали телеграмму о смерти адмирала Эссена, командовавшего Балтийским флотом. Потеря адмирала Н. О. фон Эссена была огромным несчастьем для государства. Государь не мог не знать этого. Эссен воссоздал Балтийский флот; во время войны он был душой и добрым гением этого флота. Другого Эссена во флоте не было. Государь прочитал телеграмму, сказал несколько теплых слов по адресу почившего, и... этим дело кончилось. Между прочим, обратился и ко мне с вопросом:

- Вы знали адмирала Эссена? Замечательный был человек.

Я ответил:

- Прекрасно знал, ваше величество. Это был удивительный, незаменимый человек.

Обед продолжался при отличном настроении Государя... Я сидел почти против него. Мне было обидно за Эссена, жутко за Государя... Свои несчастья: отречение, заточение, ссылку Государь, по отзывам лиц, видевших {338} его в те минуты, переживал спокойно, как будто бесчувственно, не то стойко веря в отличное будущее, не то философски игнорируя всё происходящее: всё равно, мол..

В этой особенности государева характера было несомненно, нечто патологическое. Но, с другой стороны, несомненно и то, что сложилась она не без сознательного и систематического упражнения. Государь однажды сказал министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

- Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу.

Это рассказывал мне сам Сазонов в июле 1916 года. Значит, у Государя это был своего рода философский "modus vivendi": воспринимать и переживать только приятное, что может утешать, радовать и укреплять тебя, и проходить мимо всего неприятного, что тебя озабочивает, расстраивает, огорчает, не задерживаясь на нем, как бы не замечая его. Кто хотел бы заботиться исключительно о сохранении своего здоровья и безмятежного покоя, для того такой характер не оставлял желать ничего лучшего; но в Государе, на плечах которого лежало величайшее бремя управления 180-миллионным народом в беспрецедентное по сложности время, подобное настроение являлось зловещим.

Характером Государя определялись отношения его к лицам свиты, как и лиц свиты к нему. Государь был с ними прост и общителен, всегда ласков и приветлив, изысканно предупредителен и любезен. Но выходило так, что свита существовала для охраны, для развлечения и забавы Государя, а не для помощи ему в государственных делах. Государь по несколько часов в день проводил в беседе с лицами свиты - за утренним, дневным и вечерним чаями, во время прогулок и т. п., но была особая область, которой лица свиты не должны были в этих беседах касаться, - это область государственных дел.

{339} - Вы думаете, - говорил мне в 1916 г. граф Граббе, - что нас слушают, с нами советуются, - ничего подобного! Говори за чаем или во время прогулки о чем хочешь, тебя будут слушать; а заговори о серьезном, государственном, Государь тотчас отвернется, или посмотрит в окно да скажет: а завтра погода будет лучше, проедем на прогулку подальше или что-либо подобное...

- Вы думаете, что Государь когда-нибудь говорит с нами о военных действиях? - спрашивал меня в октябре 1916 г. профессор Федоров, - ничего подобного. Таких вопросов он перед нами не касается.

Такой порядок имел, может быть, и хорошую и плохую сторону, ибо он устранял возможность вмешательства не ответственных лиц в ответственные дела. Но он имел и

дурные последствия, ибо лишал возможности приближенных к Государю лиц выступить там, где их помощь была необходима, где некому было раскрыть глаза Государю.

Конечно, всё это не означает того, что свита не оказывала никогда и никакого влияния на Государя. Была область придворной жизни, где лица свиты были всемогущи, это - высочайшие приемы, приглашение на высочайшие завтраки и обеды, пожалование наград и других милостей. Действуя хитро, осторожно и настойчиво, они иногда оказывали решительное влияние и на большие назначения, и увольнения. Могу с несомненностью утверждать, что увольнение военного министра генерала Поливанова и назначение на его место генерала Шуваева состоялись под влиянием свиты и особенно адмирала Нилова и профессора Федорова, не симпатизировавших генералу Поливанову. Как и учреждение министерства здравоохранения и назначение министром профессора Рейна, потом, вследствие протеста Государственной Думы и Государственного Совета аннулированные, - состоялись под давлением профессора Федорова. Еще чаще достигал намеченной цели генерал Воейков. Но во всех случаях цель достигалась ловкими, {340} искусными ходами, а не естественным положением дела. Вообще же область государственных дел для лиц свиты Государем тщательно закрывалась.

В эту область имели право вторгаться, кроме "специалистов", еще Императрица-супруга, Распутин и Вырубова, для влияния которых уже не существовало никаких преград и границ.

Не больше влияния имели на Государя и находившиеся в ставке великие князья. Для меня и доселе остается непонятным несомненный факт, что великие князья очень боялись Государя. Еще, пожалуй, смелее были младшие князья: Дмитрий Павлович, Игорь Константинович, но старшие, как Сергей Михайлович, Георгий Михайлович, не скрывали своего страха перед царем. Внушался ли им с детства трепет перед монархом, боялись ли они за смелое слово попасть в опалу, быть высланными из Ставки, или что-либо другое внушало им осторожность, но факт тот, что за спиною Государя они трактовали о многом и многим возмущались, а когда приходила пора высказаться открыто и действовать прямо, тогда они прятались за спины других, предоставляя им преимущество ломать свои шеи. Конечно, ярким исключением тут был великий князь Николай Николаевич, который всегда выступал смело, действовал прямо и всё брал на себя.

Из находившихся в Ставке великих князей большей любовью и уважением Государя пользовался великий князь Георгий Михайлович, старший по возрасту, наиболее русский по душе, прямой и добрый человек. Прежний любимец Государя великий князь Дмитрий Павлович после ухода великого князя Николая Николаевича отошел на второй план. Отношения между ним и Государем стали сухо формальными. С обострением распутинского вопроса выдвинулся великий князь Борис Владимирович, ставший близким к царю и царице. Особенное благоволение к нему царя было очень заметно, хотя для меня и доселе непонятно, чем этот великий князь заслужил любовь царскую.

{343}

XVIII

Царский быт в Ставке. Государь и его наследник

Переехав в губернаторский дворец, Государь поместился во втором этаже, в предназначенных для него еще великим князем двух небольших комнатах, за залом. Первая комната стала кабинетом Государя, вторая - спальней. Тут же, во втором этаже, в крыле дворца, обращенном одной стороной во двор, а другой в сад, поместились гр. Фредерике и генерал Воейков, занявшие по одной комнате. В первом этаже, в бывших комнатах великого князя, поселились - в первой проф. Федоров, во второй адмирал Ниллов. Бывшее помещение начальника Штаба занял Начальник Походной Канцелярии. Здесь же, в первом этаже, разместились князь Долгоруков, граф Шереметьев и некоторые другие.

Государь вставал в 9-м часу утра; потом занимался туалетом и, по совершении утренней молитвы, выходил в столовую к чаю. Там уже ожидали его лица свиты. В 11 ч. утра он шел в Штаб на доклад. В первый раз его туда сопровождали министр двора и дворцовый

комендант. По-видимому, оба они собирались присутствовать при докладе. Но генерал Алексеев решительно воспротивился этому, и оба они остались за дверями. Генерал Алексеев, будто бы перед самым носом Воейкова захлопнул дверь. Последний потом жаловался: "Мне Алексеев чуть не прищемил нос". После этого граф Фредерике больше не сопровождал Государя, а генерал Воейков не пытался проникнуть в "святая святых" Ставки и, пока Государь сидел на докладе, он проводил время или в беседе с состоявшим при генерале Алексееве генералом Борисовым, забавлявшим его своими странностями, или на некоторое время уходил во дворец, а к концу доклада снова являлся в Штаб для обратного сопровождения Государя.

{344} При первой, операционной части доклада присутствовал не только генерал-квартирмейстер, но и дежурный штаб-офицер Генерального Штаба. По окончании этой части Государь оставался наедине с генералом Алексеевым, и тут они обсуждали и решали все вопросы, касавшиеся армии. А какие только вопросы не касались ее? Государь возвращался во дворец после 12 ч., иногда за две-три минуты до завтрака.

Собственно говоря, этим часовым докладом и ограничивалась работа Государя, как Верховного Главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не могло быть и речи. Она исполнялась начальником Штаба с участием или без участия его помощников, а Государю подносились готовые выводы и решения, которые он волен был принять или отвергнуть. Экстренных докладов начальника Штаба почти не бывало. За всё пребывание Государя в Ставке генерал Алексеев один или два раза являлся во дворец с экстренным докладом. Обычно же, все экстренные распоряжения и приказания он отдавал самостоятельно, без предварительного разрешения Государя и лишь после докладывал о них.

В этом отношении при великом князе дело обстояло совсем иначе. Начальник Штаба являлся к нему по несколько раз в день, и ни одно серьезное распоряжение не делалось без великокняжеского указания или разрешения.

На высочайших завтраках и обедах всегда присутствовало более 20 человек. Обязательно приглашались к высочайшему столу: великие князья, свита, иностранные военные агенты, генерал Иванов и я. На завтраках, кроме того, всегда присутствовал Могилевский губернатор (До февраля 1916 г. губернатором был А. И. Пильц, а после него Д. Г. Явленский.). Генерал Алексеев просил Государя освободить его от обязательного присутствия за царским столом, в виду недостатка времени, и разрешить ему лишь два раза {345} в неделю являться к высочайшему завтраку. Государь уважил просьбу старика, но просил его помнить, что его место за столом всегда будет свободно, и он может занимать его всякий раз, когда найдет возможным. После этого генерал Алексеев являлся к высочайшим завтракам, кажется, по вторникам и воскресеньям, а в остальные дни питался в штабной столовой, где, как хозяин, он чувствовал себя свободно и по собственному усмотрению мог распоряжаться временем.

Прочие чины Ставки, - военные все, гражданские - до известного класса, - приглашались к высочайшему столу по очереди. Исключение составляли чины дипломатической и гражданской части канцелярии Ставки. Без различия чинов они все приглашались по очереди к высочайшему столу. Прибывавшие в Ставку министры, генералы и другие чины также удостоивались приглашения, - первые всегда, вторые - в зависимости от занимаемых ими должностей или связей с двором.

Хотя гофмаршал сразу же объявил мне, что Государь повелел всегда приглашать меня к столу, тем не менее, перед каждым завтраком и обедом ко мне являлся скороход высочайшего двора Климов с сообщением: "Его величество просит вас пожаловать к завтраку" или "к обеду". Так же было и со всеми прочими.

Минут за десять до начала завтрака или обеда начинали собираться в зале приглашенные к столу, при чем, в ожидании Государя, выстраивались вдоль правой стороны, выходящей на улицу, по старшинству: старшие ближе к дверям, ведущим из зала в кабинет Государя. Министр двора и свита становились слева от дверей. Я избрал себе место в уголку, около рояля, с левой стороны от входных дверей, и никогда его не менял.

В 12.30 ч. дня на завтраках и в 7.30 на обедах, иногда с опозданием на 3-5 минут, раскрывались двери кабинета, и выходил Государь. Почти всегда он, выходя, правой рукой разглаживал усы, а левой расправлял {346} сзади свою рубашку-гимнастерку. Начинался обход приглашенных. Государь каждому подавал руку, крепко пожимая ее (Государь обладал большой физической силой. Когда он сжимал руку, я иногда чуть удерживался, чтобы не вскрикнуть от боли.), и при этом как-то особенно ласково смотрел в глаза, а иногда обращался с несколькими словами. При каждом моем возвращении из поездки, он, например, здороваясь, спрашивал меня: "Как съездили? Удачно? Потом доложите мне" и т. п. Лично неизвестные Государю, когда он подходил к ним, прежде всего рекомендовались: "Имею счастье представиться вашему императорскому величеству, такой-то", при чем называли свою фамилию, чин, должность. Только после этого Государь протягивал новичку руку.

Обойдя приглашенных, Государь направлялся в столовую и шел прямо к закусочному столу. За ним входили великие князья и прочие приглашенные. Государь наливал себе и иногда старейшему из князей рюмку водки, выпивал ее, и, закусивши чем-нибудь, обращался к своим гостям: "Не угодно ли закусить?" После этого все приближались к столу, уставленному разными холодными и горячими, рыбными и мясными закусками. Каждый брал себе на тарелку, что ему нравилось, - пьющие выпивали при этом водки, - и отходили в сторону, чтобы дать место другим. Государь, стоя с правой стороны стола, около окна, продолжал закусывать. Иногда он выпивал вторую рюмку водки. Гофмаршал же во время закуски обходил приглашенных и каждому указывал на карточке место, какое он должен занять за столом.

Когда закусывавшие кончали свою "работу", Государь направлялся к большому, занимавшему средину столовой, столу и, осенив себя крестным знаменем, садился на свое место в центре стола, спиной к внутренней стенке и лицом к выходившим во двор окнам, {347} из которых открывался красивый вид на Заднепровье. Против Государя, на другой стороне стола, всегда сидел министр двора или, если его не было в Ставке, гофмаршал; справа от Государя - генерал Алексеев, старший из князей, если Алексеева не было, или министр; слева - Наследник, а когда его не было, второй по старшинству из приглашенных. По правую и левую руку министра двора садились французский и английский военные агенты. При распределении остальных соблюдался принцип старшинства, малейшее нарушение которого иногда вызывало огорчения и обиды. Я сам однажды слышал жалобу князя Игоря Константиновича, что его посадили ниже, чем следовало.

В общем же, на той правой стороне, где сидел Государь, помещались лица, постоянно приглашавшиеся к столу, а на другой, против Государя, иностранцы и временные гости.

Завтрак, обыкновенно, состоял из трех блюд и кофе, обед - из четырех блюд (суп, рыба, мясо, сладкое), фруктов и кофе. За завтраками подавались мадера и красное крымское вино, за обедами - мадера, красное-французское и белое-удельное. Шампанское пили только в дни особых торжеств, причем подавалось исключительно русское "Абрау-Дюрсо". У прибора Государя всегда стояла особая бутылка какого-то старого вина, которого он, насколько помнится, никому, кроме великого князя Николая Николаевича не предлагал.

Если принять во внимание затрачивавшиеся суммы, то царский стол оставлял желать много лучшего, причем, особенным безвкусием отличались супы. Более избалованных он не удовлетворял. Профессор Федоров был прав, когда он называл князя Долгорукова "ни к чорту негодным гофмаршалом".

В конце завтрака, как и обеда, Государь обращался к гостям: "Не угодно ли закурить?" И сам первый закуривал папиросу, вставив ее в трубку (или в мундштук) {348} в золотой оправе, которую всегда носил в боковом кармане гимнастерки.

Сидя за столом, Государь запросто беседовал с ближайшими своими соседями. Делились воспоминаниями, наблюдениями; реже затрагивались научные вопросы. Когда касались истории, археологии и литературы, Государь обнаруживал очень солидные познания в этих областях. Нельзя было назвать его профаном и в религиозной области. В

истории церковной он был достаточно силен, как и в отношении разных установлений и обрядов церкви. Но во всем, - я сказал бы, весьма серьезном, - образовании Государя проглядывала основная черта его душевного склада. Государь многое знал, как и многое понимал, но он, боясь ли утруждать себя, или страшись новизны как будто уклонялся от решительных выводов и проведения их в жизнь, предоставляя это "специалистам". Возьмем к примеру церковную область. Государь легко разбирался в серьезных богословских вопросах и в общем верно оценивал современную церковную действительность, но принятия мер к исправлению ее ждал от "специалистов", - обер-прокурора Св. Синода и самого Св. Синода, которые в своих начинаниях и реформах всегда нашли бы полную поддержку, если бы только не встретились противодействия со стороны Императрицы или иной какой-либо, сильной

влиянием на него стороны. То же бывало и в других областях.

В тесном кругу, за столом, Государь был чрезвычайно милым и интересным собеседником, а его непринужденность и простота могли очаровать кого угодно. С ним можно было говорить решительно обо всем, говорить просто, не подбирая фраз, не считаясь с этикетом. Чем прямее, проще, сердечнее, бывало, подходишь к нему, тем проще и он относится к тебе. Однажды, по возвращении моем из Петрограда, Государь за столом спрашивает меня:

- Хорошо съездили в- Петроград?

{349} - Совсем измучился, - отвечаю я, - разные посетители и просители так извели меня, что я, наконец, захватив чемодан, удрал к брату (брат Г. Шавельского - Василий Шавельский - священник - был в 1937 году арестован и расстрелян. В 60-е годы реабилитирован. - ldn-knigi) и уже на другой день от него выехал на вокзал.

- Понимаю это... сказал Государь, - со мной не лучше бывает, когда приезжаю в Царское Село. Но мне убежать некуда...

- Я, ваше величество, не считаю свое положение завидным, но с вами ни за что не поменялся бы местами, - выпалил я.

Государь посмотрел на меня с удивлением, а потом с грустью сказал:

- Как вы хорошо понимаете мое положение!

Иногда Государь трогал своим вниманием и сердечностью. Когда в июне 1915 года умер мой родственник, сельский священник, и я обратился к Государю с просьбой разрешить мне поездку на похороны, он с самым сердечным участием начал расспрашивать о покойном, об его семье, его службе и пр.

После кофе Государь вставал из-за стола, осеняя себя крестным знаменем, и направлялся в зал. Если он проходил мимо меня, я молчаливым поклоном благодарил его за хлеб-соль. Это же делали и многие другие. Государь приветливым движением головы отвечал на благодарность. Вслед за Государем направлялись и все трапезовавшие. Не переставая курить, Государь обходил гостей, беседуя то с одним, то с другим. Если тут были "новые", т. е. приезжие, то им уделялось особое внимание. Они преимущественно удостоивались царской беседы. Во время разговора с гостем, Государь часто почесывал левую руку около плеча или ногу и очень любил поддакивать, когда разговор был угоден ему: "ну, конечно!", или: "именно так!", "ну, само собою понятно!"

Беседа Государя не могла удовлетворить того, кто ожидал увидеть в ней величие и мудрость монарха, но зато она не могла не тронуть собеседника своей простотой и сердечностью. Государь не касался в беседе ни {350} отвлеченных, ни даже государственных вопросов, - всё свое внимание он сосредоточивал на личности того, с кем он говорил, выказывая живой интерес к его службе, к его здоровью, к его семейному и даже материальному положению и т. п.

Постороннего же наблюдателя не могли не удивить то спокойствие и добродушие, то долготерпение, с которыми Государь выслушивал неудачные ответы, нелепые просьбы, бестактную болтовню некоторых собеседников. Вспоминаю несколько случаев. Осенью 1916 г., после обеда, Государь обходит гостей. Вот он остановился почти у дверей своего кабинета

и беседует с каким-то полковником, которого я впервые вижу. В это время подходит ко мне великий князь Сергей Михайлович с вопросом:

- Вы знаете этого полковника, с которым теперь беседует Государь?

- Нет, не знаю. Но по погонам вижу, что он из 17-го пехотного Архангелогородского полка, - отвечаю я.

- Да, это - новый командир 17-го Архангелогородского полка; назначен из воспитателей корпуса. Какое он впечатление производит на вас? продолжает великий князь.

- Никакого, - ответил я.

- А на меня он производит такое впечатление, что через два месяца его выгонят из армии, - сказал Сергей Михайлович. Только великий князь произнес эти слова, как Государь вдруг оставляет своего собеседника и быстро через всю залу направляется к дежурному штаб-офицеру, который теперь стоял рядом со мной.

- Скажите, - обратился к нему Государь, - где сейчас стоит 17-ый Архангелогородский пехотный полк?

На западном фронте? - Так точно, - ответил штаб-офицер.

- А вы не знаете, где именно? Какой ближайший к нему город? - спросил Государь.

{351} - В Барановическом направлении, ближайший город - Несвиж, Минской губ., - ответил штаб-офицер.

- Ну, то-то же, Несвиж! А то я спрашиваю полковника: через какой город он поедет отсюда в свой полк? Он отвечает мне: "Через г. Свяжск". Ведь Свяжск Казанской губ., - улыбаясь, сказал Государь.

Великий князь Сергей Михайлович, стоявший тут же и слышавший весь разговор, говорит после этого мне:

- Слышали? Разве не угадал я? Пожалуй, еще скорее выгонят.

От штаб-офицера Государь подошел к стоявшему вблизи полковнику гр. Толю, командиру 2-го Павлоградского лейб-гусарского полка. Полковник был из разговорчивых, и Государю приходилось больше молчать и слушать. О чем же болтал полковник? Только о наградах. Такой-то, мол, офицер был представлен им к Владимиру 4 ст., а дали ему Анну 2 ст.; такой-то - к золотому оружию, а дали орден. Потом перешел на солдат. Такого-то наградили вместо Георгия 4 ст. георгиевской медалью и т. п. И Государь спокойно слушал жалобы этого полковника, который, прибыв с фронта, не нашел сказать своему Государю ничего более серьезного и путного, как осаждать его такими жалобами, какие легко и скоро мог уладить его начальник дивизии (В военное время представления к орденам, включая Владимира 4 ст., не доходили до Государя, а удовлетворялись командующими и главнокомандующими. Солдатскими отличиями награждали даже начальники дивизий.).

Приведу еще один пример деликатности Государя.

Благочинным Черноморского флота в 1915 г. состоял настоятель Севастопольского морского собора, кандидат богословия, протоиерей Роман Медведь. Это был очень своеобразный человек. Очень начитанный и умный, столь же настойчивый, он всё время хотел быть величавым и важным: и в движениях, и в поступках, {352} и в речи.

Говорил медленно, всегда наставительно и серьезно; казалось, что каждый жест его руки, каждое движение его мускула на лице были рассчитаны, чтобы произвести впечатление. Нечего уже говорить о совершении им богослужений, где он совсем становился "святым".

Такое важничанье не совсем гармонировало с наружным видом о. Медведа: маленького роста, очень моложавый (хотя ему шел 40-й год), безбородый, что его еще более молодило, - он не подходил для той роли, которую брал на себя, и одним казался смешным, а другим - несимпатичным. На этой почве у него в Черноморском флоте среди офицеров было много противников. Последние, впрочем, имели и другой повод для негодования против него.

О. Медведь всё же умел подчинять других своей воле. Так, ему удалось совершенно завладеть сердцем очень доброго и симпатичного, но слабовольного командующего Черноморским флотом адмирала Эбергардта. Дело дошло до того, что во флоте начали

повторять: флотом командует не адмирал Эбергардт, а протоиерей Медведь.

Однажды протоиерей Медведь попросил у адмирала Эбергардта позволения совершить на одном из военных кораблей поход до Батума и обратно для лучшего ознакомления со службой священника на корабле. Адмирал, конечно, разрешил.

Офицеры корабля, на котором пришлось плыть о. Медведю, оказались не принадлежащими к числу его поклонников. Это обнаружилось сразу: войдя в отведенную для него каюту, о. Медведь увидел повешенного за хвост к потолку игрушечного медведя. Беседы за столом то и дело сводились к охоте на медведей и т. п. Но как на беду, корабль был застигнут в пути бурей, а о. Медведь оказался подверженным морской болезни. Офицеры потом рассказывали: "В естественной истории это был, вероятно, первый случай, что медведь ревел белугой".

{353} Вот этот-то протоиерей Медведь однажды так "отличился" перед Государем.

Осенью 1915 года Государь с семьей предпринял путешествие: Севастополь, Новочеркасск, Харьков. В воскресные дни во всех городах Государь присутствовал на богослужениях в соборах, в Севастополе - во Владимирском соборе при служении о. Медведя.

Вероятно, в первый раз служивший в присутствии Государя, о. Медведь решил показать себя, для чего еще более напустил важности: возгласы произносил медленно, едва дыша, еле-еле передвигался с места на место, певчим приказал петь самые вычурные и длинные песнопения и т. д. Благодаря всему этому, служба удлинилась более, чем на час. А у царя для приемов и посещений в этот день всё было рассчитано и размерено по минутам. О. Медведь своей службой всё спутал, всё пошло с огромным опозданием. В придворной жизни это являлось большим скандалом.

Когда Государь вернулся в Ставку, адмирал Нилов при первой встрече набросился на меня: "Вы не слыхали, что вышло в Севастополе? Безобразие! Было назначено богослужение во Владимирском соборе, протоиерея Медведя предупредили, чтобы он к 11 часам закончил службу, так как с 11.30 должны были начаться высочайшие приемы и посещения, время каждого из которых было строго и точно определено. А Медведь закончил службу только в 1-м часу. Всё после этого перепуталось. Их величества смогли начать завтрак только в 3-м часу дня, а он был назначен на 12.30. Это черт знает, что такое!

Я бы немедленно прогнал такого протоиерея!"

Я пытался оправдать о. Медведя, но мое заступничество еще более раздражило адмирала. Предполагая, что и у Государя остался дурной осадок, я решил перед ним заступиться за провинившегося.

Подошедши к Государю, я сначала обратился к нему с каким-то служебным вопросом, а потом спросил его:

{354} - Кажется, вас, ваше величество, измучили богослужением в Севастопольском соборе?

- Ах, да! - ответил Государь, - там, действительно, перестарался протоиерей Медведь... Уж очень длинно всё у него выходило... А особенно певчие. А я не люблю такого пения, вычурного и искусственного. Все мы измучились, слушая такую службу.

- Вы уж извините его, - у него это вышло от избытка усердия и желания угодить вам, - сказал я.

- Я понимаю. Я уж защищал его перед своими дочерьми, когда те начали нападать на него. Да и не он один закатывал для нас такую службу. То же сделали и архиепископы, Антоний - в Харькове, Владимир - в Новочеркасске. Кстати, зачем это Антоний на литургии "Призри с небесе Боже" произносил на трех языках: славянском, греческом и латинском? Разве молящиеся их понимают?

- Вероятно, потому, что сам архиепископ Антоний знает эти языки, ответил я.

После завтрака Государь обычно принимал с докладом министра двора, а иногда и других министров, когда те приезжали в Ставку, а затем, около 3-х ч. дня, отправлялся на прогулку. Тут его сопровождали: генерал Воейков, князь Долгоруков, граф Граббе,

профессор Федоров, Нарышкин и дежурный флигель-адъютант. Обыкновенно, выезжали на автомобилях за город, а потом пешком делали чуть не до 10 верст.

Государь обладал удивительным здоровьем, огромной физической выносливостью, закаленностью и силой. Он любил много и быстро ходить. Лица свиты с большим трудом поспевали за ним, а старшие были не в силах сопровождать его. Государь не боялся простуды и никогда не кутался в теплую одежду. Я несколько раз видел его зимою при большой стуже прогуливающимся в одной рубашке, спокойно выстаивавшим с открытой головой молебствие на морозе и т. п.

Когда в 1916 г. ему предложили отменить {355} крещенский парад в виду большого мороза и дальнего (не менее версты) расположения штабной церкви от приготовленного на р. Днепре места для освящения воды, он категорически запротестовал и, несмотря на мороз, с открытой головой, в обыкновенной шинели сопровождал церковную процессию от храма до реки и обратно до дворца.

Летом иногда прогулки совершались по Днепру в лодках. Тогда адмирал Нилов вступал в исполнение своих обязанностей, садясь у руля лодки с Государем, а последний бессменно сам работал веслами. Лица Свиты сидели в другой лодке, где гребли матросы. И хотя лодка Государя шла по середине реки, и он один в ней работал веслами, а свитская лодка больше держалась берега, первая - никогда не отставала. И так пробирались верст семь вверх по Днепру.

От 5 до 6 ч. в. шел чай, после которого до обеда Государь принимал доклады министров, писал письма. В 7.30 ч. вечера начинался обед; после него часов до 9-ти веч. - беседа с обедавшими гостями. А затем Государь снова занимался делами. В 10 ч. вечера еще раз подавался чай, после которого, если не было спешных дел, происходили игры. По окончании обеда я слышал несколько раз, как Государь мимоходом говорил графу Граббе: "Сегодня не будем играть в кости".

Мне не раз задавали и продолжают задавать вопросы: верно ли, что Государь ежедневно предавался в ставке неумеренному употреблению алкоголя? Верно ли, что Воейков и Нилов спаивали его?

Со дня вступления Государя в должность Верховного и до самого его отречения я состоял в Ставке и в течение этого времени всегда завтракал и обедал за одним столом с Государем. Не знаю, почему, но я всегда с чрезвычайным вниманием изучал Государя.

И я так изучил Государя, что прошло уже много лет, как я с ним расстался, но я и сейчас, как наяву, различаю каждую морщинку на его лице, вижу его прямой затылок, {356} загорелую шею, его открытые приветливые глаза, слышу интонацию его голоса, чувствую крепкое пожатие руки. Меня интересовало каждое слово, каждый жест, каждое движение Государя. Не могло ускользнуть от меня и его отношение к напиткам. Государь за завтраками и обедами выпивал одну-две рюмки водки, один-два стакана вина. Я не только никогда не видел Государя подвыпившим, но никогда не видел его и сколько-нибудь выведенным алкоголем из самого нормального состояния. Нелепая и злая легенда о пьянстве Государя выдает самое себя, когда одним из лиц, "спаивавших" его, считает генерала Воейкова. Генерал Воейков совершенно не пил ни водки, ни вина, демонстративно заменяя их за высочайшим столом своей кувакой. А в бытность свою командиром лейб-гвардии Гусарского полка он прославился, как рьяный насадитель трезвости в полку. Как же мог он спаивать Государя?

Во все праздничные и воскресные дни и накануне их Государь посещал штабную церковь. Пропуски в этом отношении были чрезвычайно редки и всегда вызывались какими-либо особыми причинами.

- Как-то тяжело бывает на душе, когда не сходишь в праздник в церковь, - не раз слышал я от Государя.

Должен заметить, что богослужбное дело в Ставке в это время было поставлено исключительно хорошо. Могилевский архиепископ отдал в наше распоряжение ближайшую к дворцу семинарскую церковь, бывший кафедральный собор, выстроенный в 18-м веке

знаменитым архиепископом Георгием Конисским. Достаточно обширный, очень высокий с бесподобным резонансом и акустикой стильный и стройный, - храм не оставлял желать ничего лучшего. Наша ризница, благодаря щедрым пожертвованиям московских и петербургских купцов, представляла редкую художественную ценность. В конце 1916 г. она была богаче и разнообразнее ризницы царскосельского Государева Федоровского собора. Но {357} лучшим украшением нашего храма был наш несравненный хор и чудный диакон Н. А. Сперанский. Хор состоял всего из 16 человек. Но все это были отборные певцы из придворной капеллы и петербургских хоров, Митрополичьего и Казанского собора. Управлялся он двумя регентами Придворной капеллы - Носковым и Осиповым. По моему настоянию, они внесли в наш хор то, чего всегда недоставало капелле, - задушевность и одушевленность. Наш хор не только поражал свежего человека своею мощностью и музыкальностью, но и захватывал его особой проникновенностью, духовной теплотой и большой продуманностью исполнения.

В отношении церковного пения Государь отличался большим консерватизмом. Любимым его пением было простое. Из композиторов он признавал Бортнянского, Турчанинова, Львова, к которым с детства привыкло его ухо. Произведения новых композиторов можно было исполнять при нем с большой опаской, рискуя получить замечание, а то и резкое выражение неудовольствия. Придворные певчие рассказывали, что бывали и такие случаи. Чтобы избежать лишних неприятностей, я приказал регентам в присутствии Императора исполнять только те номера, которые уже пелись в его придворной церкви, и кроме того, перед каждой службой я сам просматривал представлявшийся мне список предположенных к исполнению нотных песнопений. После одной из литургий Государь спрашивает меня:

- Какую это херувимскую сегодня пели? Я никогда ее не слышал.
- Регент Носков сказал мне, что она несколько раз исполнялась капеллою в вашей церкви, - отвечаю я.
- Ничего подобного! А чья это херувимская?, - продолжает Государь.
- Носкова, - докладываю я.
- Ну, теперь понятно! Чтобы провести свое творение, он неверно доложил вам, - добродушно сказал Государь.

{358} Могилевский архиерейский хор в это время страдал большим убожеством. Безголосица певцов и бездарность регента еще резче выделялись от того, что хор всегда брался за исполнение новейших композиций, которые были непосильны для певцов и непонятны для регента. Чтобы познакомить могилевскую публику с образцовым пением вообще и, в частности, с новыми церковными композициями, наш хор в полном составе пел литургию по четвергам. Не стеснясь присутствием Государя, регенты для четверговых литургий ставили исключительно нотные произведения и преимущественно новейших композиторов: Кастальского, Гречанинова, Азеева и др. Конечно, не забывали и себя: произведения регентов, Носкова, и Осипова, и певцов, Туренкова и Егорова от времени до времени мелькали в репертуаре. Во все четверги наша церковь была переполнена молящимися, исключительно интеллигентными. Не знаю, вынесли ль что-либо из этих богослужений могилевские маэстро, но молящиеся отвечали большой благодарностью за доставлявшееся им высокое наслаждение.

В остальные дни хор разбивался на смены, по четыре человека, которые пели на совершавшихся ежедневно вечерних и утренних богослужениях. От времени до времени хор Ставки давал концерты, пользуясь залом Епархиального женского училища в Могилеве. На этих концертах исполнялись не только духовные песнопения, но и произведения светских композиторов. Билеты брались нарасхват, почти всегда недоставало мест для желающих. Свита Государя очень охотно посещала концерты. Узнав от меня, что большая часть концертной прибыли отчисляется на помощь раненым воинам, Государь в ноябре 1916 г., извинившись, что сам не имел возможности прибыть на концерт, прислал 2000 рублей.

Прекрасным дополнением к хору служил наш ставочный протодиакон Н. А.

Сперанский, обращавший на себя общее внимание не только своим чудным, бесконечным по диапазону баритоном, но и осмысленностью {359} служения. Когда он произносил на панихиде: "во блаженном успении вечный покой", буквально замирала вся церковь.

В 1919 году А. И. Деникин не раз говорил мне:

- Дайте мне ваш ставочный хор! Дайте мне того дьякона!

Ничего подобного никогда не слышал!

В церкви для Государя и его семьи было приготовлено особое место на левом клиросе. Клирос был устлан ковром, вся стена перед клиросом была убрана разными иконами с лампадками перед ними. Совершенно закрытый от публики клирос представлял красивый и уютный уголок, располагающий к сосредоточению мыслей о Боге, к молитве и душевному покою.

Государь выслушивал богослужение всегда со вниманием, стоя прямо, не облокачиваясь и никогда не приседая на стул. Очень часто осенял себя крестным знаменiem, а во время пения "Тебе поем" и "Отче наш" на литургии, "Слава в вышних Богу" на всенощной становился на колени, иногда кладя истовые земные поклоны. Всё это делалось просто, скромно, со смирением. Вообще, о религиозности Государя надо сказать, что она была искренней и прочной. Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнений. Религия давала ему то, что он более всего искал, - успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией, как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды.

После первой же поездки из Ставки в Царское Село в конце сентября Государь вернулся в Могилев с Наследником. Наследника сопровождали его воспитатели: тайный советник П. В. Петров, француз Жильяр, англичанин мистер Гиббс и дядька-матрос Деревенько. Первые три были и учителями Наследника.

Алексей Николаевич с этого времени стал членом нашей штабной семьи. Встречаясь с ним во дворце каждый день два раза, {360} наблюдая его отношения к людям, его игры и детские шалости, я часто в то время задавал себе вопрос: какой-то выйдет из него монарх? После того, как жизнь его трагически пресеклась, когда еще не успел определиться в нем человек, вопрос, возникавший тогда у меня, является насколько трудным, настолько же и неразрешимым или, по крайней мере, гадательным. Последующее воспитание, образование, события и случаи, встречи и сообщества, всё это и многое другое, - одно в большей, другое в меньшей степени, - должны были повлиять на образование его духовного склада, умозрения и сделать из него такого, а не иного человека. Предугадать, как бы всё это было, никто не в силах.

А поэтому, и все предположения, какой бы из него вышел монарх, не могут претендовать даже на относительную основательность. Но прошлое царственного мальчика, закончившееся страшной трагедией всей семьи, интересно само по себе, в каждом своем штрихе, в каждой мелочи, независимо от каких-либо гаданий насчет бывшего возможным его будущего.

В Ставке Наследник поместился во дворце с отцом. Спальня у них была общая - небольшая комната, совершенно простая, без всяких признаков царской обстановки. Занимался же Алексей Николаевич в маленькой комнате-фонаре, во втором этаже, против парадной лестницы, рядом с залом.

Завтракал всегда за общим столом, сидя по левую руку Государя. По левую руку Наследника по большей части сажали меня. Обедал же он всегда со своими воспитателями.

При хорошей погоде он участвовал в прогулке и обязательно сопровождал Государя в церковь на богослужения.

Как, вероятно, всем известно, Наследник страдал гемофилией, часто обострявшейся и всегда грозившей ему роковой развязкой. От одного из приступов этой болезни остался след: мальчик прихрамывал на одну {361} ногу. Болезнь сильно влияла и на воспитание, и на образование Алексея Николаевича. Как болезненному, ему разрешалось и прощалось

многое, что не сошло бы здоровому. Во избежание переутомления мальчика, учение вели очень осторожно, с очевидным ущербом для учебной цели. Следствием первого была часто переходившая границы дозволенного шаловливость; следствием второго отсталость в науках. Последняя особенно была заметна. Осенью 1916г. Алексею Николаевичу шел 13-й год, - возраст гимназиста, кадета 3 класса, - а он, например, еще не знал простых дробей. Отсталость в учении, впрочем, могла зависеть и от подбора учителей. Старик Петров и два иностранца преподавали ему все науки кроме арифметики, которой учил его генерал Воейков...

- Что за чушь! Генерал Воейков преподает Наследнику арифметику! Какой же он педагог? Когда и кому он преподавал что-либо? Он занимался лошадьми, солдатами, кувакой, а не науками, - обратился я однажды к профессору Федорову.

- Вот, подите же! Эти господа (он указал на гофмаршала) убедили Государя, что так дешевле будет... Отдельный преподаватель дорог, - ответил профессор Федоров.

Я чуть не упал от ужаса. При выборе воспитателей и учителей для Наследника Российского престола руководятся дешевизной и берут того, кто дешевле стоит. Тем не менее, Воейков до самой революции продолжал преподавать Наследнику арифметику.

В воспитательном отношении главную роль, кажется, играл дядька-матрос Деревенько, может быть, очень хороший солдат, но для Наследника, конечно, слишком слабый воспитатель. Отсутствие сильного, опытного, соответствующего задаче воспитателя заметно сказывалось. Сидя за столом, мальчик часто бросал в генералов комками хлеба; взяв с блюда на палец сливочного масла, {362} мазал им шею соседа. Так было с великим князем Георгием Михайловичем. Однажды, за завтраком Наследник три раза мазал ему шею маслом. Тот сначала отшучивался, грозя поставить гувернера в угол; когда же это не помогло, пригрозил пожаловаться Государю. Мальчик уgomонился, когда Государь посмотрел на него строго.

А однажды выкинул совсем из ряда вон выходящий номер. Шел обед с большим числом приглашенных, - был какой-то праздник. Я сидел рядом с великим князем Сергеем Михайловичем. Наследник несколько раз вбегал в столовую и выбегал из нее. Но вот он еще раз вбежал, держа назади руки, и стал за стулом Сергея Михайловича. Последний продолжал есть, не подозревая о грозящей ему опасности. Вдруг Наследник поднял руки, в которых оказалась половина арбуза без мякоти, и этот сосуд быстро нахлобучил на голову великого князя. По лицу последнего потекла оставшаяся в арбузе жидкость, а стенки его так плотно пристали к голове, что великий князь с трудом освободился от непрошенной шапки. Как ни крепились присутствующие, многие не удержались от смеха. Государь еле сдерживался. Проказник же быстро исчез из столовой.

Однажды я после высочайшего обеда зашел на несколько минут к генералу Воейкову, чтобы переговорить с ним по какому-то делу. Мы вели тихую беседу. Вдруг, быстро открывается дверь, показывается фигура Наследника с поднятой рукой, и в нас летит столовый нож.

- Алексей Николаевич! - крикнул генерал Воейков. Наследник скрылся, но минуты через две повторилась история: только на этот раз полетела в нас столовая вилка.

Почти каждый раз под конец завтрака Наследник начинал игру в разбойники. Для этой игры у него всегда в боковом кармане имелись красные и белые спички, которые он теперь тщательно раскладывал на столе. Красные означали разбойников, белые - мирных граждан. Первые нападали на последних, последние {363} отбивались. Для изображения таких действий Наследник всё время производил перегруппировки, объясняя вслух значение их. Адмирал Ниллов всегда возмущался этой однообразной и бессодержательной игрой, и открыто высказывал свое недовольство всем вообще воспитанием Наследника без серьезного воспитателя.

Когда Государь после стола обходил гостей, Наследник в это время возился обыкновенно с бельгийским генералом Риккелем, часто обращаясь с ним совсем бесцеремонно: толкая его коленом в живот, плечом в бок и т. п. Иногда залезал под рояль и

оттуда хватал генерала Риккеля за ногу. Другим любимцем Наследника был японский военный атташе-полковник. В летнее время после завтрака в саду, устраивавшегося обыкновенно в палатке, Наследник любил шалить у фонтана, направляя ладонью струю на кого-либо из присутствующих, а иногда и на самого Государя.

Летом 1916 г. почти ежедневно Алексей Николаевич в городском саду около дворца производил военное ученье со своей "ротой", составленной из местных гимназистов его возраста. Всего участвовало в этой игре до 25 человек. В назначенный час они выстраивались в саду и, когда приходил Наследник, встречали его по-военному, а затем маршировали перед ним.

Летом же у Наследника было другое развлечение, которое обнаруживало и его любовь к военным упражнениям, и его нежную привязанность к своему отцу. Утром перед выходом Государя к утреннему чаю Алексей Николаевич становился с ружьем "на часах" у входа в палатку, отдавал по-военному честь входившему Государю и оставался на часах, пока Государь пил чай. При выходе последнего из палатки Алексей Николаевич снова отдавал честь и уже после этого снимался с "часов".

Господь наделил несчастного мальчика прекрасными природными качествами: сильным и быстрым умом, находчивостью, добрым и сострадательным сердцем, {364} очаровательной у царей простотой; красоте духовной соответствовала и телесная.

Алексей Николаевич быстро схватывал нить даже серьезного разговора, а в нужных случаях так же быстро находил подходящую шутку для ответа.

- Это что такое? - спрашивает его Государь, указывая пальцем на пролитый им на стол суп из ложки,

- Суп, ваше императорское величество! - совершенно серьезно отвечает он.

- Не суп, а свинство! - замечает Государь. Генерал Риккель всегда сидел против Наследника по другую сторону стола и между ними постоянно происходила пикировка. Риккель начинал гладить свой большой живот, показывая глазами Наследнику: у тебя, мол, такого "благоутробия" нет. Наследник тоже начинал разглаживать свой животишко. "Non, non, non", улыбаясь, отвечает Риккель.

Алексей Николаевич начинает крутить пальцами около носа, где должны бы быть усы. "Non, non, non!" - опять слышится тихая октава Риккеля. Наследник побежден, но не хочет сдаться. Посидев минуты две спокойно, он начинает крутить у себя надо лбом волосы и, предвкушая победу, упорно смотрит на Риккеля. Последний пробует копировать Наследника, но ничего не выходит, так как череп генерала Риккеля голый, без волос. Риккель побежден... И Наследник кричит: "Non, non, non!"

В алтаре штабной церкви прислуживал гимназист Шура Котович, сын члена Ковенского окружного суда, очень скромный и воспитанный мальчик. Шура приглянулся Алексею Николаевичу. Завязалось между ними знакомство без представления и слов. Стоя на клиросе, Алексей Николаевич делал разные знаки находившемуся в алтаре Шуре, на которые последний, понимая свое положение, отвечал лишь почтительным смущением. Откуда-то Алексей Николаевич узнал и имя Шуры. Однажды, сидя за завтраком, Алексей Николаевич спрашивает меня:

{365} - Что, Шура бывает в саду?

- Он каждый день несколько раз проходит через сад, когда идет на уроки или в церковь и возвращается обратно, - отвечаю я.

- Он ежедневно бывает в церкви? - удивляется Наследник.

- Да. Утром, идучи в класс, он заходит в церковь и вечером обязательно бывает на вечерне.

- А что же он дома делает?

- Учит уроки, ухаживает за матерью: у него очень большая мать, говорю я.

Наследник сразу смолк и задумался.

- Наверно, вы хотите ближе познакомиться с Шурой? - прерываю я его молчание.

- Да, очень хочу.

- Тогда назначим час для встречи, и я скажу Шуре, чтобы он пришел в сад. Хорошо?

- Хорошо, - как-то нерешительно сказал Наследник, а потом, помолчав минутку, прибавил - а, может быть, ему нужно быть около больной матери?

Я глядел на него и любовался той чистой, неподдельной скорбью, которая в это время отражалась на его прекрасном личике. Он, конечно, теперь мысленно представлял себе несчастную больную мать и горе ее сына...

Другим любимцем Наследника был мой денщик Иван, во время воскресных и праздничных служб присутствовавший в штабной церкви. Иван приглянулся Наследнику, и последний не упускал случая, чтобы так или иначе в церкви не затронуть его. И тут чаще всего пускалась в ход мимика: подмигиванье, гримасы. Государь часто замечал это и одергивал проказника. Когда же Иван, - что случалось нередко, - по поручению ктитора производил в церкви сбор и с блюдом подходил к Государю и Наследнику, последний заставлял Ивана долго простоять около него: он клал на тарелку {366} серебряный рубль, но как только Иван собирался отойти, он снимал с тарелки свою монету; Иван останавливался, Наследник опять клал на блюдо рубль и снова снимал его, как только Иван обнаруживал намерение двинуться дальше и т. д. Обыкновенно вмешательство Государя прекращало эту "игру".

Узнав, что Иван - мой денщик, Наследник за завтраком нередко спрашивал меня:

- А Ваня здоров? А что он делает?

Когда приезжала в Ставку Государыня с дочерьми, жизнь дворца изменялась. Тогда на завтраках присутствовала вся царская семья. Первой из кабинета выходила царица, всегда стройная, красивая, величественная, но всегда с каким-то скорбным лицом. Когда она улыбалась, то и улыбка у нее была скорбная. Рядом с нею царь казался маленьким, не царственным. После завтрака царь обходил гостей. А царица, усевшись около окна, подзывала к себе через одну из дочерей, Ольгу или Татьяну, того или другого из завтракавших и вела с ними разговор. К обедам никто не приглашался. Царь обедал только со своей семьей. Жила царица с дочерьми в своем поезде.

Накануне праздников и в самые праздники вся царская семья обязательно являлась в штабную церковь и размещалась на левом клиросе. Больная ногами Императрица во время богослужения больше сидела.

Много ходило, как и продолжает ходить, сплетен, будто супружеская жизнь у царя и царицы сложилась и протекала нескладно и неладно. Кто близко видел их вместе, присматривался к их отношениям друг к другу и к детям, кто хоть сколько-нибудь изучил их характеры и взгляды, тот знал, что эта чета отличалась редкой в наши дни любовью и супружеской верностью. Это была патриархальная семья, усвоившая отношения, традиции и порядки благочестивых русских семей.

{369}

XIX

Церковные дела. Тобольский скандал.

Митрополит Питирим и обер-прокурор

А. Н. Волжин

В конце сентября 1915 года, уезжая на фронт, я встретил на Могилевском вокзале обер-прокурора Св. Синода А. Л. Самарина, прибывшего в Ставку для доклада Государю по нашумевшему тогда делу о самовольном прославлении Тобольским епископом Варнавою Тобольского архиепископа Иоанна Максимовича. Самарин бегло ориентировал меня, как в самом деле, так и в решении Синода по этому делу, причем добавил, что в случае неутверждения Государем синодального решения, ему придется уйти в отставку.

Тобольский епископ Варнава - тот самый, по поводу которого архиепископом Антонием было пущено крылатое слово, что для сохранения В. К. Саблера на посту обер-прокурора "мы" (говорилось от Синода) "и черного борова поставили бы в епископы".

В описываемое время епископ Варнава - в миру Василий Накропин (ошибка в оригинале Накромин) - был своего рода *unicum* в нашем епископате. Его *curriculum vitae* для

епископа наших дней не обычно. По рождению крестьянин или мещанин Олонецкой губернии. Нигде не учился и до последних дней оставался полуграмотным (В списке российских архиереев за 1915 г. значится: еп. Варнава "обучался в Петрозаводском городском училище". Если он там и обучался, то курса этого училища он не закончил, ибо грамотность его ни в коем случае не превышала грамотности слабо закончившего курс начальной школы. В делах канцелярии протопресвитера хранилось одно его письмо на мое имя. В письме каждое новое слово начинается с большой буквы и после каждого слова точка. Буква "ять" отсутствует. Подпись: "грешный еп. Варнава". Датировано письмо 1913 г.).

В молодости занимался огородничеством, потом пошел в монахи. Природный {370} ум, большая ловкость, пронырливость и граничащая с дерзостью смелость помогли ему не только стать архимандритом, настоятелем весьма богатого Голутвинского монастыря в Коломне (Московской епархии), но и проникнуть во многие высокопоставленные дома и семьи. Знакомство и дружба с Распутиным завершили дело. Сравнительно молодой архимандрит-неуч был рукоположен во епископы и поставлен сначала викарием Олонецкой епархии, а потом через 2 года, в декабре 1913 г., самостоятельным Тобольским епископом. По сообщениям приезжавших из Тобольска лиц, архипастырская деятельность епископа Варнавы там отличалась двумя особенностями: высокомерным и почти жестоким отношением его к образованным священникам и необыкновенною ревностью в произнесении в кафедральном соборе длиннейших проповедей. Проповеди преосвященного неуча скоро стали притчею во языцех, ибо владыка, при полном своем невежестве, брался решать с церковной кафедры все вопросы и разрешал их со смелостью самого опытного хирурга и с ловкостью мясника.

Публика ходила смотреть на новоявленного проповедника, как на какую-то уродливую диковину.

Через Распутина епископ Варнава стал вхож и в царскую семью и скоро там почувствовал себя своим человеком. Этим объясняется его поздравительная телеграмма царю, по случаю принятия должности Верховного и просьба разрешить прославить архиепископа Тобольского Иоанна.

В нашей русской церкви прославления святых происходили с высочайшего разрешения. Но такому разрешению предшествовали: освидетельствование мощей и определение Св. Синода о прославлении Святого, основанное на признании достаточности данных в пользу несомненной его святости. Царское утверждение лишь завершало дело. Случаев прославления святых по одному высочайшему повелению, без решения Синода, как будто у нас не было. Если же и был подобный случай, то он {371} был ничем иным, как грубым нарушением прав церкви, насильственным вмешательством в сферу ее священных полномочий. Просьбу епископа Варнавы надо объяснить невежеством этого епископа, - с одной стороны, дерзкой смелостью, - с другой. Не знаю, советовался ли Государь по поводу телеграммы Варнавы с кем-либо из своих приближенных, но и я и архиепископ Константин узнали о ней со стороны, и много спустя. Царский ответ был таков: "Пропеть величание можно, прославить нельзя". Ответ заключал в себе внутреннее противоречие: величание не прославленным, не святым не поют; если нельзя прославить, почему же можно пропеть величание?

Телеграмма Государя пришла в Тобольск, кажется, 27 августа, поздно вечером.

В 11-м часу вечера в этот же день в Тобольске загудел большой соборный колокол. Это епископ Варнава собирал в собор свою паству величать архиепископа Иоанна. Услышав необычный по времени звон, народ повалил в церковь. Собралось и духовенство. Все недоумевали, что за причина неожиданной тревоги? Но вот пришел и преосвященный. Облачившись, он с сонмом духовенства вышел к гробнице архиепископа Иоанна. Начали служить молебен. Служили хитро, обезопасив себя на всякий случай: тропарь пели Св. Иоанну Златоусту, припевы - "Святителю, отче Иоанне, моли Бога о нас", понимай, как хочешь: "Иоанне Златоусте" или "Иоанне Тобольский", - а на отпусте упомянули и Иоанна Тобольского. В заключение пропели величание Иоанну Тобольскому. Настроение среди

богомольцев и среди духовенства было приподнятое, восторженное. Следующий же день внес некоторое разочарование. За ночь поразмыслили. Возникли сомнения: "Ладно ли сделали? Не влетело бы?"

Между тем народ, услышав о прославлении святителя, с утра повалил в собор. Посыпались просьбы - служить молебны. Епископ же Варнава в этот день уехал в объезд епархии. Соборное духовенство не {372} решалось отказывать в просьбах. Началось целодневное служение молебнов перед гробницей, однако, с осторожностью, на всякий случай: служили так, чтобы можно было, если грянет гром и начнется следствие, свалить с Иоанна Тобольского на Иоанна Златоустого. Поэтому старались умалчивать о "Тобольском" и поминали просто святителя Иоанна.

Такая уловка не осталась незамеченной в народе; в городе пошли недобрые разговоры, что попы обманывают народ, позорят праведника.

Так продолжалось несколько дней, пока не грянул гром: епископа Варнаву потребовали в Петроград для объяснения перед Св. Синодом.

Представ 8 сентября пред Синодом, епископ Варнава заявил, что он совершил канонизацию по указанию свыше, при допросе держал себя смело, даже вызываясь, виновным себя не признал, раскаяния и не думал выражать. На какой-то вопрос обер-прокурора Самарина, сидевшего за своим столом, когда Варнава, стоя перед синодальным столом, давал ответ Синоду, он резко заметил:

- А ты кто такой здесь будешь? Прокурор, что ли? Коли прокурор - твое дело писать, а не судить архиерея!...

А потом добавил:

- Когда архиерей стоит, мирянам не полагается сидеть.

Не удовлетворившись первым объяснением епископа Варнавы, Св. Синод предложил ему из Петрограда не уезжать, пока Св. Синод во второй раз не допросит его. Но Варнава, вопреки прямому указанию Синода, чуть ли не на следующий день уехал в Тобольск. Св. Синод решил дело без вторичного допроса. Решение было таково: совершенное епископом Варнавою прославление архиепископа Иоанна считать недействительным, о чем {373} посланием уведомить паству; самого епископа Варнаву уволить от управления епархией.

Вот это-то решение Синода и вез теперь обер-прокурор на утверждение Государя.

Вернувшись с фронта (в конце сентября), я узнал, что доклад Самарина окончился увольнением его от должности обер-прокурора Св. Синода (Московское депутатское дворянское Собрание постановило выразить Самарину скорбь по поводу оставления им поста обер-прокурора Св. Синода. Это была первая ласточка революции: московское дворянство выражало скорбь по поводу действий Государя!). Решение Синода не было утверждено. В положенной на докладе Синода длинной резолюции Государь поручал новой, зимней сессии Синода пересмотреть это решение, причем, просил проявить снисходительность к епископу Варнаве, действовавшему по ревности, а не по злему умыслу.

Обер-прокурором Св. Синода, на место Самарина, был назначен гофмейстер Александр Николаевич Волжин, занимавший должность директора департамента общих дел министерства внутренних дел. В состав нового Синода, кроме митрополитов и архиереев, по предложению обер-прокурора, были включены два протопресвитера: придворный - А. А. Дернов и военный - я.

Назначение присутствующим в Синоде сильно смутило меня: как его понимать - как милость или как подслащенную пилюлю? Можно было думать и так, и иначе: может быть, Государь этим назначением выражал мне свое благоволение; но, может быть, меня назначают в Синод, чтобы освободить от меня Ставку. Мои друзья не смогли помочь мне в разрешении моего вопроса: одни склонялись к одному решению, другие - к другому. Тогда я решил попытаться от самого Государя получить ответ на тревоживший меня вопрос.

После одного из обедов, поблагодарив Государя за {374} высокое назначение, я прямо спросил его: повелит ли он мне теперь жить в Петрограде, или, оставаясь в Ставке, от времени до времени наезжать туда для участия в заседаниях Синода?

- Ваше главное дело в армии. Поэтому вы должны оставаться в Ставке, а в Синод будете наезжать, - ответил Государь.

Я еще раз поблагодарил его.

В начале ноября я впервые участвовал в заседаниях Синода.

Начало новой синодальной сессии совпадало с рядом крупных перемен в иерархии русской церкви. Умер Киевский митрополит Флавиан; на его место 23 ноября 1915 г. был переведен Петроградский митрополит Владимир; на Петроградскую кафедру был назначен экзарх Грузии, архиепископ Питирим, а на место последнего (5 дек. 1915 г.) - Кишиневский архиепископ Платон. Каждое из этих назначений требует особых пояснений.

Перевод первенствующего члена Св. Синода Петроградского митрополита на Киевскую кафедру был фактом небывалым в истории русской церкви. Его не могли понимать иначе, как опалу. Так и было на самом деле. Нельзя отрицать, что назначение митрополита Владимира на Петроградскую кафедру было совсем неудачным. Безукоризненно честный и прямой, но не блиставший ни наружным видом, ни ученостью, ни гибкостью ума, ни даром слова, ни умением держать себя в высшем обществе, простой и непосредственный, - он оказался серым и невзрачным для северной блестящей столицы. Он еще более проигрывал, когда его сравнивали с его предшественником - образованным, умным, воспитанным, тонким и элегантным митрополитом Антонием (Вадковским). Рассказывали, что при первом же посещении на Рождественских Святках 1912 года царской семьи, он произвел на нее тяжелое впечатление своей угловатостью и простоватостью. Указанные недостатки не помешали бы, однако, митрополиту Владимиру оставаться {375} на Петроградской кафедре, если бы тут не примешалось другое. Митрополит Владимир открыто стал на сторону врагов Распутина. А затем он же выступил главным обвинителем распутинского друга епископа Варнавы в известном нам уже деле.

Перевод митрополита Владимира в церковных кругах объяснялся двумя последними причинами. В Петроградском, уже взвинченном распутинской историей, обществе он вызвал множество толков и опасений, - опасались даже бунтов в народе. Непопулярный и незаметный митрополит Владимир сразу стал популярным и почти знаменитым. Конечно, никаких бунтов не произошло. Поднявшаяся буря ограничилась пересудами и нареканиями, спорами и разговорами не столько о митрополите Владимире, сколько о Распутине и епископе Варнаве, о которых и без того много говорили. Сам митрополит Владимир был потрясен своим переводом, но крепился, стараясь не обнаружить своих переживаний. Посыпавшиеся со всех сторон соболезнования помогли ему спокойно понести дальше страданье за правду. После же в его разговорах у него проскальзывала мысль, что постигшая его опала - своего рода милость Божия, ибо чрез нее он удостоился того, чего не удостоивался ни один из предшествовавших митрополитов: он последовательно побывал на всех трех российских митрополичьих кафедрах: московской, петроградской и киевской, став таким образом всероссийским митрополитом.

Не менее сенсационным было назначение архиепископа Питирима (в мире Павел Окнов, род. в 1858 г. Кандидат богословия Киевской Дух. Академии, выпуска 1883 г.) на Петроградскую митрополичью кафедру.

В ряду русских иерархов того времени архиепископ Питирим являлся совершенно бесцветною личностью. Не выделялся он среди них ни ученостью, ни благочестием, ни особой деятельностью ни вообще какими-либо дарованиями или заслугами. Будучи еще молодым {376} монахом, он приглянулся В. К. Саблеру. Рассказывали, что митрополит Питирим в молодости отличался миловидностью, вкрадчивостью и очень театрально служил.

Эти качества будто бы и расположили к нему Саблера. С этого времени и понеслась головокружительно вперед его карьера. Он быстро достигает должности ректора Петербургской Духовной семинарии, потом викария Черниговской епархии, затем епископа Тульского и архиепископа Курского. Открытие мощей Святителя Иосафа в Белгороде (Курской еп.) в сентябре 1911 г. повернуло на некоторое время в другую сторону служебное счастье Питирима. Торжества, вследствие плохой организации, прошли нескладно.

Виновным в этом признали архиепископа Питирима, и В. К. Саблер, в то время бывший обер-прокурором, сразу переменял милость на гнев. Архиепископ Питирим с богатой и знатной Курской кафедры был переброшен на захудалую и захолустную Владикавказскую кафедру. Потеряв одного покровителя, архиепископ Питирим стал искать другого и скоро нашел его в лице всесильного тогда Григория Ефимовича Распутина. Новый покровитель оказался надежным. Карьера архиепископа Питирима снова понеслась в гору. Через два года после назначения во Владикавказ, в 1913 г., он переводится в Самару. Принимая кафедру, Питирим прямо заявляет епископу Могилевскому Константину, раньше занимавшему Самарскую кафедру, что Самарскую кафедру он берет временно, что настоящее его место в Петрограде на митрополичьей кафедре. Спустя немного времени, в 1914 г., Питирим назначается экзархом Грузии, откуда уже один шаг до митрополита, так как экзаршая кафедра в Грузии была первой после митрополичьих.

Назначение великого князя Николая Николаевича наместником Кавказа застает архиепископа Питирима на экзаршей кафедре. Не знаю, откуда, но у великого князя, перед отъездом из Ставки, имелись совершенно точные сведения о личности архиепископа Питирима, {377} об его "платформе", как и о всех обстоятельствах внезапного его возвышения.

Призвав меня однажды, за несколько дней до отъезда из Ставки, великий князь обратился ко мне:

- Я еду на Кавказ. Вы знаете мое отношение к церкви и к работе духовенства. Мне нужен там такой архиерей, которого я чтит бы и которому бы я верил. С Питиримом я служить не могу. Первое, чего я потребую от Государя, это - убрать Питирима. Назовите мне кандидатов для экзаршей кафедры.

Я назвал троих архиепископов: Кишиневского Платона, Холмского Анастасия и Тамбовского Кирилла. Первого я ни разу не видел, но хорошо узнал по его работам об армии и рассказам о нем Кишиневского духовенства; деятельность второго я наблюдал еще в бытность его викарием в Москве, а затем во время войны - на фронте; третьего я хорошо знал с 1898 г., когда он занимал должность законоучителя 2-ой Петербургской гимназии.

Архиепископ Платон, по моим наблюдениям, обладал совсем необычными для наших архиереев качествами: инициативой, большой энергией и размахом в работе; архиепископа Анастасия я тогда считал одним из наиболее одухотворенных, умных и талантливых наших архиереев; архиепископ Кирилл, при безусловной порядочности, крепком уме и хорошей настроенности, отличался еще лоском, красотой и умением обходиться с людьми. В общем, каждый из них отвечал ожиданиям великого князя. Ухо же великого князя более всего привыкло к имени архиепископа Платона, так как в течение прожитого года войны мне каждый месяц приходилось докладывать о новых и новых щедрых дарах для армии, прибывавших от Кишиневского архиепископа.

На архиепископе Платоне и остановился теперь выбор.

Не знаю, просил ли великий князь Государя о замене экзарха Грузии Питирима другим, более достойным {378} лицом. Если просил, то назначение Питирима на Петербургскую митрополичью кафедру было симптоматичным ответом на просьбу великого князя.

Назначение Питирима произвело в церковных кругах не меньшую сенсацию, чем перевод Владимира. Естественным кандидатом на Петроградскую митрополичью кафедру считался Харьковский архиепископ Антоний. За ним шли архиепископы: Сергей Финляндский, Арсений Новгородский, Тихон Литовский, Агафангел Ярославский и ряд других архиепископов, более заслуженных, достойных и чтимых, чем только что выведенный Распутиным из опалы архиепископ Питирим. Знавших подоплеку этого назначения оно возмутило, не знавших - оно удивило.

Новый митрополит принял назначение "со смирением". Назначение застало его в ту пору, когда он, попав в зимнюю сессию Синода, только что прибыл в Петроград и поселился на Ярославском синодальном подворье, что на 8-й линии Васильевского Острова. Приезжавшим поздравить его заявляли, что Владыка никого не принимает и не будет

принимать в течение нескольких дней, так как желает сосредоточиться, пребывая в молитве и уединении.

Я впервые увидел митрополита Питирима в Синоде на заседании, приблизительно через неделю после его назначения, когда, наконец, кончилось его "сосредоточение".

Одним из первых дел, которым занялся Синод, при участии нового митрополита, было Тобольско-Варнавинское. Тут сразу определился курс Питирима.

Как уже говорилось, резолюцией Государя предлагалось новой зимней сессии Синода пересмотреть уже состоявшееся решение Св. Синода по Тобольскому делу. Чтобы заняться исключительно этим делом, назначили особое заседание вечером - в кабинете обер-прокурора.

{379} Это было во второй половине ноября. Председательствовал митрополит Владимир. Кроме членов Синода, присутствовали: обер-прокурор А. Н. Волжин, директор его канцелярии В. И. Яцкевич, управляющий канцелярией Синода - П. В. Гурьев, его помощник С. Г. Рункевич и секретарь Синода Н. В. Нумеров. Всегда неровный и нервный, митрополит Владимир теперь особенно нервничал, ибо он принципиально не сочувствовал пересмотру Варнавинского дела; теперь же он, кроме того, переживал остроту нанесенной ему обиды из-за этого дела.

- Это у нас будет частное совещание? - обратился он к обер-прокурору, оглядывая его кабинет и его костюм: обер-прокурор был в простом сюртуке, а не в мундире, как он обычно бывал на заседаниях Св. Синода.

- Нет, зачем же совещание. Будет настоящее заседание Синода, - ответил обер-прокурор.

- Тогда, почему же не там? - заметил недовольным тоном митрополит, указывая по направлению к синодальной палате.

Уселись за стол. Обер-прокурор сел против митрополита Владимира. Секретарь изложил сущность дела. Была прочитана царская резолюция. Началось обсуждение дела. Митрополит Владимир нервно и резко обвинял Варнаву, доказывая справедливость прежнего синодального решения. С большой горячностью против епископа Варнавы говорил Тверской архиепископ Серафим. Он тогда переживал свою досаду. Энергично поддерживая связи с двором, не брезгая знакомством с Распутиным, он крепко рассчитывал попасть в митрополиты. В конце ноября этого года, полк. Д. Н. Ломан, ктитор Федоровского собора, близкий к архиепископу Серафиму и к Распутину, как-то откровенничал передо мной: "Почему Питирима, а не Серафима назначили Петроградским митрополитом?" - возмущался Ломан. - {380} Я уже говорил Григорию: "Что же ты не постарался для Серафима?" - Утешает: "Пусть обождет. Вот, помрет Московский, - тогда Серафиму дадим". Но Московский был живуч, и перспектива ожидания его смерти Серафиму не улыбалась. Да Петроградская кафедра и манила его больше Московской. Серафим сразу стал в ряды противников перепрыгнувшего его Питирима.

Как бывший гвардейский полковник и столбовой дворянин (О своем дворянстве архиепископ Серафим никогда не забывал и ставил его, по крайней мере, не ниже своего архиепископства. Когда в 1913 г. архиепископ Владимир (Путята), тоже бывший гвардейский офицер, был уличен в тяжких преступлениях и отдан под суд, архиепископ Серафим укорял его: "Владимир, как тебе не стыдно, ты срамишь наше дворянское сословие!"), архиепископ Серафим вообще свысока, если не с презрением, относился к мужику и неучу епископу Варнаве.

Теперь же он не мог стать его защитником еще и потому, что последний был другом и наперсником Распутина, так жестоко обманувшего его радужные надежды. Несмотря, однако, на такие мотивы, которые, по моему убеждению, оказывали влияние на образ действий архиепископа Серафима, я должен сказать, что обвинительная его речь, - иначе не могу назвать ее, - против Варнавы была и смела, и серьезна. Протопр. А. А. Дернов, как всегда, прямолинейно и резко обвинял Варнаву. Я, соглашаясь с наличием несомненного преступления Варнавы и необходимостью наказать его, считал, однако, что нельзя не

принять во внимание резолюцию Государя, который просит Синод о смягчении наказания виновному епископу. Вместе с этим я находил совсем недопустимым, как могущее вызвать большой соблазн, синодальное послание к пастве о недействительности произведенного Варнавою прославления. Митрополиты Питирим и Макарий (Московский) в течение всего заседания не проронили ни одного слова. {381} Прочие члены Синода говорили в примиряющем тоне. Началось голосование. Митрополит Питирим воздержался от подачи голоса. Говорили, что раньше в Синоде такого рода воздержание не практиковалось. Решение Синода было таково: прославление считать недействительным; для нового освидетельствования мощей и проверки сведений о чудесах командировать в Тобольск Литовского архиепископа Тихона; епископу Варнаве сделать внушение. Митрополит Питирим не заявил протеста против такого решения. Обер-прокурор приказал спешно заготовить протокол настоящего заседания для скорейшей подписи.

Следующее заседание состоялось чуть ли не на другой день. Когда члены Синода заняли свои места, был подан заготовленный протокол вчерашнего заседания по Тобольскому делу. Но митрополит Питирим заявил, что он не может подписать протокола, так как с решением Синода не согласен и просит выслушать его мнение. Митрополит Владимир совершенно резонно, но очень резко стал доказывать, что дело решено, что митрополит Питирим вчера на заседании мог высказать свое мнение, а не молчать, и, при несогласии с решением всех, вчера же должен был заявить о своем желании подать особое мнение и пр. Учитывая, что отказ митрополиту Питириму в его желании сейчас высказаться будет в Царском Селе ложно истолкован, как пристрастное отношение и к епископу Варнаве и к митрополиту Питириму, некоторые члены решительно высказались за то, чтобы позволено было митрополиту Питириму изложить свое мнение. Митрополит Владимир в конце концов уступил. Митрополиту Питириму было предоставлено слово.

Питирим говорил долго, опустил глаза вниз, ни на кого не глядя. Это была речь не судьи, а адвоката и притом адвоката бездарного, который, чтобы оправдать своего клиента, обвиняемого, скажем, в воровстве, силится доказать, что его клиент не хромым и не слепой, не отказывает своей семье в куске хлеба и не убивает среди бела дня на улице людей. Течение мыслей и речи {382} митрополита Питирима было такого: епископу Варнаве объявляется внушение, прощение. Есть ли за что наказывать епископа Варнаву? Блудник ли он? Нет. Корыстолюбив? Тоже нет. Не учителен? Он проповедует, как умеет. Если его проповеди - простые, не ученые, он не виноват: когда его ставили в епископы, знали, что он не образован и т. д. Защитники упорно обходили факт, лежавший в основе обвинения епископа Варнавы и решения Св. Синода, что епископ Варнава превысил данную ему власть, нарушил церковный закон и даже не исполнил царского указания. Несомненно, митрополит Питирим не настолько был глуп, чтобы после целого заседания, посвященного обвинению епископа Варнавы, он не понял, за что же нападают на этого святителя, и чтобы теперь он не чувствовал фальши своих доводов, своей защиты, но ему надо было одного добиться, чтобы в Царском Селе узнали, что и новая сессия сурово отнеслась к епископу Варнаве, а он один защищал его.

Митр. Питириму возражали: митр. Владимир, архиепископ Серафим, протопр. А. А. Дернов и я. Протопр. Дернов обвинял Питирима в неискренности, скрыто - в недобросовестности. Я спокойно разобрал всю его нелепую апологию, показав ее несерьезность и нелогичность.

Началось голосование. Митрополит Макарий, и на этом заседании не проронивший ни одного слова, заявил, что он не расслышал всего, что говорилось на заседании и поэтому не может высказать своего мнения. Прочие члены согласились лишь смягчить некоторые выражения в заготовленном протоколе, оставив прежний смысл. Митрополит Питирим примирился на этом.

Обыкновенно протоколы заседания подписывались на следующем заседании. Но чтобы митрополит за два дня не составил еще какого-либо мнения, обер-прокурор приказал приготовить протокол к концу заседания. Скоро новый протокол был подан для подписи.

Подписали {383} митрополиты Владимир и Макарий. Протокол передвинули к митрополиту Питириму.

- Я потом подпишу, - сказал он, отстраняя бумагу. Члены Синода переглянулись.

- Мы должны после вас подписывать, - обратился к нему один из членов. - Может быть, будете добры не задерживать нас.

- Нет, я не могу сейчас, - перья здесь плохие, - ответил Питирим.

Тогда архиепископ Тихон вставил новое перо в одну из ручек и подал ее Питириму.

- Вот это новое, хорошее перо.

- Нет, нет! Я такими перьями не пишу, - был ответ Питирима.

Подписались без Питирима и начали разъезжаться. Исполнявший тогда должность товарища обер-прокурора В. И. Яцкевич, прощаясь со мной, сказал:

- Сегодня беспремерный день в Синоде: один из митрополитов на время слушания дела оглох, а другого высекли протопресвитеры...

На следующем заседании мы узнали, что протокол подписан митрополитом Питиримом.

Поведение митрополита Питирима в Варнавинском деле раскрыло членам Синода, с кем, в лице нового митрополита, они будут иметь дело. Зато в Царском Селе его защита епископа Варнавы окончательно утвердила за ним репутацию верного и надежного царского слуги. Митрополит Питирим избрал для того времени верный, хоть для будущего и опасный путь. Что ему теперь значило мнение о нем Синода, когда им были пленены царские сердца! О далеком будущем он не задумывался, ближайшее было в его руках.

Собственно говоря, Питирим вступил на Петроградскую митрополичью кафедру в такую пору своей жизни, когда внешние качества, как красивая наружность, которыми он раньше кой кого очаровывал, теперь с годами {384} исчезли, а высоких духовных качеств, которые теперь были бы очень не лишними для его высокого сана, ему не удалось воспитать. Сейчас он представлял собой довольно невзрачного, слащавого, льстивого и лживого старика. Несмотря на свои 58 лет, он выглядел стариком. Бегающие, никогда не смотревшие на собеседника глаза, борода мочалкой, вкрадчивый, как бы заискивающий голос, при небольшом росте и оригинальной походке, делали его фигуру скорее жалкой, чем величественной, и безусловно несимпатичной. И, однако, за последние два царствования ни один из митрополитов не был так близок к царской семье и столь влиятелен в делах, как митрополит Питирим. В то время, как прежние митрополиты удостаивались бывать в царской семье два-три раза в год, митрополит Питирим бывал почти каждую неделю, мог бывать, когда только ему хотелось.

Митрополит Питирим свалил обер-прокурора Волжина и выбрал нового Раева. После падения Волжина все, стремившиеся к обер-прокурорскому креслу, прежде всего бросились к митрополиту Питириму, не скрывая известного им, что выбор нового обер-прокурора всецело зависит от Петроградского митрополита. Перед митрополитом Питиримом заискивали, к нему за советом ездили даже министры. Конечно, такого влияния митрополит Питирим достиг не личными высокими качествами, не какими либо заслугами перед церковью или государством, - и те и другие, к сожалению, у него отсутствовали, - а кривыми путями, в выборе которых он не стеснялся.

Мне кажется, что царь и царица, слепо верившие и в чудодейственную силу, и в святость Распутина, весьма огорчились тем, что наши лучшие епископы и наиболее видные представители белого духовенства не разделяли их взглядов на "чудотворца". Хоть с высоты царского величия они и старались игнорировать преобладающее и в епископате, и клире отрицательное отношение к Распутину, но они много дали бы, чтобы такого отношения не было. Поэтому-то всякий, даже самый ничтожный {385} епископ или клирик, становившийся близко к "старцу", делался близким и желанным для царской семьи. Так было с епископом Варнавой, митрополитом Макарием, епископом Исидором (Колоколовым), иер. Илиодором и многими другими. Питирим понял это, с циничной откровенностью стал на сторону Распутина и с достойной лучшего применения

решительностью взялся за реабилитацию якобы не понятого другими "старца". Хитрый Тобольский мужик учел, что поддержка Петроградского митрополита для него - далеко не лишняя и, чтобы она стала надежной, начал настойчивее напевать царице о высоких качествах Питирима. Царица еще крепче ухватилась за Питирима, надеясь, что он своим святительским авторитетом парализует все подозрения, обвинения, недоброжелательства, сплетшиеся около имени ее "надежного" Тобольского друга.

Поддержка митрополита Питирима, действительно, чрезвычайно укрепила Распутина.

- Пока не было Питирима, еще можно было бороться с Гришкой. Теперь же он непобедим, - как-то обмолвился мне в начале 1916 г. очень сведущий в Царскосельских делах полковник Ломан. Петроградский митрополит перед царской семьей санкционировал святость "старца". Какой авторитет теперь мог бы разубедить их?..

К чести или к бесчестию митрополита Питирима, но надо сказать, что он до конца дней Распутина оставался верным другом его. Он защищал его перед другими, бывал у него на обедах и ужинах. Прибытие Распутина в митрополичий дом останавливало официальные приемы: бросив всех, митрополит принимал Григория Ефимовича. Мне рассказывали, что однажды в Феодоровском Государевом соборе митрополит Питирим, поднося царской семье крест для целования в конце совершенной им литургии, и заметив, что в толпе стоит Распутин, бросился к нему, чтобы ему первому, после {386} царской семьи приложиться к кресту, причем трижды расцеловался с ним. Митрополит стремительно бежал к телефону, когда ему докладывали, что Григорий Ефимович желает говорить с ним. А Григорий Ефимович, не считаясь с этикетом, вызывал митрополита: "Позовите Питиримку". Когда Григорий делал митрополиту честь соглашался откусать у него хлеба-соли, - митрополит Питирим сажал этого гостя на первое место и старался оказывать ему все знаки особого внимания.

Насколько долговечны были бы дружба Питирима с Григорием и влияние первого при дворе, если бы не произошла революция, - это показало бы будущее. Я лично уверен, что величие Питирима не могло быть прочным. Он скоро надоел бы своей бесцветностью и навязчивостью. Не могли там не заметить его нравственного убожества, как и его недостойной игры. Кроме этого, если бы процесс расшифрования его затянулся, он непременно разошелся бы с Григорием, не потому, чтобы он потом разочаровался в "старце", - он им никогда не был очарован, а потому, что захотел бы стать сильнее его. Огромное тщеславие было одним из главных качеств митрополита Питирима.

Новый обер-прокурор Св. Синода А. Н. Волжин, знавший секрет быстрого возвышения Питирима, сразу стал решительным его противником. Первая встреча их была сухо-официальной. Дальнейшее обострение отношений между обер-прокурором и митрополитом шло само собою по мере того, как выявлял себя митрополит и узнавал митрополита обер-прокурор. Надо добавить, что скорейшему обострению между ними отношений до *pes plus ultra* очень усердно помогал Тверской архиепископ Серафим. У последнего еще теплилась надежда: провалить и свалить Питирима, а потом занять его место. Борьбу он вел на два фронта: с одной стороны, он заигрывал с придворными сферами и Распутиным; дружил с полковником Ломаном, имевшим влияние на {387} Вырубову и Григория, обедал и выпивал со "старцем", а с другой, - натравливал простодушного и благородного обер-прокурора на митрополита Питирима, с которым сам наружно старался поддерживать доброжелательные отношения. И личные, и служебные качества митрополита Питирима давали богатый материал для полного дискредитирования его в глазах честного А. Н. Волжина. Скоро обер-прокурор возненавидел митрополита и дрожал при одной мысли о совместной службе с ним.

- Батюшка, я человек честный. У меня доброе незапятнанное имя. Я хочу сохранить его таким для своих детей. А тут, служа с этим... (он разумел Питирима) я могу потерять имя... Поймите! Имя могу потерять!.. Научите, что мне делать!

Это и я, и другие не раз слышали от него. Началась неравная борьба, так как боровшиеся пользовались разными приемами и средствами, причем было бы более

естественно и для Церкви менее печально, если бы обер-прокурор и митрополит в выборе приемов и средств поменялись ролями. А. Н. Волжин шел прямым путем: с фактами в руках он разоблачал перед Государем фальшь митрополита, называя его лжецом и обманщиком, митрополиту в глаза говорил правду. Митрополит в Синоде молчал, с обер-прокурором был вежлив, даже почтителен; в Царском же, беседуя с Императрицей, не стеснясь, аттестовал обер-прокурора и его действия с выгодной для себя стороны и восстанавливал против него Вырубову и Распутина, которые и без того были недоброжелателями Волжина. Оба они делали попытки залучить на свою сторону Волжина. Но последний даже отказался сделать визит Вырубовой, хотя близкие к ней лица предупреждали его, что Вырубова ждет его визита.

Насколько обострились отношения между обер-прокурором и митрополитом, показывает следующий случай. Митрополит Питирим поместил в одной из газет, - {388} кажется, в "Новом времени", - фактически неверную и для Синода обидную статью. После высказанного Синодом по этому поводу возмущения, обер-прокурор доложил о статье Государю. Последний выразил неудовольствие, назвав поступок митрополита бестактным. А Волжин тут же попросил разрешения объявить Питириму выраженное неудовольствие. Государь согласился. Дело происходило в Ставке. Вернувшись в Петроград, Волжин является в Синод в парадном мундире, с лентой через плечо, приглашает в свой кабинет меня и своего товарища Зайончковского, затем вызывает туда же прибывшего на синодальное заседание митрополита Питирима и, стоя, не предложив ему сесть, объявляет ему высочайшее неудовольствие по поводу лживой и бестактной статьи. Митрополит смиренно выслушал высочайший выговор, по своей обстановке беспримерный, вероятно, в истории Синода и, конечно, сложил его в сердце своем. Примирение стало невозможным.

Почти одновременно с этим произошел другой случай.

Митрополит Питирим не был первенствующим членом Св. Синода и не мог иметь права личного, по собственной инициативе, доклада Государю по синодальным делам. Между тем, однажды, - кажется, в январе 1916 г., прибывшие на заседание члены Синода были извещены архиепископом Серафимом, что накануне, с вечерним поездом, совершенно неожиданно, неизвестно зачем уехал в Ставку митрополит Питирим, взяв с собою, без ведома и разрешения обер-прокурора, обер-секретаря Синодальной канцелярии П. В. Мудролюбова.

Ни у кого из членов Синода не было сомнений, что Питирим пустился в какую-то аферу. Все догадки, однако, не могли разрешить вопроса, с какой целью и по какому делу так стремительно понесся митрополит в Ставку.

Приехав в Могилев, митрополит остановился у {389} архиепископа Константина, но не открыл ему цели своего приезда. Там, как рассказывал мне архиепископ Константин, митрополит с Мудролюбовым о чем-то наедине совещались; что-то Мудролюбов тайнописно писал и сам же набело переписывал, а затем Питирим был принят Государем. Синод и обер-прокурор только тогда узнали секрет поездки, когда Государь передал обер-прокурору на рассмотрение Синодом представленный ему Питиримом доклад о приходе. Митрополит Питирим хотел легким путем войти в прочную славу. Понимая, что вопрос о приходе - один из насущнейших вопросов нашей церковной жизни, и что этот вопрос уже вызвал глубокий интерес к себе, и в самых широких слоях общества, и в Думе, митрополит надумал без участия Синода, разрешить его, чтобы слава досталась ему одному.

Если бы подобная проделка была допущена в полку каким-либо офицером, возник бы вопрос об исключении такого офицера из полковой среды. К сожалению, даже в высших слоях духовенства подобные поступки, в военном и светском обществе носящие совершенно определенное название, не вызывали того отпора, который они должны были бы вызвать. (Можно было указать по этому поводу много случаев. Расскажу один. Среди архиереев данного времени был один - большой любитель поездок в Петроград. Это - приобретший потом печальную известность архиепископ Владимир Путята. Будучи епископом Витебским, он в течение одного года совершил 38 поездок в Петроград, т. е. полгода провел в поездках,

так как при каждой поездке, отнимавшей у него на дорогу со сборами около двух суток, он еще по несколько дней гостил в Петрограде. Поездки эти он продолжал и из Новочеркасска после того, как, вероятно, за эти поездки, - ибо иных заслуг у него не было, - он возведен был в сан архиепископа и переведен на очень видную Донскую кафедру, а затем и из Пензы, куда его загнали за тяжкие грехи. Наконец, Св. Синод обратил внимание на служение этого архипастыря, почти всецело уходящее на разъезды, и, после одного продолжительного и бесцельного пребывания его в Петрограде, вынес постановление, чтобы впредь архиепископ Владимир без особого на всякий раз разрешения Св. Синода, не приезжал в Петроград. Только что известили его об этом постановлении, как в Синоде получилась телеграмма: архиепископ Владимир просит разрешения приехать в Петроград по епархиальным делам. Заслушав телеграмму, Синод поручил митр. Владимиру ответить, что проезд не разрешается. Митр. Владимир телеграфировал архиеп. Владимиру: "Св. Синод не разрешил вам поездку в Петроград". Через несколько дней Новгородский архиепископ Арсений говорит на заседании Синода: "Мы не разрешили архиеп. Владимиру приехать в Петроград, а он ведь уже тут... Кажется, он у вас, владыка, остановился", - обратился он к митр. Питириму. "Да... он у меня остановился, - не без смущения ответил Питирим. - Но он говорит, что ему разрешили приехать... Вот он мне передал телеграмму". И митр. Питирин протянул телеграмму за подписью митр. Владимира. В телеграмме стояло: "Св. Синод разрешил вам приехать в Петроград". Между словами "Синод" и "разрешил" стояло пустое пространство со следами сорванных букв (буквы тогда наклеивались) "не". У Синода не было сомнений, что никто другой, как сам архиепископ, сорвал неужодное для него слово. Как же Синод отнесся к этой мальчишески грубой проделке? Члены Синода посмеялись над "шутником" архиепископом... и только.). И в данном случае члены {390} Синода поговорили, поволновались, повозмущались, и этим дело кончилось.

Более определенно выразил свое негодование обер-прокурор. Он настоял на увольнении Мудролюбова от обер-секретарской должности за самовольную отлучку. Но впечатление от этого решительного шага было более, чем парализовано тем, что чуть ли не в тот же день министр внутренних дел А. Н. Хвостов, по просьбе митрополита Питирима, предоставил Мудролюбову очень видную должность в своем министерстве. И увольнение Мудролюбова без прошения, и новое высокое его назначение прошли одновременно высочайшими приказами. Мудролюбов был компенсирован, даже повышен. Когда же вступил в должность обер-прокурора Св. Синода Н. П. Раев, протеже митрополита Питирима, Мудролюбов {391} тотчас был возвращен в Св. Синод с большим повышением - на должность помощника управляющего канцелярией Св. Синода.

Борьба продолжалась всё в том же духе. Честный А. Н. Волжин раскрывал перед царем фальшь и ложь митрополита и всё время дрожал за свое незапятнанное имя. Митрополит действовал через Императрицу, Вырубову и Распутина, где влияние его было неограниченно. Все сторонники партии Императрицы и Распутина, как Штюмер, Протопопов и др., были теперь друзьями митрополита Питирима. Борьба закончилась победой митрополита Питирима и увольнением А. Н. Волжина от обер-прокурорской должности (в конце 1916 г.) и назначением на его место избранного митрополитом директора женских курсов Н. П. Раева, известного лишь тем, что он был сыном Петербургского митрополита Палладия.

Как реагировали на курс митрополита другие члены Синода? Карты Питирима теперь были раскрыты. Его неискренность, лживость, неразборчивость в средствах, с одной стороны, несерьезность, почти легкомыслие, с другой, в связи с его замаранной репутацией в прошлом, не могли снискать ему почитателей среди членов Синода. Одни его ненавидели, другие презирали, третьи терпели. Из архиереев резче всех, кроме митрополита Владимира, проявлял свое отношение к митрополиту Питириму Новгородский архиеп. Арсений. Хотя только стена отделяла кабинет митрополита от покоев архиеп. Арсения в Лавре, он ни разу не посетил митрополита. Каюсь: и я после того, как завез ему свою карточку, после его назначения, ни разу за полтора года не был у него. Митрополит Питирим был прав, когда это последнее обстоятельство принимал за вызов с моей стороны. Фактически я был независим

от Петроградского митрополита, но я не имел права игнорировать его, как епископа города, в котором проходило мое служение. Глубокое отвращение к действиям митрополита Питирима {392} заставило меня поступать с формальной стороны бестактно, по существу - вызывающе. Мое "поведение" возмущало митрополита Питирима. "Протопресвитер Шавельский, - жаловался он своим близким, - зазнался, но я сверну ему шею".

Так же держал себя в отношении митрополита Питирима и придворный протопресвитер А. А. Дернов. Но в то же время, как одни сторонились от него, другие, учитывая всё растущее его влияние при дворе, ухаживали за ним. Архиепископ Серафим вел особую политику: А. Н. Волжина он всеми силами восстанавливал против митрополита Питирима; за глаза высмеивал, поносил митрополита, обвинял его за дружбу с Гришкой; при личных же встречах и беседах с ним проявлял и полную любезность, и достаточную почтительность.

{395}

XX

Генералы: Алексеев, Куропаткин,

Военный Совет в Ставке.

Отставка генерал-адъютанта Иванова

Потеря великого князя, отправленного на Кавказ, продолжала остро чувствоваться в Ставке и не столько с чисто военной, сколько с общегосударственной стороны. Вера в Алексеева была огромная. Но... исход войны зависел не только от фронта, но и от тыла; не только от талантов вождей и мужества войск, но и от внешней и внутренней политики, от настроения народа и положения дел внутри страны. Между тем наши внутренние дела становились всё запутанней: слухи о "темных" и безответственных влияниях всё росли, проникали всё дальше, захватывали всё новые круги; а эти влияния становились всё смелее, дерзновеннее и шире. В данное время на Руси было как бы два правительства: одно - Ставка, во главе с генералом Алексеевым и частью примыкавших к нему министров; другое - царица, Распутин, Вырубова и множество тянувшегося к ним беспринципного, продажного, искавшего, чем бы поживиться, люда.

Царь был посредине. На него влияла и та, и другая сторона. Поддавался же он тому влиянию, которое было смелее, энергичнее, деспотичнее. Пока великий князь Николай Николаевич был в Ставке, поддерживалось некоторое равновесие сторон, ибо решительным натискам царицы и Ко. противопоставлялись столь же решительные натиски великого князя, которого Государь стеснялся, а, может быть, по старой привычке, и побаивался, и который в одних случаях умел убедить, в других - запугать Государя. С отъездом великого князя ни среди великих князей, ни среди министров не оказалось ни одного человека, который смог бы в этом отношении заменить его. Второе "правительство" могло торжествовать победу, но не на радость России.

{396} Генерал М. В. Алексеев официально занял место начальника Штаба, а фактически вступил в Верховное командование в тяжелую для армии пору - ее отступления на всем фронте, при огромном истощении ее духовных сил и таком же недостатке и вооружения, и снарядов. Положение армии было почти катастрофическим. Рядом принятых энергичных и разумных мер ему, однако, удалось достичь того, что, к концу августа, наступление противника было остановлено, а в одном месте наши войска имели даже большой успех, захватив 28 тыс. пленных и много орудий. Этот успех "патриоты" сейчас же объяснили подъемом духа в войсках по случаю вступления Государя в Верховное командование.

Генерал Алексеев нес колоссальную работу. Фактически он был, и Верховным Главнокомандующим, и начальником Штаба, и генерал-квартирмейстером. Последнее не вызывалось никакой необходимостью и объяснялось только привычкой его работать за всех своих подчиненных. Кроме того, что всё оперативное дело лежало на нем одном; кроме того, что он должен был вникать в дела всех других управлений при штабе и давать им окончательное направление, - он должен был еще входить в дела всех министерств, ибо

каждое из них в большей или меньшей степени теперь было связано с армией.

Прибывавшие в Ставку министры часами просиживали у генерала Алексеева за разрешением разных вопросов, прямо или косвенно касавшихся армии. Генерал Алексеев должен был быть то дипломатом, то финансистом, то специалистом по морскому делу, по вопросам торговли и промышленности, государственного коннозаводства, земледелия, даже по церковным делам и пр. Только Алексеева могло хватить на всё это. Он отказался на это время не только от личной жизни, но даже и от законного отдыха и сна. Его отдыхом было время завтраков и обедов; его прогулкой - хождение в штабную столовую, отстоявшую в полуверсте от Штаба, к завтракам и обедам. И только в одном он не отказывал {397} себе: в аккуратном посещении воскресных и праздничных всенощных и литургий. В штабной церкви, за передней правой колонной у стены, в уютном, незаметном для богомольцев уголку был поставлен аналой с иконой, а перед ним положен ковер, на котором всё время на коленях, отбивая поклоны, отстаивал церковные службы, являясь к началу их, генерал Алексеев. Он незаметно приходил и уходил из церкви, незаметно и простаивал в ней. Молитва церковная была потребностью и пищей для этого редкого труженика, поддерживавшей его в его сверхчеловеческой работе.

Находились люди, которые, особенно после революции, решались обвинять Алексеева и в неискренности, и в честолюбивых замыслах, и в своекорыстии, и чуть ли не в вероломстве. После семнадцатилетнего знакомства с генералом Алексеевым у меня сложилось совершенно определенное представление о нем. Михаил Васильевич, как и каждый человек, мог ошибаться, - но он не мог лгать, хитрить и еще более ставить личный интерес выше государственной пользы. Корыстолюбие, честолюбие и славолубие были совсем чужды ему. Идя впереди всех в рабочем деле, он там, где можно было принять честь и показать себя - в парадной стороне штабной и общественной жизни, как бы старался затухаться, отодвигал себя на задний план. Мы уже видели, как он вел себя в штабной церкви. То же было и во дворце. На высочайших завтраках и обедах, как первое лицо после Государя, он по этикету должен был занимать за столом место по правую руку Государя. Зато во время закуски, во время обхода Государем гостей, он всегда скромно выбирал самое незаметное место, в каком-либо уголку и там, подзвав к себе интересного человека, вел с ним деловую беседу, стараясь использовать и трапезное время.

Великолепная Галицийская операция 1914 года - плод его таланта. Несмотря на то, что и слава, и большие награды за нее выпали на долю других, я ни разу не слышал от него даже {398} намек, похожего на обиду. Спасение армии, во время нашего отступления в 1915 году, тоже, несомненно, более всего обязано ему, но эту заслугу не отметили никакой наградой. И человека, понимавшего Михаила Васильевича, гораздо более удивило бы, если бы последний стал жаловаться, что его забыли, его обошли, чем то спокойствие, которое он сохранял, когда другие, благодаря его трудам и талантам, возвышались, а он сам оставался в тени. Мне и в голову никогда не приходило, что Алексеев может обидеться из-за неполучения награды или может работать ради награды.

Руководившее им начало было гораздо выше этих условностей тленного бытия.

В Свите рассказывали, что на Рождественских Святках 1915 г. Государь поздравил Алексеева со званием генерал-адъютанта. Алексеев упросил Государя освободить его от этой чести, за которую чем ни пожертвовало бы множество наших генералов. Государь исполнил настойчивую просьбу, но сказал:

- Я всё же буду считать вас своим генерал-адъютантом.

В Великую Субботу 1916 года, под вечер, Государь быстрыми шагами, в сопровождении генерала Воейкова и дежурного флигель-адъютанта, несшего в руках продолговатую бумажную коробку, направился в генерал-квартирмейстерскую часть, где жил и генерал Алексеев. Появление Государя в необычное время вызвало там переполох. Алексеев встретил Государя. Оказалось, Государь принес Алексееву генерал-адъютантские погоны и аксельбанты и на этот раз настоял, чтобы генерал принял их.

К этому же дню Св. Пасхи был награжден и генерал Фредерикс. Ему Государь

пожаловал портреты трех Императоров (Александров II и III и свой), украшенные бриллиантами, для ношения на груди. В первый день Пасхи на груди старика блеснули бриллианты, а счастливцев граф перед завтраком и обедом подходил {399} к каждому, к иным по два раза, и по забывчивости спрашивал: "Не правда ли, очень красиво?.. Это мне Государь пожаловал. Буду всегда носить эту награду"... И старик в течение нескольких дней показывался всюду с портретами, величиной в небольшое блюдо, на груди, пока кто-то не убедил его, что лучше этим украшением пользоваться не каждый день, а лишь в особо торжественных случаях. Когда я поздравил генерала Алексеева с званием генерал-адъютанта, он мне ответил: "Стоит ли поздравлять? Разве мне это надо? Помог бы Господь нам, - этого нам надо желать!" Так различно, каждый по-своему, реагировали на однородную радость два сановника.

В домашней жизни, на службе и всюду генерал Алексеев отличался поразительной простотой. Никакого величия, никакой заносчивости, никакой важности. Мы всегда видели перед собой простого, скромного, предупредительного, готового во всем помочь вам человека. Будучи аристократом мысли и духа, он до смерти остался демократом у себя дома и вообще в жизни, противником всякой помпы, напыщенности, важничанья, которыми так любят маскироваться убогие души. Дело и правда у него были на главном месте, и он всегда бесстрашно подходил к ним, не боясь разочарований, огорчений, неприятностей. В последнем отношении он представлял полную противоположность Императору. Последний, как мы видели, не любил выслушивать неприятные доклады, боялся горькой правды. Генерал Алексеев стремился узнать правду, какова бы она ни была. Когда я, по возвращении с фронта, являлся к нему для доклада, он часто обращался ко мне:

- Ну, о. Георгий, расскажите, что вы худого заметили на фронте. О хорошем и без вас донесут мне. Вот худое всегда скрывают. А мне надо прежде всего узнать худое, чтобы его исправить и предупредить худшее.

У генерала Алексеева был один весьма серьезный {400} недостаток. В деле, в работе он всё брал на себя, оставляя лишь мелочи своим помощникам. В то время, как сам он поэтому надрывался над работой, его помощники почти бездельничали.

Генерал-квартирмейстер был у него не больше, как старший штабной писарь. Может быть, именно вследствие этого Михаил Васильевич был слишком неразборчив в выборе себе помощников: не из-за талантов, он брал того, кто ему подвернулся под руку, или к кому он привык. Такая манера работы и такой способ выбора были безусловными минусами таланта Алексеева, дорого обходившимися прежде всего ему самому. Они сказались и на выборе генералом Алексеевым себе помощников для работы в Ставке. Новый генерал-квартирмейстер Ставки генерал Пустовойтенко был знаменит только тем, что случайно был сослуживцем генерала Алексеева в штабе Юго-западного фронта, а генерал Брусилов был товарищем генерала Алексеева и по Академии Генерального Штаба и по полку.

Вскоре после вступления в должность начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев извлек из "архива" исторического "неудачника" генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина.

Великая война застала генерала Куропаткина в безделье. Он изредка наезжал в Петербург, постоянно же жил в своем маленьком имении Шешурино, Псковской губ., Холмского уезда, где хозяйничал, ловил рыбу, возился с церковным и школьным делом для просвещения невероятно темных тамошних крестьян; писал мемуары, докладные записки разным министрам и продолжал мечтать о большой государственной работе. Ему уже было 69-70 лет, но он был еще поразительно бодр телом и неутомим духом. Объявление войны лишило его покоя. Он рвался на фронт, обивал пороги начальства, засыпал имущих власть письмами и просьбами. От него отделялись обещаниями, но на фронт его {401} не пускали. Получил и я в Барановичах несколько писем от него. В одном он писал:

"Поймите меня! Меня живого уложили в гроб и придавили гробовой крышкой. Я задыхаюсь от жажды дела. Преступников не лишают права умереть за родину, а мне

отказывают в этом праве". Янушкевичу он тоже прислал несколько писем. Но все усилия Куропаткина были напрасны: великий князь и слышать не хотел о предоставлении ему какого-либо места в армии.

Куропаткин знал, что всё дело в великом князе, и как только последний уехал из Ставки, начал осаждать письмами М. В. Алексеева.

- Жаль старика, да и не так он плох, как многие думают; лучше он большинства наших генералов, - сказал как-то мне Михаил Васильевич, сообщая о только что полученном новом письме Куропаткина.

В сентябре 1915 года генерал Куропаткин получил назначение на должность командира Гренадерского корпуса на место генерала И. Н. Мрозовского, назначенного командующим Московского военного округа. Куропаткин, не теряя ни часу, употребив на сборы чуть ли не один день, полетел в армию.

Гренадерский корпус стоял недалеко от Барановичей, на Западном фронте, которым тогда командовал генерал Алексей Ермолаевич Эверт, бывший во время Русско-японской войны сначала генерал-квартирмейстером, а потом начальником штаба армии при Куропаткине. Эверт встретил Куропаткина с почестями, не как командира корпуса, а как почетного гостя. (В этом сказалось большое благородство души ген. Эверта, который мог считать себя обиженным ген. Куропаткиным в конце Русско-японской войны. Я был свидетелем следующего столкновения между ними. В январе 1906 г., когда уже началась эвакуация наших войск, в праздничный день в вагоне командующего I-й Маньчжурской армией ген. Куропаткина происходил очень многолюдный завтрак. В конце завтрака командир корпуса ген. Лауниц обратился к ген. Куропаткину с просьбой разрешить ему сдать корпус другому, а самому отбыть в Петербург. "Что ж, поезжайте!" - ответил недовольным тоном ген. Куропаткин. Не уловив тона, и ген. Эверт, бывший тогда начальником Штаба армии, обратился с такой же просьбой:

- Позвольте и мне, ваше высокопревосходительство, также сдать должность. Здесь я уже не нужен. А там, в Варшаве, меня ждет семья, за участь которой я страшно беспокоюсь, ибо в Варшаве неспокойно.

Помолчав минуту, ген. Куропаткин, в совершенно непривычном для него повышенном тоне начал:

- Вот что, ваше превосходительство! Мы с вами солдаты. У солдат же главная семья - армия. Ей он прежде всего должен отдавать все свои силы и свои заботы. А о том, нужны вы сейчас здесь или не нужны, предоставьте судить мне.

Настала мертвая тишина, которую нарушил Куропаткин своим обращением к завтракавшим:

- Господа, будем вставать.

И не сказав никому больше ни слова, вышел из столовой.).

Это еще {402} более подняло дух старика. И по отзыву генерала Алексеева, и по словам офицеров Гренадерского корпуса, корпус этот был издерган и расстроен генералом Мрозовским до невероятной степени. Вследствие особенной подавленности духа и в офицерской, и в солдатской среде, малочисленности людского состава, растерянного в жестоких боях, и расстройстве полковых хозяйств, корпус считался небоеспособным.

Прибыв в корпус, генерал Куропаткин весь отдался делу. Он немедленно побывал во всех полках, обошел окопы, не забыл и солдатских землянок, заглянул и в солдатские котлы. Во время своих посещений он беседовал с солдатами и офицерами, делал распоряжения и давал указания, как лучше устроить окопы и землянки, как улучшить пищу и одежду. В Куропаткине закипел его организаторский талант. Ни одна сторона походной жизни не ускользнула от его внимания. Быстро организовано было в корпусе правильное почтовое сообщение для немедленной отсылки и получения солдатской корреспонденции, оборудовано банное дело, устроены развлечения для солдат и т. д. и т. д. Куропаткин горел духом.

{403} Буквально каждый день у него собирались для обсуждения различных вопросов

то начальники дивизий и командиры бригад, то полковые командиры, то священники, то врачи. И сообщая с ними Куропаткин обсуждал то те, то другие, касающиеся войск, вопросы: с врачами - врачебные, с священниками церковные, с военными начальниками - всевозможные. Благодаря заботам и хлопотам, а главное благодаря человечности, сердечности и отеческой попечительности нового командира корпус быстро выздоровел, окреп и воспрянул духом.

Но рядом с этим феерически блестящим результатом работы Куропаткина на боевом поле, в первый же месяц, промелькнули и грозные для него признаки. В начале октября Гренадерский корпус наступал, и... наступление совсем не удалось. Генерал Куропаткин обвинял в неудаче начальника дивизии генерала Ставровича и некоторых командиров полков. Но на стороне думали иначе: там кивали в сторону Куропаткина. Он великолепно подготовил план наступления, еще лучше, после неудачного боя, собрав начальников дивизий и командиров полков, академически разобрал бой, указав каждому его ошибки, но во время боя он будто бы неудачно командовал. Если это верно, то повторилась старая история войны 1904-05 гг.

Я провел в Гренадерском корпусе три дня - 16-18 октября - и наблюдал там описанную мною картину перерождения корпуса. В течение этих дней я несколько раз беседовал с генералом Куропаткиным и любовался, как его необыкновенной энергией, так и тем счастьем, которое сквозило в каждом его слове, когда он говорил о своем возвращении на службу в армию.

16 октября я видел, как он, на глазах неприятеля, не прячась, не выбирая более безопасного пути, обходил передовые окопы. И так рассказывали - бывало всегда. Может быть, это кому-либо казалось не вызывавшимся нуждой опасным риском, которого должен был избегать высший начальник. Что тут опасности {404} было много, - спорить нельзя. Но зато как подымали дух войск такие действия высших военных начальников! Не меньше, чем энергией, я был удивлен могучим организмом Куропаткина: ему в это время было 69-70 лет, а он с легкостью молодого человека перепрыгивал канавы, согнувшись залезал в окопы, в солдатские норы, и целые дни проводил в безустанным движении и деле.

В эту поездку я посетил все части Гренадерского, 9 и 35 корпусов. Я не стану останавливаться на деталях своего объезда войск. Как всегда, так и теперь я совершал богослужения во всех частях, беседовал с войсками, вел затем отдельные продолжительные беседы со священниками, порознь с каждым и со всеми вместе. В Гренадерском корпусе священники еще раз были собраны в квартире Куропаткина, и обсуждение разных, касавшихся духовного дела вопросов велось в его присутствии, при его активном участии. Но я должен остановиться на некоторых своих наблюдениях, вынесенных из этой поездки, которые потом вызвали распоряжения, касавшиеся всей армии.

В Гренадерском и 35 корпусах несколько очень достойных офицеров с болью в сердце просили меня довести до сведения кого следует о двух явлениях фронтовой жизни: 1) о невероятном, не вызываемом нуждой развитии канцелярщины и 2) о крайнем ограничении отпусков на родину солдат при частых и легко разрешаемых отпусках офицеров. Заявлявшие мне доказывали, в первом случае, что штабная канцелярщина является причиной многих наших бед; во втором, что и по чувству человеколюбия, и для пользы самого дела необходимо облегчить отпуски для солдат.

Вернувшись, я доложил генералу Алексееву об этих жалобах. Он поручил мне доложить Государю, что я и исполнил. Результатом моего доклада явился особый приказ об отпусках для солдат. Было ли что-либо сделано для сокращения канцелярщины, - не знаю. Другое касалось церковного дела.

{405} Должен заметить, что наш богослужебный устав строго исполнялся лишь в некоторых монастырях, где монахи могли выстаивать 6-7 часов службы. Вообще же везде и всюду у нас он сокращался. А так как определенного правила, которое регулировало бы размеры и характер сокращений, не было, всё предоставлялось усмотрению настоятеля: "аще изволит настоятель", - то сокращения варьировались на всевозможные лады, иногда разумно,

а иногда безумно, до полного изуродования самого богослужебного устава.

В войсках, а еще более во флоте (На судах богослужение совершалось в зимнее время в трюме, при необыкновенно спертой атмосфере, не позволявшей выстоять больше часу.) богослужения, исключая особо торжественные случаи, не могли затягиваться больше полутора часов. Сокращения эти поэтому были неизбежны. Но и тут каких-либо указаний относительно того, что и как сокращать, не имелось.

Объезжая еще до войны суда флота и разные воинские части и присутствуя за богослужением в военных и морских церквях, я имел возможность наблюдать, как там на все лады коверкался церковный устав. Каждый священник сокращал по-своему, считаясь с личным вкусом и разумением, и иногда извращая до неузнаваемости наше чудное богослужение. Выходило, что назначенный в армию из Рязанской губернии священник служил "по-рязански", новгородский по-новгородски, иркутский - по-иркутски и т. д. На людей религиозных такое разнообразие, соединенное с произволом, производило удручающее впечатление; людей разумных, знающих богослужение, удручала бестолковость и безграмотность сокращений.

16 октября вечером я слушал всенощную, совершавшуюся одним из военных священников корпуса, в квартире Куропаткина. Священник "блеснул" безграмотностью в сокращении службы. Как будто нарочно, чтобы {406} сильнее удивить меня, вычитывалось и выпевалось то, что можно было сократить, и пропускалось наиболее характерное для праздничной службы: были пропущены все стихиры и шестопсалмие, не было прочитано ни одного стиха из канона.

Я решил положить конец такой бестолковщине. Прибыв на заседание Св. Синода, я подробно изложил первенствующему члену Св. Синода, митрополиту Владимиру, положение богослужебного дела в армии. Суть моего доклада сводилась к следующему: в армии и флоте нет возможности выполнять богослужебный устав; везде служат с сокращениями и, не имея указаний, как и что сокращать, сокращают каждый по-своему, часто бестолково, несуразно, дико, - так далее продолжаться не может. У нас уже есть утвержденный практикою порядок служб, применяемый в придворных и домовых Петроградских церквях. Я предоставляю его на усмотрение Синода, чтобы последний благословил предписать его для всех военных и морских церквей, не лишая желающих права расширять его, но запрещая какие бы то ни было новые сокращения.

- Что вы, что вы? - вскрикнул митрополит. - Вы хотите, чтобы на нас обрушились старообрядцы и наши ревнители уставных служб и начали обвинять нас Бог весть в чём. Я решительно протестую против такого предложения.

- Я, владыка, ничего нового не вношу: сокращения, везде и всюду, не исключая и монастырей, делались и делаются, только чаще всего делаются без смысла, безобразно, являясь соблазном для многих; я считаю необходимым положить конец этому соблазну, искажающему часто наше богослужение до неузнаваемости. Что же, вы стоите за то, чтобы безобразие оставалось безобразием?

- Делайте, что хотите, от своего имени и под своей ответственностью, а Синод не может решиться на такой шаг, - ответил митрополит.

{407} - Значит, вы позволяете мне самостоятельно разрешить этот вопрос? - спросил я.

- Это ваше дело, - ответил митрополит.

Не добившись ничего от митрополита, я пошел другим путем. Изложив порядок всенощной и литургии, как он практиковался в придворных церквях, я поднес его Государю, чтобы последний утвердил его для военных и морских церквей. Государь без всяких колебаний начертал: "Одобрять". А я приказал оповестить об этом всё духовенство армии и флота, включив потом высочайше одобренный порядок службы в изданную мною для священников инструкцию. Никаких нареканий ни со стороны старообрядцев, ни со стороны обрядовцев я после этого не слышал; благодарили же многие.

В конце января 1916 г., в пору затишья на фронте, генерал Алексеев выезжал в Смоленск, где жила его семья, на бракосочетание его единственного сына Николая с г-жей

Немирович-Данченко, дочерью полковника. С ним выехали я и генерал Али-Ага-Шихлинский с женой. Сам генерал был магометанин, а жена его, кроме того, - дочерью Кавказского мусульманского муфтия.

(Если не ошибаюсь, об этом именно муфтие я слышал следующий рассказ от Государя. В 1915 году, будучи в Тифлисе, Государь посетил мусульманскую мечеть. Его встретил там престарелый муфтий, в облачении, речью: "Ваше благородие!" - начал говорить муфтий. Кто-то дернул его за рукав: "Не так!" "Ваше высокоблагородие" - поправился муфтий. Опять одернули его. "Ваше превосходительство", - еще раз поправился старик. Опять неудовольствие на лицах окружающих и недовольный шепот. Старик заметил это и, забыв про этикет, обратился к Царю: "Простите меня, старика: я забыл, как мне вас называть!" Добродушная улыбка Государя поправила дело, и старик сказал несколько теплых слов.).

Мы прибыли в Смоленск ночью, а утром я направился в собор, чтобы приложиться к чудотворной иконе Божией Матери. Пришел я туда, во время служения молебна перед иконой, и стал в уголку, чтобы выждать, пока кончат молебен, и приложатся к иконе богомольцы. Через {408} несколько минут, вижу я, - входят в собор Шихлинские. Я еще дальше продвинулся в угол, чтобы своим присутствием не смутить их, но стал наблюдать, что же они будут делать в нашем храме. Оба они подошли к свечному ящику и купили две больших свечи, после чего он направился к иконе Святителя Николая и поставил перед нею свою свечу, а она поставила свечу перед иконой Божией Матери. Вечером, встретившись, мы начали делиться впечатлениями дня.

- А мы были в соборе и видели чудотворную икону Божией Матери, сказал мне генерал.

- Я видел вас в соборе, но, - признаюсь, - чтобы не смутить вас, постарался остаться незамеченным, - ответил я.

- Почему же смутить? - возразил генерал. - Мы с женой всякий раз, как только приезжаем в какой-либо город, прежде всего идем в главный храм, и там я ставлю свечу перед иконой Свят. Николая, а жена перед иконой Божией Матери. Мы вообще чтим христианских святых, а в особенности самого Христа, Его Матерь и чудотворца Николая.

При этом генерал рассказал мне об одном моменте, который он считал самым счастливым в своей жизни. Это было несколько лет тому назад. Когда он оставлял часть, которою довольно долго и очень благополучно командовал, военный священник, от имени воинских чинов, предложил ему выслушать напутственный молебен и принять молитвенное пожелание на дальнейшую счастливую жизнь.

- Конечно, я согласился, - рассказывал генерал, - И когда я услышал на молебне свое имя, произносимое православным священником, чудные слова ваших молитв, за меня возносившихся, и взглянул на молящиеся лица своих любимых солдат, я испытал чувство такого восторга, такой неземной радости, каких никогда ни раньше, ни позже не переживал...

Прав ли был священник, служивший молебен для {409} магометанина? Церковный закон осудил бы его. Но неужели осудит его Бог?..

Вспоминаю другой эпизод, о котором в 1913 году рассказывал мне генерал П. Д. Паренсов, бывший в то время комендантом Петергофа.

В одном из кавказских казачьих полков в 1900-х годах случилось так, что командиром полка был магометанин, а старшим врачом еврей. Пасха. Пасхальная заутреня. В церковь собралась вся полковая семья. Тут же и командир полка, и старший врач. Кончается заутреня. Полковой священник выходит на амвон со Св. Крестом и приветствует присутствующих троекратным возгласом: "Христос Воскресе!", на который народ отвечает ему: "Воистину Воскресе!" А затем священник сам целует крест и предлагает его для целования молящимся. Первым подходит командир полка, целует крест, обращается к священнику со словами: "Христос Воскресе!" и трижды лобызается с ним. За ним идут к кресту и христосуются со священником: офицеры, врачи и чиновники. От священника они подходят к командиру полка и христосуются с ним. Вот подошел к кресту старший врач-еврей, поцеловал крест, похристосовался со священником, а затем подходит к

командиру полка-магометанину. Этот говорит ему: "Христос Воскресе!" Еврей-врач отвечает: "Воистину Воскресе!" И магометанин с евреем, трижды целуясь, христосуются...

С канонической точки зрения этот случай может трактоваться, как возмутительный факт. В бытовом же отношении он не только теряет остроту, но и обнаруживает симпатичные черты: командир полка и старший врач, не христиане, хотят быть вместе с своей полковой семьей в ее великий праздник, причем проявляют свое уважение и к святыне, и к священным обязанностям этой семьи. Это, в свою очередь, приближает их к церкви, делает церковь для них не чужою, роднит их с прочими членами церковной семьи. Только ханжи и изуверы могли видеть в таких явлениях оскорбление {410} святыни. Здравомыслящие же должны признать, что вреда для церкви от таких явлений не могло быть; польза же часто получалась, когда такие магометане и евреи незаметно для них самих просвещались верой Христовой, а иногда и принимали Св. Крещение. Бывали случаи, что военные чины-магометане потом строили на свои средства полковые церкви. Церковь лейб-гвардии Конного полка в Красносельском лагере была выстроена на средства командира этого полка, Хана Нахичеванского.

Но вернемся к генералу Алексееву.

В Ставке и на фронте мне не раз приходилось слышать жалобы, что генерал Алексеев игнорирует Главнокомандующих, не считаясь с их взглядами, мнениями и намерениями. В таких обвинениях, несомненно, было справедливо одно: с августа 1915 года по январь 1916 г. ни в Ставке, ни на фронте не было ни одного совещания генерала Алексеева с фронтовыми военачальниками; дело ограничивалось телеграфными и письменными сношениями. При неопределенности нашего положения на фронте такой порядок мог угрожать неприятными последствиями прежде всего самому генералу Алексееву, ибо в случае неудач ответственность за принятые им, без совещания с главнокомандующими, решения падала на него одного. При недобросовестности же людской, властью генерала Алексеева могли объяснять и все неудачи, от чего бы они ни происходили.

Сидя за свадебным столом, рядом с хозяйкой, женой генерала Алексеева, я высказал ей всё это, посоветовав осторожно передать мужу и заставить его серьезно подумать над дальнейшим. Она согласилась с моими доводами и обещала, не выдавая меня, переговорить с Михаилом Васильевичем.

Через две недели после этого, в половине февраля, в Ставке происходил, под председательством Государя, Военный совет (значит, мой разговор с А. В. Алексеевой достиг цели). Съехались все Главнокомандующие со {411} своими начальниками Штабов и среди них недавно назначенный Главнокомандующим северного фронта генерал-адъютант А. Н. Куропаткин со своим начальником штаба генералом Н. Н. Сиверсом. (Назначение ген. ад. Куропаткина главнокомандующим Северного фронта, вместо разболевшегося ген. ад. Рузского, состоялось, благодаря ген. Алексееву. Но благоволение ген. Алексеева к нему продолжалось недолго. Северный фронт должен был повести в начале марта 1916 г. наступление. Наступление не удалось. Мне помнится, ген. Алексеев виновником неудачи признал ген. Куропаткина. А затем ген. Куропаткин еще и еще проявил свою нерешительность. Когда я вернувшись, кажется, в июне, - с Северного фронта передал ген. Алексееву привет Куропаткина, он в ответ на это с чрезвычайным раздражением разразился: "Баба ваш Куропаткин! Ни к черту он не годится! Я ему сейчас наговорил по прямому проводу"... В июле ген. Куропаткин был освобожден от главнокомандования и послан в Туркестан на должность генерал-губернатора.)

Какие вопросы рассматривались, и какие решения были приняты на Совете, я тогда считал себя не в праве узнавать об этом. Финалом же Совета явилось увольнение от должности Главнокомандующего Юго-западным фронтом генерала Н. И. Иванова, с назначением его членом Государственного Совета и с повелением состоять при особе Государя. Расскажу со слов генерала Алексеева, как произошло это увольнение. По окончании военного совещания Николай Иудович в течение, по крайней мере, двадцати минут "плакал" перед Государем, тянул свою обычную песню: "Может быть, я уже устарел;

может быть, есть более молодые, более сильные и способные, чем я; может быть, для пользы дела меня надо заменить другим" и т. д. и т. д. Государь слушал молча. Молча и отпустил старика, а затем, посоветовавшись с генералом Алексеевым, освободил его от должности и назначил - 17 марта 1916 г. - на его место командующего 8 армией генерала А. А. Брусилова. При увольнении старик, как уже сказано, был щедро почтен: стать сразу и членом Государственного Совета и состоящим при особе {412} Государя, по тем временам, честь не только редкая, но и почти беспримерная. Царское внимание к старику простерлось еще дальше: бывшему Киевскому генерал-губернатору, генералу Ф. Ф. Трепову, было поручено отвезти Н. И. Иванову царский рескрипт.

Несмотря на всё это, отставка произвела на старика потрясающее впечатление. Не раз он и раньше "плакал" и перед великим князем и перед царем, и всегда сходило благополучно: погладят, поцелуют, а то еще и наградят старика, и на некоторое время он спокоен. Так, думал он, и на этот раз будет. Вышло иначе. Потом генерал Иванов обвинял в своей отставке Алексева. Конечно, генерал Алексеев, служивший у него начальником штаба, и в мирное время - в Киеве, и на фронте, - лучше других знал действительную цену ему и мог посоветовать Государю не удерживать старика, раз он сам настаивает на увольнении, а заменить его было не трудно.

Но остается фактом, что генерал Иванов был уволен по собственной просьбе.

Когда генерал Трепов привез генералу Иванову царский рескрипт, то, рассказывали, - старик пришел в бешенство: ругал Алексева, обвинял Государя, что последний не ценит его заслуг и пр. Но потом поневоле успокоился и прибыл в Ставку в своем "киевском" вагоне, в котором и жил до самой революции.

Хоть он фактически не нес решительно никаких обязанностей и не исполнял никаких поручений, если не считать двух, совершенно ничтожных по важности, его поездок на фронт (Ему было поручено осмотреть наши укрепления (окопы, других укреплений там не было) один раз около Ревеля, другой - в Финляндии. Николай Иудович и в тот, и в другой раз возмущался, что его посылают с поручениями, которые легко мог исполнить любой капитан-инженер или даже сапер. Я думаю, что его посылали не для дела, а просто, чтобы старик "проветрился".), но при нем всё время состояли полк. Стелецкий и еще подполковник, адъютант. Высокое назначение состоять при особе Государя наложило на него одну {413} лишь обязанность: аккуратно являться на высочайшие завтраки и обеды, которую он исполнял с полной добросовестностью и с большим, как мне казалось, удовольствием. Всё остальное время предоставлялось в полное его распоряжение. После той кипучей работы, которую он нес в мирное время и на войне, безделье в Ставке не могло не угнетать его. Старик скучал, хандрил и, конечно, всем и каждому жаловался и жаловался...

Заместивший генерала Иванова, генерал А. А. Брусилов во многих отношениях является загадочной личностью.

Впервые я с ним познакомился в Варшаве в 1911 г., когда он был командиром корпуса; потом, в бытность его командиром 8 армии, мимолетно встречался с ним на фронте, в августе 1916 года более часу беседовал с ним в городе Бердичеве, в его кабинете, и, наконец, почти в течение двух месяцев (с конца мая до 21 июля 1917 г.) я очень близко наблюдал его в Ставке, когда он был Верховным Главнокомандующим.

Его военный талант не подлежит сомнению. Наша армия была обязана ему рядом блестящих побед, одержанных в Великую войну над австрийцами. Два георгиевских креста, звание генерал-адъютанта и пост Главнокомандующего были достойными наградами для этого выдающегося генерала.

Но Брусилов оказался несравненно талантливее в чисто военном деле, чем вообще в жизни и особенно в области нравственных качеств. Тут некоторые его поступки вызвали справедливое негодование и даже возмущение.

Еще до революции замечалась за ним склонность к угодничеству.

Когда великий князь Николай Николаевич, только что на маневрах разнесший Брусилова, тогда начальника 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, за завтраком

обратился к нему с ласковым словом, - Брусилов, {414} схватил руку великого рассказывали мне очевидцы, - князя и поцеловал ее.

То же проделал он, когда в апреле 1916 г. под Перемышлем Государь поздравил его генерал-адъютантом.

Это, однако, не помешало царскому генерал-адъютанту заявлять в начале революции, что он давно стал социал-революционером. Зато, как он низкопоклонничал перед высочайшими особами, так он стал теперь низкопоклонничать перед новыми правителями. Будучи Верховным Главнокомандующим, он всячески заискивал и лебезил перед Керенским и даже перед солдатами.

У меня и теперь еще стоит в глазах встреча на Могилевском вокзале прибывшего в Ставку нового Верховного - генерала Брусилова. Выстроен почетный караул, тут же выстроились чины Штаба, среди которых много генералов. Вышел из вагона Верховный, проходит мимо чинов Штаба, лишь кивком головы отвечая на их приветствия. Дойдя же до почетного караула, он начинает протягивать каждому солдату руку. Солдаты, с винтовками на плечах, смущены, - не знают, как подавать руку. Это была отвратительная картина.

И всё это совмещалось у него с, по-видимому, глубокою религиозностью. И во дни революции он продолжал аккуратно посещать церковь, выстаивая службу на коленях и усердно отбивая поклоны.

Не буду говорить об его революционных поездках по фронту, когда он, пытаясь оправдать свою теорию, - что на войско надо действовать только словом, - говорил до потери голоса с автомобиля, с балконов и даже с деревьев, на которые залезал.

Отошедши от своих, он не пристал к чужим. Большинство своих прониклось к нему презрением, чужие едва ли оценили его.

Увольнение его (21 июля 1917 г.) от должности Верховного вызвало в Ставке не просто радость, а злорадство.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дополнительный материал: (ldn-knigi)

Протопресвитер Георгий Шавельский

(Шавельский Георгий Иванович) (1871 - 1951)

От Издательства 5

Вместо предисловия 9

Глава I - До войны.

Мое назначение на должность Протопресвитера.

Первые встречи с высочайшими особами 13

Глава II - Сибирь, Туркестан, Кавказ, Ставрополь,

Кубань. Наблюдения и впечатления 33

Глава III - Распутинщина при дворе 43

Глава IV - Накануне войны 71

Глава V - Русская армия в предвоенное время 91

Глава VI - Ставка 107

Глава VII - Верховный Главнокомандующий 123

Глава VIII - Первые победы и первые поражения 139

Глава IX - На Юго-западном фронте.

Воссоединение галицийских униатов 157

Глава X - Первый приезд Государя в Ставку 183

Глава XI - Варшавские администраторы 199

Глава XII - В Ставке Верховного Главнокомандующего 223

Глава XIII - Наши главнокомандующие 243

Глава XIV - Виновные. Поездка к епископу Герогену 259

Глава XV - Смена министров 277

Глава XVI - Последние дни Барановичской Ставки

Увольнение Верховного 295

Глава XVII - Царская Ставка 321

Глава XVIII - Царский быт в Ставке.

Государь и его наследник 341

Глава XIX - Церковные дела. Тобольский скандал.

Митрополит Питирим и обер-прокурор А. Н. Волжин 367

Глава XX - Генералы: Алексеев, Куропаткин,

Военный Совет в Ставке.

Отставка генерал-адъютанта Иванова 393

Дополнительный материал: (ldn-knigi)

Мировая Война, персоналии

Дополнение. Взято с : <http://abakus.narod.ru/likh/125.htm>

(Сведения даны как в ссылке - нами не дополнены - ldn-knigi)

1. Мировая Война

Персоналии

В данном разделе помещена информация, которую удалось собрать по лицам, принимавшим участие в событиях С РУССКОЙ СТОРОНЫ НА КОМАНДНЫХ ДОЛЖНОСТЯХ. Помимо общих сведений (как то даты жизни, послужной список и пр.) автор счел возможным также поместить для некоторых лиц выдержки из воспоминаний людей близко их знавших, в которых дается характеристика этих лиц. Хочется отметить, что несмотря на то, что это отзывы современников, необходимо иметь в виду, что они как правило давались уже много после событий, нередко людьми пристрастными и потому оценки одного и того же человека могут носить вполне противоположный характер и иметь разные оттенки. Возможно этот материал покажется лишним и малозначащим, однако автора всегда интересовал ответ на вопрос: а кто они были эти люди, которые участвовали в событиях? Каковы были их личные качества? Какова была их репутация в той среде, к которой они принадлежали? Как правило в военно-исторических исследованиях этот аспект вообще не получает никакого освещения и кроме того что генерал Х командовал N-ской дивизией о нем ничего не сообщается. Все прочие подробности и обстоятельства полагаются малозначащими мелочами, не стоящими внимания. Нисколько не пытаясь переубеждать сторонников этой точки зрения, автор может лишь сообщить им, что эти заметки не достойны того, чтобы быть ими прочитанными.

АДАРИДИ А.М. (1859 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1888 г. Исполнял должность начальника штаба 12-м арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 27-й пех. дивизией.

"Кроме официальной службы, мне пришлось узнать ближе генерала Адариди во время последней полевой поездки в мае месяце, где я был тоже командирован среди других подполковников и капитанов. С удовольствием вспоминаю эту учебную поездку, особенно самого руководителя по решению офицерами задач в поле, - генерала Адариди. Строгий по службе, вне службы это был обаятельный, простой и милый собеседник, в чем мне пришлось убедиться, когда иногда мы оставались с ним вдвоем по утрам (я заведывал хозяйством, т. е. довольствием всех офицеров на этой полевой поездке), не всегда выезжая в поле".

Успенский А.А. На войне: Восточная Пруссия-Литва 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 51-52.

АЛИЕВ Эрис хан Султан Гирей (1857 - 1920). Окончил Михайловскую Артиллерийскую Академию. Командовал 5-й Восточно-Сибирской дивизией и 2-м Сибирским корпусом. В августе 1914 г. в чине ген. от артиллерии командовал 4-м арм. корпусом. Во время гражданской войны - правитель Чечни. Расстрелян большевиками.

АРТАМОНОВ Леонид Константинович (1859 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1888 г. Командовал 16-м арм. корпусом. В августе 1914 г. в чине ген. от инфантерии командовал 1-м арм. корпусом. В январе-апреле 1917 г. командовал 18-й Сибирской стр. дивизией.

БАЙОВ К.К. (1869 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1894 г. Командовал 107-м пех. полком, затем исполнял должность ген-квартирмейстера штаба Виленского Военного Округа, командовал 6-й пех. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген-майора исполнял должность ген-квартирмейстера 1-й армии. Позже (после ухода ген. Милеанта) был назначен начальником штаба 1-й армии.

БЕЛЬГАРД В.К. (1863 - 18(31).08.1914). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. Командовал 1-й бригадой 14-й кав. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 3-й кав. дивизией. Погиб в бою у Вормдита во время похода в Восточную Пруссию.

БISKУПСКИЙ Василий Викторович (1878 - ?). В августе 1914 г. командовал 1-м лейб-драгунским Московским полком (вплоть до 1917 г.). Ген-майор (1915). В январе-мае 1917 г. командовал бригадой 3-й кав. дивизии. Активно сотрудничал с нацистами.

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Александр Александрович (1854 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1878 г. Командовал 2-й пех. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген. от инфантерии командовал 6-м арм. корпусом. После похода в Восточную Пруссию снят с должности.

БОБРОВСКИЙ Б. П. (1868 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. Был нач. военных сообщений Варшавского воен. округа. В августе 1914 г. в чине ген.-майора занимал должность начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 2 армии.

БУЛГАКОВ Павел Ильич (1856 - ?). Окончил Михайловскую Артиллерийскую Академию. Исполнял должность инспектора артиллерии 14-го арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 25-й пех. дивизией. Ген. от артиллерии (с декабря 1914 г.). С дек. 1914 г. командир 20-го арм. корпуса. В январе-феврале 1915 г. в ходе боев в Восточной Пруссии корпус был окружен в Августовских лесах. Попал в плен.

"... Для выполнения этого простого плана, на этот раз верно задуманного командиром 20-го корпуса, надо было проявить энергичную деятельность всему командному составу корпуса и в первую голову его командиру. Но ген. Булгаков не был способен на это. Он был артиллерист старого закала - "пушкарь", который всю жизнь знал только свою стрельбу и тактику считал для артиллерии делом лишним и посторонним. Его вынесла наверх 25-я пехотная дивизия, во главе которой он выступил на войну. Командный состав этой дивизии и большинство призванных из запаса рядовых имели боевой опыт русско-японской войны, и дивизия с первого же боя 17 августа 1914 г. выделилась своими высокими боевыми качествами, а командир ее получил скоро повышение и стал командиром корпуса...

Командир 20-го корпуса сумел выказать только в последние минуты существования своего корпуса, что он храбрый и честный солдат".

Белолипецкий В.Е. Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 год. М. 1940. С. 85.

"...тон ген. от артиллерии Булгакова редко кто выдерживал..."

Розеншильд-Паулин А. Гибель XX корпуса. Военный Сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 5, Белград. 1924. С. 288.

ВАСИЛЬЕВ В.М. (1859 - ?). Константиновское военное училище. Командовал 1-й бригадой 31-й пех. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 1-й стр. бригадой.

ГАНДУРИН И.К. (1866 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. Командовал 1-й бригадой 49-й пех. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 1-й бригадой 29-й пех. дивизии.

ГЕРУА Александр Владимирович (1870 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. В августе 1914 г. командовал л-гв. Волынским полком. Позже занимал должность ген-квартирмейстера 5-й армии, командовал 38-й пех. дивизией, был начальником Балтийского сухопутного отряда, командовал 18-м арм. корпусом. Последняя должность - начальник штаба Румынского Фронта. 25.03.1918 уволен в запас.

ГУРКО Василий Иосифович (08.05.1864 - 11.02.1937). Пажеский корпус. Окончил

Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1892 г. (по первому разряду). Служил при штабах Туркестанского, Варшавского и Виленского Военных Округов. Во время англо-бурской войны в 1899-1900 гг. состоял военным агентом при войсках буров. Во время русско-японской войны состоял штаб-офицером для поручений при управлении ген-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии. В 1906-1911 гг. был председателем военно-исторического комитета по описанию русско-японской войны. Ген-лейтенант (с 06.12.1910). В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 1-й кав. дивизией. С 09.11.1914 командовал 6-м арм. корпусом. С 06.12.1915 г. командовал 5-й армией. Ген. от кавалерии (с 1916 г.). С 14.08.1916 г. командовал Особой армией. С 10.11.1916 г. по 17.02.1916 г. во время болезни ген. М.В. Алексева исполнял обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего. С 31.03.1917 г. назначен Главнокомандующим армиями Западного Фронта. 22.05.1917 после подачи рапорта, в котором высказал свое отрицательное отношение к Декларации прав военнотружеников, смещен с должности. С 23.05.1917 г. состоял в распоряжении Верховного Главнокомандующего. Жил в Петербурге. 21.07.1917 арестован, но вскоре освобожден. Решением правительства в сентябре 1917 г. выслан через Архангельск за границу, а 14.10.1917 г. уволен со службы. Жил в Италии. Умер в Риме.

ДАНИЛОВ Николай Александрович (13.04.1867 - ??.03.1934). 3-е военное Александровское училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1893 г. (по первому разряду). Служил при штабе Московского Военного Округа, в канцелярии Военного Министерства. С 1901 г. экстраординарный профессор Николаевской Академии Генерального Штаба. Участник русско-японской войны. 15.02.1904-24.11.1904 начальник канцелярии полевого штаба Маньчжурской армии. В конце войны назначен и.д. начальника штаба Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами на театре военных действий. С 1905 г. по 1911 г. помощник начальника, а с 1911 г. начальник канцелярии Военного Министерства. Заслуженный профессор Николаевской Академии Генерального Штаба. Ген-лейтенант (с 06.04.1911). В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта занимал должность Главного Начальника Снабжения Северо-Западного Фронта. Позже командовал 23-м арм. корпусом. Ген. от инфантерии (с 23.10.1914). С 13.06.1914 г. командовал 10-м арм. корпусом. С 12.06.1917 командовал 2-й армией. 20.11.1917 г. снят с должности. С 1918 в Красной Армии. С декабря 1919 г. преподаватель Академии Генерального Штаба. С 10.08.1921 г. декан Военно-Экономического Факультета Военно-Инженерной Академии. Затем профессор Военной Академии РККА. В 1931-1933 инспектор штаба РККА. Умер в Ленинграде.

ДАНИЛОВ Юрий Никифорович (13.08.1866 - 03.02.1937). Михайловское Артиллерийское Училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1892 г. (по первому разряду). Служил при штабе Киевского Военного Округа. С 1898 г. - при Главном Штабе. Начальник отделения ГУГШ (с 25.06.1905). Обер-квартирмейстер ГУГШ (с 18.10.1908). Ген-квартирмейстер ГУГШ (с 25.07.1909). Ген-лейтенант (с 1913 г.). В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта исполнял должность ген-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего. Ген. от инфантерии (с 22.10.1914). С 30.08.1915 командовал 25-м арм. корпусом. С 11.08.1916 исполнял должность начальника штаба Северного Фронта. С 29.04.1917 командовал 5-й армией. 09.09.1917 снят с должности и переведен в резерв чинов при штабе Петроградского Военного Округа. В 1918 г. вступил в Красную Армию. В качестве эксперта участвовал в переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске. Был противником заключения мирного соглашения. С 25.03.1918 вышел в отставку и уехал на Украину. Перешел в район операций Добровольческой армии. Занимал пост помощника начальника Военного управления ВСЮР. В 1920 г. эмигрировал сперва в Константинополь, затем в Париж. Умер в Париже.

"В этом отношении его [Янушкевича] должен был дополнять генерал-квартирмейстер Данилов, человек узкий и упрямый"

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М. 2001, С.66.

"Что касается Ю.Н.Данилова, то он, конечно, был способнее ген. Янушкевича, но не

настолько, чтобы занимать должность генерал-квартирмейстера Генерального Штаба, т.е. помощника начальника этого штаба.

Последний командовал 166-м Ровненским полком в моей дивизии в Киеве и вполне удовлетворительно. Помню, как однажды генерал М.В.Алексеев, тогда начальник штаба Киевского военного округа, с которым я был в добрых и близких отношениях, говоря о генерале Данилове, сказал, что "он просто дурак", а ведь генерал Алексеев был очень мягкий человек".

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М. 1996, С.398.

ДЕРНОВ Д.М. (1862 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1891 г. Исполнял должность заведующего передвижением войск Варшавского Военного Округа. В августе 1914 г. в чине ген-майора исполнял должность начальника военных сообщений Северо-Западного Фронта.

ДЖОНСОН Г.Г. (1867 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1895 г. Исполнял должность начальника штаба Семиреченской области. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 1-й бригадой 25-й пех. дивизии. Позже произведен в ген-лейтенанты и командовал (в январе - феврале 1915 г.) 27-й пех. дивизией. В февр. 1915 г. при окружении 20-го арм. корпуса в Августовских лесах попал в плен.

ДУШКЕВИЧ Александр Александрович (1853 - ?). Тифлисское юнкерское училище, Офицерская стрелковая школа. В 1912-1914 гг. командовал 22-й пех. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта во главе своей дивизии участвовал в походе в Восточную Пруссию. С 27.08.1914 назначен командиром 1-го арм. корпуса, в каковой должности пребывал до 1917 г.

"... Душкевич был очень доблестный человек, честный, прямой, довольно резкий в обращении и достаточно толковый в области тактического использования войск; будучи уже старым человеком и страдая от полученного в Манчжурии пулевого ранения в грудь, он не очень легко переносил тяготы походной жизни и прежде всего нуждался в отдыхе не только в течение всей ночи, но и днем. На первых порах это создавало для меня большие затруднения, ибо обычно все распоряжения из армии получались поздно и часто ночи напролет проходили в интенсивной работе по управлению корпусом; но уже через несколько дней Душкевич заявил мне, чтобы я не беспокоился получать своевременно его санкции, что он мне верит и что я могу его именем распоряжаться сам. С точки зрения нормального управления войсками это было вопиющим, хотя и довольно распространенным у нас в армии безобразием, но для меня такой порядок был очень удобен; кроме того это чрезвычайно сэкономило время"

Новицкий Ф.Ф. Лодзинская операция 1914 г. Из личных воспоминаний участника. Война и Революция, 1930, №6, С.115-116.

ЕПАНЧИН Николай Алексеевич (17.01.1857 - 12.02.1941). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1882 г. Командовал 42-й пех. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген. от инфантерии командовал 3-м арм. корпусом. В начале 1915 г. руководил т.н. Вержболовской группой. По итогам боев в январе-феврале 1915 г. 06.02.1915 смещен с должности и позже (11.05.1915) уволен со службы. С 31.06.1916 возвращен на службу. С 09.01.1917 командовал 5-й Финляндской стрелковой дивизией (4-й очереди, находилась в стадии формирования). С 11.04.1917 отчислен от должности. 06.11.1917 уволен в отставку. Проживал в Крыму. В 1920 г. через Константинополь выехал в Германию. В 1923 г. переехал во Францию. Умер в Ницце.

"После полудня последовал целый ряд приказаний... 27-я дивизия переходила из 3-го корпуса в соседний слева 20-й, что в 108-м полку было сочтено переменной к лучшему, так как ни состав 3-го корпуса, ни его командир не внушали доверия"

Белолипецкий В.Е. Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 год. М. 1940, С. 14-15.

ЖИЛИНСКИЙ Яков Григорьевич (15.03.1853 - 1918). Николаевское кавалерийское училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1883 г. (по первому

разряду). Служил при штабе Московского Военного Округа и Главном Штабе. 29.01.1904 назначен начальником полевого штаба наместника на Дальнем Востоке Е.И. Алексеева. После отзыва Алексеева состоял в распоряжении военного министра. Командовал 14-й кав. дивизией (с 27.01.1906), 10-м арм. корпусом (с 07.07.1907). Ген. от кавалерии (с 18.04.1910). С 22.02.1911 начальник ГУГШ. С 04.03.1914 назначен командующим войсками Варшавского Военного Округа и Варшавским генерал-губернатором. В августе 1914 г. в чине ген. от кавалерии назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного Фронта. По итогам боев в Восточной Пруссии 03.09.1914 снят с поста Главнокомандующего армиями и генерал-губернатора и переведен в распоряжение военного министра. В 1915-1916 представлял русское командование в Союзном совете во Франции. Осенью 1916 г. отозван в Россию. 19.09.1917 уволен со службы. После Октябрьской революции пытался выехать за границу, но был арестован и расстрелян.

"...Жилинский интересовался по-видимому всем чем угодно, но не своими обязанностями. Пришлось мне в бытность мою помощником командующего войсками Варшавского Военного округа, по поручению моего начальства докладывать одно серьезное дело военному министру и, по его приказанию, переговориться с Жилинским и я невольно должен был убедиться, что голова этого государственного мужа, была занята совсем иными интересами"

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М. 2001, С.64.

"Сегодня познакомился с ген. Жилинским - одним из ех-помпадуров военного типа: холодный и неприятный блеск глаз; что то очень неприятное во всем выражении лица"

Готье Ю.В. Мои заметки. Вопросы Истории, 1991, №9-10, С. 174.

КАЗНАКОВ Н.Н. (1856 - ?). Окончил Пажеский корпус. Командовал 39-м драг. полком, бригадой 5-й кав. дивизии, состоял в распоряжении командующего войсками гвардии и Петербургского Военного Округа. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 1-й кав. дивизией.

КЛЮЕВ Николай Алексеевич (1859 - 1921). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1885 г. Исполнял должность начальника штаба Варшавского Военного Округа. Позже командовал 1-м Кавк. корпусом. Ген-лейтенант (с 1909). В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 13-м арм. корпусом. В ходе боев корпус попал в окружение. Попал в плен. Участник белого движения на севере России.

КОЛЯНКОВСКИЙ Э.А. (1857 - ?). Окончил Инженерную Николаевскую Академию. Командовал 1-й бригадой 17-й пех. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 30-й пех. дивизией.

КОМАРОВ Н.Н. (1855 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1882 г. Исполнял должность начальника штаба 7-го арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 4-й пех. дивизией.

КОНДРАТОВИЧ Киприан Антонович (1859 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1884 г. Командовал 1-м Кавк. корпусом. В августе 1914 г. в чине ген. от инфантерии командовал 23-м арм. корпусом. По итогам боев в Восточной Пруссии отчислен от занимаемой должности. В 1917 г. командовал 75-й пех. дивизией.

КОРОТКЕВИЧ Николай Николаевич (1859 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1888 г. Командовал 1-й Финляндской стр. бригадой. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 40-й пех. дивизией. В 1915-1917 гг. командовал 36-м арм. корпусом.

КРЫМОВ Александр Михайлович (23.10.1871 - 31.08.1917). Павловское военное училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1902 г. (по первому разряду). Участник русско-японской войны (при штабе 4-го Сибирского корпуса). Затем служил при Главном Штабе, ГУГШ. Полковник (с 06.12.1908). Командовал 1-м Аргунским полком (с 15.07.1911). С 25.11.1913 г. исполнял должность генерала для поручений при командующем войсками Туркестанского Военного Округа ген. А.В. Самсонове. 18.08.1914 в чине полковника назначен исполнять должность генерала для поручений при штабе 2-й

армии. С 07.09.1914 г. командовал бригадой 2-й Кубанской казачьей дивизии. Ген-майор (с 16.12.1914). С 27.03.1915 назначен начальником Уссурийской конной бригады. 18.12.1915 назначен командиром дивизии, развернутой из этой бригады. С 07.04.1917 г. исполнял должность командира 3-го конного корпуса. Ген-лейтенант (с 29.04.1917). 24.08.1917 г. в ходе Корниловского выступления назначен Главнокомандующим отдельной Петроградской армией. После провала Корниловского выступления застрелился в своей квартире на Захаровской улице в Петрограде.

"Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своею и предсмертными словами: "я умираю потому, что слишком люблю родину", доказал свой патриотизм"

Врангель П.Н. Воспоминания. М. 1992, т.1, С.8.

ЛАШКЕВИЧ Н.А. (1856 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1881 г. Командовал 37-й пех. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 28-й пех. дивизией.

ЛЕО Н.Н. (1862 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1891 г. Командовал 2-й бригадой 2-й кав. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 1-й бригадой 1-й кав. дивизии.

ЛЕОНТОВИЧ Евгений Александрович (1862 - после 1937). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1890 г. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 1-й бригадой 2-й кав. дивизии. В 1914 г. произведен в чин ген-лейтенанта. С 09.09.1914 г. командовал 3-й кав. дивизией (вплоть до 1917 г.) и одновременно 6-м кав. корпусом. С 1920 г. в эмиграции.

ЛЕОНТЬЕВ В.Г. (1866 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1891 г. Исполнял должность начальника штаба 14-го арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген-майора исполнял должность ген-квартирмейстера штаба Северо-Западного Фронта.

"Ловкач, но ограниченный человек, Леонтьев после отступления Ренненкампа в 1914 году из Восточной Пруссии был снят с должности генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта".

Шапошников Б.М. Воспоминания. М. 1974. С. 222.

ЛЮБОМИРОВ П.П. (1858 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. Исполнял должность начальника штаба 5-го арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 15-й -кав. дивизией.

МАЙДЕЛЬ В.Н. (1864 - ?). Барон. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1892 г. Был начальником Тверского кавалерийского училища. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал бригадой 3-й кав. дивизии.

МАРТОС Николай Николаевич (1858 - 1933). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1883 г. Был помощником командующего войсками Варшавского Военного Округа. Ген. от инфантерии (с 1913). В августе 1914 г. в чине ген. от инфантерии командовал 15-м арм. корпусом. В ходе боев корпус был окружен. Попал в плен. Участник белого движения, начальник Государственной стражи на Юге России (1919-1920). С 1920 г. в эмиграции. Умер в Югославии.

МИЛЕАНТ Гавриил Георгиевич (1864 - 1936). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1884 г. (или в 1894 г.) Был начальником штаба Виленского Военного Округа. Ген-лейтенант (с 1913). В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта исполнял должность начальника штаба 1-й армии. С 06.09.1914 г. командовал 4-й пех. дивизией (до 1915 г.). В 1915-1917 возглавлял главное военно-техническое управление. В апреле-декабре 1917 г. командовал 5-м арм. корпусом. Участник белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

МИНГИН И.Ф. (1855 - ?). Артиллерийское училище. Исполнял должность инспектора артиллерии 23-го арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 2-й пех. дивизией.

НАХИЧЕВАНСКИЙ Хан Гуссейн (1863 - ?). Пажеский корпус. Командовал 1-й отд.

кав. бригадой. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 2-й кав. дивизией. В 1916 г. произведен в чин ген. от кавалерии. Командовал 2-м (1914-1915) и Гв. (1916-1917) кав. корпусами. С 1918 г. в эмиграции.

"Ген. Хан-Нахичеванский перед войной командовал 2-й кав. див. и очутился во главе большого конного отряда до известной степени случайно. Всю свою службу провел в строю, командовал Дагестанским конным полком, с которым сделал всю Японскую кампанию, и гвар. конным полком. Широкого военного образования не имел, привык пунктуально исполнять приказания начальства; лично очень храбрый. Не умел держать в руках непосредственно подчиненных начальников дивизий, которые иногда не исполняли прямых приказаний, держались очень самостоятельно, но проявляли инициативу не для достижения, боевых целей, а для получения возможно больших удобств для своих частей. Сам Хан-Нахичеванский имел некоторое пристрастие, к тем частям, которыми раньше командовал (до прибытия гвардии - к своей 2-й кав. див., после прибытия гвардии - к 1-й гвард. кав. див.); потери в этих частях производили на него очень сильное впечатление. Наконец Хан-Нахичеванский, мягкий и очень добрый человек, попадал под безответственные влияния. Командовать ему пришлось при довольно трудной обстановке, имея под своим начальством самые блестящие полки гвардии, которые дрались и работали не жалея себя, но были приучены к особому вниманию и особому отношению к себе. Хан-Нахичеванский действовал по мере сил и разума, не искал личных выгод, - был лучшим из начальников кавалерийских дивизий 1-й армии, которые все, делаясь самостоятельными, действовали хуже его"

Рогвольд В. Конница 1-й армии в Вост.Пруссии (август-сентябрь 1914 г.) М. 1926, С.166.

НЕЧВОЛОДОВ А.Д. (25.03.1864 - 1938?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1889 г. Был военным агентом в Корее (11.1903 09.1905). Командовал 58-м пех. полком (02.1907 - 05.1909), бригадой 65-й пех. дивизии (1909 - 1910), 1-й бригадой 10-й пех. дивизии (1910 - 1911). В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 2-й бригадой 4-й пех. дивизии. В феврале 1917 г. в чине ген-лейтенанта командовал дивизией на Западном Фронте. С 1918 г. - в эмиграции во Франции.

НОВИЦКИЙ Федор Федорович (02.08.1870 - 1944) 1-е военное Павловское училище (1889). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1895 г. (по первому разряду). Служил на различных должностях в Варшавском военном округе, был начальником штаба 8-й пех. дивизии, командовал 21-м пех. Муромским полком. В августе 1914 г. в чине полковника командовал 1-й бригадой 6-й пех. дивизии. Затем (в чине ген-майора) занимал должность начальника штаба 1-го арм. корпуса (1914-1916). Командовал 22-й, 82-й пех. дивизией, 43-м арм. корпусом. С весны 1918 г. в РККА. В нач. 1919 г. был начальником штаба 4-й армии, затем членом РВС той же армии. Служил в штабе М.В. Фрунзе (принимал деятельное участие в разработке плана взятия Перекопа и разгрома Врангеля). После окончания гражданской войны - на преподавательской работе. Арестовывался по делу "Весна", но был освобожден до окончания следствия. Вернулся на преподавательскую работу.

ОРАНОВСКИЙ Владимир Алоизиевич (07.01.1866 - 29.08.1917). Пажеский корпус. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1891 г. (по первому разряду). Служил при штабе Петербургского Военного Округа, штабе Закаспийской области. С 08.11.1904 ген-квартирмейстер штаба Приамурского Военного округа. Участник русско-японской войны. С 24.03.1905 назначен ген-квартирмейстером штаба Главнокомандующего сухопутными и морскими силами на театре военных действий. С 11.07.1908 - начальник штаба ген-инспектора кавалерии вел. кн. Николая Николаевича. Ген-лейтенант (с 01.05.1910). С 23.08.1913 начальник штаба Варшавского Военного Округа. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта исполнял должность начальника штаба Северо-Западного Фронта. Ген. от кавалерии (с 25.10.1914). С 31.01.1915 командовал 1-м кав. корпусом. С 19.04.1917 командовал 42-м отд. арм. корпусом, в состав которого входили

все войска размещенные в Финляндии. 26.07.1917 переведен в резерв чинов при штабе Петроградского Военного Округа. С 09.08.1917 состоял в распоряжении Главнокомандующего армиями Северного Фронта. Арестован толпой солдат в г. Выборг. После издевательств убит.

"Прошли годы... Орановский давно погиб. И вот теперь, возвращаясь к личности Орановского, хочется сказать о нем доброе слово. Как начальник дивизии, Орановский всегда брал на себя ответственность за принимаемые решения, учил дивизию и, нужно сказать, действительно сделал из нее хорошее боевое соединение; плоды работы этого соединения пожал во время войны уже Новиков, считавший себя чуть ли не русским Мюратом. Как офицер Генерального штаба, Орановский был деятельным, опытным, тактичным. Он прививал эти качества и мне. Правда, его нельзя назвать "отцом-командиром", как это понимали в русской армии, т. е. командиром, который иногда мог по-приятельски похлопать по плечу солдата. Да разве в этом заключалось достоинство командира? Нет и нет. Солдат всегда разбирался, кто настоящий командир, а кто подлаживается под него. Последних он не терпел. Заботился ли о солдате Орановский? Я с полным правом могу ответить, что более заботливого начальника я не видел

Орановский ушел из дивизии с повышением, вполне заслуженным, и в дивизии сохранилась о нем хорошая память".

Шапошников Б.М. Воспоминания. М. 1974. С. 228.

"Что представлял Орановский собою как боевой генерал, я не могу сказать, так как война разъединила нас. Поэтому пусть будущий историк произнесет свой приговор, а я воздержусь от восхваления, но и от хулы, так как говорить то, что я сам не наблюдал, не входит в мои задачи. Могу только одно сказать, что Орановский был головой выше иных генералов русской армии и с незапятнанной честью, как у его бывшего начальника генерала Жилинского".

Шапошников Б.М. Воспоминания. М. 1974. С. 239.

ОРАНОВСКИЙ Н.А. (1869 - ?). Пажеский корпус. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 1-й отд. кав. бригадой.

ПОРЕЦКИЙ А.Н. (1855 - ?). Морское училище. Командовал лейб-гв. Измайловским полком, 1-й бригадой 2-й гв. пех. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 26-й пех. дивизией.

ПОСТОВСКИЙ Петр Иванович (1857 - после 1931). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1886 г. Командовал 1-й Кавк. стр. бригадой. Был ген-квартирмейстером штаба Варшавского военного округа. В августе 1914 г. в чине ген-майора исполнял должность начальника штаба 2-й армии (вплоть до 07.10.1914). В 1915 г. произведен в чин ген-лейтенанта. Командовал 76-й (1914) и 65-й (1914-1915) пех. дивизиями. С 1919 г. в эмиграции.

"Постовского я знал хорошо в мирной обстановке, и хотя он был одно время даже генерал квартирмейстером штаба Варшавского военного округа, но это было явным и сплошным недоразумением. Постовский преимущественно занимался постройками стратегических шоссе, а затем увлекся пулеметным делом, считаясь одним из пионеров этого нового оружия. Кроме того, он был болезненный человек, что лишало его необходимой энергии"

Новицкий Ф.Ф. Лодзинская операция 1914 г. Из личных воспоминаний участника. Война и Революция, 1930, №7, С.117.

РАУХ Георгий Оттович (1860 - 1936). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1887 г. Командовал 10-й кав. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 2-й гв. кав. дивизией. В 1915 г. командовал 2-м кав. корпусом. С декабря 1915 г. по май 1916 г. командовал 1-м гв. корпусом. С мая 1916 г. по апрель 1917 г. - 2-м гв. корпусом. В 1917 г. произведен в чин ген. от кавалерии. С 1919 г. в эмиграции.

РЕННЕНКАМПФ Павел -Георг Карлович фон (17.04.1854 - 01.04.1918). Гельсингфорское пехотное юнкерское училище. Окончил Николаевскую Академию

Генерального Штаба в 1882 г. (по первому разряду). В чине ген-майора принимал участие в Китайской кампании 1900 г. Во время русско-японской войны командовал Забайкальской казачьей дивизией. За боевые отличия произведен в чин ген-лейтенанта (1904 г.). С 27.12.1906 командовал 3-м арм. корпусом. Ген. от кавалерии (с 06.12.1910). С 20.01.1913 г. командовал войсками Виленского Военного Округа. С 19.07.1914 по 18.11.1914 командовал 1-й армией. Позже состоял в распоряжении военного министра. 06.10.1915 уволен со службы. После Февральской революции был арестован, находился под следствием, но фактов для выдвижения против него обвинения выявлено не было. После Октябрьской революции освобожден и уехал в Таганрог. После занятия города большевиками перешел на нелегальное положение. Арестован ЧК в ночь на 16.03.1918. Отверг предложение вступить в Красную Армию. По распоряжению Антонова-Овсеенко в ночь на 01.04.1918 после издевательств расстрелян.

"Генерал Ренненкампф был природным солдатом. Лично храбрый, не боявшийся ответственности, хорошо разбиравшийся в боевой обстановке, не поддававшийся переменчивым впечатлениям от тревожных донесений подчиненным во время боя, умевший приказывать, всегда устремленный вперед и зря не отступавший..."

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991, С.131.

"Ренненкампф... смотрел на людской элемент своих частей, как на орудие боя и личной славы. Но его боевые качества и храбрость импонировали подчиненным и создавали признание, авторитет, веру в него и готовность беспрекословного повиновения".

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991, С.131.

"Во время японской войны генерал Ренненкампф командовал Забайкальской казачьей дивизией, получил орден св.Георгия 3-й степени и в начале 1913 г. был назначен командующим войсками Виленского военного округа. Про него ходило много анекдотов, историй и, конечно, сплетен; трудно разобрать, что в них было правдой и что ложью, но он сам давал пищу этим пересудам, будучи человеком беспринципным, эгоистом, низкопоклонным к некоторым "особам", как например к Великому князю Николаю Николаевичу, весьма легкомысленным, а кроме того, придерживался "чарочки".

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М. 1996, С.386.

"Выбор кандидатов на высшие должности производился по кандидатским спискам, составленным Высшей аттестационной комиссией, и уже не представлял никаких затруднений. Между прочим, Комиссия постоянно признавала ген. Ренненкампфа пригодным лишь для оставления в должности командира корпуса; государь при одном из моих докладов сказал мне, что Ренненкампфу следовало бы дать округ; я возразил, что это неудобно, так как его ведь все считают мошенником и вором! Государь не настаивал, сказав лишь, что обвинения против Ренненкампфа голословны. Он через некоторое время вновь заговорил о том же, но мне вновь удалось отклонить повышение Ренненкампфа, и при мне он оставался командиром корпуса"

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М. 1999, т.2, С. 219.

"Командующим округа был тогда генерал-адъютант Ренненкампф, - "желтая опасность", как его прозвали офицеры; он носил желтые лампасы и мундир Забайкальского казачьего войска, пожалованный ему за боевые отличия; ну а "опасным" он был вследствие своего крутого характера.

Еще будучи нашим корпусным командиром, он высоко поднял боевую подготовку 3-го армейского корпуса: постоянными маневрами, пробными мобилизациями, кавалерийскими состязаниями, боевой стрельбой с маневрированием даже в морозы, состязаниями в походном движении и т. п., причем войска всегда видели его среди себя на коне, несмотря ни на какую погоду, красивым, "лихим", простым в обращении!"

Успенский А.А. На войне: Восточная Пруссия-Литва 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 15.

РЕЩИКОВ Н. П. (1853 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. Был нач. штаба 9 арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген.-лейтенанта занимал должность

начальника 24 пех. дивизии.

"Во главе 24-й пех. дивизии, как я уже упомянул, стоял ген. Рещиков. В свое время он служил в генеральном штабе, а ко времени войны уже несколько лет командовал дивизией. Это был уже очень почтенного возраста человек, сильно отяжелевший, мало подвижный, невозмутимый и спокойный до инертности. Никакими особыми талантами Рещиков не обладал, а потому не был избавлен от подчинения посторонним влияниям"

Новицкий Ф.Ф. Лодзинская операция 1914 г. Из личных воспоминаний участника. Война и Революция, 1930, №6, С.116.

РИХТЕР Г.К. (1855 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1881 г. Исполнял должность начальника штаба Туркестанского Военного Округа. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 16-й пех. дивизией.

РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИН А.Н. (1860 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1887 г. Командовал 1-й бригадой 42-й пех. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 29-й пех. дивизией. В феврале 1915 г., командуя той же дивизией, попал в плен в Августовских лесах при окружении 20-го арм. корпуса.

РОМАНОВ Николай Николаевич (06.11.1856 - 05.01.1929). вел. князь. Николаевское инж. училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1876 г. (по первому разряду). Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С 1885 по 1905 гг. ген-инспектор кавалерии Ген. От кавалерии (с 06.12.1900). В 1905-1908 гг. возглавлял Совет Гос. Обороны. С 26.10.1905 занимал пост Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. С началом войны назначен Верховным Главнокомандующим (с 20.07.1914). 23.08.1915 Николай II взял на себя функции Верховного Главнокомандующего, а Н.Н. был назначен наместником на Кавказе. При подписании отречения Николай II назначил Н.Н. Верховным Главнокомандующим. 11.03.1917 отчислен от должности и уволен со службы. Проживал в Крыму. В 1919 на борту английского крейсера "Мальборо" выехал в Италию. Позже переехал во Францию. Ум. в г. Антиб.

"Верховным главнокомандующим был назначен вел. князь Николай Николаевич. По моему мнению в это время лучшего верховного главнокомандующего найти было нельзя По предыдущей моей службе, в бытность мою начальником офицерской кавалерийской школы, а затем начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, я имел возможность близко узнать его, как по должности генерал-инспектора кавалерии, так и по должности главнокомандующего гвардией и Петербургского военного округа. Это - человек несомненно всецело преданный военному делу и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло. Конечно, как принадлежавший к императорской фамилии, он, по условиям своего высокого положения, не был усидчив в работе, особенно - в молодости. По натуре своей он был страшно горяч и нетерпелив, но с годами успокоился и уравновесился. Назначение его верховным главнокомандующим вызвало глубокое удовлетворение в армии. Войска верили в него и боялись его. Все знали, что отданные им приказания должны быть исполнены, что отмене они не подлежат и никаких колебаний не будет"

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М. 2001, С.64-65.

"Николай Николаевич требовал строгой и справедливой дисциплины в войсках, заботился о нуждах солдата, усиленно следил за тем, чтобы не было засилья штабов над строевым элементом, не жалел наград для строевых работников, был скуп относительно награждений штабных и тыловых деятелей, строго запрещая награждать их боевыми отличиями. Я считал его отличным главнокомандующим"

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М. 2001, С.65-66.

РООП В.Х. (1865 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1892 г. Был военным агентом в Австро-Венгрии, командовал л-гв Конногренадерским полком, отд. гв. кав. бригадой. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 6-й кав. дивизией.

САМСОНОВ Александр Васильевич (02.11.1859 - 17.08.1914). Николаевское кав. училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1884 г. (по первому разряду). С 25.07.1896 начальник Елисаветградского кав. юнкерского училища. Во время

русско-японской войны командовал Уссурийской конной бригадой (с 15.03.1904), Сибирской казачьей дивизией (с 02.09.1904). С 24.09.1905 начальник штаба Варшавского Военного Округа. С 17.03.1909 Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского Военного Округа. Ген. от кавалерии (с 06.12.1910). С 19.07.1914 командовал 2-й армией. После окружения центральных корпусов армии в Комуссинском лесу застрелился.

"Больше Самсонова я уже не видел. Что же он собой представлял? К сожалению, русские военные историки под влиянием миража немецких побед под Сольдау критически относятся к личности генерала Самсонова. Иные авторы готовы смешать его имя с грязью, что и проделывали не раз на страницах журналов. Пусть это остается на их совести, но я твердо верю, что найдется исследователь, который отвергнет все гнусное, что писалось о Самсонове, и выявит его истинное лицо. Самсонов был умным военачальником. Будучи начальником штаба Варшавского военного округа, он отлично знал Восточно-Прусский театр и все время ожидал удара немцев с запада в левый фланг своей армии. Если бы Самсонов выполнял все директивы командующего армиями Северо-Западного фронта генерала Жилинского, то он понес бы еще большее поражение. Пусть историк разберется в действиях Северо-Западного фронта и верховного главнокомандующего, тогда Сольдауская операция представится в ином свете, и вина Самсонова в значительной степени уменьшится. Наделенный острым чувством воинской чести, Самсонов не пережил своего поражения и покончил жизнь самоубийством. Иначе поступил бывший начальник штаба Варшавского округа командир 13-го корпуса генерал Ключев. У него было 12 тысяч солдат, а он не смог проложить себе дорогу через два немецких батальона, чтобы выйти из окружения, и предпочел сдаться в плен. К сожалению, Самсонова отвлекали генерал-губернаторские дела, и он отстал от военной науки. Этого отрицать не приходится. Но разве Самсонов был хуже тех генералов, которые тогда стояли во главе русских армий? Я должен уверенно сказать: нет! И как начальник, и как человек Самсонов был обаятельной личностью. Строгий к себе, приветливый к подчиненным, он был высоко честным человеком. Но жизнь бывает, жестока, сплошь и рядом такие люди, как Самсонов, становятся жертвами ее ударов, а негодяи торжествуют, так как они умеют лгать, изворачиваться и вовремя продать самого себя за чечевичную похлебку в угоду другим. Самсонов не был таковым и поступил даже лучше многих "волевых" командующих армиями. Что бы ни говорили про Самсонова, но от моих встреч с ним остались самые светлые воспоминания. Немного я встречал на своем служебном пути таких начальников, как генерал Самсонов".

Шапошников Б.М. Воспоминания. М. 1974. С. 196-197.

СИРЕЛИУС Леонид-Отто Оттович (1859 - 1920?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1885 г. Командовал 23-й пех. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 3-й гв. пех. дивизией. В 1914 г. произведен в чин ген. от инфантерии. В ноябре-декабре 1914 г. командовал 23-м арм. корпусом. 28.12.1914 был отчислен от командования корпусом. В апреле-июне 1915 г. командовал 37-м арм. корпусом. Затем вплоть до 1917 г. командовал 4-м Сибирским корпусом. По некоторым данным расстрелян большевиками.

СЛЮСАРЕНКО Владимир Алексеевич (1857 - 1933). Павловское военное училище. Занимал должности начальника артиллерии 19-го, потом 2-го Кавк. арм. корпусов. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 43-й пех. дивизией. После назначения ген. Шейдемана командующим 2-й армией возглавил 2-й арм. корпус. В 1915 г. произведен в чин ген. от инфантерии. Командовал 28-м арм. корпусом (1915-1917). С 1920 г. в эмиграции.

СМИРНОВ Владимир Васильевич (04.07.1849 - 18.10.1918). 1-е военное Павловское училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1874 г. (по первому разряду). Командовал 2-м Сибирским арм. корпусом (с 09.06.1906). Ген. от инфантерии (с 13.04.1908). Командовал 20-м арм. корпусом (с 28.07.1908), с которым и вступил в войну. С 20.11.1914 командовал 2-й армией. В марте 1917 в течение короткого времени командовал Западным Фронтом. 08.04.1917 переведен в распоряжение военного министра. С 22.04.1917

член Военного Совета. В конце 1917 г. переехал в район Минеральных Вод. В сент. 1918 г. взят в заложники большевиками и после мятежа И.Л. Сорокина вместе с ген. Н.В. Рузским, Р.Д. Радко-Дмитриевым и др. расстрелян в Пятигорске. По др. данным расстрелян большевиками в Киеве в февр.-апр. 1919 г.

ТОЛПЫГО А.А. (1858 - ?). Пехотное юнкерское училище. Офицерская кав. школа. Командовал 3-й отд. кав. бригадой. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 4-й кав. дивизией. По итогам боев в Восточной Пруссии в августе 1914 г. был снят с должности и назначен заведующим конским составом армии.

ТОРКЛУС Федор-Эмилий-Карл Иванович (1858 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1887 г. Командовал 1-й бригадой 27-й пех. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 6-й пех. дивизией. Командовал 15-м арм. корпусом (1914-1917). В 1916 г. произведен в чин ген. от инфантерии.

УГРЮМОВ А.А. (1852 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1883 г. Исполнял должность начальника штаба 13-го арм. корпуса. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 1-й пех. дивизией. С августа 1914 г. в плену.

ФИЛИМОНОВ Н.Г. (1866 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1892 г. Занимал должность начальника штаба крепости Новогеоргиевск. В августе 1914 г. в чине ген-майора исполнял должность ген-квартирмейстера 2-й армии. Позже занимал должность начальника штаба крепости Брест-Литовск.

ФИТИНГОФ Е.Э. (1854 - ?). Командовал 1-й бригадой 2-й гв. кав. дивизии. В августе 1914 г. в чине ген-лейтенанта командовал 8-й пех. дивизией.

ЧАГИН В.А. (1862 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. Был командиром 170 пех. Молодечненского полка. В авг. 1914 г. занимал должность начальника штаба 3-го арм. корпуса. Позже с 8(21) окт. 1914 г. - начальник штаба 2-й армии.

"Что касается Чагина, то я почти не знал его лично, но достаточно красочной характеристикой его, как начальника штаба, может служить свидетельство одного из чинов штаба армии, уверявшего, что, как только выяснилось наше окружение под Лодзью, Чагин стал бегать по штабу и все время взволнованно произносить: "Седан, Седан!"

Новицкий Ф.Ф. Лодзинская операция 1914 г. Из личных воспоминаний участника. Война и Революция, 1930, №7, С.117.

ЧЕРЕМИСОВ Владимир Андреевич (09.05.1871 - после 1937). Военно-училищные курсы Московского пех. юнкерского училища. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1899 г. (по первому разряду). Полковник (с 13.04.1908). С 18.09.1908 исполнял должность начальника штаба 7-й кав. дивизии. С 08.10.1911 штатный преподаватель военных наук Николаевской Академии Генерального Штаба. В августе 1914 г. в чине полковника командовал 120-м пех. Серпуховским полком. С 08.04.1915 исполнял должность генерал-квартирмейстера 12-й армии. Ген-майор (с 18.04.1915). Удален из Ген. штаба за упущения по службе и 06.02.1916 назначен командиром бригады 32-й пех. дивизии. С 12.07.1916 генерал для поручений при командующем 7-й армии. С 31.03.1917 командовал 159-й пех. дивизией. С 12.04.1917 - 12-м арм. корпусом. Ген-лейтенант (с 29.04.1917). С 18.07.1917 по 25.07.1917 командовал Юго-Западным Фронтом. Ген. от инфантерии (с 11.08.1917). С 11.08.1917 назначен командующим 9-й армии. С 09.09.1917 командовал Северным Фронтом. 14.11.1917 отстранен от командования и по приказу Н.В. Крыленко арестован. Вскоре был освобожден и эмигрировал. Жил в Дании. С 1930-х гг. - во Франции.

ЧИЖОВ М.И. (1857 - ?). Командовал 2-й бригадой 1-й пех. дивизии. В августе 1914 г. командовал 54-й пех. дивизией.

ЧУРИН Алексей Евграфович (07.02.1857 - 02.04.1917). 3-е Александровское военное училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1882 г. (по первому разряду). Командовал 18-й пех. дивизией. С 19.04.1907 исполнял должность начальника штаба Варшавского Военного Округа. С 04.02.1909 командовал 21-м арм. корпусом. Ген. от инфантерии (с 06.12.1912). С мая 1914 помощник командующего войсками Виленского Военного Округа. С 30.08.1914 командовал 2-м арм. корпусом. С 14.01.1915 командовал 5-й

армией. С 08.06.1915 командовал 12-й армией. С 20.08.1915 назначен командующим 6-й армией, войска которой охраняли побережье Балтийского моря и Петроград. 20.03.1916 сдал командование армией, переформированной в полевую и был назначен членом военного совета.

ШЕЙДЕМАН Сергей Михайлович (18.08.1857 - до 1922). Михайловское артиллерийское училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1883 г. (по первому разряду). Командовал 3-й кав. дивизией. В августе 1914 г. в чине ген. от кавалерии командовал 2-м арм. корпусом. С 23.08.1914 по 05.12.1914 командовал 2-й армией. Затем 1-м Туркестанским корпусом. 04.06.1917 переведен в резерв чинов при штабе Киевского Военного Округа. В ноябре 1917 г. возглавлял 10-ю армию. Вступил в Красную Армию и был назначен руководителем Рязанского участка "завесы". Впоследствии командовал дивизией. По некоторым данным умер в заключении.

"Что касается Шейдемана вообще, то разговоры с ним, бывавшие и раньше, особенно в период Варшавской операции, производили на меня неприятное впечатление. Прежде всего надо отметить, что Шейдеман принадлежал к числу тех представителей нашего генералитета, который воспитывался на убеждении, что всем заправляет и командует генеральный штаб. Занимая сам большие штабные должности, он, видимо, привык чувствовать себя на них хозяином дела и теперь, ставши командармом, при сношении с корпусами не признавал командиров корпусов, а обращался к начальникам штабов, дергая их часто по телефону, выговаривая им за беспорядок и отданные в корпусе распоряжения, если они не соответствовали его взглядам и т. д. В боях под Варшавой я однажды в очень решительной, но почтительной форме просил Шейдемана впредь вызывать командира корпуса и предъявлять к нему свои; требования и претензии, ибо я не считал возможным становиться в ложное служебное положение, когда личность командира корпуса как будто игнорировалась"

Новицкий Ф.Ф. Лодзинская операция 1914 г. Из личных воспоминаний участника. Война и Революция, 1930, №7, С.117.

ШИЛЬДБАХ Константин Константинович (24.01.1872 - ?). 3-е Александровское военное училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1896 г. (по первому разряду). Служил в войсках гвардии и Петербургского военного округа. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал лейб-гв. Литовским полком (в связи с чем изменил фамилию на Литовский или Литовцев). Затем командовал бригадой в 3-й гв. пех. дивизии. В 1917 г. командовал 102-й, затем 79-й пех. дивизией. В 1918 г. состоял в армии гетмана Скоропадского (возглавлял Лубенский гайдамацкий курень). В сентябре-декабре 1918 г. начальник штаба Южной армии. В ноябре 1918 г. в связи с падением гетмана Скоропадского бежал в Одессу. В 1922 г. переехал в Москву. Преподавал в Высшей Военно-Педагогической школе, Темирязевской Академии и Горном Институте. 30.12.1930 арестован по делу "Весна". Вину не признал. Освобожден 20.05.1931 с лишением права проживания в центральных районах СССР на три года.

ШРЕЙДЕР П.Д. (1863 - ?). Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1890 г. Был начальником офицерской стрелковой школы. В августе 1914 г. в чине ген-майора командовал 5-й стр. бригадой.

ЯНУШКЕВИЧ Николай Николаевич (01.05.1868 - 02.1918). Николаевский кадетский корпус. Михайловское артиллерийское училище. Окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1896 г. (по первому разряду). Занимал различные должности при Главном Штабе, Военном Совете и Военном министерстве. С 22.02.1911 помощник начальника канцелярии военного министерства. Одновременно с 08.01.1910 профессор военной администрации в Николаевской Академии Генерального Штаба. С 20.01.1913 назначен на должность начальника этой академии. Ген-лейтенант (с 1913 г.). 05.03.1914 назначен на должность начальника Генерального Штаба. С началом войны назначен на должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего (19.07.1914). Ген. от инфантерии (с 22.10.1914). После назначения Николая Николаевича на местником на Кавказе

был его помощником по военным вопросам (с 18.08.1915). С 13.09.1916 одновременно - главный начальник снабжений Кавказской армии. 31.03.1917 уволен со службы с мундиром и пенсией. В начале 1918 г. арестован в Могилеве и отправлен в Петроград, но по пути близ ст. Оредеж убит конвоирами.

"... Этот последний был очень милый, веселый и остроумный человек, профессор статистики военной академии, которому обязанности начальника генерального штаба были совершенно чужды"

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М. 2001, С.64.

"... Отчасти это объясняется полной неспособностью ген. Янушкевича для такой должности, как начальник Генерального Штаба; начать с того, что он никогда не служил в Генеральном Штабе. Он окончил курс Академии Генерального Штаба, был начальником канцелярии военного министерства, где никогда никаких дел по деятельности Генерального Штаба не производится, и и был назначен начальником Генерального Штаба, в сущности, без подготовки к этой чрезвычайно ответственной должности"

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М. 1996, С.397-398.

"Назначение Янушкевича на столь ответственный пост было совершенно непонятным: он не соответствовал ему ни по знаниям, ни по характеру".

Шапошников Б.М. Воспоминания. М. 1974. С. 236.

Formularende

Formularende

Formularende

Варнава (Накропин)

Ф.И.О.: Накропин Василий

Сан: архиепископ

Дата рождения: 1859 г. 19 век

Дата смерти: 13.04. 1924 г. 20 век

Церковная принадлежность Русская Православная Церковь

Биография Варнава (Накропин), архиепископ Тобольский и Сибирский. Родился в 1859 году, из крестьян Олонецкой губернии. Обучался только в Петрозаводском городском училище. С молодых лет Василий Накропин был "не о миро сего" - постником, усердным церковником и пламенным ревнителем православия, хорошо начитанным в святоотеческих творениях, любимцем приходского духовенства, "возлюбленным чадом" церкви у местных Олонецких архипастырей. 36 лет отроду он определяется послушником Клименецкого монастыря Олонецкой епархии. В 1897 году принимает монашество с именем Варнавы. В 1898 году инок Варнава удостоивается рукоположения во иеродиакона и иеромонаха, а уже в 1899 году назначается настоятелем Клименецкого монастыря. Через пять лет, в 1904 году о. Варнава возводится в сан игумена и вскоре перемещается настоятелем второклассного Палеостровского монастыря, с возведением в сана архимандрита.

В 1908 году митрополит Московский, Высокопреосв. Владимир, ценя достоинства архимандрита Варнавы, как доброго народного проповедника, ревностного и умелого устроителя как внешней, так и внутренней духовной жизни вверяемых обителей, представил Свят. Синоду ходатайство о перемещении о. Варнавы на должность настоятеля Коломенского Ново-Голутвинова монастыря, в котором за два года о. Варнава восстановил благолепное истовое богослужение и добрые порядки в жизни иноков, так что владыка Московский, в воздаянии заслуг о. Варнавы переместил его в первоклассный Старо-Голутвинский монастырь. Вышедший из среды простого народа и не получивший систематического образования, он, будучи человеком живого ума и крайне любознательным, долгой школой иночества и отчасти путем самостоятельного изучения святоотеческих творений, успел приобрести такие знания, что был призван к высокому епископскому служению. Он напоминал собой тот тип древне-русских настоятелей, которые строили обители, привлекая к ним живое Божье достояние верующих мирских людей. Его ласковость, сила и твердость убеждения, простота и понятность речи влекли к нему

верующих.

Благолепное, строгое уставное богослужение, простые душевные беседы с народом как в храме, так и вне, ласковая доступность и попечительство, отзывчивое внимание к духовным нуждам и запросам народной массы, создали о. Варнаве огромную популярность, как в Коломне, так и в Москве. Монастырский храм всегда был полон молящихся, стали ходить в церковь молиться и за советом к "батюшке Варнаве" рабочие и простой народ. Горожане Коломны пошли к митрополиту Московскому и в Свят. Синод. С ходатайством об открытии новой викариатской кафедры епископа Коломенского с возведением в этот сан архимандрита Варнавы.

28 ноября 1911 года была совершена хиротония архимандрита Варнавы во епископа Каргопольского, вик. Олонецкой епархии. 13 ноября 1913 года епископ Варнава был переведен на Тобольскую кафедру. Благоговейный почитатель памяти святителя Иоанна Тобольского, он со своей паствой возбудил ходатайство пред Свят. Синодом о причислении митрополита Иоанна к лику святых. 8 июня 1916 года, после совершения парастаса, глубокой ночью, епископ Варнава совместно с митрополитом Макарием и соборным ключарем обряжал священные мощи святителя Иоанна Тобольского, перекладывая их в только что доставленный из Москвы прекрасный ковчег и художественный кипарисовый гроб, а 1 июля был соучастником празднования прославления святителя Иоанна Тобольского. 5 октября 1916 года был возведен во архиепископа с оставлением Тобольским и Сибирским. 7 марта 1917 года уволен, согласно прошению, на покой с назначением управляющего, на правах настоятеля Высокогорской пустыни, Нижегородской епархии. Архиепископ Варнава обладал замечательной памятью. Был очень начитан в святоотеческой литературе, назидателем в беседах.

Обладал даром красноречия и часто говорил проповеди. Скончался 13 апреля 1924 года в Москве. Отпет Святейшим Патриархом Тихоном. Погребен в Москве. Относительно епископа Варнавы существует еще и другое мнение. Его считали мужиком каргопольским, огородником, ничем особенным не отличавшимся. Многие поразились назначению епископа Варнавы на Тобольскую кафедру, где раньше пребывали в большинстве своем митрополиты. Устроил его Распутин. Ему дали прозвище "суслика" и говорили, что после назначения его епископом Тобольским, он начал немилосердно издеваться над образованными священниками Тобольской епархии. Когда епископ Варнава был еще в сане архимандрита и состоял настоятелем одного из монастырей вблизи Москвы, то про него говорили, что он "жулик", трется в салонах.

Ходили слухи, что епископский сан он выпросил, ваяясь у государыни в ногах. Синод был против назначения архимандрита Варнавы в сан епископа, как человека мало образованного, но дружба с Распутиным, фаворитом тогдашнего двора сделала свое дело.

Труды:

Речь при назначении его во епископа Каргопольского, вик. Олонецкой епархии. "Приб. к "ЦВ" 1911, № 39, с. 1598; "Рус. Инок", 1911, вып. 43, с. 45-46. Христианские уроки: "Сподоби, Господи, без греха сохраниться нам" "Рус. Палом." 1915, № 29, с. 455. Слово, сказанное в церкви с. Белорецкого в 1914 году. "Тобол. Ев" 1917, № 2. Слово, сказанное 8 января 1917 года в кафедральном соборе г. Тобольска. "Тобольск Ев" 1917, № 4. Слово в Неделю о блудном сыне. "Тобол. Ев" 1917, № 6. Его многие проповеди помещались в "Тобольских Епархиальных Ведомостях". Литература: "Приб. к "ЦВ" 1911, № 39, с. 1598. "Церк. Вед" 1913, № 45, с. 111.- " - 1916, № 41, с. 367. Булгаков, с. 1407. "Рус. палом." 1913, № 47, с. 751.- " - 1915, № 29, с. 455.- " - 1916, № 30, с. 431.- " - 1916, № 31, с. 441.- " - 1916, № 32, с. 455.- " - 1917, № 9-15, с. 70. "Рус. Инок" 1911, вып. 41-42, с. 77-81. "Душ. Собес" 1916, с. 185.- " - 1916, № 2, с. 25. Родзянко М.В. "Крушение империи". Изд. "Прибой", 1927, с. 26, 51, 136. "Изв. Казан. еп." 1914, № 11, с. 338-339. "Красный Архив" 1936, № 4 (77), с. 201. Илиодор, с. 108-111. Заметки и дополнения Е.М. № 100. М. Pol'skij, novye muceniki 11, 277. Jon. Chrysostomus, Kirchengeschichte 1, 58, 59, 60-62.

Должности и места служения

Каргопольская 28.08/09.09. 1911 г. 20 век - 13/26.11. 1913 г. 20 век

Владимир (Путята)

Ф.И.О.: Путята Всеволод

Дата рождения: 1869 г. 19 век

Церковная принадлежность Русская Православная Церковь

Григорианская 20 век

Биография

Владимир (Путята Всеволод), б. архиепископ Пензенский и Саранский. Бывший архиепископ Владимир Путята происходил из древней родовой фамилии Киевского тысяцкого Путяты, прославившегося при св. князе Владимире насаждением христианства в Новгороде. Память об этом сохранилась в народе в известной пословице: "Путята крестил мечом, а Добрыня огнем". В дальнейшем эта родовитая фамилия отметила уже в девятнадцатом столетии выдвинувшегося деда его генерала-адъютанта Дмитрия Васильевича Путяту, бывшего полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Внук его Всеволод Путята родился 2 октября 1869 года в Смоленской губернии. Мать его была еврейка (?).

По своему времени он получил блестящее воспитание и всестороннее образование.

Еще будучи молодым человеком, он превосходно владел французским, английским и немецким языками; имея большие способности к языкам, он в ближайшие годы изучил итальянский язык и превосходно владел древними языками греческим и латинским. Всеволод Путята обладал редкой красотой и выдающейся завидной внешностью, словно он был создан для блеска и поклонения. Особенно громадным успехом он пользовался в дамском обществе, в котором он был лихим танцором и ухажером. Я нарочно остановился на этих подробностях и штрихах его характера, сыгравших впоследствии роковую роль в его архиерейской жизни. Получив блестящее домашнее образование, окруженный воспитателями, иностранцами, гувернерами и учителями, он в 1891 году с похвалой окончил Демидовский юридический Лицей и Военную юридическую академию, затем по фамильной традиции поступил офицером лейб-гвардии Преображенского полка и быстро выслужился и выдвинулся. В те годы Всеволод Путята был близок к полковнику Преображенского полка императору Николаю II, бывал у него как близкий человек и этим впоследствии кичился.

В правящих духовных сферах с его близостью к царю очень считались и опасались его. Мы сейчас не располагаем его послужным списком, который слегка мог бы объяснить, приоткрыть завесу с его первых шагов самостоятельной жизни. В 1897 году окончил Военно-юридическую академию и произведен в штабс-капитаны. В 1898 году переведен в военно-судебное ведомство. Вскоре Всеволод бросил военную службу и в 1899 году поступил в Казанскую духовную академию, которую без особого разрешения Св. Синода, окончил в два года вместо подложенных четырех лет. Почему он избрал малоизвестную в Петербурге Казанскую Духовную академию? Почему не поступил в столичную академию? Эти вопросы невольно напрашивались у большинства его знавших. Но именно так надо было сделать, чтобы уйти от большого света и его пагубных соблазнов, приведших его к роковому решению: бросить мир и стать служителем церкви. Его уход в академию чрезвычайно поразил его близких и все гвардейское офицерство и высший свет, где он был принят, как "свой человек", не взирая на его еврейское происхождение со стороны матери. 21 января 1900 года он был пострижен в монашество с именем Владимира в честь его небесного патрона, а 8 ноября того же года рукоположен во иеромонаха.

В 1901 году по окончании академии назначен инспектором Казанской духовной семинарии, а в 1902 году определен настоятелем церкви при Русском посольстве в Риме с возведением в сан архимандрита. Здесь Путята трудился над своей магистерской диссертацией, собирал материалы и обрабатывал их. Его знание языков и разные возможности открыли ему двери русских и иностранных архивов и библиотек, и он смог использовать даже в Италии недоступные для большинства студентов академии книжные и рукописные материалы.

В 1906 году за свой труд на тему : "Государственное положение Церкви и религии в Италии", получил научную степень магистра богословия. В Риме, как прекрасно владевший итальянским языком, он сблизился с высшим обществом столицы и окружил себя итальянской знатью и молодежью. Однако он не рассчитал своих сил и средств и по ходатайству нашего посла в Италии "за соблазнительное поведение" был уволен с должности настоятеля посольской церкви и отчислен в распоряжение Св. Синода.

Вскоре же "как бы на исправление", Путята был назначен настоятелем посольской церкви в Париже. Но здесь повторилась та же история как и в Риме, и он, обремененный долгами от светской жизни не по средствам, был так же отозван в распоряжение Синода. Связи его при дворе были еще крепки и основательны, не взирая на то, что он был дважды скомпрометирован в глазах русского и заграничного общества.

6 августа 1907 года архимандрит Владимир хиротонисан в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры во епископа Кронштадтского, четвертым викарием С.-Петербургской епархии с поручением заведовать всеми русскими заграничными церквями в Европе за исключением церквей, находящихся в Афинах и Константинополе. Чин хиротонии совершали: митр. СПб и Ладожский Антоний, б. Архиеп.

Тверской и Кашинский Николай, архиеп. Карталинский и Кахетинский Никон, архиеп. Сергей и Северо-Американский архиеп. Платон. 6 февраля 1909 года переименован в третьего викария, 30 декабря - во второго той же епархии.

Я указывал уже выше, что он был исключительно красив, изящен в манерах, с былой еще выправкой, элегантен, обаятелен, с чарующим голосом. Став архиереем, он продолжал быть кумиром в окружающем его дамском обществе г. Петербурга, а своими, играющими огнем, глазами использовал этот успех в своих личных интересах. В ревизионных разъездах по заграничным церквям, он последующие годы продолжал жить "в свое удовольствие", забывая какой ответственный сан он носит на себе. И он снова и "немного" забылся и просчитался. О нем говорили много лишнего и соблазнительного и Св. Синод, под давлением высших внешних сфер, на благо для сего блестящего светского архиерея, переместил его на дальний для него Сибирский край. 18 февраля 1911 года он был назначен епископом Омским и Павлодарским. Те же слабости и наклонности, но уже в меньших масштабах, продолжал он проявлять и в этой степной столице Западной Сибири. Его внешность и здесь стала покорять сердца окружающих.

В Омске о его прошлом ходили легенды, называли его князем Путятой, говорили об его близости к царской семье и с этим считались и здесь... Духовенство, хотя и знало, что он перемещен в Омск не за блистательную церковную административную работу в прошлом, а за какие-то грешки, однако боялось его. Здесь он впервые проявил себя в других формах.

Бывший ухажер и поклонник всего светского, бывший гвардейский офицер, на новом месте стал проявлять себя как "опытный администратор". Эта способность выявилась у него ярко и образно. Он не терпел возражений, был всегда требователен, особенно внедрял в сознание духовенства дисциплину. Его чарующий баритональный и властный голос, иногда дополнял движение его глаз, которые метали порой такие повелевающие искры, что все недосказанное архиереем достаточно восполнялось этим блеском живых черных глаз. Он был дивный брюнет с опущенными бакенбардами под Александра II и все его лицо дышало прежней красотой.

В эти два года пребывания в Омске и чарующий его образ был незабываем для многих женщин, посещавших храм, где он служил и его апартаменты в архиерейском доме. Он любил и умел принимать у себя гостей и тонко разбирался при выборе к себе приближенных. Он не любил долго и много говорить и, тем более, убеждать. Поэтому распоряжения его были краткими, ясными и лаконичными. Резолюции его отличались теми же качествами его души и характера. И за это духовенство также не любило его.

Присматривался ли Св. Синод к его административной деятельности или нет, трудно сказать, но случилась необходимость удалить весной 1913 года из Витебска епископа Серафима Мещерякова, оскандалившегося в своей интимной переписке с игуменьей

местного монастыря, с возведением его в сан архиепископа на Иркутскую епархию, а епископа Владимира перевести с 8 марта 1913 года из обширной богатой епархии в небольшую и мало обеспеченную Витебскую. Владыка Владимир должен был рассматривать это назначение как предупреждение о том, что его карьера на этот раз куется и поддерживается только им самим, а не придворными связями, в силе которых ему пришлось уже разочароваться.

В Витебске он прослужил два года. Эти годы он употребил на укрепление своего пошатнувшегося положения в высших сферах Петербурга. 11 июля 1914 года был возведен в сан архиепископа и перемещен в богатую кафедру Донскую и Новочеркасскую. С первых же дней своего в столицу Войска донского Новочеркасск, он не стал ладить с Наказным атаманом Войска донского. В этом городе произошло в жизни его несчастье. Он сошелся с, блиставшей своей красотой и знатностью, кн. Долгорукой, от которой имел незаконную дочку. Скандал этот вскоре открылся в городе и послужил в год начала всемирной войны (1914 г.) соблазном для всех верующих.

Наказной атаман в сгущенных красках представил Св. Синоду жалобу на nepзoвoлительные деяния архиерея и требовал убрать его как соблазнителя кн. Долгорукой. Под давлением других жалоб и общественного мнения, Св. Синод определил 10 января 1915 года Владыку Владимира перевести на Пензенскую кафедру с явным понижением. Владимир Путята смирился и "тихо" покинул Новочеркасск.

Может быть составитель биографии излишне вникал в подробности его жизни, но это объясняется тем, что он знал его лично, знал близких его по Петербургу и поэтому так свободно вращался в тех воспоминаниях, которые оставил по себе этот самобытный, некогда салонный архиерей в кругу знавших его.

Биография его за этот первый этап "архиерейской деятельности" показывает нам воочию, каким не должен быть архиерей. В Пензе архиепископ Владимир пробыл с 1915 по 1917 гг. Не подчиняясь административным распоряжениям Св. Синода, стал самочинно управлять епархией. По совокупности с жалобами духовенства и верующих Донской и Пензенской епархий, он был в 1918 году судим Собором и лишен сана епископа, но оставлен в монашестве. Священный Всероссийский Собор постановил удалить б. Архиепископа Владимира из г. Пензы "с правом пребывания во Флорищевой пустыни в течение трех лет". Однако он не подчинился решению Собора и не переехал в монастырь, а тотчас же организовал в Пензе "народную Церковь". В срочном заседании Собор в ответ на его беззаконие "за неподчинение и признание канонических правил (как лишенный сана)" отлучил его от Церкви. Подробное описание о его пребывании в Пензе и творившихся безобразиях и беззакониях, им допускаемых, имеется в рукописи "История путятинского брожения в г. Пензе в 1915-1917 гг."

В последующие годы он продолжал свои деяния в Пензе, ездил в столицу, где безрезультатно хлопотал о пересмотре своего дела. Так тянулось это до образования обновленческого раскола и вскоре он присоединился к обновленцам, даже на несколько дней приезжал в Пензу к своим "друзьям", подал заявление в обновленческий Священный Синод о пересмотре своего дела и Президиум ВЦС восстановил его в епископстве и назначил его архиепископом Саратовским. Вскоре он был снова назначен архиепископом Пензенским и членом Священного обновленческого Синода, но в Пензу не поехал. С 1926 года самовольно объявил себя архиепископом Уральским. Однако в его жизни уже начался период пустоцвета и подытоживания. Осенью 1923 года монах Владимир Путята принес келейное покаяние митрополиту Сергию, как Местоблюстителю.

В это время архиепископ Иувеналий (Масловский) Рязанский и Зарайский был назначен членом Священного Синода на летнюю сессию. Автору этой биографии приходилось часто видаться с хорошо знакомым ему Владыкой Иувеналием. В эти же месяцы монах Владимир Путята, благодаря неоднократным увещаниям Владыки Иувеналия о необходимости ему смириться и признать себя виновным, подавал дважды ходатайство в Священный Синод о пересмотре своего дела и о восстановлении в сане епископа. И дважды

митрополит Сергей предлагал архиепископу Иувеналию рассмотрение жалобы Путяты и быть докладчиком Священному Синоду по его ходатайству. Рассмотрение жалобы монаха Владимира Путяты дважды слушалось на сессиях Священного Синода, но каждый раз Св. Синод выносил отказ о восстановлении его в епископстве.

Основной целью всех ходатайств как в Синод, так и в частных письмах к авторитетным святителям российским, была просьба о восстановлении его в сане епископа, а личное его глубокое раскаяние в них отражалось недостаточно искренно.

После вторичного отказа Владимир Путята послал жалобу на Священный Синод Православной Церкви Константинопольскому Патриарху. Как лично хорошо и близко знавший архиепископа Иувеналия, автор этой биографии в те годы был всегда осведомляем Владыкой Иувеналием о деле Владимира Путяты. Не получая ответ из Константинополя, он стал хлопотать о визе на выезд в Константинополь. Но не имея поддержки в лице Местоблюстителя, потерпел и здесь неудачу. В 1934 году Владимир Путята начал служить в григорианских храмах г. Томска. После этого, по представлению Новосибирского Преосвященного, митрополит Сергей и Св. Синод при нем объявили "монаха Владимира Путяту отпавшим от Святой Церкви и лишенным христианского погребения в случае нераскаянности". Под конец жизни он отошел от всяких попыток о своем восстановлении и переехал на жительство в г. Омск, где ранее проживал с 1911 по 1913 г.г. епископом Омским. Верующие узнали его, хотя и значительно постаревшего. Прежние поклонники и почитательницы поддерживали его существование.

Внешне смиряя себя, он имел привычку в воскресные и праздничные дни стоять на паперти среди нищих и с протянутой рукой элегантно громко напоминать о себе великими словами "ради Христа" подайте на пропитание.

Иногда он прибавлял - "потерпевшему за правду". Верующие щедро и с избытком оделяли его деньгами и продуктами. Но постепенно он терял силы, слабел и уже реже стал приходить в храм. Нужда незаметно подкрадывалась к нему, бывшие "друзья" стали оставлять его, стали редеть и ряды бывших поклонниц, и угас он навсегда на глазах и руках немногих из его некогда многочисленных почитателей, так и не раскаявшись в своих церковных преступлениях и личных тяжких грехах. По частным сведениям он был погребен на городском кладбище. Нам неизвестно, кто и в каком храме отпевал его, как монаха. Остается здесь сказать несколько слов о дате его смерти.

По одним рассказам он умер в начале 1941 года, а по другим - в феврале 1936 года. В назидание русскому епископату уделяю еще несколько слов об его служении. Он всегда и везде был верен своему воспитанию, своим привычкам и везде держал свой фасон. Он любил торжественные встречи, величавые служения со множеством сослуживших ему из духовенства. Он любил красивые стильные, оригинальные парчовые облачения. Митры и четки подбирал под цвет облачения. Его мантии поражали богомольцев своим цветом и богатой отделкой. Много лет он собирал разную церковную утварь, услаждаясь иногда лицемерием их. Величавая, благоговейная его поступь во время каждения храма всегда приводила в умиление богомольцев, с замиранием сердца следивших за тихо подвигавшимся среди толпы верующих своего святителя.

Такие моменты вызывали в богомольцах искренние слезы умиления... Он любил парадное пение, но не вмешивался в выборы песнопений, особенно литургических, предоставляя много свободы и действий регентам архиерейских хоров. Годы пребывания его на Витебской кафедре были особенно поучительны, так как здесь он вел жизнь свою скромно. Не хотелось никогда думать, что он был тогда не только не искренним, но и комедиантом, лицемером. Последующие события в его жизни и кошмарные деяния в Пензе заставили многих думать о нем, да верует ли он в Бога, потому что все им содеянное в соблазн верующих, никак не воспринималось верующими и богомольцами тех храмов, где он служил...

Ясно было всем одно, что великий соблазн, посеянный им в сердцах верующих Дона и Пензы ждал Божеского возмездия, которое наступило для него так трагически. При оценке

его личности всегда надо помнить, что он был "сын века сего". Он отдал богатую дань своим современникам, но многое неправильное им содеянное он осознавал и в кругу близких ему каялся, но это было еще до Пензы.

Мы посвятили этой незаурядной личности в среде русского епископата больше страниц, чем предполагали при составлении его краткой биографии, мы не осуждаем его, но освещали все события его жизни по возможности беспристрастно, ибо искренне сожалели о нем по годам знакомства с ним в те годы, когда тень его падения с общественного пьедестала его не грозила ему. А оно оказалось ужасным и в масштабе исторической неповторяемости.

Труды:

"Религиозные преступления и их наказуемость по Русско-Византийскому праву. Кандидатское сочинение. 1901. "Государственное положение Церкви и религии в Италии". Магистерская диссертация. Казань, 1906. Отзыв о магистерской диссертации. "Прав. Собес." 1909, июль-август, с. 12, 16. Сочинения: Литература: "ЦВ" 1907, № 31, с. 295.- 1911, № 10, с. 46.- 1913, № 11, с. 199.- 1915, № 3, с. 22.- 1916, № 52, с. 453.- 1914, № 29, с. 340. "Приб. к "ЦВ" 1907, № 31, с. 1288, 1289.- 1907, № 32, с. 1336.- 1914, № 29, с. 1306.- 1918, № 5, с. 210. "ПС" 1900, апрель, с. 477.- 1900, ноябрь, с. 584.- 1901, март, с. 171.- 1901, декабрь, с. 49, отчет.- 1907, октябрь, с. 44.- 1909, февраль, с. 72, 73.- 1909, июль-август, с. 12, 16.- 1909, март, с. 147.- 1913, декабрь, с. 836.- 1915, февраль, с. 372.- 1916, февраль-март-апрель, с. 329. "Рус. Палом." 1907, № 33, с. 524-526. "ЖМП" 1931, № 2, с. 4.- 1934, № 22, с. 2. "Мисс. Календарь" 1907, с. 131. "Из. Каз. Еп." 1903, № 16, с. 19, отчет.- 1904, № 27-28, с. 900.- 1912, № 41, с. 1242.- 1913, № 7, с. 245.- 1913, № 11, с. 375. "Красный Архив" 1928, т. 26, с. 121-123. "Сибир. Церковь" 1922, № 2, с. 11. "Урал. Церк. Вед." 1927, № 4, с. 12.- 1927, № 6, с. 5. "История Путятинского брожения". Москва, 1956. "Состав Св. Прав. Всер. Син. и Рос. Церк. Иерархии на 1917 год", с. 134-135. "Журнал Заседаний Св. Синода" № 2, от 21. II. 1949. Булгаков, с. 1407, 1412. БЭС т. II, стб. 1701. НЭС т. X, стб. 938. ФАОС дело № 57. ФПС I, № 22, п. 2. ФПС III, с. 2. ФАМ II, ? 1, п. 9. ЕАО-АІ ? 95. Кат.-ЯВ № 80, с. 41. А. Левитин - В. Шавров, Очерки по истории I, 51; II, 51. Регельсон 396.

Должности и места служения

член Собора Полоцкая 08/21.03. 1913 г. 20 век - 11/24.07. 1914 г. 20 век

Пензенская 10/23.01. 1915 г. 20 век - 13/26.11. 1917 г. 20 век

Пензенская 1919 г. 20 век - 20 век

Архангельская 20 век - 20 век (1925?)

Томская 1934 г. 20 век - 20 век

Офицер в рясе был героем-любовником

Владимир ВЕРЖБОВСКИЙ

Всю жизнь Путятю окружали женщины. Самые разные. Будучи принятым при дворе, молодой красивый и пронырливый поручик сумел увлечь великую княжну Елену, дочь дяди императора Николая II.

Первого февраля 1915 года в управление местной епархией вступил высокопреосвященный Владимир, архиепископ Пензенский и Саранский, имя которого и деяния были скандально известны в церковных кругах.

Родился Всеволод Путята, будущий архиепископ, в 1869 году в Смоленской губернии. Был сыном простого дворянина, но многие считали, будто Всеволод происходил из княжеского рода Путят, известного со времен святого князя Владимира.

Окончив московскую гимназию и ярославский демидовский юридический лицей, молодой человек неожиданно поступил вольноопределяющимся в прославленный Преображенский полк. Через пять лет Путята уже в чине поручика был зачислен в Александровскую военно-юридическую академию. Казалось, впереди молодого офицера ждет блестящая карьера военного, но...

Всю жизнь Путятю окружали женщины. Самые разные. Будучи принятым при дворе, молодой красивый и пронырливый поручик сумел увлечь великую княжну Елену, дочь дяди императора Николая II. О том, что княжна могла выйти замуж только за иностранного

принца, Всеволод, конечно, знал.

Однако роман бурно развивался. Конец ему положила беседа с глазу на глаз между великим князем Владимиром Александровичем и поручиком Путяттой, где последнему на выбор было предложено: либо уехать из России, либо пустить себе пулю в лоб.

И тогда Всеволод ушел в монахи, что в высшем свете приравнивалось к смерти. Одновременно Путята поступил в Казанскую духовную семинарию.

Вероятно, монах, получивший имя Владимира, преуспел в учебе, так как по ее окончании был назначен нести службу в Риме.

В Италии Владимир пробыл 5 лет, с 1902 по 1907 год, но женская тема вновь испортила все. Сам Папа Римский дал понять российскому послу, что дальнейшее пребывание любвеобильного священнослужителя в стране нежелательно.

Вернувшись из Рима в Петербург, опальный Путята тем не менее защитил труд на звание магистра богословия. И здесь шикарные женщины всегда были рядом со священнослужителем.

Иерархи церкви задумали послать Владимира на исправление... в Париж. Итог этого мероприятия печален. Скандал, связанный с любовными похождениями Владимира во Франции, получил широкую огласку. Путяте было приказано как можно скорее покинуть Париж.

В России Владимир сменил две кафедры - в Омске в 1911 году и Витебске в 1914 году. Наконец, его отправили в Пензу.

Прошло немногим более месяца, как по городу поползли слухи о конфликте Путяты с духовенством. Вместо того чтобы выезжать на карете под перезвон колоколов и посещать приходские церкви лишь по праздникам, он поутру в пролетке объезжал церкви, когда его не ждали.

Сохранились воспоминания, как однажды Владимир незамеченным вошел в Казанскую церковь. Там стоял гроб с покойником, возле которого о чем-то спорили родственники.

Выяснилось, что местный священник, не получив оговоренной суммы, отказался отпевать умершего. Успокоив родных усопшего, Путята надел обычное облачение священника и сам начал отпевание. Весть об этом облетела всю Пензу.

Иногда во Владимире воскресал офицер. Стоя на кафедре, он мог лихо повернуться на каблуках и произнести: "Мир вам!" громко и достаточно быстро, что для собравшихся звучало как "Смирно!" Да и на пролетке архиепископ мчался во весь дух, раз нельзя было этого делать верхом.

И опять женщины. Мало того, что некоторые поклонницы Путяты приехали вслед за ним в Пензу и поселились здесь, как, например, некая мадам Измайлова с дочерью, так еще и местные представительницы прекрасного пола тоже были без ума от этого красавца. "Высокого роста, прекрасно сложенный, с великолепной фигурой, этот почти 50-летний мужчина сохранил военную выправку, отчего казался намного моложе своих лет.

Его старила седина, но она же и украшала, так как черная с проседью библейская борода очень ему шла, а орлиный нос и горячие живые черные глаза делали его лицо иконописным, а вместе с тем молодым и красивым" - так описывал Путяту один из современников.

Собеседникам Владимир жаловался на отсутствие в Пензе хорошеньких женщин. Возможно, поэтому он часто посещал первую женскую гимназию, где подолгу общался с девушками старших классов.

В архиерейском доме также нередко собирались дамы. Захаживала туда и графиня Толстая с 16-летней дочерью Лелей. Владимир и сам бывал у Толстых, предложив давать девице уроки закона Божия. Закончилось все очень скверно. За растление дочери мать выгнала змея-искусителя из дома, а сама подала жалобу в Святейший Синод.

Случилось это в апреле 1916 года. Разбирательство о соведении несовершеннолетней Елены длилось долго. И только в марте 1917 года Синод вынес решение об отстранении Владимира от Пензенской кафедры и "необходимости в целях общего блага уволить его на

покой". Путята определили трехгодичное покаяние во Флорищевой пустыне.

Авантюрист по складу характера, Владимир не захотел покоряться такому решению и... объявил себя революционером. Представителям же советской власти он пояснил, что станет осуществлять в церкви "большевизм". Это был поистине иезуитский трюк. Сам Патриарх дважды телеграммой вызывал Путяту в Петербург. Но тот, сказавшись больным, не поехал. Тогда в апреле 1918 года Владимира заочно лишили архиерейского сана, а в Пензу назначили епископа Иоанна (Поммера).

Только Путята не собирался никуда уезжать. Более того, он со своими сторонниками не пустил вновь прибывшего архиерея в собор. Однако это тема для отдельного разговора, касающегося церковного раскола в Пензе.

Последней пензенской любовницей Путяты была Вера Колычева. Но и эта связь закончилась трагически. В марте 1922 года Вера умерла во время родов. Роман между ней и Владимиром длился несколько лет. По свидетельствам очевидцев, голубоглазая блондинка небольшого роста "влюбилась в красавца старика, покоровшего ее даже не внешностью, а обаянием и умением обходиться с дамами".

Гроб поставили в церкви Святого Митрофана, но Владимир приказал перевезти его в собор. Ночью он сам читал псалтырь по умершей, на груди которой лежал мертвый ребенок Афанасий - сын Владимира Путяты.

Вскоре после похорон Владимир навсегда покинул Пензу. Свою жизнь он закончил в городе Вятке, всеми забытый.

По материалам "Истории путятинской смуты в городе Пензе в период 1917 - 1922 гг., а затем и вне Пензы в 30-е годы" и "Пензенских епархиальных ведомостей".